

080

Т. М. ПОЛЯКОВА

Менталитет

ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА

ЦИМО

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Центр по изучению межнациональных отношений
Института этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Т. М. ПОЛЯКОВА

МЕНТАЛИТЕТ
ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА
(Опыт России)

Под редакцией **М. Н. Губогло**

Москва, 1998

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор, академик
Международной Академии информатизации В. М. ГОРОХОВ

доктор философских наук, профессор, Действительный член
Академии политической науки В. А. КУЛИНЧЕНКО

кандидат политических наук, доцент, Член-корреспондент
Международной Академии информатизации В. Ф. ПЕНЬКОВ

Полякова Т. М.

Менталитет полиэтнического общества (Опыт России) / Под
редакцией М. Н. Губогло. М., 1998. 424 с.

ISBN 5-201-13723-7

Выход в свет книги, раскрывающей содержание, смысл, происхождение и значение понятия «менталитет», как развивающегося феномена общественно-политической жизни, сопровождается характеристикой трансформационных процессов, происходящих в многоэтническом российском обществе как на институциональном, так и на личностном уровнях.

Обширный литературный и социологический материал позволил создать убедительную панораму политических процессов в современной России, определить взаимозависимость реализации политических стратегий и технологий с обновлением менталитета, выявить роль конституционного права в переходе от основ тоталитаризма к принципам демократии, раскрыть взаимосвязь между менталитетом и расслоением электората, выявить роль обновляющегося менталитета в становлении гражданского общества, как необходимого условия в сохранении государственной целостности России в утверждении межнациональной солидарности.

ISBN 5-201-13723-7

© Институт этнологии и антропологии РАН, 1998

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Генезис понятия «менталитет». Историко-философский и политологический аспекты проблемы менталитета	
1.1. Природа, генезис и эволюция понятия «менталитет»	21
1.2. Менталитет как феномен общественно- политической жизни	63
Глава 2. Менталитет – развивающийся феномен общественно-политической жизни	
2.1. Проблемы выбора путей трансформации общества и менталитет	91
2.2. Общественно-политический потенциал личности и общества как основа для изменения менталитета	108
2.3. Влияние менталитета на процессы адаптации общества в новых социально-политических условиях	122
2.4. Преемственность в процессе общественно- политического развития – необходимое условие изменения менталитета	132
Глава 3. Политические процессы в современной России и менталитет общества	
3.1. Психологические аспекты массового сознания и политический процесс 80–90-х годов	154
3.2. Влияние менталитета общества на процесс политического расслоения электората	190
3.3. Менталитет, политическая культура и ценностные ориентации общества	204

3.4. Роль менталитета в становлении современного гражданского общества как важнейшего условия обеспечения единства народов Российской Федерации	216
Глава 4. Реализация политической тактики и стратегии в контексте ментальности	
4.1. Политическая стратегия и тактика как необходимое условие поступательного развития общества	236
4.2. Конституционное право как форма обеспечения идентичности субменталитетов социентальных общностей субъектов Российской Федерации и стратегические перспективы развития страны	253
4.3. Роль менталитета в формировании политической стратегии и стабилизации политической системы в условиях трансформации российского общества	277
4.4. Политическая власть как легитимное насилие в условиях трансформации общества	293
Глава 5. Системная адаптивность политических решений к ментальности	
5.1. Проблемы достижения устойчивости политической системы и менталитет социума	310
5.2. Проблемы становления политической субъектности	325
5.3. Эффективность политического управления и конфликт ценностей в условиях трансформации российского общества	336
5.4. Проблемы социального и политического регулирования в условиях трансформации российского общества и менталитет	343
Заключение	368
От редактора. Деинфантилизация менталитета (Вместо послесловия)	376
Источники и литература	390

Мы принимаем решения, не зная о сущности ментальности, не учитывая ее колоссальной силы, невнимание к ментальности и культуре, понимаемой в антропологическом смысле, мстит нам.

(А. Я. Гуревич)¹

Введение

Среди важнейших задач современной отечественной политологии – разработка теоретических и методологических подходов к проблемам создания механизма политического регулирования и прогнозирования политических процессов в условиях трансформации российского общества.

Накануне XXI в. Россия оказалась в драматической ситуации выбора оптимальных путей дальнейшего развития. Сложности адаптации общества и человека к новым политическим и социально-экономическим условиям, углубление кризиса всех сфер жизни Российской Федерации указывают на инверсионный характер большинства управленческих решений политической власти. Не подтверждают претензий на универсальность заимствованные методы и парадигмы реформирования политической системы России. Не способствует повышению эффективности политического управления применение социальных и политических регуляторов, чуждых российскому обществу. Отсутствие системной социальной стратегии политической власти Российской Федерации, которая охватывала бы все сферы общества, конъюнктуру большей части политических действий не позволяют совершенствовать и стабилизировать государственное управление, упорядочить процессы утверждения федерализма, оптимизировать этнополитические процессы.

Социально-психологическое состояние многонационального общества Российской Федерации характеризуется крайней напряженностью. Растет социальный дискомфорт, усугубляющийся обстановкой хозяйственных аномалий, снижением жизненного уровня. Несмотря на осознание большей частью населения объективности и необходимости перемен, сдерживающим адаптации

---

¹ См.: Гуревич А. Я. *Логика политики или логика познания?* // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг Школы «Анналов». М., 1993. С. 199.

онные процессы фактором может выступать ментальность общества, чуткая к навязыванию чуждых традиций.

Политическое противостояние, электоральная борьба и конфликты, экономические и духовно-нравственные проблемы, возникшие в ответ на отказ официальных государственных структур от прежних ценностей, негативно влияют на состояние нравственного климата и на эффективность политического управления в стране. Новая политическая система испытывает немалые трудности в политическом рекрутировании и приобщении общества к новым ценностям. Расхождения в ориентациях на переход от современного состояния к разным вариантам социального устройства (к разным вариантам будущего) являются ведущим фактором идейного размежевания социально-политических сил и фактором центробежных тенденций в Российской Федерации. В конечном счете угрожают целостности российского государства.

Данная работа посвящена проблемам влияния менталитета общества на современный политический процесс, связанный с утверждением новой политической системы России, строительства федеративного Российского государства.

Изучение и осмысление проблем влияния менталитета общества, как косвенного, так и прямого, на политико-управленческие процессы, формирование политической и правовой систем общества, диктуется, во-первых, необходимостью поиска оптимальных путей становления и стабилизации современной политической системы российского общества, выработки политической стратегии и тактики, обеспечения поступательного развития государства и общества.

Во-вторых, в процессе трансформации российского общества, сопряженной с трудностями взаимoadaptации социума и человека в новых социальных и политических условиях, становится актуальной проблема эффективного политического управления с учетом ментальности населения.

В-третьих, изучение указанных проблем востребовано в связи с процессами гуманизации науки и политики в современном мире, в связи с рассмотрением проблем развития человеческого общества с позиций ценности личности.

Актуальность темы, таким образом, обусловлена возрастающей значимостью теоретико-методологических, компаративистских, политологических исследований инфраструктуры современного общества Российской Федерации, функционирования

общества и государства в целях решения насущных жизненно важных, в том числе политических проблем.

Несмотря на то, что в отечественной и зарубежной науке, исторической, политологической, социально-философской, социологической мысли проблематика проявления национально-духовных структур в устройстве вещного мира, в том числе социума и государства, в ходе поисков путей рационализации и оптимизации социального и политического управления является одной из центральных, начиная с конца XIX в.; Теоретические изыскания в этой области не оказали сколько-нибудь заметного влияния на политическую практику. До настоящего времени рассуждения о функционировании ментальности, менталитета в общественной жизни остаются предметом философии, истории. В то же время на основе эмпирических данных неоднократно было показано, что менталитет общества, системы ценностей, традиции народа – в целом социокультурные факторы, нередко выступали, своего рода, тормозом на пути преобразований по заданным моделям. Прямое или косвенное влияние этих факторов просматривается в формировании и развитии политической системы любого государства, согласно менталитету осуществляется функционирование любого этноса, менталитетом обуславливается образ жизни отдельных людей и целых народов, «специализация» государства.

Итак, вопросы влияния менталитета общества на функционирование всех сфер его жизнедеятельности, в том числе на политику и политико-управленческие процессы, до настоящего времени в специальной постановке в политической науке не рассматривались. Проблему влияния социокультурного фактора на общественно-политическое бытие, решали представители отечественной мысли разных позиций, ориентаций в едином русле «русской идеи», «русского призвания», идеи «бытия между Востоком и Западом», в сфере «субъективного, объективного и абсолютного духа»: в сознании, экономике, праве, государстве, искусстве, религии, философии. Известно, что русская политическая философская, историческая мысль имманентно антропоцентрична, историософична, социоцентрична, этична, обращена к человеку (славянофилы, П. Аввакум, А. Герцен, П. Чаадаев, Н. Данилевский, В. Розанов и др.). Во второй половине XIX – начале XX вв. к ней обращались философы, социологи, писатели. Приведем некоторые примеры. Это мысли Ф. Достоевского о

том, что без опоры на историческое и нравственное самосознание народа невозможно глубокое преобразование жизни, что народ — не «чистая доска», на которой интеллигенция вправе писать свои письма, народ — субъект истории. Это идеи Л. Толстого о возрождении человека, народа, человечества; его теория народа как субстанции истории, как стихийной «роевой» силы, бессознательно направляющей ход исторического развития. Известны труды об истинной русской идее, связанной с характером народа, который выступал против национального эгоизма, ложного патриотизма, против эгоистического абсолютизма государства, неизбежно теряющего в этом случае свое основное назначение — социальную деятельность. Н. Бердяев неоднократно писал о противоречивости русской души, русской самобытности, природно-исторических чертах русской стихии, национальном бескорыстии и нешовинистичности, вечной духовной борьбе восточного и западного миров. Современные мысли о роли творческой активности человека в возрождении России (Н. Бердяев, С. Булгаков); о необходимости реализации творческих возможностей человека и народа, ибо подавление потенциала чревато трагедией (С. Булгаков). Продуктивны идеи Д. Мережковского о всепоглощающей силе революций, способной обречь на гибель в большей степени «смертное тело» народа — государство, нежели «вечную душу народа»; Н. Лосского — о мире как органическом целом, об укорененности реального мира событий в идеальном бытии; Г. Федотова о политичности национального самосознания, об укорененности национального душевного склада, который не в состоянии «пересоздать» самая радикальная идеологическая катастрофа, о пагубности «организации» культуры, свободы мысли, слова в тоталитарно-тираническом государстве. В связи с потребностями политической и экономической практики на первый план выдвигались те или иные идеи, продиктованные «общественной необходимостью», которые носили, как правило, временный характер, если не согласовывались с социокультурным бытием народа». Постепенно уходил в прошлое доминировавший когда-то исключительно силовой способ решения проблем.

В XVIII–XIX вв. в отечественной и зарубежной литературе доминировал интерес к обществу в целом и законам его функционирования и развития. На завершающей фазе этого периода возник ряд политологических, социально-философских и социологических теорий (И. Канта, И. Г. Гердера, О. Конта, К. Маркса,

Э. Дюркгейма, М. Вебера). Любая известная теория пыталась сформулировать универсальные выводы относительно индивида как субъекта или объекта политических отношений². В теориях преобладал рациональный фактор управления обществом, который в противовес социальному, низводит до объекта роль индивида в политическом процессе. Ситуация стала меняться в самом начале XX в. На этот период пришлось противостояние парадигм теории управления с точки зрения «закрытой» и «открытой» систем и действия рационального и социального факторов³.

Первый этап развития теории и практики управления за рубежом по принципу «закрытой» системы и при доминировании рационального фактора связан с именами Фредерика У. Тейлора, М. Вебера. Для второго этапа было характерно внедрение в «закрытую систему» социального фактора (Мэйо, Бернард, Селзинг). В связи с развитием теории «открытых систем» (Чандлер, Лоуренс, Лорш) фактор рациональности в значительной степени продолжал сохранять свои позиции. Лишь с начала 70-х годов и в настоящее время ведутся серьезные исследования «открытых систем» и исследуется роль социального фактора в управлении в целом и в политическом управлении, в частности. (Уэйк, Марч, Х. Арендт, Д. Белл, К. Поппер и др.)

Еще одна парадигма, признающая существование двух школ управления – *классической*, рассматривающей человека как средство достижения управленческих задач и целей, отводя ему роль механизма, и *поведенческой*, базирующейся на учете социального фактора. В отечественной науке в 20-е годы велись интенсивные разработки, связанные с именем А. К. Гастева, в основном применительно к экономической сфере, где человеку отводилась роль творящего субъекта⁴. В это же время влияние менталитета социума, ментальности как характеристики конкретного общества, влияющей на исторический процесс, рассматривается в работах представителей французской Школы Ан-

---

² См.: Гайденоко П. П. Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. 1991. № 6; Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 1992. № 6; Мудрагей Н. С. Рациональное и иррациональное – философская проблема // Вопросы философии. 1994. № 9; Черняк В. С. Мифологические истоки научной рациональности. Там же.

³ См.: Скотт Р., Питерс Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления. Пер. с англ. / Общ. ред. Л. И. Евенко. М., 1986. С. 131.

⁴ См.: Корицкий Э. Б., Лавриков Ю. А., Омаров М. А. Советская управленческая мысль 20-х годов. М., 1990.

налов. Управленческая мысль в основном именно с этого рубежа эволюционирует от рационального фактора к социальному, хотя до 60-х годов управленческая практика в большинстве стран мира базировалась на принципах систем «закрытого» типа.

Получившее с 30-х годов распространение в советской науке убеждение о возможности «научного управления социалистическим обществом» объединяет различные поколения отечественных теоретиков и практиков управления⁵. В рамках этого направления можно выделить несколько дефиниций его толкования, в зависимости от целевой установки авторов. В работах В. Г. Афанасьева, А. С. Ахиезера, А. К. Белых, Д. М. Гвишиани, Д. Н. Каношина, М. С. Кветного, Т. В. Керимовой, Л. Н. Суворова и др. управление рассматривается как вид человеческой деятельности, в котором отражены ее общие правила и процедуры. «Деятельностный подход» в отечественном обществоведении в период 1960–1980 гг. не вполне согласовывался с официальной идеологией и внес мало нового в политико-управленческий процесс. Нормативистское направление, учитывающее действие, прежде всего, рационального фактора, связано с именами ученых, которые наряду с описанием общих принципов управления концентрировали внимание на специфических методах совершенствования управления (А. Г. Аганбегян, О. А. Дейнеко, А. И. Китов, Л. Д. Кудряшова, Ю. М. Козлов, Е. С. Фролов, А. М. Омаров, Г. Х. Попов, Ю. А. Тихомиров и др.). Потребность в оптимизации социального управления в связи с новыми достижениями науки и перспективами развития общества постепенно приводит ряд ученых к убеждению о необходимости междисциплинарных исследований в этой области. Экономисты и юристы, психологи и социологи, отраслевые специалисты вели поиск применения достижений своих наук в социальном управлении⁶. Хотя нередко на практике эффективное управление связывалось, главным образом, с успешной деятельностью руководителей, наука продолжала развиваться в сторону осмысления специфики социального и политического управления, изучения роли раз-

---

⁵ Легнер В. А. Идеология и квазинаука // Философские исследования. 1993. № 3. С. 68; См. также Легнер В. А. Наука, квазинаука, лженаука // Вопросы философии. 1993. № 2.

⁶ См.: Игнатьев А. А. Ценности науки и традиционное общество: социокультурные предпосылки радикального политического дискурса // Вопросы философии. 1991. № 4.

личных факторов, влияющих на этот процесс, в том числе социокультурных, а также взаимовлияния теории и практики, признания политико-управленческой деятельности в значительной мере искусством. Это труды А. Г. Венделина, В. В. Дружинина, Д. С. Конторова, Г. А. Жебита, Б. З. Мильнера, А. И. Пригожина, М. С. Хана, Р. Д. Хунагова и др. В этом же плане построены работы обобщающего характера, в которых анализировался опыт управления в нашей стране и за рубежом (исследования Р. Акоффа, Л. И. Евенко, Б. З. Мильнера, У. Оучи, Х. Окумуры, Т. Питерса, Р. Уотермена, В. И. Терещенко, Г. П. Щедровицкого и др.).

Во многом под воздействием знаний, которых придерживались представители классической школы и сторонники методологии технологического детерминизма, в 50–60-е годы сложились теории модернизации, рассматривавшие развитие всех стран и народов как универсальный процесс, имеющий одни и те же закономерности⁷. В основном под воздействием практики теории модернизации (Б. Хиггинс, Дж. Джермани, М. Леви и др.) в конце концов пришли к выводу, который состоял в том, что успех реформ зависит не только от способности политической элиты обеспечить стабильность общества, но и от того, насколько учитываются накопленный опыт работы и традиции общества, «национальная специфика»⁸. В конце 60-х годов эти выводы были подтверждены на практике в связи с массовыми движениями протеста против преобразований по западным моделям в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Таким образом, с начала XX в. и вплоть до 60-х годов принципы управления и в политике, и в экономике мыслились для применения их в системе «закрытого» типа. Другие направления социально-философского, политологического и социологического анализа (например, марксизм и фрейдизм), которые ставили акцент на познании «общих закономерностей» социально-исторического развития и культуры и выводили из них рациональные и иррациональные принципы организации и управления социальными организмами, постепенно теряли свой эвристический потенциал. В связи с развитием общества и науки, информационных технологий все сложнее было, ограничиваясь рамками догматизированного марксизма объяснять формирова-

⁷ Aron R. *Trois essais sur l'age industrielle* P., 1966. P. 60–61, 93

⁸ Black C., Jansen M.B. e.a. *The Modernization of Japan* M.B. e.d. *The Modernization of Japan and Russia: A Comparative Study*. N. Y., Lnd., 1975.

ние политико-управленческих механизмов и причины трансформации современного индустриального общества ⁹.

Попытку спасти либерально-технократические идеи экономического роста в условиях кризиса индустриальной модели развития предприняли неоконсерваторы (Н. Глейзер, Ж. Эллюль и др.), которые сумели соединить консерватизм и либеральный технократизм, обратив внимание на *социокультурные аспекты* в развитии общества. «Новые правые» уделили серьезное внимание социокультурным проблемам (Робар де Эрт, ряд ученых ФРГ). Мысль о разнообразии путей и нелинейности развития в будущей цивилизации выразил О. Тофлер. Ученых 60–70-х годов воодушевила идея о возможности «человеческой революции», которая, по словам А. Печчеи ¹⁰. Должна «продвинуть наше собственное развитие и дать нам возможность ввести механизмы взаимного приспособления между человеком, его обществом и окружающей средой».

По мере перехода от индустриального к постиндустриальному обществу в немарксистской политологии и социологии наметился поворот к поиску *новой парадигмы социального знания* ¹¹. Накопление новой информации о социальных и политических организациях, дало импульс для развития политологии, ориентирующейся на совершенствование политической организации общества и политического управления, повышение эффективности политических институтов, достижение устойчивости политической системы.

Во второй половине 80-х годов складывается концепция «модернизации в обход модернити» – модернизации при сохранении национальной культуры без жесткого навязывания другим обществам западных ценностей (А. Абдель-Малек, А. Турен, Ш. Эйзенштадт и др.) ¹².

⁹ См.: Макаренко В. П. Марксизм: Идея и власть. Ростов на Дону, 1992.

¹⁰ См.: Peccei A. One Hundred Pages for the Future: Reflections of the President of the Club of Rome. N. Y., 1981. P. 167–191.

¹¹ См.: Современная западная социология: классические традиции и поиски новой парадигмы. М., 1990.

¹² См.: Abdel-Malek A., Huynh Cao Tri, Rosier B., Le Thanh Khoi. Clés pour une stratégie nouvelle du Développement. P., 1984; Touraine A. Modernity and cultural Specificities / Modernity and Identity: A Symposium. Culture, Economy and Development // International Social Science Journal. P., 1988. November. P. 118–443.

После 1985 г. появился ряд трудов отечественных ученых, в которых разрабатывается теория бюрократизации в разных аспектах (Н. М. Блинов, Ю. Г. Волков, В. П. Макаренко, А. В. Бузгалин, А. И. Колганов, Б. П. Курашвили, Ю. А. Левада, Э. Мендела, С. А. Никольский, Л. А. Седов, В. П. Шубкин и др.). В отечественной литературе 80-х годов постепенно ослабевает действие стереотипов политико-управленческой практики и теории тоталитарного общества. За рубежом этот период связан с трансформацией базисных макросоциологических представлений, унаследованных от классических теорий К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма¹³ в связи с наступлением эпохи информатизации.

В 90-е годы в России в процессе поисков новой парадигмы политического управления предлагается несколько подходов к трансформации российского общества. Однако большинство из них связываются с субкультурами левого и лево-либерального происхождения. При этом, пути достижения целей понимаются по-необольшевистски – как война «демократических гегемонов» с косным большинством при крайней беззаботности «демократов» по части проблем государственного строительства и государственной целостности России¹⁴. Предпринята не одна попытка под прикрытием идеи «гуманизации всех сторон жизни» воспроизвести с примерной точностью западные идеологические схемы вестернизации периода социального оптимизма 50-х годов¹⁵. При этом, указанная версия преобразований квалифицируется как «институциональная» или «организационная», то есть имеющая объектом своей озабоченности организационные формы, а не ценности людей¹⁶. Незападные структуры представляются реформаторам лишенными потенций для динамичного саморазвития и вынужденными – во имя выживания –

---

¹³ См.: Шербина В. В. Что такое организационная экология? // Социологические исследования. 1993. № 2; Кравченко К. А. Исследование организаций за рубежом // Социологические исследования. 1994. № 8–9.

¹⁴ Панарин А. С. Соблазн западничества и аскеза евразийства // Россия после августа 1991: Цивилизационные, политические и культурные дилеммы. М., 1993. С. 6.

¹⁵ См.: Ерасов Б. Одномерная логика российских модернизаторов // Общественные науки и современность. № 2. 1995. С. 68.

¹⁶ См.: Ахиезер А. Ценности общества и возможности реформ в России // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 27; Герасимов И. Российская ментальность и модернизация // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 63.

адаптироваться к вызову эпохи. В противном случае им, якобы, грозит превращение в очаги застоя, в «этнографический материал» для «мировой цивилизации» и «вынужденное освобождение пространства» с его ресурсами. Нередко предлагается «изменить вектор развития России, определившийся за целые столетия господства государственного деспотизма после татаро-монгольского ига, которое выбило Русь из общего русла прогресса европейской цивилизации»¹⁷. По мнению приверженцев этой точки зрения, Россия должна изменить свой геополитический и цивилизационный облик, а во многом и характер самого народа, представленного «многочисленными, но отсталыми группами и слоями» (В. В. Витюк, Л. А. Гордон, В. Н. Дахин, В. В. Иванов, В. Б. Пастухов). Призывы к «смене цивилизации», «преодолению позорного прошлого» через «идентификационную смерть» входят в научный оборот¹⁸.

В научный оборот также, не без труда, но проникает идея специфичности и многообразия процессов трансформации общества, в зависимости от среды, а также идея цивилизационного своеобразия, присущего всей мировой истории¹⁹ (Е. И. Дискин, Т. И. Заславская, В. Н. Келасьев, М. А. Мунтян, Л. В. Никифоров, З. В. Сикевич). Третьей разновидностью является «евразийская идея» России как особого типа незападной цивилизации, объединяющей в рамках единого принципа жизнестроения, геополитическое пространство от Балтики до Тихого океана (А. Берелович, С. И. Дука, П. М. Китаев, В. Н. Томалинцев).

В поисках *новых оснований цивилизационного мышления*, все больше ученых приходят к пониманию того, что цивилизационный разум нашего времени должен выступать с позиций гуманистической рациональности (А. Эйнштейн, Б. Рассел, А. Сахаров). Складывается такая ориентация общественного сознания,

---

¹⁷ См.: Красильщиков В. А., Зиборов Г. М., Рябов А. В. Шанс на обновление России (зарубежный опыт модернизации и российские перспективы) // Мир России. № 1. 1993. С. 105; Красильщиков В. А. Модернизация России: традиции и новые ценности // Россия после августа 1991: Цивилизационные, политические и культурные дилеммы. М., 1993. С. 23–28.

¹⁸ См.: Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993; Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1994; Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1994. № 1.

¹⁹ См.: Риск исторического выбора в России (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. № 5. 1994.

которая отдает предпочтение не технико-технологическим или идеологическим фетишам, но человеку. Степень его свободы рассматривается как главный критерий социального разума, но, однако, с точки зрения действия принципов универсализма.

Слабо разрабатывается проблема роли социокультурного фактора в общественно-политических преобразованиях. Несмотря на то, что *менталитет социума*, ранее рассматривавшийся как тип коллективного мышления «примитивных» обществ²⁰, все более привлекает отечественных и зарубежных ученых как наиболее общая, константная, относящаяся к глубоким и долговременно существующим слоям бытия социума часть информации, циркулирующей в обществе, в прямых или превращенных формах оказывающая влияние на его социокультурное бытие, формирование и функционирование экономического строя и политической организации. Однако в этой области не предпринято пока попыток серьезных междисциплинарных исследований.

Немалый вклад в разработку историко-философского аспекта проблемы менталитета внесли представители французской Школы Анналов, а также отечественные ученые А. Я. Гуревич, Б. В. Марков, В. Н. Шапошников, В. И. Каратаев, Я. В. Соколов и др.

Заслуживают внимания постановка методологических проблем функционирования менталитета в общественно-политической сфере и его роли в формировании политических, правовых, социальных, духовных основ общества²¹. Характерной особенностью этих трудов является ориентированность их авторов на западные или восточные модели реформирования общества. В этом же ключе предлагается ряд трудов по пробле-

---

²⁰ См.: *Леви-Брюль*. Первобытное мышление. М., 1930; *Levi Strauss C.* Rase et Histoire. P., 1952.

²¹ См.: Аспекты модернизации постсоветского пространства: к вопросу о создании Евразийского союза. М., 1994; Российский менталитет: история и современность. Сб. науч. трудов. (История и политология) Вып. 2. СПб., 1993; *Егоров В. В.* Проблема менталитета в условиях преодоления наследия тоталитаризма // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Пермь, 1992. С. 118–119; *Ефремов О. А.* К вопросу о специфике российской модернизации // Проблемы социальной философии. М., 1995. С. 52–72; *Тарановский Т.* Идеологические и структурные препятствия на пути к реформе у русской автократии XIX века // Россия в XX веке. М., 1994; *Демидов А. В.* Российская модернизация XX века: цели, результаты, перспективы. М., 1995.

мам утверждения федерализма в России²². Чаще всего, как эталон, как основа, рассматривается традиционная, американская модель федерализма. Наряду с этим, иное видение федерализма в России основывается, прежде всего, на принципе федерализма, что всего ближе к нашей позиции²³. Немалый вклад в разработку проблем истории национальных отношений, роли этнического фактора, систем ценностей менталитетов разных народов в условиях трансформации общества внесли Р. Г. Абдулатипов, Ю. В. Бромлей, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижева, А. А. Знаменский, В. А. Михайлов, В. А. Тишков, Ю. И. Семенов.

Примечательны те из работ, которые делают попытку приписать феномену менталитета политическую «окраску», выявить связь политики, политического и менталитета социума²⁴. К этой же группе относится литература, рассматривающая соотношение политической, правовой культуры и менталитета, их взаимосвязи и взаимовлияния. Однако нередко политическая культура в «связке» с менталитетом подвергается «натурализации», ей приписываются черты «неотъемлемого, чуть ли не природного признака того или иного народа»²⁵. Другая крайность, непо-

---

²² См.: Барсамов В. Национальная политика в российских республиках: эволюция последних лет и перспективы // ОНС: Общественные науки и современность. М., 1994. № 6. С. 103–111; Региональные особенности межнациональных отношений: Материалы межвузовской науч. конф., посвящ. международному году коренных народов. Якутск, 1994; Паин Э. А. Сепаратизм и федерализм в современной России // Куда идет Россия?.. М., 1994. С. 159–171; Поздняков Э. А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М., 1994; Доронченков А. И. Межнациональные отношения и национальная политика России: актуальные проблемы теории, истории и современной практики: Этнополитический очерк. СПб., 1995; Аринин А. Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века // Федерализм власти и власть федерализма / Отв. ред. М. Н. Губогло. М., 1997. С. 6–107.

²³ Абдулатипов Р. Г. Парадоксы суверенитета: Перспективы человека, нации, государства. М.: Славянский диалог, 1995; Сухарев А. И. Основы регионологии. М., 1996; Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М., 1995.

²⁴ См.: Петренко В., Митина О. Психосемантическое исследование политического менталитета // ОНС: Общественные науки и современность. 1994. № 6.

²⁵ См. подробнее: Философия власти: Гаджиев К. С., Ильин В. В., Панарин А. С., Рябов А. В. / Под ред. В. В. Ильина. М., 1993; Пашин В. П. К вопросу взаимосвязи российского менталитета и современного законодательства // Актуальные проблемы современного права. М., 1995. С. 58–60; Petrenko V., Mitina O., Brown R. The semantic space of Russian political parties on a federal and regional level // Europe – Asia studies. Glasgow, 1995. Vol. 47. № 5. P. 835–857; Соколов Я. В. Формирование менталитета советских граждан // Российская повседневность 1921–1941. СПб., 1995. С. 67–74.

средственно связанная с предыдущей, – постановка под сомнение наличия у российского общества политической культуры и существования в России гражданского общества²⁶. Научные изыскания, прогнозы, выводы социально-политических исследований зачастую строятся на противопоставлении «традиционной» цивилизации либеральной. При этом противопоставляются реальный тип функционирования общественной системы, или «исторически сложившийся порядок», определенный через его базисные свойства, и проект, весьма иллюзорный²⁷.

Немногочисленна специальная литература о влиянии социокультурных факторов на политическую власть. Как правило, в ней обосновывается необходимость или возможность утверждения авторитарного политического режима в целях обеспечения дальнейшего продвижения общества по пути реформ²⁸. Не уделяется должного внимания вопросам прогнозирования развития российского общества²⁹.

В данном исследовании автор опирается как на работы теоретического плана (политологические, исторические, философские, социологические, психологические, этнологические исследования), так и на теоретико-прикладные, эмпирические (М. М. Бахтин, В. С. Библер, Е. П. Блаватская, В. И. Вернадский, Л. С. Выгодский, В. М. Горохов, М. Н. Губогло, Л. Н. Гумилев, А. Г. Здравомыслов, З. М. Зотова, В. Н. Иванов, В. П. Казначеев, Н. С. Ка-

---

²⁶ См.: Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1994; Российская ментальность. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1994. № 1; Лимонов В. А. Особенности развития политической культуры и правового сознания российского общества в XX веке // Российский менталитет: история и современность. Сб., науч. трудов (История и политология). Вып. 2. СПб., 1993. С. 69–72.

²⁷ См.: Дилигенский Г. Г. Динамика и структурирование политических ориентаций в современной России // Куда идет России?.. М., 1994. С. 70–80.

²⁸ См.: Петров В. К. Состоится ли шестая Россия? Русские модернизации: «особые» отношения государства и общества // Общество и экономика. № 5. М., 1995. С. 3–12; Егоров В. В. Проблема менталитета в условиях преодоления наследия тоталитаризма // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Пермь, 1992. С. 118–119; Баланс и разделение политической власти в полиэтнических обществах. Материалы конференции 25–27 января 1993 г. / Под ред. Уокер Л., Стерна П. М., 1993.

²⁹ См.: Кондаков И. В. Национальный менталитет и прогнозы развития России // Россия после августа 1991: цивилизационные, политические и культурные дилеммы. М., 1993. С. 76–82; Потемкина В. Н., Шинкарева К. С. Философия внутреннего вандала. Уфа, 1993; Белгородская Л. В. Цикличность в истории и русский менталитет // Циклические процессы в природе и обществе. Ставрополь, 1993. С. 139–140.

пустин, Б. М. Кедров, В. С. Комаровский, В. А. Кулинченко, Н. И. Лапин, Э. Леруа, В. Т. Лисовский, Н. Н. Моисеев, М. К. Мамардашвили, Г. В. Осипов, А. С. Панарин, И. Р. Пригожин, С. В. Рогачев, Ю. И. Семенов, Г. Ю. Симягин, П. Тейяр де Шарден, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, В. Ф. Халипов, А. Л. Чижевский, В. А. Ядов)³⁰.

Концептуальные трактовки менталитета весьма разноплановы, что свидетельствует о сложности и многомерности исследуемого феномена общественно-политической жизни. В литературе проблема функционирования менталитета в обществе, его влияние на все сферы жизнедеятельности, далеко не в полной мере соотносится с политическим бытием человека, общества. Не изучена система связей между различными политическими субъектами, носителями менталитета, характерного для российского общества как политически и культурно однородной целостности, а также носителями субменталитетов (народ, этнос, социальная общность субъекта Российской Федерации и др.), детерминирующая характер современного политического процесса. Исследования политической субъектности, влияния социального фактора на политику и менталитетов социальных общностей ведутся автономно, хотя объективно обусловленные зависимости между ними очевидны.

В работе выявлено многообразие и синкретизм субменталитетов социальных (социентальных) общностей российского общества, основанных на имплицитных ценностях, верованиях, традициях, моделях поведения, коллективных представлениях, над которыми надстраиваются все рациональные идеологические системы, и основываются политические модели национально-государственного устройства, в том числе взаимоотношения между субъектами Российской Федерации, модели функционирования политических элит, развиваются политические процессы, связанные с утверждением федерализма в России.

---

³⁰ См.: Губогло М. Н. Развивающийся электорат России. Этнополитический ракурс. Т. 1. М., 1996; Михеев В. А. Социально-политическая стратификация общества. М., 1996; Симягин Г. Ю. Политическая стабильность российского общества в условиях реформ. М., 1996; Тимошенко В. И., Заславский С. Е. Российские партии, движения и блоки на выборах в Государственную Думу 17 декабря 1995 г.: Опыт, проблемы, перспективы: школа выборов. М., 1996; Тишков В. А. Теория и политика этничности в России. М., 1997.

С помощью системно-политологического анализа, на обширном теоретическом и эмпирическом материале³¹, на основе

---

³¹ В качестве материалов для эмпирической базы послужили итоги российских и региональных социологических исследований, проведенных с участием автора: «Предвыборная ситуация в России» (проведено Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук в 1993 г. в большинстве регионов России, в том числе, в республиках Северного Кавказа. (Рук. М. Н. Губогло). Объем выборки – 8 тыс. человек); «Перемены в нашей жизни», проведенные по исследовательскому проекту кафедры политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации в 1995–1996 гг. (Рук. В. С. Комаровский). Объем выборки ежегодно – 1500 человек.

Социологическое исследование «Урегулирование и предотвращение межнациональных конфликтов в меняющемся российском обществе» – по исследовательскому проекту Института государства и права РАН, Центра конфликтологии Института социологии РАН, Центра по изучению межнациональных отношений ИЭА РАН, Института психологии РАН в 1996 г. Объем выборки – 4 тыс. человек.

Социологические исследования о состоянии политических и этнических отношений в Республике Адыгея, Удмуртской Республике, Кабардино-Балкарской Республике, Ростовской, Оренбургской областях, г. Москве проведены в 1995 году совместно с Институтом социально-политических исследований РАН. Объем выборки 1500 человек.

Социологические исследования «Предвыборная ситуация в России – 1996» – по исследовательскому проекту Центра по изучению межнациональных отношений ИЭА РАН, Центра социологических исследований Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова – в 1996 г. (Рук. М. Н. Губогло, С. В. Туманов). Объем выборки 2 тыс. человек.

Социологическое исследование «Этнополитические представления молодежи. Формирование и функционирование» – по исследовательскому проекту Центра по изучению межнациональных отношений ИЭА РАН, Центра социологических исследований Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в 1997 г. (Рук. М. Н. Губогло, С. В. Туманов). Объем выборки 8 тысяч человек столичной молодежи всех республик России.

Экспертные опросы (в 1993–1997 гг.), проведенные автором, – объем выборки ежегодно – 400 человек.

Конкретно-социологические исследования проведены по методике и под руководством автора в рамках подготовки диссертации и по заказу Президента Республики Адыгея и Кабинета Министров Республики Адыгея по различным проблемам, касающимся становления государственности Республики Адыгея в 1993–1997 гг. Данные, полученные в ходе социологических исследований, нашли применение в организации политического маркетинга в ходе избирательных кампаний, а также при выработке целевых программ социально-экономического, политического и национально-культурного развития Адыгеи.

изучения документов федеральной и региональной власти, партий и общественно-политических объединений граждан, изучения конституционного процесса в Российской Федерации в целом и в республиках в составе Российской Федерации в предлагаемом исследовании предпринята попытка выявить основные закономерности воздействия менталитета общества в целом и субменталитетов социентальных общностей Российской Федерации на политический процесс в условиях трансформации российского общества, на характер адаптации общества, становление и функционирование социальных и политических институтов в переходный период развития, конечном итоге, – на политическую стабильность государства и общества, гармонизацию их отношений.

Системообразующей идеей данного исследования является идея ненасилия в политике. В основе работы – концепция объективного целенаправленного процесса самоорганизации и саморазвития общества и государства, в рамках которой менталитет выступает как феномен, возникший в ходе естественноисторического развития, способствовавший созданию особенной, для конкретной социальной общности, ауры обитания, где в полной мере находят проявления все сущности, связанные с функциональной, мотивационной, гедонистской, структурной иерархией человеческого общества. В связи с этим обосновывается необходимость создания соответствующего механизма политического регулирования, обеспечивающего устойчивость и целостность российского государства, его поступательное развитие.

При подготовке книги, были учтены материалы, содержащиеся в публикациях всероссийских и региональных научных и научно-практических конференций, дискуссий по проблемам реформирования российского общества в 1985–1997 гг.; изучены материалы, сведения об итогах социологических исследований ведущих социологических центров России, проведенных в 1985–1997 гг.; подвергнуты анализу архивные материалы федерального и региональных центров документации; программы, решения, материалы съездов и пленумов политических партий, документы национально-культурных, религиозных общественных объединений. Особое внимание было уделено материалам контент-анализа периодических изданий, научных публикаций. И, наконец, важную часть источниковой базы составили федеральные законы, принятые в 1990–1997 гг., нормативные акты Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Глава 1

Генезис понятия «менталитет». Историко-философский и политологический аспекты проблемы менталитета

1.1. Природа, генезис и эволюция понятия «менталитет»

Формирование представлений о менталитете социума и менталитете личности в историко-философском и политологическом знании, приблизивших современное понимание менталитета как феномена общественно-политической жизни, непосредственно связано с накоплением знаний о человеке как социально-биологической целостности и эволюцией общества в ходе естественноисторического развития.

С проблемой менталитета непосредственно связаны проблемы гуманизма и политики, морали и нравственности в политике, в основе своей нацеливающие на поиск смысла жизни человека, оптимизации общественно-политических условий его существования. Замысел работы возник в этом содержательном и методологическом континууме, который еще окончательно не оформился ни в зарубежной, ни в отечественной политологии. Как представляется, наряду с проблемой разработанности этого тематического поля уместен и важен терминологический поиск.

Человек обладает соответствующими характеристиками как общественно-историческое и природное существо. Мыслителями древности было замечено, что вся общественная жизнь, сам человек, его сознание действуют согласно природным законам и закономерностям и в этом смысле являются частью природы. Хотя связь «природа – человек» в известных философских концепциях получила различную трактовку. Ученая мысль постигла главное: единство человека и природы в практическом и философско-теоретическом плане означает прежде всего подчинение человека, осознанно или неосознаваемо, тем всеобщим закономерностям, которые управляют развитием всей природы. Не исключается, при этом, что сам человек, благодаря, прежде всего сознанию, активно воздействует на материальный мир.

Бытие конкретной социальной общности, общественно-политическая жизнь народа, уклад его жизни, «специализация» государства, политическая, правовая системы общества и т. д. не формируются произвольно. Элемент случайности, хотя и присутствует, но в целом особенности социально-экономического, политического, культурного функционирования социальной общности обуславливаются не субъективной волей правителя, не только внешними воздействиями (геополитическое положение страны, географические и природные условия и др.), но и факторами внутреннего порядка. Любая этносоциальная общность характеризуется распространенным для нее психотипом людей, сформировавшимся благодаря нивелировке в рамках той или иной культуры, индивидуальных различий ее членов, взаимной нейтрализации полярных различий¹, рядом других особенностей, связанных с типом культуры, религией. Каждый народ развивается в определенном социокультурном контексте, то есть в определенной совокупности «объективных культурно-исторических, материальных и духовных условий эксплуатации тех или иных понятий или понятийных схем»². Для социальной общности и для конкретного человека свойственна соответствующая «картина мира», особенности осознания и восприятия окружающего, соответствующий тип отношений к власти, характерные для данной социальной общности представления о сверхъестественном и «идеальном», смысле жизни, о способах реализации своего потенциала и многое другое, все то, что наполняет и определяет менталитет, ментальность общества.

«Картина мира» данной социальной общности складывалась на протяжении веков в тесной связи с развитием человеческого мозга, во многом под воздействием внешнего влияния на сознание индивидов. На смену примитивным физическим методам в решении задач выживания общности, то есть методам негативно-мотивационного плана, в свое время пришли первые элементы интроспективного подавления в обществе в виде обычаев, табу, уклада, внедряемого в сознание членов социума с момента их появления на свет. Затем развивающиеся методы позитивно-мотивационного подавления, то есть формального влияния в условиях

---

¹ См.: *Трубецкой Н. С.* Вавилонская башня и смешение языков // Берлин, 1923. С. 140.

² См.: *Ракитов А. И.* Диалектика процесса понимания (Истоки проблемы и операциональная структура понимания) // Вопросы философии. 1985. № 12. С. 64, 69.

конкретной политической системы, для достижения цели властителя, обеспечения стабильности политической системы и т. п., в том числе и в современных государствах, также ориентируются на воздействие (влияние, изменение) на общественное сознание и внедрение мотивации в подсознание в процессе политического и социального управления. Результаты формального влияния явно или неявно проявляются на каждом этапе, прежде всего, через общественное или массовое сознание индивидов и социальных общностей. Не случайно, по-видимому, взамен труднопереводимого на русский язык понятия «менталитет» до недавнего времени в отечественной литературе использовались понятия «сознание», «общественное сознание», «массовое сознание».

В рамках настоящего исследования рассматриваются концепции, теории, которые способствовали пониманию менталитета, утверждению мысли о человеке как природном и общественном существе, о многообразии и диалектической связи форм и уровней системной организации природы, общества и государства, самочувствии человека в этой системной организации как субъекта социального и творчества и субъекта политики, о влиянии социокультурных факторов, менталитета на политический процесс, на эффективность политико-управленческих решений, следуя традиции Платона, который уподобил «благоустроенное государство телу, страдания и здоровье которого зависят от состояния его частей»³.

Логика предлагаемого исследования основывается на ряде посылов. Процесс функционирования политической системы, реализации человеческого потенциала в различных сферах жизнедеятельности общества детерминирует цель как системообразующий фактор, которая непосредственно соотносится с политической стратегией, в том смысле, что «форма или сущность развивающейся вещи тождественна с целью, результатом или конечным состоянием, в направлении к которому она развивается» (Аристотель)⁴. Наряду с этим, менталитет социума «требует» выработки соответствующего механизма формального влияния на общество со стороны властных структур (политического регулирования), обеспечивающего преемственность в

---

³ Платон. Государство // Соч. В 3-х т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 263.

⁴ Цит. по: Поннер К. Открытое общество и его враги. В 2-х т. Перевод. Т. 2. С. 12.

процессе целесообразной человеческой деятельности. Согласно М. М. Бахтину, в человеке всегда остаются нереализованные потенции и неосуществленные требования, его «будущее не может не казаться образом человека, не может не иметь в нем корней»⁵.

Компаративистский подход к изучению функционирования ментальностей позволяет сравнить «мировидение» людей разных эпох и цивилизаций, найти подтверждение взаимообусловленности всех сфер и форм жизнедеятельности социума – от социально-экономической сферы до духовной и материальной культуры, которая воплощается в политическом сознании и поведении, образе жизни, особенностях политической системы, произведениях искусства и архитектуры и др.

К примеру, ничем иным, как порождением и отражением эпохи высшего расцвета российской государственности феодально-абсолютистского типа явилась русская архитектура второй половины XVIII – первой трети XIX вв. «В системе ценностей, определивших ее создание, ведущее место занимают представления о незыблемости существующего порядка, о силе монархического строя, дворянстве как ведущем сословии. С этими представлениями соотнесены понятия Отечества и Славы всероссийской. Покой (статичность), иерархия, гармония вечных начал – основы мировоззрения, давшие духовное наполнение образному строю классицизма, ясному, величественному и спокойному»⁶.

Главная цель исследования – представить авторскую гипотезу современного понимания менталитета социума как феномена общественно-политической жизни, объективно существующего и влияющего на все сферы жизнедеятельности социума и конкретной социальной общности, на политику и политический процесс.

* * *

Человек как общественно-историческое существо обладает характеристиками, позволившими Аристотелю назвать его «политическим животным», то есть обладателем двух начал: животного (биологического) и политического (социального). Биологическое, как правило, формировалось естественноисторическим путем. Оно обусловило целый ряд характеристик, являющихся

⁵ См.: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 479, 480.

⁶ См.: История русской архитектуры. Изд. второе, переработанное и дополненное / Под общ. ред. Ю. С. Ушакова, Т. А. Славиной. СПб., 1994. С. 421.

общими для большинства людей – это продолжительность жизни, детства, зрелости, старости. Биологически запрограммировано не только усвоение пищи, освоение языка в более раннем возрасте. Но и, это, пожалуй, наиболее важно, биологически обусловлена и одаренность человека – способность к различным видам деятельности. Каждый человек уникален в этом смысле, неповторим (признание этой особенности есть один из основополагающих принципов гуманизма).

Развитие, формирование менталитета социума непосредственно связано с эволюцией иерархических форм взаимоотношений в социуме, постепенно приобретших облик социального управления, которые, в свою очередь, подвергались влиянию «ментального инструментария эпохи». Например, античная философия строилась на идее гармонии человека и природы. Согласно учениям античности сознание существует в обществе не только в его индивидуальных формах, но и в общественных. Идеи, составляя особый идеальный мир, существуют вне единичных конкретных чувственных предметов действительности. Древний грек классического периода жил в полном сознании своей органической связи с целым, которому он принадлежал по природе. Ранний полис – это организм, функционирующий на основе распределения в нем прав и обязанностей в соответствии с родовым статусом; внутриобщинные распорядки и межобщинные («международные») отношения определяются врожденной силой – «законом природы» (Фукидид). Фактор наследственности привлекался для обоснования власти; с расцветом афинской демократии понятие («*physis*») служило для доказательства естественного равенства сословий и народов. Когда ценности политической и социальной жизни изменились, к понятию «*physis*» прибегали с целью самоутверждения индивида. Нормативно-регулируемое поведение граждан полиса как «полная противоположность иррационально импульсивному поведению богов Олимпа, послужило прообразом для первой антропоморфной картины мира»⁷. По образу и подобию правовой общины-полиса мыслился космос. Космизм – одна из определяющих мифологического сознания, мировосприятия. Будучи «космологичной» (А. Ф. Лосев)⁸ по своему содержанию, античная

⁷ См.: Барз М. А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987. С. 19, 20, 22.

⁸ См.: Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993.

культура представляла космос только в соотношении с человеком, а человека в соотношении с космосом. Космизм этого сознания как нельзя лучше согласуется с циклическим восприятием времени, выраженным в идее «вечного возврата» (Вселенная периодически освобождается от «накопившегося» времени, от «порчи»). Идея «вечного возврата» долгое время служила «спасительным» психологическим прибежищем человека от угрозы перемены к худшему.

Второй шаг в процессе духовной ориентации античности во Вселенной заключался в обратном движении мысли, то есть в превращении очеловеченного космоса в архетип, задающий принципы объяснения всего сущего, включая человеческое общество, в универсальный источник норм полисной этики, права и политики. В итоге индивид жил с убеждением, что человек не в силах изменить то, что ему суждено. Картина миропорядка представлялась конечной, целостной, замкнутой. Дуалистический характер мировидения проявлялся в том, что человек противостоит макрокосму как микрокосм, а также в постулировании двух форм движения – круговорота и циклического. С точки зрения метафизической, противоположность категорий «Град небесный» и «Град земной»; «Град вечный» и «Град временной»; «Община благочестивых» и «Община нечестивых», – доведена до абсолюта. В этом случае речь идет не о противоборстве сил политических и не о противостоянии церкви и государства, а только о незримой, но непреодолимой грани – вере и неверии. К примеру, с одной стороны, государство – результат грехопадения (его основатель братоубийца Каин), с другой – государство необходимо для сохранения мира, без которого свет Евангелия не может распространяться⁹.

В конце концов, человек должен был сделать выбор: либо воспринимать текущее сквозь призму изначального «прообраза» (архетипическое мышление), либо осмысливать его в соотношении с видением грядущего, поскольку целенаправленная человеческая деятельность возможна лишь при условии признания окружающего мира определенным образом упорядоченным и, следовательно, предсказуемым.

Переход от античности к средневековью начался в хронологических рамках самого античного общества. Кризис III–IV вв. ска-

---

⁹ См.: *Барт М. А.* Указ. раб. С. 28, 40, 41, 90, 91.

зался во всех сферах жизни Древнего Рима, в частности, распространение христианства свидетельствовало о наступившем кризисе господствовавших философских и этических учений, системы ценностей, в той или иной форме объяснявших и санкционировавших сущее.

Если в представлениях древних китайцев и индийцев доминировал космоцентрический подход к проблеме человеческой личности, то в философских учениях Древней Греции и Рима принята попытка отделения человека от космоса. В философии Аристотеля объединены две составляющих антропологии: религиозно-этическая (человек и природа разъединены) и космологически-натуралистическая (человек неразрывно связан со всем миром). Аристотель, подчеркивая общественно-политическую сущность человека, исходил из того, что допустимо и возможно совершенствование человека, но не коренное изменение его природы и назначения.

Основная идея политической философии средневековья – в категориях общинности, автономности, универсализма. Сознание индивидов характеризуется двумя аспектами: религиозно-мистическим и рационально-прагматическим. Средневековая цивилизация формировалась в атмосфере физического страха перед окружающим миром, перед врагами зримыми и незримыми. Замедленное распространение информации порождало слухи, фантазии. Мир, сохраняя атрибуты «греховного» как неотвратимого, признавался терпимым. Круг мышления замкнут писанием и традицией, устойчиво родовое сознание (корпоративность). Расцвет городов, возникновение светской интеллигенции санкционировали возможность в человеке индивидуального. Главная черта новой ментальности в тот период – интерес человека к самопознанию. В отличие от синтетического мышления античной эпохи, средневековое мировидение включает момент творчества и момент систематизации.

Ренессанс, «освобождаясь» от пут средневековой схоластики, впитал в себя гуманистическое содержание предшествующего периода, положил начало формированию самосознания «современной» цивилизации. Получил дальнейшее развитие интерес к различным формам общественного сознания – мифологии, искусству, религии.

Ю. Г. Волков указывает на три специфические черты ренессансного гуманизма: 1) «реабилитация» природы, а вместе с ней и через

нее природы самого человека, что в итоге привело к обожествлению природы и признанию человека гармоническим единством телесного и духовного начал; 2) выдвижение на первый план личного и деятельного основания категорий «достоинство» и «добродетель»; 3) оптимистичное мировосприятие, требование полноты жизни, гармонии разума и страстей¹⁰.

Ренессансное мировидение связано с представлениями современников, осознанными и неосознанными, основывающимися на господствовавшей картине космоса, восходившей к воззрениям Аристотеля и Птолемея. Постепенно утверждаются представления о природе как «нейтральной» почве, которая не «одушевляется», существует для того, чтобы служить человеку. Эта концепция способствовала движению к рациональному видению мира. Общество в мировидении гуманистов было лишено собственного исторического измерения. Хотя повышенный интерес проявлялся к его политической организации. Было распространено убеждение, что состояние подданных производно от интересов государства. С развитием территориального и внутриотраслевого общественного разделения труда переживали ломку традиционные нормы и ценности. В гуманистической концепции природы человека шкала ценностей ориентирована на достижение целей, антропоцентрически рассматривается проблема человека, ценность его индивидуальности. Индивидуализм, расчет на собственные силы предполагал неизвестность, отсюда громадная роль в ренессансной ментальности понятия фортуны. Гуманизм, отделив политику от этики, заложил основы науки о политике.

После Реформации государство приняло на себя административные и патерналистские функции церкви. В эпоху Просвещения оно укрепило свой механизм с помощью централизованной, рационально организованной бюрократической системы и стало единственным детерминантом законности и моральности.

Менталитет «века гениев», «века разума», был столь же фундирован на мудрости древних, сколь и легковесен в восприятии и отборе мудрости собственного времени»¹¹. Человек воспринимается как единство противоположностей, он сочетает блеск величия и серость ничтожества (Декарт, Паскаль, Спиноза, Лейбниц и

---

¹⁰ См.: Волков Ю. Г. Личность и гуманизм (Социологический аспект) Челябинск, 1995. С. 21.

¹¹ См.: Барг М. А. Указ. раб. С. 292.

др.). Дальнейшее осмысление проблемы отношений человека и государства получили в трудах английских и французских материалистов XVI–XVII вв. (Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк), которые, по сути, выступили против христианской традиции воззрения на человека, настаивали на развитии тезиса о материальной, телесной природе человеческого существования. Французский материализм XVIII в. (Гельвеций, Гольбах, Дидро, Ламетри и др.) исходит из значимости социальных условий в формировании личности, механистического подхода к проблеме человека. Механицизм был перенесен и на область понимания природы (Гельвеций, Гольбах, Руссо). Хотя ряд соображений относительно характера взаимосвязей между личностью, обществом и государством актуальны сегодня.

Единство человека с природой, подчинение его, осознанно или неосознаваемо, тем природным закономерностям, которые управляют развитием всей природы, – вот главные направления развития мысли Нового Времени, XVII–XVIII вв. (Ж. Ж. Руссо), хотя связь «природа–человек» в различных философских концепциях получила неоднозначную трактовку. Использование знаний в этой области было подчинено социальному требованию Нового Времени – развитию капиталистического предпринимательства. Интерес к формам общественного сознания реализуется в пристальном изучении нравственности, политического сознания, сознания «эпохи» (Кант, Гегель, Фейербах).

Историческая мысль XIX в., несмотря на отдельные выступления против историзма, как он интерпретировался в то время (Шопенгауэр, Ницше), в целом развивалась под мощным влиянием гегелевского панлогизма. Вся сложность научного познания обнаружилась в связи с обращением теории от латентной гегелевской проблематики к проблематике неокантианской.

Разработав теорию «исследовательских утопий» – «идеальных типов», которые создаются историками для изучения и реконструкции прошлого, Макс Вебер чрезвычайно углубил эпистемологию гуманитарного познания и перевел в новую плоскость проблему рассмотрения индивидуального и общего в историческом процессе.

В русской политической философии уже в XVIII–XIX вв. было стремление выявить зависимость нравственного бытия народа, отношений правителей и управляемых и становления и функционирования права. В контексте данного исследования

могут быть интересны представления о целостной личности, разработанные в учениях русских революционеров-демократов (В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен). Идеалом личности выступает человек – борец за благо народа. «Составной частью ментальности радикальной интеллигенции являлась вера в революцию». В определенной мере это было следствием социальной незрелости и узости поля интеллигенции, эта идеология не могла не рухнуть, что и произошло в конце XIX в. Условия для духовного переворота создала смена распределительного идеала (уравнительность, социальная справедливость) идеалом творческим – «красота спасет мир». Ментальность основной массы интеллигенции начала меняться под влиянием поражения революции 1905–1907 гг., большинство совершило мировоззренческую эволюцию от материализма и марксизма к идеализму и либерализму¹².

Достаточно давно ведется изучение народной психологии (А. А. Потебня, известна этнопсихологическая концепция Д. Н. Овсяннико-Куликовского, принципы этнической психологии философской теории Г. Г. Шпета, идеи нации и национального характера И. А. Ильина, Л. П. Карсавина, Ф. М. Достоевского, современны национально-психологическая концепция П. А. Сорокина, идеи «национальной доминанты» И. Л. Солоневича, о проблемах национального духа Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Г. П. Федотова, национально-психологическом облике русского народа в трактовках Н. О. Лосского, Б. П. Вышеславцева, национально-психологическая концепция евразийцев. Однако политологический аспект этнопсихологической проблемы долгое время не привлекал внимание ученых и исследователей.

Взаимодействие общества и природы Маркс и Энгельс рассматривали как общественную практику, в основе которой лежит труд. Труд как целенаправленная и целесообразная деятельность общественного человека является синтезом материально-практического и идеально-теоретического отношения людей к природе. В трудах основоположников марксизма-ленинизма сделан один из важных выводов, проливающих свет на проблему, стоящую в центре нашего исследования, то есть

---

¹² «Вехи» – 1909г. – первый документ интеллигенции, подрывающий народнические и воспевающий буржуазные ценности, см.: *Земцов Б. Н.* Идеология и ментальность дореволюционной российской интеллигенции // *Общественные науки и современность*. Т. 3. 1997. С. 76, 77, 78.

об изменении, эволюции менталитета социума. Доказано, что в ходе естественноисторического развития личность теряет черты, порожденные социальными условиями, ушедшими в прошлое, на базе прежних совершенствуются и формируются новые черты, соответствующие пришедшему новому общественному устройству, новым производительным силам, новой социальной среде. Важно также марксистское положение о том, что коллективное сознание и политические структуры являются отражением культурного и социально-экономического развития. Марксизм утверждает неразрывность в человеке биологического и социального и уточняет, что реализуется человек (т. е. его биологическое) только в рамках конкретных социальных образований¹³. Энгельс подчеркивал, что мы не властвуем над природой, «наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежащим ей и находимся внутри ее...»¹⁴ Биологическая природа принималась человеком как нечто исходное. В письме к К. Марксу он отмечал: «Мы должны исходить из «я», из эмпирического, телесного индивида, но не для того, чтобы застрять на этом..., а чтобы от него подняться к человеку»¹⁵. Эти принципиальные методологические требования марксизма, по сути, на протяжении всего социалистического эксперимента игнорировались.

Таким образом, если диалектика Гегеля в качестве приоритетов выдвигает волевое начало (идеализм), развивает представления о системе естественного, исторического, духовного мира в виде беспрерывного движения, предопределенного свыше, то марксистская диалектика материализовала эту систему в сфере производственных отношений; наконец, представители научного мира XX в. в поисках методов исследования и прогнозирования общественного развития, обеспечения гармоничности отношений народов и стран, личности и государства склоняются к формированию нового мировоззренческого подхода в изучении системы отношений субъектов политического процесса, общественного развития в целом. Тому способствуют ряд объективных обстоятельств.

Интерес к кругу проблем, связанных с социальной стороной функционирования социума, наблюдается в условиях атмосферы

---

¹³ См.: Маркс К. Критика гегелевской диалектики и философии вообще // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 42. М., 1974. С. 162–163.

¹⁴ См.: Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Там же. Т. 20. С. 496.

¹⁵ См.: Энгельс Ф. Энгельс – Марксу, 19 ноября 1844 г. Там же. Т. 27. С. 12.

духовной ситуации в Европе начала XX в.¹⁶ Нарастала необходимость поиска путей эффективного формального (политического) воздействия на массовое сознание и одновременно выработки защитных механизмов от такого воздействия.

Бесконтрольное стихийное развитие человечества методом проб и ошибок и неограниченное потребление окружающего мира по типу западной рыночной цивилизации исчерпало себя. Очевидно, что массовое самоутверждение через материю стало невозможным перед лицом глобальных проблем, постигших человечество. Необходимость моделировать будущее с достаточным опережением и вероятностью, предвосхищения развития нежелательных тенденций в природе, обществе, политике в целях сохранения человеческого рода подвигла лучшие умы обращаться к проблемам изучения сущности человека во всей его полноте.

Сегодня, на исходе века, многие ученые признают, что будущее общество должно сложиться естественным путем, путем естественной реализации имеющегося общественно-политического потенциала, в том числе индивидуального, путем самореализации, самоорганизации, а политическая система конкретной страны должна создавать условия для объективных социальных преобразований. Политическое регулирование в ряде работ рассматривается не в контексте субъектно-объектных отношений государства и общества, а, прежде всего, как способность человеческого общества к саморазвитию с помощью определенных средств (государственной власти, самоуправленческих начал и т. д.)¹⁷. Это и понятно. Лишь в подобном случае можно вести речь о реализации созданного историей и естественным развитием человеческого потенциала. Основа для этого вывода состоит в том, что информационная структура человека, материализованная прежде всего в нервных системах организмов, превратилась в устройства, «для дальнейшей эволюции которых может использоваться в основном наследственный путь»¹⁸.

Общество как социальная система, формируется, развивается, изменяется в соответствии с изменяющейся системой общественных отношений, которая, в свою очередь, предопределяется под

---

¹⁶ См.: Библер В. С. Итоги и замыслы (конспект философской логики культуры) // Вопросы философии. № 5. 1993. С. 79.

¹⁷ См.: Трухин А. Н., Алексеев А. С. Проблема общечеловеческого в политике. Иркутск, 1990. С. 17, 37, 57, 70.

¹⁸ См.: Голицын Г., Петров В. Информация. Поведение. Творчество. М., 1991. С. 121.

влиянием ряда факторов. Прежде всего, под влиянием поведения, способов жизнедеятельности людей, поставленных в определенные рамки соответствующих политической, правовой и социальной систем. В то же время поведение, жизнедеятельность людей более или менее непосредственно и определено, эксплицитно-осознанно, имплицитно-неосознанно зависит от культурно-ментальных, религиозных, мировоззренческих, философско-этических истоков и оснований, концептуальных или фрагментарных, стихийных представлений о человеке и обществе, об их целях и предназначении, идеалах и ценностях. Не случайно в системе современного политологического знания важное место занимает политическая антропология. Политическую антропологию определяют как науку о «человеке политическом», о субъекте политического творчества, его возможностях и границах, специфике его воздействия на социальную и духовную среду общества¹⁹. В настоящем исследовании немало места отведено проблеме политической субъектности. Автор склонен следовать методологии, широко применяемой в политической антропологии, поскольку в рамках дихотомии «субъект-система» политическая антропология представляет сторону субъекта, тогда как другие отрасли политической науки больший акцент делают на системе, на институциональных сторонах политики.

В нашей стране и в мире постепенно преодолеваются философские и методологические барьеры понимания природных особенностей и способностей индивида как естественных предпосылок человеческой истории (о неизменности человеческой сущности, сформировавшейся приблизительно 50 тысяч лет назад; о завершенности процесса становления современного человека *homo sapiens*). Преодолевается противопоставление антропологического понятия природы человека и социологического понятия сущности человека, выступающей как квинтэссенция общества на определенном этапе его развития.

Начало новым подходам в общественных науках положила возникшая настоящая потребность ответить на ряд жизненно важных, животрепещущих вопросов. Философия XX в. выделила проблему взаимодействия общества и природы, исходя, во-первых, из определяющего фактора техники в современном обществе и, во-вторых, из признания того, что итогом этого взаимодействия явился экологический кризис, угрожающий са-

---

¹⁹ Панарин А. С. Философия политики. М., 1996. С. 178.

мому существованию цивилизации. Таким образом, философская абстракция в выявлении противоречий в рамках системы «человек – общество – природа» сменилась попыткой анализа существующего практического освоения природы.

Одна из проблем, которая подверглась пристальному изучению, – *проблема социальной справедливости*. Речь шла о разработке таких систем, структур, форм организации общественного бытия и средств жизнеобеспечения, которые уничтожили бы социальную несправедливость, гармонизировали бы политические, экономические, социальные отношения как источник благополучия и духовно-нравственного развития²⁰. Еще одна проблема, которая актуальна и сегодня – *проблема толерантности (терпимости) в конкретном обществе и глобальном социуме*, достижения согласия, предотвращения конфликтов межгосударственных, национальных и т. п. по принципу «сочетания несочетаемого»²¹. Третья – *проблема предотвращения экологической катастрофы*, решения демографической проблемы на Земле и ряд других, связанных с поиском путей оптимизации существования человека на планете²².

---

²⁰ См.: *Горохов В. М., Комаровский В. С.* Связь с общественностью в органах государственной службы. М., 1996; *Михеев В. А.* Социально-политическая стратификация общества. М., 1996; *Жуков В. И.* Россия: состояние, перспективы, противоречия развития. М., 1995; *Панарин А. С.* Политическое время и пространство. Хроно- и геополитика // *Панарин А. С.* Введение в политологию. М., 1994; *Колмакова Н. Н.* Социальная защита в программных документах политических партий России. Автореф. дисс... канд. социолог. наук. М., 1994;

²¹ Указанная проблема активно разрабатывается современными политологами, см., к примеру: *Дмитриев А. В.* Конфликт на российском распутье // Социологические исследования. № 9. 1993; *Здравомыслов А. Г.* Социология конфликта. М., 1995; *Кулинченко В. А.* О соотношении насилия и согласия в теории и на практике // Политические конфликты: от насилия к согласию. М., 1996; *Рогачев С. В.* Социальная динамика политического конфликта // Политические конфликты: от насилия к согласию. М., 1996; *Необходимость национальной идеи* // Национальная доктрина России. 1994. № 5–8; *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1; *Цыганков П. А.* Геополитика: последнее прибежище разума? // Вопросы философии. 1994. № 7–8; *Фишер Р., Юри У.* Путь к согласию или переговоры без поражений. М., 1990; *Яковлева Т. Ф.* Политические процессы в Восточной Европе (80-е годы). М., 1991.

²² См.: *Ильин В. В., Панарин А. С., Бадковский Д. В.* Политическая антропология / Под ред. В. В. Ильина. М., 1995; *Комаров М. С.* Общество как социокультурная система // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994; *Коновалов В. К.* Экономика и политика. Ростов на Дону, 1995; *Логинов В.*

Решение указанных проблем, а также общая тенденция современного знания к интеграции, к междисциплинарному исследованию, неизбежно предполагает обращение к более пристальному изучению самого человека как субъекта социально-политического творчества, его сущности, менталитета индивида и социальных общностей, в прямых или превращенных формах оказывающего действие на политику и социальное управление, обеспечивающего создание ауры обитания конкретной социальной общности. Ныне *междисциплинарный подход* к изучению общественно-политических проблем присутствует в самых разных отраслях знаний, включая этнологию, социологию, психологию, историю искусства, литературу, лингвистику, семиотику, биологию, экологию, политологию.

В русском языке есть близкие понятия для обозначения нюансов духовной жизни народа – «дух эпохи», образ мыслей», «мироощущение», «мировоззрение», «духовность», но социальные науки ищут полноценный эквивалент западному понятию ментальности, менталитета.

Более, чем терминологический поиск, важен уровень разработанности этого тематического поля – проблематики проявления национально-духовных структур в структурах их вещного мира, в том числе социума и государства.

Традиция исследований менталитета, ментальности социума зарождалась, когда уже существовал ряд смежных концепций. Еще Платон, рассуждая о качественном соотношении вещей, о «справедливом государстве и справедливом человеке», о «единстве» государства, считал, что оно по своему состоянию ближе всего к отдельному человеку. «Когда кто-нибудь из нас ушибет палец, и все его совокупное телесное начало напрягается в направлении к душе как единый строй, подчиненный началу, в ней правящему, – писал Платон, – она вся целиком ощущает это и страдает части, которой больно... Когда один из граждан такого государства испытывает какое-либо благо и зло, такое государство обязательно... скажет, что это его собственное пережива-

---

Инновационная политика: меры по активизации // Экономист. 1994; Проблемы становления гражданского общества в России. Красноярск, 1996; *Сорокин П. А.* О так называемых факторах социальной эволюции // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

ние, и все целиком будет вместе с этим гражданином либо радоваться, либо скорбеть»²³.

Понимание необходимости изучать внутренние, так называемые эндогенные факторы, влияющие на общественную жизнь, в том числе на экономику, политику, развитие духовной сферы, на развитие культуры было характерно для историков на рубеже XIX–XX вв. Известны попытки в этом направлении К. Лампрехта. Развитие представлений о целостности органического мира и потребность практики закономерно привели к возникновению в XX в. учения о биосфере (*bios* – жизнь) как внешней геологической оболочке Земли, состав, структура и функционирование которой обусловлены деятельностью живого вещества. Под живым веществом В. И. Вернадский понимал всю совокупность организмов, действующих на планете в тот или иной момент времени. Термин «биосфера» впервые встречается в словаре Пьера Ларусса, где он используется для обозначения гипотетических «глобул», якобы составляющих живую основу организмов. В 1875 г. крупный австрийский геолог Э. Зюсс назвал биосферой особую оболочку Земли, включающую совокупность всех организмов. В трехтомной монографии «Лик Земли» Э. Зюсс указывает на связь представлений о биосфере с идеей целостности жизни.

Живое вещество, по Вернадскому, является пластичным, изменяется, приспосабливается к изменениям среды. На это, может быть, указывает непрерывный с остановками рост центральной нервной системы. Всякий геологический фактор проявляется в биосфере во всей своей силе только в работе поколений живых существ в геологическое время. Природа, человеческое общество, научная мысль рассматриваются в их нерасторжимой целостности. Определенный закономерный этап эволюции биосферы должен привести, по мысли В. И. Вернадского, к тому, что под влиянием научной мысли и коллективного труда объединенного человечества, направленного на удовлетворение всех его материальных и духовных потребностей, биосфера Земли должна перейти в новое состояние, которое он назвал «ноосферой»²⁴. Несомненно, благодаря имеющемуся потенциалу, развитие

²³ См.: Платон. Сочинения в 3 т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 239, 260, 261.

²⁴ См.: Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 19, 27, 40.

человечества должно идти по естественному руслу, от этапа развития более низкого к высшему, а «идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере»²⁵. Подобный взгляд на роль центральной нервной системы человека, и, прежде всего, человеческого мозга в развитии, изменении менталитета обнаруживается в учении и представлениях ученых Школы «Анналов», в той части, где доказывается роль сознания человека, а также изменяющейся окружающей жизни в эволюции ментальностей.

Феномены сознания, которые Леви-Брюль назвал «*mentalite*», а Дюркгейм «коллективным сознанием», еще в XIX в. стали предметом философской рефлексии. Немецкий философ Г. Зиммель, обращаясь к методологии Канта, обнаружил в окружающей жизни некие относительно константные структуры и, в частности, те из доказательств Канта, которые связаны с утверждениями невозможности чисто эмпирического познания и ролью в этом процессе чувственных данных. Оказалось, что повседневная практика людей имеет особые «формы», предопределяющие сочетание эмпирического материала. Эти «формы», или неосознанные «соединительные суждения», которые будут высказаны в форме положения, кажутся априорными предпосылками и остаются неосознанными настолько, насколько сознание вообще направляется более на данные относительно внешние, чем на свою собственную внутреннюю функцию²⁶. Сходство между большим числом членов сообщества указывает на общую причину, которая влияет на них, на единство, которое, действуя на совокупность, делает это в одинаковом для всех смысле. Эта причина, по Г. Зиммелю, есть душа народа или ее содержание.

Зависимость от рода и в данном случае от общества в своих основных и существенных жизненных содержаниях и отношениях имеет настолько сплошной характер и такое неизменное значение, что она лишь с трудом может быть осознана ясно и обособленно. Общая основа, из которой впервые вырастает все индивидуальное, есть нечто само собой понятное. Подобно тому, как свет и воздух не имеют никакой экономической ценности, так

---

²⁵ Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. М., 1989. С. 188.

²⁶ Зиммель Г. Проблемы философии. М., 1898. С. 4, 5.

и содержание народной души, как таковое, часто не имеет никакой цены для сознания постольку, поскольку все владеют им в одинаковой степени. «Единственная область, в которой значение социальных форм, как таковых, рано было осознано, есть область практической политики... В сфере политики необходимое для всякого осознания различие было дано в противоположении одних групп другим, и, кроме того, отношение между отдельным членом и социальным целым в политической сфере требует очень заметного вклада со стороны первого, что всегда пробуждает более ясное сознание, в отличие от тех восприятий, которые преобладают для индивидуума в других сферах отношений между ним и его группой»²⁷.

На Западе проблема ментальностей рассматривается как одна из центральных задач научного знания, прежде всего, франкоязычной гуманистики, вокруг которой концентрируются научные силы французской Школы «Анналов» – представителей «Новой исторической науки» и их последователей, а также ряда представителей историографии США, Англии, Италии, ФРГ, Польши. По утверждению Ж. Ревеля, история ментальностей – не столько особая отрасль исторических исследований, сколько сравнительно широкое и, быть может, даже гетерогенное поле научных интересов и пристрастий. Термин «ментальность» изначально не входил в словарь профессиональных историков. Впервые термин «менталитет» встречается в 1856 г. у Р. Эмерсона²⁸, затем его применяли этнологи в отношении первобытных народов. В начале XX в. он звучит как в обычной речи, когда этим, до некоторой степени модным термином, обозначались предпочтительно коллективные системы мироощущения и поведения, «формы духа», которые достаточно хорошо передаются немецким словом «Weltanschauung», так и входит в научный лексикон. Л. Леви Брюль (этнолог) в 1910 г. подверг анализу ментальные функции первобытных обществ, изучал те способы функционирования культуры, которые определялись эмоциональной и «дологической» предрасположенностью. Ш. Блондель применил этот

---

²⁷ Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. Авторизованный перевод с немецкого Н. Н. Вокач, И. А. Ильина / Под ред. и предисл. Б. А. Кистяковского. М.: Изд.-е М. и С. Сабашниковых, 1909. С. 24, 28, 29.

²⁸ См.: Современная западная философия. М., 1991.

термин в психологии. А. Валлон находит аналогии между «первобытной ментальностью» и «ментальностью ребенка»²⁹.

В 1920–1930-х годах во многом благодаря достижениям психологии термин был воспринят историками – М. Блоком, Ж. Лефевром, Л. Февром. Для ученых Школы «Анналов», разделявших принципы витализма (Л. Февр, А. Берр, М. Блок), было важно понять исторические преобразования в терминах психологической эволюции. Как синоним понятия «ментальность», исследователи Школы «Анналов» употребляли понятие «умственное оснащение» или «духовная вооруженность» (*outillage mental*), применяя его для исследования особенностей сознания человека, социальных общностей в ту или иную эпоху.

Изучение менталитета, ментальностей историками Школы «Анналов» осуществлялось в рамках программы создания исторической науки как науки о человеке в обществе, об общественном человеке, мыслящем и чувствующем существе, которая была разработана на страницах журнала «Анналы», созданного М. Блоком и Л. Февром в 1929 г. В трудах М. Блока и Л. Февра было применено понятие «ментальность» к истории европейского Средневековья и Ренессанса. Программа изучения истории ментальностей возникает из критики истории идей (такой, как она преподавалась на гуманитарных факультетах и, якобы, замыкалась в абстрактных и вневременных спорах, была склонна к искажению психологической реальности прошлого).

Постепенно ментальность признается объектом культуры. Однако разработка истории ментальностей как интегральной части социальной истории развернулась с 60-х годов. Как утверждает Ж. Ревель, нет никаких удовлетворительных объяснений этой послевоенной «дороги через пустыню»: самое большее, можно сослаться на безусловный примат экономической и социальной истории в период, когда марксизм привлекал многих преподавателей французских университетов, и, может быть, также на трудности, свойственные жанру...»³⁰

²⁹ См.: *Блондель Ш.* Первобытная ментальность (1926 г.); *Conry Y.* Combats pour l'histoire de sciences: lettre ouverte aux historiens des mentalités // *Revue de synthèse*. 3 sér. 1983. Т. 104. №. 111–112.

³⁰ См.: *Ревель Ж.* История ментальностей: опыт обзора // *Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг Школы «Анналов»*. М., 1993. С. 54, 55.

Наследие Февра и Блока было принято учеными послевоенного поколения, которое по-новому осмысливало проблемы бытия перед угрозой смертельной военной опасности для человечества, способной уничтожить все живое на Земле. В отечественной науке, вплоть до современности, наследие Школы «Анналов» не получило распространения. Во многом это было связано с тем, что рассматривалось как антимарксистское, без особых на то оснований. Среди ученых, которые работали в рамках Школы, были представители различных теоретических и методологических ориентаций – от марксистов (П. Вилар, Ж.-П. Вернан, М. Вовель) и ученых, в той или иной мере испытывавших влияние идей Маркса (Ж. Дюби, отчасти Ф. Броделя, Э. Лабрусса, Р. Мандру), до историков, которых нельзя отнести к приверженцам учения Маркса (Ф. Ариес, А. Дюпрон). Кроме марксизма, оказавшего влияние на деятельность ученых, принадлежащих к Школе, воздействие на «новую историческую науку оказала структурная антропология. Понятие «структуры» в данном случае подразумевает всеобъемлющую систему отношений в обществе, которая охватывает все уровни действительности, по выражению Вовеля, – «от подвала до чердака». Структурная антропология признается одним из компонентов методологии историков-анналистов. Их учение не привело к заметным переменам в методологии. Столь же мало повлияло на российскую историческую и политическую науки развитие истории ментальностей за рубежом. Идеологические барьеры, отделявшие отечественную науку от новых тенденций мировой науки, враждебное отношение к немарксистской философии, а также политологии и социологии, обрекло советских ученых несмотря на отдельные исключения, на провинциализм, отставание в изучении интеллектуального и творческого потенциала советского общества.

Окончание колониальных войн и деколонизация, кризис марксизма – все это привело к появлению сомнений и переосмыслению сути истории. К концу 60-х годов обостряется внимание к образу жизни прошлого, к «органическим» структурам общественной жизни. В старых формах жизни и коллективного поведения часто ищут альтернативы и рекомендации для настоящего; растет интерес к семье, к способам совместной жизни, к домашним праздникам и ритуалам, к историческому опыту деторождения, брака и смерти, дают себя увлечь «миром, который нами утрачен» (П. Лассет). Наконец, привлекла сама пластичность понятия «ментальность». Ж. Ле Гофф по этому

поводу говорил следующее: «Первое, что привлекает в истории ментальностей, это именно ее неопределенность, стремление выявить «осадок» исторического анализа, некое историческое «не знаю что». Все может стать объектом изучения: чувства (например, чувство страха, изученное Ж. Делюмо), представления, знания и верования (например, вера в чистилище, исследованная Ж. Ле Гоффом, или космогония фриульского мельника, восстановленная К. Гинсбургом), разные формы человеческих взаимоотношений и социальных ценностей (любовь у Ж.-Л. Фландрена, брак у А. Бюргера, насилие и честь у Н. И. Кастан), возрасты жизни (например, «открытие» детства у Ф. Арьеса, понимание «молодости» у Н. Земон Дэвис), сочленение биологического и социального (отношение к жизни и испытание смертью у Ф. Арьеса, М. Вовеля, П. Шоню).

Позволим себе привести краткий перечень определений, предложенных рядом французских ученых. Ж. Ревель пишет о «категориях представлений» данной социальной общности (*sous les catégories gйййrales de reprййsentation*); Вовель – об общих категориях воображаемого (*et d'imaginaire*); Мандру, Дюби представляют менталитет как «видение мира» («*vision du monde*»); менталитет для Арьеса – способы понимания, осмысливания действительности (привычки сознания), общие для данной социальной общности смыслы, которые вкладываются, например, в верования, представления о потустороннем мире (*l'on reprййre une constellation de sens cumulant – dans l'ordre de la comprййhension, les croyances, habitudes de conscience, «attitudes»*); Февр упоминает о ментальных «формах», ментальном «оснащении эпохи» (*formes mentales, voire outillage mental*); Бродель и Арьес понимают менталитет как глубинную, архаическую информацию, связанную с общественным сознанием (*le «profond» et l'archaique*); как автоматизмы сознания и поведения менталитет предстает у Ле Гоффа (*le «quotidien et l'automatique»*); Дюпрон указывает на «человеческую энергетику», глубинную психологию, играющие роль в формировании менталитета (*le «cohййrent»*); Дюби, Вилар связывают менталитет и идеологию (*les implants sociaux et idййologiques*); Бродель рассматривает менталитет во времени «большой длительности» (*voire la gestuelle, la longue durййe*)³¹.

---

³¹ Conry Y. Combats pour l'histoire de sciences: lettre ouverte aux historiens des mentalités // Revue de synthййse. 3 sér. 1983. T. 104. ¹¹ 111–112. P. 369, 370.

Современные работы других авторов, не связанных со Школой «Анналов», несомненно, обновили понимание старых обществ, их мироощущений, например, – итальянца Карла Гинсбурга, англичанина Кейта Томаса, американки Натали Земон Дэвис.

В современной отечественной и зарубежной науке, как и прежде, исследователи ментальностей за редким исключением отдают предпочтение коллективному перед индивидуальным, безличным культурным процессам, психологическому перед интеллектуальным, автоматизмам перед оторефлектированным.

Небезынтересны теоретические и методологические разработки немецких ученых в области истории ментальностей. Признавая неоспоримые достижения французской историографии, немецкие историки обращали внимание на следующее. Они настаивали, что подход «Анналов» не является абсолютно новым и базируется на работах социологов и историков конца XIX – начала XX вв., таких как Эмиль Дюркгейм, Якоб Буркхард, Карл Лампрехт³².

Немецкие ученые высказывали беспокойство по поводу неточности понятия «ментальность» и отсутствия его ясного определения³³. Смысловая неопределенность термина, которая Ж. Ле Гоффом рассматривается как одна из привлекательных черт, немецкими учеными квалифицируется как недостаток³⁴.

Г. Телленбах рассматривает ментальность как совокупность представлений, способов поведения и реакций, которые, скорее всего, бессознательны и неоторефлектированы³⁵; Р. Шпрандель – как групповые представления и способы поведения³⁶; Э. Шуллин

---

³² Reichardt R. Histoire des «Mentalités» // Internationales Archiv für sozialgeschichte der deutschen Literatur. 3 bd., 1978. S. 130–166; Groh D. Strukturgeschichte als «totale Gechichte»? // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. B., 1971. S. 289–322; Sprandel R. Mentalitäten und Systeme: Neue Zugänge zur mittelalterlichen Geschichte. Stuttgart, 1972; Tellenbach G. «Mentalität» // Geschichte. Wirtschaft. Gesellschaft. B., 1974. S. 11–30; Schulze H. Mentalitätsgeschichte Chancen und Grenzen eines Paradigmas der französischen Geschichtswissenschaft // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. B., 1985. S. 247–270.

³³ Tellenbach G. «Mentalität» // Geschichte. Wirtschaft. Gesellschaft. B., 1974. S. 261.

³⁴ Groh D. Strukturgeschichte als «totale Gechichte»? // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. B., 1971. S. 261.

³⁵ См.: Tellenbach G. Op. cit. P. 18.

³⁶ Sprandel R. Op. cit. P. 9.

сравнивает с этическими и познавательными кодами³⁷; ряд исследователей соотносят ментальность с особенностями мышления и чувствования³⁸; ментальности как коллективные объяснения действительности представлены у Селлина³⁹; для Ф. Грауса ментальность – структурированные системы, выступающие как один из факторов, определяющих действия, ощущения и мышление людей (в конкретном сообществе), как устоявшиеся способы поведения и восприятия членов общности⁴⁰.

Генезис понятия «менталитет» можно представить и обосновать, руководствуясь различными императивами. В отечественной литературе понятие «менталитет» интерпретируется в основном с ориентацией на зарубежные источники и исследования зарубежных ученых. Слово *mentalite* считается непереводимым на другие языки (хотя в английском есть слово *mentality*, а в немецком *Mentalität*). Его трудно перевести однозначно. Это – и «умонастроение», и «мыслительные установки», и «коллективные представления», и «воображение», и «склад ума», «мироощущение», «мирочувствие», и связано с именами ученых анналистов. В этом же ключе дается ряд определений менталитета в современном американском словаре, где данное понятие интерпретируется как сущность интеллектуальных способностей и одаренности человека; направленность или состояние разума, состояние памяти человека⁴¹.

По мнению Гуревича, «видение мира» ближе передает тот смысл, который Блок и Февр вкладывали в этот термин, когда применяли его к психологии людей минувших эпох. Здесь сказалось влияние учения Люсьена Леви-Брюля («Первобытное мышление», «Ментальные функции в примитивных обществах»). В своих работах он подчеркивал пралогичность и эмоциональную

---

³⁷ *Schulin E.* Geistesgeschichte, Intellektual History und Histoire des mentalites seit der Jahrhundertwende // Idem. Traditionskritik und Rekonstruktionsversuch. Studien zur Entwicklung von Geschichtswissenschaft und historischem Denken. Gottingen, 1979. S. 144–162.

³⁸ *Werner K.* Blessing, Staat und Kirche in der Gesellschaft. Gottingen, 1984. S. 14; *Sellin V.* Mentalität und Mentalitätsgeschichte // Historische Zeitschrift. 1985. Bd. 241. S. 555–598.

³⁹ *Sellin V.* Op. cit. S. 560, 589.

⁴⁰ *Graus F.* Mentalität – Versuch einer Begriffsbestimmung und Methoden der Untersuchung // Mentalität im Mittelalter: Methodische inhaltliche Probleme / Ed. F. Graus. Sigmaringen, 1987. S. 9–48.

⁴¹ СМ.: The American heritage dictionary. N. Y. 1991. P. 786.

окрашенность сознания людей, не достигших стадии цивилизации. Речь шла о коллективных представлениях, которые доминировали в первобытных обществах и резко контрастировали с образом мыслей, характерных для обществ цивилизованных. О ментальности как феномене психической жизни, характеризующемся «*пралогичностью*» писал Шарль Блондель, а также Анри Валлон – о «примитивной ментальности». Несколько раньше термин «*mentalite*» привлек внимание М. Пруста⁴².

В настоящее время существует обширная литература, посвященная анализу этого понятия и того значения, которое оно имеет для постижения психологии и общественного сознания людей разных эпох⁴³. «Неопределенность» понятия, отсутствие в литературе его однозначного толкования склоняет современных отечественных ученых искать аналоги среди явлений культуры, в психологии. Чаще всего на вооружение берутся «более удобные» понятия, подразумевающие близкие к определению менталитета феномены, например, «национальный характер», «традиции», «социальное самочувствие», «мировидение», «социокультурное бытие», «социопсихологос» и т. п. Сравнительное изучение типов коллективного мышления современных и «примитивных» обществ Л. Леви-Брюлем позволило ему сделать ряд фундаментальных выводов. Леви-Брюль шел путем противопоставления интеллектуальному типу сознания примитивного общества, которое, по мнению самих его носителей, не концентрируется в человеке, а «разлито» повсюду в окружающем. Это обуславливает особый характер понимания связей между предметами окружающего мира, человеком, людьми. Причем, сформулированные таким образом представления, закрепляются в вербальном языке и «языке» обрядов, ритуалов, обычаев, традиций, материальной культуры – факторах, являющихся объективными для каждого входящего в этот мир. Ведущие (ти-

---

⁴² См.: *Пруст М.* По направлению к Свану. Перевод. М., 1992; *Он же.* Под сенью девушек в цвету. Перевод. М., 1992; *Он же.* У германтов. Перевод. М., 1992.

⁴³ См.: *Febvre L.* Histoire et psychologie // *Encyclopedie francaise*. VIII. Paris, 1938; *Duby G.* L'histoire des mentalites // *L'Histoire et ses methodes*. Paris, 1961. P. 937–966; *Sprandel R.* Mentalitäten und Systeme. Neue Zugänge zur mittelalterlichen Geschichte. Stuttgart, 1972; *Vovelle M.* Ideologies et mentalités. Paris, 1982; *Mentalitätsgeschichte – Chancen und Grenzen eines Paradigmas der französischen Geschichtswissenschaft* // *Geschichte in Unterricht*. № 36. 1988. S. 147–270.

пичные) представления «примитивных» обществ являются поэтому коллективными⁴⁴. Для генетиков, философов появилась почва для размышления о возникновении традиции, обусловленности неповторимой внутренней структуры социальной общности, этноса, народа, каждый из которых имеет определенную норму отношений.

Доводы Леви-Брюля швейцарский ученый Ж. Пиаже в 20-е годы пытался подтвердить экспериментальным путем⁴⁵. Ж. Пиаже выдвинул концепцию стадийного развития психики. Для социологов эти открытия актуализировали вопрос о способах передачи культуры. Закон партиципации Леви-Брюля не только стимулировал интерес к изучению особенностей общественного сознания у психологов, социологов, философов, но и оказал прямое воздействие на философские концепции, отстаивающие общие принципы иррационализма в познании, позволил акцентировать внимание политологов на действии иррациональных факторов, эмоций, чувств в политике, их влиянии на политическое поведение. «Mentalite» стал аргументом в построении «гносеологического» варианта мифа о благородном дикаре⁴⁶.

Отечественными учеными было установлено, что сам «опыт» – стереотип поведения или традиция, не является наследственно закрепленным, может рассматриваться в виде «сигнальной наследственности» (приобретенного условного рефлекса, передающегося из поколения в поколение). Молодое потомство, включая в свой стереотип родительский жизненный стереотип, может тренировать свойства своей высшей нервной деятельности. Иногда это приводит к ложному впечатлению о генетической природе психических свойств. Опыт складывается в онтогенезе, однако, *архитектоника* нервной системы, обеспечивающая замыкание временной связи, то есть безусловные рефлексы, на базе которых осуществляется условнорефлекторная деятельность, эволюционирует наследственным путем. Таким образом, традиция есть «сигнальная наследственность»⁴⁷. В ходе этого

---

⁴⁴ См.: *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930. С. 1, 90, 245; См. также: *Автономова Н. С.* Рассудок, разум, рациональность. М., 1988, С. 166, 167; *Выгодский Л. С., Лурия А. Р.* Этюды по истории поведения. М., 1993. С. 69.

⁴⁵ См.: *Московичи С.* // Вопросы философии. 1992. Т. 1. № 2. С. 88.

⁴⁶ См.: *Бердяев Н.* О назначении человека. М., 1993. С. 27.

⁴⁷ *Лобаишев М.* Сигнальная наследственность // Исследования по генетике. Л., 1961. С. 4, 5.

процесса осуществляется приобретение в онтогенезе условных связей с реальной действительностью, овладение индивидом современной ему информацией о событиях, о внешней и внутренней среде; обеспечивается функциональная преемственность между поколениями. Индивидуальное приспособление совершается, прежде всего, с помощью механизма условного рефлекса, который обеспечил переход от пассивной формы приспособления к активному выбору среды соответственно опыту, приобретенному в историческом развитии.

Э. Дюркгейм считал, что понятие «коллективные представления» равно применимо как к анализу сознания первобытных, так и современных обществ. Его определение коллективных представлений, хотя и небесспорное, заложило основу для последующих теоретических дискуссий и эмпирических исследований. Дюркгейм характеризует коллективные представления как «определенную систему, имеющую собственную жизнь»⁴⁸. Менталитет, по его мнению, – это совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества. «Коллективное сознание» не изменяется с каждым поколением, а, наоборот, связывает между собой следующие поколения. Это размышление Дюркгейма предвосхищает известную концепцию Ф. Броделя о длинных волнах истории и одновременно ставит вопрос о возможностях изменения самого менталитета. Представляют интерес его размышления о влиянии идеологии на «коллективное сознание»⁴⁹.

Обогащению представлений о социальном времени способствовала «новая концепция социального» (Ф. Бродель). В основе ее лежал тезис о множественности социального времени. Во «времени большой длительности» пребывают устойчивые, столетиями не меняющиеся географические, биологические, ментальные структуры. Процессы в этой сфере протекают медленнее, чем в более динамичных ритмах экономической конъюнктуры и еще более подвижном политическом времени, «времени хроникеров и журналистов»⁵⁰.

Важное место в исследованиях, касающихся генезиса понятия «менталитет», занимает учение К. Леви-Стросса, его *этнологиче-*

---

⁴⁸ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990. С. 80.

⁴⁹ Дюркгейм Э. Германия превыше всего. М., 1917. С. 42.

⁵⁰ Бродель Ф. Время мира. М., 1992. С. 8, 64, 66.

ский структурализм. Некоторые из его произведений, являющиеся примером свободного философствования в ситуации переживания фактов чужой культуры, ценны поисками ответа на вопрос об интеллектуальных предпосылках такого переживания. Речь идет об «изначальной логике», «непосредственном выражении структуры ума (и, несомненно, за умом – мозга), а не о пассивном продукте действия среды на аморфное сознание». Леви-Стросс дистанцируется от рационализма Декарта и от идей Бергсона о необратимости потока явлений психики. Становление структуралистского подхода к пониманию живой «первобытной» культуры он связывает, в первую очередь, с переосмыслением разработанных ранее З. Фрейдом принципов моделирования сферы бессознательного, но применительно не к отдельному человеку, а к фактам культуры⁵¹. Справедливо его утверждение о том, что следование в стратегии межкультурных связей ложной посылке однонаправленности прогресса, ведет к насаждению, порой насильственному, так называемого западного образа жизни, результатом чего является разрушение существующих у народов вековых традиций. Это несомненно постольку, поскольку при безусловном сходстве человеческих ценностей в различных цивилизациях, самобытность определяется наличием в той или иной культуре *особого подхода к их реализации*. Никакая из конкретных цивилизаций не может претендовать на то, что именно она в наибольшей мере воплощает, выражает некую мировую цивилизацию, которая не может быть ничем иным, кроме как коалицией культур, каждая из которых сохраняет свою самобытность.

Л. Стросс различает магическое мышление и систему мышления, которая образует науку, за исключением формальной аналогии, и обращает внимание на существующую между ними связь⁵². То, что мы наблюдаем или стараемся описать, представляет собой попытку реализовать нечто вроде *компромисса* между определенными историческими тенденциями и специфическими характеристиками среды, с одной стороны, а с другой, – ментальными требованиями, которые в каждом ареале являются продолжением прежних требований такого же вида.

---

⁵¹ См.: *Леви-Стросс К. Первобытное мышление*. Перевод. Вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. М., 1994. С 5, 8.

⁵² См.: *Levi-Strauss C. Race and History // Structural Anthropology. Vol. 2. L., 1978. P. 330.*

Приспосабливаясь друг к другу, эти два порядка реальности смешиваются, создавая таким образом значимое целое. *Эти ограничители человеческого ума* обнаруживаются путем индуктивного процесса. Мы в состоянии обнаружить их только благодаря внимательному и терпеливому рассмотрению. Указанные «ограничители» неизбежно находят проявление в идеологии общества, в таком построении идеологических конструкций, которые свойственны лишь «мировидению» данной социальной общности. Миф может быть заимствован, но он неизбежно подвергается деформированию посредством неконтролируемых ментальных операций, благодаря которым этот миф ремоделируется, сознательно или неосознанно, пока не станет «собственным» для данной социальной общности. Весьма важно утверждение К. Леви-Стросса о том, что «видимые черты» социальной общности и индивидуума являются знаком скрытых, столь же специфических свойств; отношение между ними, будучи само по себе чувственным, имеет, пусть временно, большую ценность, чем индифферентность к какой бы то ни было связи. Каждая культура является уникальной. В социальной жизни одновременно действуют два вида детерминизма: за каждой идеологической конструкцией встают более старые конструкции, и они отдаются эхом во времени; на каждой стадии этого сложного процесса всякая идеологическая конструкция видоизменяется под действием преобладающих технологических и экономических обстоятельств, ибо «ментальные зубчатые колеса должны сцепливаться с другими механизмами»⁵³. В контексте нашего исследования представляется важным вывод К. Леви-Стросса о том, что ментальные операции подчиняются законам, сходным с теми, что действуют в физическом мире. Это ограничители, удерживающие идеологические конструкции внутри некоего изоморфизма, где *возможны лишь определенные виды трансформации*.

По утверждению И. Валлерстайна, Марк Блок и Люсьен Февр справедливо признаются основателями направления «Новой исторической науки». Методология того и другого во многом своеобразна. Движение «Анналов» возникло как реакция против принципов институционализации общественных наук, сложившихся в XIX столетии и разделивших знания об общест-

---

⁵³ *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. Там же. С. 126, 338–340, 343.

венных науках и структурах на следующие категории: антропология, экономика, история, политология, социология⁵⁴.

В поисках движущих сил экономики и развития общества многие из ученых Школы «Анналов» приходят к осознанию необходимости *проникнуть в глубины духовной жизни людей прошлого*⁵⁵. Изучение истории ментальностей способствует более глубокому изучению социально-экономических, политических, культурных проблем, прежде всего, современного общества, *системному* подходу к изучению явлений общественной жизни как прошлого, так и настоящего, на фоне более емкого контекста. Благодаря применению методов структурной антропологии, основываясь на *принципе синхронии*, ученые добились определенных результатов в исследовании ментальностей прошлого, удалось пролить свет на проблемы формирования, развития, изменения менталитета, выявления его константных составляющих. В поле зрения представителей Школы «Анналов» – изучение менталитета и его структурных компонентов во времени, его разных отрезков. *Ментальный инструментарий* какой-либо цивилизации или эпохи – это, по мнению Л. Февра, совокупность категорий восприятия, концептуализации, трансляции и действия, которые опосредуют и, по сути, структурируют опыт как социальной общности, так и индивидуальный. Ментальный инструментарий эпохи не есть только система представлений, присущая тому или иному обществу, он включает язык, аффекты, технику⁵⁶.

М. Блок, являющийся автором фундаментальных трудов, таких как «Короли – чудотворцы» (1924 г.), «Феодалное общество» (1939 г.), в отличие от Февра, отдает предпочтение не психологической, а *социологической стороне понятия* «ментальность» и в этом смысле он ближе к дюркгеймовской традиции. Акцентируя

---

⁵⁴ См.: Валлерстайн И. Что после «Анналов»? (Судьбы и перспективы историографического направления) // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг Школы «Анналов». М., 1993. С. 94.

⁵⁵ Блок М. Апология истории. М., 1988; Февр Л. Бои за историю. М., 1990; Ж. Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. Там же; Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1955 г. // Одиссей. М., 1991. С. 48–60; Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1993.

⁵⁶ Febvre L., Marc Bloch. // Architects and Craftsmen in History. Festschrift für Abbot Pauson Usher. Tübingen. 1956; Гуревич А. Я. «Новая историческая наука» во Франции: достижения и трудности (критические заметки медиевиста) // История и историки. М., 1981.

внимание на антропологической истории, он больше внимания уделяет социальной дифференциации культурного поведения. Исследователями-анналистами неоднократно подчеркивалось, что наличие высоко интеллектуальных сфер деятельности не исключает функционирования менталитета в массовом сознании, то есть менталитет европейских обществ также мало подчиняется законам аристотелевской логики, как и «*mentalite*» Леви-Брюля.

Ж. Дюби сосредоточил свое внимание на истории семьи, детства, брака и связанных с ними представлений и ценностей. Именно в брачно-семейных связях отражены все господствующие в данную эпоху общественные структуры. В более широком контексте идеологии и ментальности он рассматривает формы искусства Средневековья⁵⁷. Для Ж. Дюби характерен комплексный подход к рассмотрению социальных и экономических отношений и «координированных» с ними феноменов духовной жизни. Подвергаясь всевозможным воздействиям и давлениям со стороны различных факторов и видоизменяясь в результате их давления, *ментальность* вместе с тем *образует ту атмосферу*, тот «эфир», в котором эти силы и факторы действуют. Все социальные феномены, от экономики, структуры общества и до верований и политических кризисов, по словам М. Блока, «смыкаются» в человеческом сознании. Картина мира не исчерпывается теми или иными аспектами и фрагментами ментальности; в принципе она охватывает все без исключения стороны человеческого мировосприятия⁵⁸. Речь должна идти о том, каким образом все отмечаемые факторы фокусируются и преломляются в сознании людей, становясь стимулами их социального поведения и моделируя *его специфическим для данной эпохи и культуры способом*. Это преломление оказывается, по Дюби, в высшей степени сложным, иногда «искажающим» объективную действительность.

Для Ле Гоффа ментальности – это неосознанное, повседневное, связанное с автоматизмами поведения, внеличными аспекта-

---

⁵⁷ См.: *Duby G. L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval* (France, Angleterre, Empire, IXe – XVe siècles). Essai de synthèse et perspectives de recherches. P.: Aubier, 1962.

⁵⁸ См.: *Bloch M. Liberté et servitude personnelles au moyen âge, particulièrement en France* // *Bloch M. Melanges historiques*. Pref. de Ch. E. Paris, 1963. T. 1. P. 286, 308, 355; *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.

ми индивидуального сознания. Ле Гофф подчеркивает связь между ментальностями и социальными структурами, связь сложную, однако, тесную.

Разглядеть за «планом выражения» «план содержания», проникнуть в этот невыговоренный внятно и «текущий» по своему составу пласт общественного сознания, настолько потаенный, что до недавнего времени исследователи и не подозревали о его существовании, – задача первостепенной научной важности и огромной интеллектуальной привлекательности. Ее разработка открывает перед исследователями поистине необозримые перспективы и предполагает оптимизацию процесса управления общественными системами. Исследование ментальностей, социально-психологических установок общества и образующих его групп, представляет собой задачу первостепенной важности для политологического знания. Здесь широкий спектр коллективных представлений, верований, имплицитных ценностей, традиций, практических действий и моделей поведения, на котором вырастают и над которым надстраиваются все рациональные, осмысленные идеологические системы, формируется политическая культура общества, политическое сознание. Без учета этого слоя общественного сознания нельзя понять ни содержания и реального воздействия политических идей на человеческие умы, ни политического поведения людей – группового или индивидуального, ни решить проблемы формирования политического сознания. Важно заметить, что, изучая ментальность и поведение индивидов, можно подойти к пониманию того, как складывались и изменялись общественные структуры, то есть приблизиться к постижению логики исторического процесса⁵⁹, оптимизировать существование человека в новых общественно-политических условиях. Это та совокупность образов и представлений, которой руководствуются в своем политическом поведении члены той или иной социальной группы и в которой выражено их понимание мира в целом и их собственного места в нем. Ж. Ле Гофф видит в ментальности «посредствующее звено», связующее социальные процессы и духовную жизнь.

По мнению И. Валлерстайна, движение «Анналов» предлагало мировоззрение, которое выражало «сопротивление как англосаксонской интеллектуальной гегемонии, так и склеротическому

---

⁵⁹ Le Goff J. L'appetit de l'histoire // d' égo-histoire. P., 1987. P. 227–235; См. также: Ж. Ле Гофф. Цивилизация средневекового Запада. М., 1993.

официальному марксизму»⁶⁰. С полным основанием можно сказать, что изыскания ученых разных стран способствовали также утверждению новых подходов в осуществлении социального управления, новых взглядов на предмет субъектно-объектных отношений в политической науке и практике. В начале XX в. с развитием новых технологий, усложнением общественных структур на первое место выдвигается человеческий фактор, в качестве движущих сил экономики и общественного развития в целом рассматриваются не только технический прогресс, развитие производительных сил, но и творчество конкретной социальной общности, обладающей соответствующим мировидением, менталитетом. В решении проблем переустройства жизни обращается внимание на социокультурные особенности бытия народа.

В первые десятилетия XX в. появляются работы, посвященные этой проблематике в других странах: известны труды Э. Кассирера в Германии, искусствоведа Э. Панофски, который пытался выявить в культуре зрелого Средневековья, с одной стороны, ментальные привычки (*habitus*), а с другой – «силы, формирующие привычки» (*habit forming force*), лежащие в основе структурных изоморфизмов (например, между готической архитектурой и схоластической мыслью), труды французского психолога И. Мейерсона, которые затем оказали влияние на работы Ж.-П. Вернана. Близкий к проблематике М. Вебера и З. Фрейда, немецкий социолог Н. Элиас пытался в конце 30-х годов осмыслить «процесс цивилизации» Запада и психические мутации, которые его сопровождали, рассматривал их как следствие «социогенеза государства» и социальных изменений.

Разработав теорию «исследовательских утопий» – «идеальных типов», которые создаются историками для изучения и реконструкции прошлого, Макс Вебер чрезвычайно продвинул эпистемологию гуманитарного познания и перевел в новую плоскость проблему рассмотрения индивидуального и общего в историческом процессе.

С 1984 г. в Новой Зеландии выходит журнал, на страницах которого развиваются традиции «анналистов», разрабатывается современный взгляд на проблемы менталитета. Определенный вклад в изучение проблемы внесен литературой «географическо-

---

⁶⁰ См.: *Валлерстайн И.* Что после «Анналов»? (Судьбы и перспективы историографического направления) // Споры о главном. Там же. С. 96.

го детерминизма»⁶¹. Солидный перечень трудов по интересующей нас проблеме можно предложить со ссылкой на отечественную историографию, хотя конкретно менталитет и ментальность становятся предметом изучения лишь в 80-е годы⁶².

Междисциплинарные исследования в общественных науках по интересующим нас проблемам способствовали развитию сотрудничества исторической науки с информатикой, исторической антропологией, демографией, исторической поэтикой, семиотикой, культурологией, географией, экономикой, социологией, компаративистикой, этнологией, политологией, фольклористикой.

В основном эмпирическим путем было установлено, что в рамках изучения этого феномена следует обращать внимание на следующие явления в общественном сознании: образ социального целого и оценку социальной структуры; представления о праве и обычае; отношение к свободе – понимание свободы и

---

⁶¹ См.: *Гейден Г.* Критика немецкой геополитики. М., 1960; *Геополитика: теория и практика.* Сб. статей. М., 1993; *Добровольский С.* История и будущее России как геополитическая проблема // *Обозреватель.* № 9. 1994. С. 17–27; *Тойнби А.* Постижение истории; *Гумилев Л. Н.* Черная легенда. М., 1994; *Гуревич А. Я.* Проблема ментальностей в современной историографии // *Всеобщая история: дискуссии, новые подходы.* Вып. 1. М., 1989; *Burke P.* The French Historical Revolution. The Annales School 1929–1989. Stanford: California. 1990. P. 100; *Бессмертный Ю. Л.* Анналы: переломный этап? // *Одиссей.* М., 1991; Он же. История на распутье // *Споры о главном.* Там же. С. 3–15; *Макиндер Х. Дж.* Географическая ось истории // *Полис.* 1995. № 4; *Мотескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955; *Ратцель Ф.* Народоведение. М., 1893. Т. 1.

⁶² См.: *Гуревич А. Я.* Некоторые аспекты изучения социальной истории (общественно-историческая психология) // *Вопросы истории.* 1964. № 10; *Поршнев Б. Ф.* История и социальная психология. М., 1966; *Розовская И. И.* Проблематика социально-исторической психологии в зарубежной историографии XX века // *Вопросы философии.* 1972. № 7; *Афанасьев А. Ю.* Историзм против эклектики. М., 1980; Он же. Идеология феодального общества в Западной Европе: проблемы культуры и социально-культурных представлений Средневековья в современной зарубежной историографии. М., 1980; Он же. Эволюция теоретических основ Школы «Анналов» // *Вопросы истории.* 1981. № 9; Он же. Вчера и сегодня французской «Новой исторической науки» // *Вопросы истории.* 1984; *Культура и общество в Средние века: методология и методика зарубежных исследований.* М., 1982; *Белявский И. Г., Шкуратов В. А.* Проблемы исторической психологии Ростов на Дону, 1982; *Гуревич А. Я., Вовель М., Рожанский М.* Ментальность // 50 – 50. Опыт словаря нового мышления. М., 1989; *Бессмертный Ю. Л.* «Анналы»: переломный этап? // *Одиссей.* Человек в истории. М., 1991.

несвободы; отношение к труду, собственности, богатству, безопасности; понимание места человека в структуре мироздания; трактовку пространства, времени и истории; образ природы и способы воздействия на нее; оценку возрастов, женщины, брака; представление о мире земном и трансцендентном, их связи; понимание уровней культуры и религиозности; отношение к смерти; социальные фобии и коллективные психозы. Внимание исследователя не должны избегать такие явления в общественном сознании, как отношение к власти, к представителям других народов, к традициям и обычаям, представления о собственном народе, этносе, о его месте среди других народов, о войне, о мире. По мнению ряда ученых (Филипп Арьес, Пьер Шоню), отношение, например, к смерти служит своего рода эталоном, индикатором характера цивилизации. Проблема отношения к смерти – составная часть более общей проблемы ментальностей, социально-психологических установок, способов восприятия мира. Это явление примерно такого же порядка, как «время», «пространство», «семья», «брак», «сексуальность», «женщина», «детство», «старость», «болезнь», «страх», «смех», «аккультурация», «чувствительность».

Неопределенность, расплывчатость понятия «ментальность», на которые указывают современные исследователи, обусловлены не только тем, что понятие это еще недостаточно логически прояснено. Предмет не очерчен четко, он повсюду *присутствует в ткани истории*. По существу, во всех без исключения ее проявлениях могут быть обнаружены те или иные симптомы коллективной психической жизни, ее «обыденные», неиндивидуализированные и безличные аспекты и автоматизмы, то содержание сознания, которое не выражено эксплицитно и намеренно, коренится в потаенных глубинах социальной и индивидуальной психики.

Известно, что более привычные, казалось бы, хорошо проработанные понятия политологии также отличаются немалой неясностью, многосмысленностью и метафоричностью. И вряд ли науки, изучающие общественно-политические процессы, когда-либо способны достичь однозначности в определениях категорий и понятий.

Несмотря на неопределенность и неоднозначность понятия «менталитет» (*mentalités*), – это термин, которым «новая историческая наука» обозначает главный предмет своего анализа: со-

циально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности. Ментальности диффузны, разлиты в культуру и обыденном сознании, не организованы в законченные и продуманные системы. *По большей части они не осознаются самими людьми*, обладающими этим видением мира, проявляясь в их поведении и высказываниях как бы помимо их намерений и воли⁶³. Ментальности выражают не столько индивидуальные установки личности, сколько *внеличную сторону общественного сознания*, будучи имплицированы в языке и других знаковых системах, в обычаях, традициях и верованиях, в политическом поведении, отношении к государству и власти, в политической культуре.

Из всего многообразия встречающихся в современной литературе определений менталитета, на наш взгляд, можно выделить несколько типов. Среди них **описательные определения**, в которых акцент делается на перечисление всего того, что объединяется в понятии «менталитет», «ментальность» и является общим для данной социальной общности. В **«исторических» определениях** особое внимание обращается на процессы социального наследования, на традицию. Недостатком таких определений является подчеркивание стабильности и неизменности менталитета, упускаются из виду активность человека, действие различных факторов, влияющих на развитие и изменение ментальности. **Нормативные определения** делятся на две группы. Первая – определения, ориентирующиеся на идею образа жизни. То есть образ жизни, которому следует та или иная социальная общность. Вторая группа – определения, ориентированные на представления об идеалах и ценностях. Термин «менталитет» также используют в качестве синонима понятия «система ценностей» без всяких на то оснований. Система ценностей – гораздо более подвижное образование, способное изменяться без серьезного изменения ментальности. Общими могут быть не ценности, а *неосознаваемые приемы выработки ценностных суждений*. Менталитет – не система ценностей, а система *способов оценивания*. Ценности определяют менталитет. Менталитет – это элементы сознания, содержащие оценочное отношение к

---

⁶³ См.: Гуревич А. Я. Изучение ментальности и проблема исторического синтеза // Споры о главном. М., 1993; Он же. Исторический синтез и Школа Анналов. М., 1993.

действительности и оказывающие влияние на формирование системы ценностей и, значит, на функционирование конкретной социальной общности. **Психологические определения** выделяют либо процесс адаптаций к среде, либо ориентируются на формирование привычек, либо процесс научения, иногда акцентируют внимание на роли отдельных особенностей психики человека, «человеческой энергетики» в формировании менталитета⁶⁴ и, наконец, «чисто психологические определения». В качестве одной из иллюстраций может послужить концепция коллективной ментальности, сложившаяся в отечественной историографии, социоисторической психологии, которая имеет свои аналоги в таких конструкциях как, например, «социальный характер» Э. Фромма⁶⁵. Э. Фромм выстроил модель взаимодействия социальных, экономических, психологических факторов, предполагающую между ними систему двойных связей. Согласно модели все социальные, экономические, политические, идеологические мотивы деятельности, активности людей имеют шанс на успех лишь при условии их «резонанса» с социопсихологической аурой. К определениям указанного типа можно отнести определение В. Е. Семенова. Менталитет – исторически сложившийся тип психики того или иного социума, народа, макрогруппы, который проявляется и на индивидуальном уровне. В нем объединены объективные и субъективные, рациональные и иррациональные, сознательные и бессознательные составляющие. Менталитет имеет исторические, географические, природно-климатические, социально-психологические, архетипические, мифологические корни⁶⁶. В **структурных определениях**, акцент делается на структурную организацию менталитета (такие определения претендуют на то, чтобы предлагать набор системных качеств менталитета, характеристики его структуры). Относящиеся к данной группе определения наиболее распро-

---

⁶⁴ Dupront A. Problèmes et méthodes d'une histoire de la psychologie collective / Annales E. S. C., 1961. P. 5. L'histoire «raconte la geste des hommes et donc est geste des hommes»: l'adérive métaphysique est accomplie, et A. Dupront n'est pas très loin en définitive de la doctrine bergsonienne, tant dans son exposition d'une mémoire (individuelle) comme «schéma dynamique» que dans son idéologie générale d'un élan créateur.

⁶⁵ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. Перевод с англ. М., 1990. С. 225.

⁶⁶ См.: Семенов В. Основные менталитеты в современном российском обществе и проблема их совместимости // Человек в условиях кризиса. СПб., 1994. С. 6, 94.

странены. Как правило, это определения, характеризующие менталитет как наличие у людей того или иного общества, принадлежащих к одной культуре, общего умственного инструментария. Что, по мнению приверженцев этой точки зрения, дает им возможность по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение и самих себя⁶⁷. Менталитет обозначается как «национальный космопсихологос», как своеобразная память народа о прошлом; глобальный, всеобъемлющий «эфир» культуры⁶⁸. **Генетические определения** рассматривают менталитет с точки зрения его происхождения. Их можно разделить также на несколько групп: менталитет определяется как продукт или артефакт; акцент делается на идеях, идейных истоках и особенностях общественного сознания, духовности, присущей конкретной социальной общности, «духе народа». Известно немало трудов отечественных авторов об особенностях народного духа русских, которые не призваны заимствовать духовную культуру у других народов, у них другой характер, «другая наследственность»,⁶⁹ или о «национальном чувстве евреев» как народе «пророков и апостолов», который ожидает полное возрождение и обновление⁷⁰, о «горском характере» и т. д. Обращают на себя внимание определения, где **менталитет отождествляется с идеей**, (важной для данной социальной общности) или **идеологией**⁷¹. К этой группе могут быть отнесены определения менталитета как некой совокупности общих для данной социальной общности смыслов, которые вкладываются, например, в верования, в понятия «политика» и «политическое». Часто при определении менталитета подчеркивается роль символов, в том числе языка, а также жестов и в целом невербальных форм общения или же менталитет определяется как нечто, по отношению к тому, что не есть менталитет.

---

⁶⁷ См.: 50–50: Опыт словаря нового мышления. Там же; *Шевяков М. Ю.* Менталитет: сущность и особенности функционирования. Автореф. дисс. канд. филос. наук. Волгоград, 1994. С. 14, 15.

⁶⁸ См.: Российская ментальность (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. № 1. 1994.

⁶⁹ См.: *Ильин И. А.* О русской идее // *Русская идея*. М., 1992. С. 439, 442; *Розанов В. В.* Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 71; *Чаадаев П. Я.* Апология сумасшедшего // *Тарасов Б.* Чаадаев. М., 1990. С. 561, 563.

⁷⁰ *Соловьев В. С.* Русская идея // *Россия глазами русского: Чаадаев. Леонтьев. Соловьев* / Отв. ред. *А. Ф. Замалеев*. СПб., 1991. С. 314.

⁷¹ Менталитет: широкий и узкий план рассмотрения. Сб. научных статей. Ижевск, 1994.

В политолого-социологических определениях менталитет представлен как некое системное качество, детерминирующее характеристики политической культуры, политического сознания, политического поведения, зачастую с учетом социальной стратификации. Менталитет нередко соотносится с социальным делением и зависящим от этого типом политической культуры. Как исходное, иногда имеется в виду не социальный статус, а этнонациональная принадлежность личности и социальной общности⁷². Иногда менталитет предлагается рассматривать как базу («методологическое поле») для изучения этносоциологических корней⁷³. Еще одна группа **определений связана с режимом государства, типом политической культуры** («демократический», тоталитарный», и т. п.). Особое место в этом ряду занимают определения, трактующие «политический» менталитет, – **политологические определения**. В данном случае выделяют «модальные» менталитеты, например, советско-социалистический, западно-ориентированный капиталистический,⁷⁴ «традиционалистский» (связанный с традиционалистской политической культурой) и т. п.

Культурологические определения представляют менталитет как «эфир культуры», как феномен, связанный со сферой социокультурного бытия личности и социальной общности, с развитием культуры и всем тем, что отличает человека от животного. В русском языке есть близкие понятия для обозначения нюансов духовной жизни народа – «дух эпохи», «мироощущение», «мировоззрение», образ мыслей», «духовность». В ряде случаев понятие «менталитет» отождествляется с понятиями «массовое сознание», «общественное сознание», «неосознанное». Менталитет, пишет М. А. Барг, – это, несколько упрощая, *совокупность символов*, необходимо формирующихся в рамках каждой данной культурно-исторической эпохи и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения с себе подобными, то есть путем повторения. Эти символы (понятия, образы,

---

⁷² См.: Болотоков В. Х. Нация и ее национально-психологический мир. Нальчик, 1996; Болотоков В. Х., Сушков З. Ш. Этнопсихологические теории в России. Нальчик, 1997; Хоперская Л. Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов на Дону, 1997.

⁷³ Conry Y. Op. cit. P. 379.

⁷⁴ См.: Семенов В. Е. Основные менталитеты в современном российском обществе и проблема их совместимости // Человек в условиях кризиса. Материалы научной сессии комплексных социальных исследований. СПб., 1994. С. 6, 7.

идеи) служат в повседневном обиходе онтологическим (ответ на вопрос: что это?) и функциональным (ответ на вопрос: как и зачем это?) объяснением, способом выражения знаний о мире и человеке в нем. Идентичность менталитета среди его носителей обуславливается, в конечном счете, общностью исторических условий, в которых формируется их сознание, и проявляется она в их способности наделять одним и тем же значением одни и те же явления объективного и субъективного мира, то есть тождественным образом их интерпретировать и выражать в одних и тех же символах⁷⁵. К культурологическим определениям мы относим некоторые из *модальных менталитетов*, например, православно-русский, другие распространенные религиозные менталитеты⁷⁶.

Менталитет часто сравнивают с «почвой культуры». Эта «почва» способствует появлению тех или иных систем ценностей, но сам их набор настолько велик, что среди носителей одного и того же менталитета могут встретиться антагонистические системы ценностей. В группе культурологических определений могут рассматриваться также те из них, авторы которых склонны к обобщению и рассматривают менталитет как некий «код» культуры, свойственный всем народам, как совокупность нравственных норм и ценностей в виде бессознательных культурных кодов, или естественного морального языка. Благодаря своей всеобщности моральные нормы, якобы, образуют основание для всех других ментальных состояний личности⁷⁷.

Ряд ученых ментальность, менталитет рассматривают **в зависимости от субъективных представлений** о его природе, структуре, отождествляя менталитет, например, с национальным характером конкретного индивида, социальной общности. В данную группу можно отнести так называемый стихийно-мозаичный менталитет, например, «женский» или конгломерат, составляющее других менталитетов: криминально-групповой, продукт маскульты или влияния средств массовой информации. Иногда рассматриваются **«субментальности»**, свойственные различным социальным группам, в связи с невозможностью, якобы, рассматривать менталитет применительно к неоднород-

⁷⁵ Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1984. С. 3, 4.

⁷⁶ См.: Семенов В. Е. Указ. раб. С. 6, 8.

⁷⁷ См.: Логинова А. Н. Тенциарная цивилизация: широкий план менталитета // Менталитет: широкий и узкий план рассмотрения. Там же. С. 37, 40.

ным нациям, большим социальным стартам, социальным общностям той или иной страны («молодежный», «сельский», «кавказский»).

В отдельную группу мы выделяем менталитеты, которым дают**ся определения с ориентацией на профессиональные группы**, идеологические и иные пристрастия.

Нередко в литературе предлагаются **типы коллективной ментальности**: «идеациональный», «прагматический», «естественный», «идеалистический» и рассматриваются как стадии развития национального менталитета. При этом, допускается их наличие в общественной среде как диахронно (исторически), так и синхронно (одновременно). То есть в реальном обществе указанные типы присутствуют в различных сочетаниях, и на них воздействуют различные социокультурные обстоятельства⁷⁸.

В определениях **«смешанного» типа** в понятии «менталитет» сопрягают социально-культурологический анализ и психологизаторскую интерпретацию, что позволяет использовать его в диапазоне от специально исторических, политологических тем до общегуманитарных рассуждений⁷⁹.

Иногда ментальность, менталитет относят к бессознательному или **отождествляют с феноменами бессознательного**. Данные воззрения восходят, как правило, к представлениям о «мировидении», «мироощущении» примитивных обществ. Вклад в изучение бессознательного внесли отечественные и зарубежные ученые. Представляют интерес теории и исследования, изучающие «пограничные» феномены общественного сознания (К. Юнг, З. Фрейд, Э. Фромм, С. Гроф). В то же время феномены бессознательного, архетипов, коллективного бессознательного и т. д. не являются тем же, что и менталитет, отражают качественно иные, нежели менталитет, явления общественного сознания. «Бессознательность» – не характеристика менталитета, так как «он бессознателен лишь отчасти»: его носители не осознают, что мыслят по определенной схеме, но сама схема имеет свою рациональность. Причем, упорядоченность и логичность схемы – один из важнейших гарантов воспроизводства социальности для общества в целом. Не случайно, обращает на себя внимание «консервативность» менталитета, его относительная устой-

---

⁷⁸ Кельберг А. А. Историческая психология как знаковая система: К вопросу о национальном менталитете. СПб., 1994. С. 29.

⁷⁹ Шкуратов В. А. Историческая психология на перекрестках человекознания // Одиссей. М., 1991. С. 109.

чивость к внешним влияниям (формальным воздействиям со стороны политической власти), не согласующимся с выше упомянутой упорядоченностью, логичностью и рациональностью схемы мышления. Менталитет с этой точки зрения не только рационален, но и прагматичен, позволяя обществу адаптироваться к новым общественно-политическим условиям, сохраняя способность воспроизводства социальности в общих, системообразующих аспектах. Для теоретического описания «пограничных зон» между осознаваемым и бессознательным (где и располагается менталитет) можно использовать термин «подсознательное», применительно к методологии Леви-Стросса: как словарь для записи «лексики истории».

Все рассмотренные подходы к определению менталитета не являются взаимоисключающими, но каждое само по себе представляет достаточно узкий контекст. В каждом из указанных подходов в качестве определяющей сущности выдвигается какая-либо одна из сторон деятельности социума и личности: психологическая, духовно-культурная, социальная и др. Иногда авторы настаивают на абсолютизации одной из этих сторон, например, психологической или социальной. Представители социологической и философской трактовки ментальности сводят ментальность к специфическим, культурно определенным и закрепленным социально стереотипам поведения и мышления, к системе «иерархически соподчиненных приоритетов ценностей», способных преобразовываться в культурно-поведенческие и культурно-мыслительные автоматизмы. Неприемлемость психологической трактовки ментальностей некоторыми авторами объясняется «универсальностью» человеческой психики и, соответственно, «универсальностью» психических механизмов, опосредованных культурой, которая, якобы, выступает основным источником менталитета, придает различную форму универсальным по своей природе психическим явлениям⁸⁰. Согласно этой позиции, как представляется, невозможно ответить на важные вопросы: почему каждая национальная общность имеет значимые только для членов данной национальной или социальной общности ценности и четко определенные способы социально-смыслового взаимодействия (коммуникации), почему до

---

⁸⁰ См.: Этническая культура: проблема самосохранения в современном контексте / Отв. ред. М. В. Иордан, В. Х. Болотоков. М.–Нальчик, 1997. С. 178, 179.

настоящего времени не произошло нивелировки культур, этничностей и менталитетов разных народов и стран?

Немало того, что объединяет указанные выше определения менталитета. Во-первых, признание того, что характеристики менталитета определяются *состоянием* человеческого общества, социальной общности; во-вторых, менталитет изменчив; в-третьих, менталитет, его существование и развитие связано с социальной информацией, которая передается от поколения к поколению и благодаря новой социальной информации; в-четвертых, функционирование менталитета связано с культурой; в-пятых, менталитет проявляется через различные символы, которыми пользуется конкретная социальная общность и личность – вербальные и невербальные.

В связи с вышесказанным, представляется нецелесообразным абсолютизировать какие-либо из характеристик менталитета или факторов, воздействовавших на его формирование и развитие. Менталитет – это исторически сложившаяся устойчивая система культурных, этнических, психологических, политических, умственных установок, предрасположенностей индивида и социентальной общности, которой свойственна относительная стабильность, благодаря уникальной «архитектонике» нервной системы, детерминирующей способы мировосприятия, оценивания представителями данной социентальной общности окружающей действительности, и поведение. Предпочтительнее целостный взгляд на природу менталитета, носителями которого являются и отдельный человек, и социентальная общность, рассматриваемые нами как социально-биологические целостности.

Менталитет основывается на части социальной информации, циркулирующей в обществе, детерминируется политическим, социально-экономическим, культурным бытием, всем образом жизни общества.

Зафиксированная в менталитете «картина мира», присутствующая в сознании современного человека, заложена культурой, традицией, языком, образом жизни, формой религиозности, связана с распространенным для данной социентальной общности психотипом, обуславливающим *специфичность восприятия и переработки информации*, со свойственной для данной социентальной общности иерархией ценностей, стереотипами, передающимися из поколения в поколение (например, отношения «общество-государство»), присущим «верхам» и

«низам», образованным и неграмотным. Менталитет формируется в зависимости от всей среды обитания человека.

Менталитет – переменная величина, изменяющаяся от эпохи к эпохе, связанная с общественным и индивидуальным сознанием. Сущность менталитета – его неосознанность или неполная осознанность – это состояние души и психики в той или иной общественно-политической ситуации. Для сущностного содержания менталитета важны те ценности или жизненные смыслы, которые отвечают на вопрос: во имя чего? Деятельность человека сама по себе еще не выражает творческого отношения к действительности. Личность должна иметь ценностную ориентацию, одухотворяющую саму деятельность. К базовым ценностям, выражающим сущности, творческие силы и потенции мы относим ценности знания, труда, отношения к природе («как к храму»), к другим людям и т. п. Как бы ни изменялся менталитет, сущность его в системообразующих аспектах сохраняется. Однако в определенной социокультурной среде происходит «насыщение», «напоминание», «возрастание» его начала, оно приобретает все более обогащенные формы своего выражения. Чтобы раскрыть природу и специфику менталитета, его следует изучать в контексте конкретной культуры и конкретной политической реальности. Это позволит также объяснить специфику протекания политических процессов. Менталитет – не только продукт, результат психической деятельности людей, но и итог функционирования определенной социальной системы. Менталитет можно рассматривать как особый тип социальной регуляции деятельности людей, предполагающий определенную меру политического регулирования. В условиях трансформации российского общества может рассматриваться как форма отношения между этносами, народами, между политическим и неполитическим обществом, как фактор, влияющий на политический процесс, функционирование политической системы.

1.2. Менталитет как феномен общественно-политической жизни

Накопленный опыт и новейшие исследования позволяют высказать ряд суждений по проблемам функционирования менталитета в общественно-политической жизни, которые будут, более или менее, обоснованы в последующих главах работы при рас-

смотреии обширного теоретического и эмпирического материала. Менталитет является своеобразным фоном и «каркасом» формирования, развития, функционирования институтов политической системы. Ментальности «транслируются» в процессе политической практики согласно специфическим био- и психологическим ритмам, закономерностям развития культуры. Указанное непосредственно и опосредованно связано с миром идей в собственном смысле слова, которые, благодаря специфическим умственным механизмам данной социальной общности, преобразовываясь, находят отражение в политическом сознании и в политической культуре личности и общества, в конечном итоге, – в формировании политической, правовой и экономической систем.

Под влиянием менталитета создаются те или иные модели социально-экономического и политического бытия населения, проживающего на данной географической территории, образ жизни и, соответственно, складывается стратификация общества, формируются социальные и политические интересы. Ментальность выражает в некотором роде единый облик коллективного сознания, культуры общества, в широком смысле слова. С одной стороны, менталитет – это относительно постоянная, относящаяся к системообразующим слоям бытия социума, длительно существующая часть информации, циркулирующей в общественной жизни, с другой стороны, менталитет трудно поддается систематизации, нестатичен, подвержен медленному изменению.

Благодаря особенному «мировидению», сложившемуся психотипу (условно), умственным механизмам данной социальной общности, не всегда осознаваемым, складывается определенный тип взаимодействия личности и общества, общества и государства, формируется политический режим. *Воздействие сознания на процессы жизнедеятельности общества с его социальной средой вовлекает в процессы активного участия ментальность.* Восприятие нового через сознание, через соответствующие мыслительные операции, благодаря соответствующей «архитектонике» мыслительной деятельности, характерной лишь для конкретной социальной общности, в конечном итоге, бессознательно и бесконтрольно *видоизменяет сам менталитет.* Соответственно изменяются его важнейшие общественно-политические характеристики, в частности политическая культура и политическое поведение, политическое и правовое сознание и т. п.

Неосознанность или неполная осознанность как один из важных признаков ментальности проявляется, прежде всего, через автоматизмы и модели политического поведения и деятельности, через коллективные представления, верования, имплицитные ценности, традиции, которые регулируют отношения внутри этноса и отношения с другими народами, над которым надстраиваются все рациональные идеологические системы.

На уровне ментальности исследователю удастся выяснить знания о человеке, которые затруднительно получить на уровне сознательного: о чувствах, верованиях, ценностях, включая самооценку, проникнуть в «невывороченный» и «текущий» по своему составу пласт общественного сознания, прямо или косвенно проявляющийся в периоды массовой политизации, на переломных этапах развития общества как реакция отторжения чуждого, как, своего рода, защитный механизм.

Подтверждение вышесказанному автор находит в рассуждениях И. Конри, которым выявляет несколько подходов исторической науки к изучению ментальностей. Во-первых, *антипозитивизм*, предполагающий отказ от предубеждений, якобы, пассивного отражения менталитетом «картины» социально-экономических условий существования социальной общности (Г. Дюби, Ж. Ле Гофф); во-вторых, *номиналистско-формалистический* подход, где имеет место «отрыв» менталитета от культурной и политической реальности, рассматривается как негативный, тормозящий фактор по отношению к новшествам (по Ф. Броделло, менталитет имеет «подрывной» характер по отношению к новациям); в-третьих, *функционализм*, где менталитет, с одной стороны, рассматривается как созидующий феномен, действующий подспудно, не всегда явно, с другой стороны, — как уровень фантастического, воображаемого. Если коллективное подсознательное может не «воспринять» или исключить всякую объективную ссылку на пользу нововведений, то менталитет в то же время оживляет психологические силы, которые связаны с осознанием «себя», своего существования⁸¹. Вот почему важно для человека в процессе реформирования общества ответить на вопрос: во имя чего?

В условиях трансформации российского общества дает знать о себе консервативность, то есть выявляются его «охранительные»,

---

⁸¹ Conry Y. Combats pour l'histoire de sciences: lettre ouverte aux historiens des mentalités // Revue de synthèse. 3 sér. T. 104. Nos. 111–112. 1983. P. 377, 378.

компенсаторные функции. Основные установки, ценности и ценностные ориентации, которые определяют менталитет, помогают человеку в изменяющихся социально-экономических и политических условиях адаптироваться в новой реальности», вести борьбу «за добро против зла»⁸². Без опоры на «моральное основание» невозможно решить социально-экономические, политические и другие проблемы в условиях трансформации общества, разумеется, и проблемы выхода из кризиса. Должно прийти понимание той истины, которую высказывали Л. Толстой, Ф. Достоевский, В. Соловьев, что выход из социального кризиса возможен лишь благодаря одновременному решению политических, экономических и духовно-нравственных проблем личности и общества.

Не представляется возможным и целесообразным отождествлять менталитет ни с общественным, ни с массовым сознанием.

Соотношения менталитет – общественное сознание – массовое сознание, как явления общественной жизни, могут рассматриваться соответственно как общее, особенное, частное.

Менталитет как некое системное качество, присутствующее во всех указанных структурах сознания, в то же время является стержневым началом в духовной жизни общества (несмотря на консерватизм), способным гибко реагировать на внешние и внутренние воздействия.

Изучение, выявление менталитета социальной общности не представляется возможным без изучения как общественного, так и массового сознания на данном, конкретном этапе развития общества. Массовое и общественное сознание – главные трансляторы менталитета. В литературе пока не решен вопрос составляющих общественного сознания, его структуры – «простых» и «сложных» образований, которые расплывчато именуется «элементами», «формами», «сферами», «видами». Среди так называемых простейших, не разложимых элементов в разных комбинациях фигурируют «взгляды», «представления», «теории», «чувства», «идеи», «вкусы», «эмоции», «оценки», «привычки», «интересы» «настроения» и т. д. Ряд авторов к этому перечню добавляют «знания», «верования», «убеж-

---

⁸² Капустин Н. С. Проблема религиозного синкретизма // Инновационные подходы в науке. Ростов на Дону, 1995. С. 136.

дения», «мнения», «нормы»⁸³. К так называемым сложным образованиям относят: политическую идеологию, правосознание, мораль, религию, науку, искусство, философию.

Говоря о формах общественного сознания, В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон упоминают семь его форм, в частности политическую идеологию, правосознание, мораль, религию, науку, искусство, философию⁸⁴. А. Г. Спиркин в статье в «Философской энциклопедии» в этот перечень предлагает включить еще социальную психологию⁸⁵, другие – «собственно познание», третьи отождествляют общественное сознание с идеологией⁸⁶. Г. М. Гак в структуре общественного сознания различает психологию и идеологию, причем идеология приравнена к теории⁸⁷. Аналогичных взглядов придерживается Б. Ф. Поршнев, по мнению которого, «общественное сознание состоит не только из идеологии, то есть теории, мировоззрений, систем, но из психологии»⁸⁸. «Общественное сознание, – пишет А. К. Уледов, – это сложное и многогранное явление общественной жизни. Важным методологическим принципом служит многоплановость подхода к изучению общественного сознания, определяемая многообразием связей и отношений данного феномена с другими явлениями: объектом отражения, социальными условиями, в которых осуществляется отражение, историческими условиями выражения и деятельности сознания и т. д.»⁸⁹ Общественное сознание выступает, с одной стороны, как процесс отражения действительности, а с другой, – как ее продукт, воздействующий на общественное бытие. Таким образом, общественное сознание отличается чрезвычайным богатством форм своего существования и функционирования.

Феномен массового сознания заключается в том, что его природа и свойства также с большим трудом поддаются описанию. Массовое сознание не являет собой некое единое образо-

---

⁸³ См.: Соколов Э. В. О некоторых элементах в структуре общественного сознания // Философские науки. 1967. № 1. С. 45.

⁸⁴ См.: Келле В., Ковальзон М. Формы общественного сознания. М., 1959. С. 10, 27.

⁸⁵ См.: Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 47, 43.

⁸⁶ См.: В лабиринтах буржуазного сознания. М., 1978.

⁸⁷ См.: Гак Г. М. Учение об общественном сознании в свете теории познания. М., 1960. С. 3, 42, 79, 91.

⁸⁸ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С. 15–16.

⁸⁹ Уледов А. К. Структура общественного сознания. М., 1968. С. 27, 6.

вание, которое подобно общечеловеческому сознанию «обслуживает» любую массу. В литературе распространены положения концепции, которые «помещают» массовое сознание всецело в сферу общественной психологии. Этот подход демонстрирует А. К. Уледов⁹⁰. Г. Г. Дилигенский считает, что массовое сознание имеет «психологическую природу» и может рассматриваться как особый вид психического отражения объективной действительности⁹¹. А. Г. Здравомыслов утверждает, что динамической основой массового сознания оказываются его эмоциональные аспекты⁹². Представляют интерес предложенные Б. А. Грушиным критерии массового сознания. Во-первых, характеристика уровня (относительного) развития массового сознания. При всей относительности эта характеристика схватывает «некоторое *устойчивое совокупное свойство* массового сознания в целом, действующего в том или ином конкретном обществе. Во-вторых, диапазон и характер (направленность) потребностей, запросов, интересов, отличающих жизнь масс в той или иной совокупности обществ, в том или ином обществе. В-третьих, диапазон информации, открыто и в массовом масштабе циркулирующей в том или ином обществе, в том числе направленной «на массы» (система воспитания, образования, СМИ, маскульт). При этом, некомпетентность в вопросах науки и политики, неразвитость чувств, художественного вкуса и т. п. – все это отнюдь не «органические» свойства массового сознания⁹³. Они связаны, по Марксу, с определенными историческими формами общественного разделения труда, с процессами профессионализации духовного творчества⁹⁴.

Характеристика самого уровня массового сознания не лишена смысла, она фиксирует *относительное* явление, меняющееся синхронно и диахронно внутри любого общества. При всей относительности, тем не менее, она схватывает некоторое устойчивое совокупное свойство массового сознания в целом, характерного для конкретного этапа исторического развития. В рассуждениях о массовом сознании речь идет, как правило, о публике

⁹⁰ См.: Уледов А. Структура общественного сознания. Там же.

⁹¹ Дилигенский Г. Г. Марксизм и проблемы массового сознания // Вопросы философии. № 11. 1983. С. 7, 8.

⁹² См.: Здравомыслов А., Лейн Д. Массовое сознание в фокусе идеологической борьбы. Научный диалог // Проблемы мира и социализма. 1980. № 11. С. 79.

⁹³ См.: Грушин Б. А. Массовое сознание. Там же. С. 308.

⁹⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 393.

либо толпе или участниках массовых социокультурных движений, о движениях общественности, выступающих носителями общественного мнения, иногда не ограничиваясь пределами одного государства. Массовому сознанию свойственна социальная типичность всех образующих его компонентов (то есть определенное нивелирование индивидуальных различий). «Массовые индивиды», «массы индивидов», «массовые общности» – это центральные, ключевые понятия, с помощью которых проводятся границы массового сознания.

При всей необозримой широте «предметов» действительно, отраженных в массовом сознании, содержание этого сознания значительно уступает, во-первых, содержанию общественного сознания в целом, поскольку многие формы последнего (философия, наука, право, политика, религия, искусство) проникают в массовое сознание заведомо не полностью, но лишь фрагментами, активно функционируя в обществе и вне массового сознания; во-вторых, содержанию совокупного индивидуального сознания, которое по своему «предметному ряду» выходит далеко за границы общественного сознания. Массовое сознание «богаче», нежели общечеловеческое сознание⁹⁵. По Б. А. Грушину, весь фокус заключается в том, что массовое сознание и сама масса не существует вообще, они всегда облечены в те или иные конкретные формы. Массовизация проявляется в виде стихийных, статических процессов, в которых участвуют распыленные, не связанные друг с другом множества индивидов, которых отличает гетерогенность состава, спонтанность возникновения. Состояние массового сознания, возможно, дает о себе знать на различных этапах политизации общества через *общественное мнение*. Социолого-политологические исследования способны выявить состояние массового сознания в определенный период состояния политической системы и благодаря спонтанности, имплицитной неосознанности волевых проявлений, эмоций, чувств «массовых индивидов» по отношению к окружающему, могут использоваться в качестве одного из инструментов изучения менталитета общества, при том условии, что исследования не ангажированы, не связаны с политической конъюнктурой, носят строго научный характер. Исследования социального настроения, предпринимающиеся в на-

---

⁹⁵ См.: Грушин Б. А. Массовое сознание. Там же. С. 177, 168, 303.

стоящее время многими социологическими службами – не что иное как исследования массового сознания, то есть *активной части общественного сознания*. Нередко социальное настроение в истории развития нашей страны находилось во власти процесса деформации общественного сознания, который наиболее наглядно проявлялся в фальсификации, в манипуляции им. Манипуляция общественным сознанием планомерно осуществлялась в условиях тоталитарного режима бывшего Советского Союза. Формальное воздействие было ориентировано на примитивное восприятие окружающей действительности, на декларируемый идеал, «взгляды, мнения людей в течение длительного времени серьезно деформировались и по своей сути представляли противоестественный компромисс между официальными установками и тем, о чем сокровенно думал человек...»⁹⁶

Считаем целесообразным акцентировать внимание на отличительных свойствах массового сознания, к которым отнесены: 1) статистический характер общности (данная общность совпадает с множеством дискретных «единиц»); 2) стохастическая (вероятностная) природа общности (общность носит неупорядоченный характер, «случайный», «размытые» границы, неопределенный количественный и качественный состав); 3) ситуативный характер существования (образуется и функционирует в границах той или иной конкретной деятельности); 4) выраженная гетерогенность (разнородность) состава общности⁹⁷.

Исследования приводят к выводу о том, что кроме социально-экономической детерминации форм мировоззрения, мировидения, существует иного рода обусловленность, лежащая в сфере самого общественного сознания. Такое понимание детерминации менталитета утвердилось в литературе во многом в связи с исследованиями Февра и Бахтина. В каждом обществе на данной стадии развития существуют свои специфические условия для структурирования индивидуального сознания: культура и традиции, язык, образ жизни и религиозность, политический режим, тип политической культуры и политического сознания образуют своего рода «матрицу», в рамках которой формируется, развивается и проявляется ментальность.

⁹⁶ Тощенко Ж., Харченко С. Социальное настроение. М., 1996. С. 169, 170.

⁹⁷ См.: Массовая информация в советском промышленном городе. М., 1980. С. 32, 33, 34; Грушин Б. А. Масса как субъект исторического и социального действия // Рабочий класс и современный мир. С. 33–35, 44, 45.

Особенности духовного оснащения проявляются в «коллективном сознании», «массовом сознании» и транслируются через него, в сознании общественных групп и толп, высокообразованных и неграмотных, находят отражение в индивидуальном сознании выдающихся представителей эпохи. Традиционные понятия «массовое сознание», «общественное сознание», а также «общественное мнение», «теоретическое» или «обыденное» сознание не дают полной картины о главных определяющих поведение индивидов компонентах – эмоциях, умонастроениях, ценностях и убеждениях людей, то есть о том, что определяет их жизнеощущение⁹⁸. Таким координатором, «матрицей», несомненно, является менталитет социальной общности и личности.

Введение понятия «менталитет» в оборот настоящего исследования непосредственно связано с существом системного анализа, который в основных своих чертах разработан Гегелем и Марксом. Следуя точке зрения М. С. Кагана, автор полагает, что системный подход есть конкретное проявление диалектического метода в тех гносеологических ситуациях, когда предметом познания оказываются системные объекты⁹⁹. К числу сложных систем, на наш взгляд, принадлежит и ментальность. Во-первых, человек как социально-биологическая целостность не есть некий абсолют, изолированный от внешних условий своего существования. Его менталитет формируется и развивается не сам по себе, не только благодаря передаваемому от поколения к поколению опыту. Все необходимое и в вещественном, и в энергетическом, и в информационном плане живая система, то есть человек и социальная общность, получает из внешней среды,¹⁰⁰ оказывая, в свою очередь, определенное влияние на окружающую среду. Указанное в полной мере касается проблем функционирования менталитета в социально-политической сфере как фактора политики и проблем развития, изменения менталитета в изменяющихся условиях среды. Во-вторых, состояние гармонии, уравновешенности между компонентами социальной системы достигается за счет действия противоречивых сил, сце-

⁹⁸ См.: Тоценко Ж., Харченко С. Социальное настроение. М., 1996. С. 5.

⁹⁹ См.: Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа) М., 1974. С. 13, 33; Он же. Системный подход и гуманитарное знание. Л., 1991. С. 68.

¹⁰⁰ Афанасьев В. Г. Мир живого: системность, эволюция, управление. М., 1986. С. 210.

пляющих компоненты, цементирующих их в рамках единой системы¹⁰¹. Устойчивость, гармония достигаются благодаря победе интегрирующих сил. Одной из них, по-видимому, выступает менталитет общества, также характеризующийся внутренней противоречивостью, относительной устойчивостью, обеспечивающий идентификацию данной социальной общности. Необходимость системного подхода к изучению функционирования менталитета как феномена общественно-политической жизни диктуется также рядом условий.

Гегель показал, что понятия и категории, которыми оперирует наука, сами представляют собой систему. В. И. Ленин обосновал логику связи вещей логикой отражения. То есть, если изучаемые нами предметы реально сцеплены системообразующими связями и отношениями, то и отражающие их понятия должны также образовывать систему понятий. Как было сказано выше, менталитет функционирует не изолированно, а в диалектической связи с другими феноменами общественно-политической жизни: политической культурой, политическим сознанием и пр. Мы исходим из того, что *менталитет как система* политических, психологических, культурных, умственных установок, готовностей, предрасположенностей индивида и социальной группы действовать, чувствовать, воспринимать мир определенным образом, основывающаяся на социальной информации, циркулирующей в обществе, детерминированная социально-экономическим, политическим, культурным бытием социентальной общности, является отражением системы реальных связей объективного мира и, в частности политической системы общества и фактором, обуславливающим функционирование и развитие политической системы и общества. На наш взгляд, характеристики функционирования политической системы и ее подсистем остаются неполными, неточными без учета функционирования менталитета в общественно-политической жизни социума.

Методология системного исследования требует при разработке общих принципов системного исследования учета существования и функционирования разнообразных систем в политической жизни и в самой политической системе.

Представляется возможным допустить, что сложная система, в частности менталитет социальной общности, требует двоякого рассмотрения: во-первых, она может и должна быть рассмотрена

---

¹⁰¹ См.: Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980. С. 67.

в ее предметном бытии, в статике, временно отвлеченная от динамики ее реального существования, ибо только при такой «остановке» познание способно схватить, описать, смоделировать состав и строение данной системы; во-вторых, она может и должна быть рассмотрена в динамике, то есть ее функционировании (деятельности), развитии (возникновении, становлении, эволюционировании, разрушении, преобразении). Адекватное представление о сложной динамической системе требует сопряжения трех плоскостей ее исследования – предметной, функциональной, исторической.

Предметный аспект системного исследования менталитета предполагает решение двух взаимосвязанных задач: во-первых, выяснение, из каких компонентов (подсистем) состоит изучаемая система; во-вторых, как эти компоненты между собой связаны (структурный анализ системы). До настоящего времени пока не предпринято попыток фундаментальных разработок структуры менталитета. Не выявлено логических правил обоснования типологий, оснований деления. Используя методологию выявления структуры системных объектов, утвердившуюся в науке, М. Ю. Шевяков выделяет несколько структурообразующих групп общественного сознания. К первой группе он относит чувственные составляющие (образы, восприятия, переживания, эмоциональные реакции, аффекты, волевые импульсы, желания и т. п.). Здесь же рассматриваются рациональные и когнитивные составляющие (обобщенные логические представления, понятия, нейтральные или позитивные суждения, предписания). В этой группе также – иррациональные составляющие (верования, фантазии, образы, утопические идеи, иррациональные предписания). Во вторую группу включены элементы сознания, пассивно отражающие действительность, элементы сознания, выражающие оценочное отношение к действительности, а также элементы сознания, связанные с активной реакцией на действительность (реактивные составляющие). В третьей группе – формы, возникающие стихийным путем, а также в результате целенаправленной деятельности различных социальных институтов. Предполагается, что в разные периоды человеческой жизни и деятельности наблюдается сочетание форм и элементов общественного сознания. Матричным путем М. Ю. Шевяков выделяет до 18 комбинаций возможного состояния сознания. Эти комбинации, по его мнению, и представляют

собой моментальный снимок массового сознания, которое он рассматривает как главный транслятор менталитета¹⁰².

Если в первой части, касающейся структурообразующих групп общественного сознания, информация заслуживает внимания и рассмотрения, то автором настоящего исследования не приемлется возможность выявления менталитета посредством «снимков», пусть нескольких десятков комбинаций, состояния массового сознания или общественного сознания в целом. Массовое сознание как одна из структур общественного сознания, в принципе, не может поддаваться структурированию, анализу, его, в принципе, не существует, оно проявляется в общественном мнении, которое также рассматривается в данной работе как достаточно «размытое» понятие.

Можно говорить о микро- и макроэлементах структуры менталитета. Но эти задачи выходят за рамки настоящего исследования. Их более или менее полное решение возможно лишь на базе коллективных усилий множества исследователей при использовании современной электронной техники, достижений наук на основе междисциплинарного подхода.

Значительно доступнее задача конструирования отдельных фрагментов состава и структуры менталитета. На абстрактном уровне можно выделить многочисленные составляющие, связанные с различными средствами, способами духовного освоения действительности. По К. Марксу, способы духовного освоения действительности отличаются от способов собственно практического освоения мира¹⁰³ и включают в себя три основные формы: предметно-чувственного, абстрактно-логического и фантастического познания и преобразования действительности. Основные формы проявления менталитета рассматриваются в последующих главах настоящего исследования в связи с изучением процессов адаптации общества к новым общественно-политическим условиям, формированием новых политических институтов, становлением политической субъектности, гражданского общества, гражданской идентичности.

Системный подход предполагает рассмотрение системы как целостности, несводимой к ее составным частям (в данном исследова-

---

¹⁰² Шевяков М. Ю. Менталитет: сущность и особенности функционирования. Дисс... канд. филос. наук. Волгоград, 1994. С. 50–54.

¹⁰³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 38.

нии система – менталитет). Изучение не может быть ограничено описанием частей этой целостности; а выявление компонентов (подсистем), образующих эту целостность, должно представлять их как *необходимые* и *достаточные* для самого существования данной системы¹⁰⁴. Менталитет как целостность и как система установок, готовностей оценивать окружающую политическую реальность определенным образом оснащена компонентами, обеспечивающими ее существование. Как было сказано выше, перечень компонентов может быть необъятно широк. «Необходимость» и «достаточность» каждого из компонентов предполагает существование соответствующего типа менталитета. Утрата или трансформация одного из компонентов, (например, верования) влечет за собой трансформацию, изменение и самой системы представлений, готовностей воспринимать мир определенным образом.

Системный анализ предполагает также априорный подход к изучаемой системе как части другой системы, среды, в которую она вписана и в которой функционирует. *Менталитет функционирует, развивается в данный конкретный момент времени в условиях конкретной политической системы и во многом обуславливает ее особенности*. Наиболее ярко это проявляется в политическом процессе на переходных этапах развития общества, когда имеет место конфликт ценностей (прежних и новых), проявление свойственных менталитету типа политической культуры, типа политического сознания и т. п.

В литературе известно несколько подходов к рассмотрению структуры политической системы. В качестве ее компонентов выделяются, например, политическое сознание, политические организации, политические нормы, политические отношения¹⁰⁵. В другом случае – власть, интересы, политика, политическая культура¹⁰⁶. В третьем – утверждается, что «важнейшими взаимосвязанными, взаимозависимыми, взаимообуславливающими частями политической системы» являются власть, субъекты политики, политические отношения, политические организации и

¹⁰⁴ См.: Каган М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). Там же. С. 22, 23.

¹⁰⁵ См.: Бурлацкий Ф. М., Галкина А. А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М., 1985. С. 32.

¹⁰⁶ См.: Шаран П. Политическая система // Политология вчера и сегодня. Вып. 4. М., 1992. С. 6.

институты, политическая культура¹⁰⁷. Безусловно, определение понятия «политическая система», выявление ее компонентов зависит от оценки авторами определения форм господства, типа политического режима, властных отношений, форм общественной и политической репрезентации и т. п., а также находится в зависимости от того, под каким углом зрения рассматривается та или иная функция политической системы. Например, П. Шаран, проводя сравнительный анализ взглядов ряда зарубежных исследователей, пишет, что согласно Алмонду и Пауэллу, общим для определений «политической системы» является то, что она ассоциируется с применением узаконенного физического принуждения в обществе; для Истона характерны рассуждения об авторитетном распределении ценностей; для Даля – о власти, управлении и авторитете. Все эти определения подразумевают легитимность санкций законной власти. По словам Уорда и Макридиса, «политическая система» представляет собой механизм для выявления и постановки проблем, а также «для выработки и контроля за исполнением решений в сфере государственных отношений, в разных обществах определяемой по-разному»¹⁰⁸. Характеристика политической системы была бы неполной без учета того, что политическая система призвана определять механизмы разрешения социальных конфликтов, противоречий, упорядочивать общественные отношения, формировать сбалансированные общественные отношения, способствовать достижению консенсуса различных общественных сил по поводу основных ценностей, целей и направлений общественного развития¹⁰⁹.

Из каких бы функций политической системы исследователи ни исходили, в ее рамках осуществляется политическое и социальное регулирование. Оно касается, прежде всего, отношений и деятельности политических субъектов по поводу власти, отношений тех, кто творит политику, принимает в ней осознанное участие, вызывая своей деятельностью устойчивые представления,¹¹⁰ а также между субъектами политики, то есть большими

---

¹⁰⁷ См.: Пеньков В. Ф. О политической культуре российского общества. Тамбов., 1995. С. 38.

¹⁰⁸ См.: Шаран П. Политическая система // Политология вчера и сегодня. Вып. 4. М., 1992. С. 5, 7.

¹⁰⁹ См.: Политология: Курс лекций / Колл. авт. под ред. А. В. Миронова. М., 1993. С. 56.

¹¹⁰ См.: Политология на российском фоне. М., 1993. С. 280.

социальными группами и индивидуумами. Творящим политическим субъектом выступает индивид, социальная группа, социальная (точнее, социентальная) общность, обладающая определенным менталитетом. Субъектно-субъектные и субъектно-объектные политические отношения неизбежно предполагают исторически сложившийся в конкретном обществе тип отношения к власти, к государству, укорененный в менталитете общества. **Менталитет** является своеобразным «эфиром» формирования, развития, функционирования компонентов политической системы; в известном смысле, предопределяет тип отношений субъектов политики, осуществление политико-властных отношений и проявляется в политическом менталитете его носителей.

Идя от целого к частям (составляющим менталитета, о чем сказано выше), можно выявить их необходимость и достаточность, обусловленную отношением каждой из частей к целому, а значит, и друг к другу. Это необходимо в связи с изучением внутренней структуры менталитета, для более или менее полного представления о его внутренней организации. Речь идет о структурном анализе, который призван решать задачи: выявление закономерностей взаимосвязей компонентов системы; определение сложности данной системы. *Функциональный аспект* системного анализа включает внутреннее функционирование (взаимодействие ее элементов) и внешнее функционирование (взаимодействие системы с внешней средой). В последующих главах мы рассматриваем проблемы функционирования менталитета, его влияния на политический процесс.

Исторический аспект предполагает генетический и прогностический анализ (происхождение и дальнейшее развитие системы). Нормы коммуникации, духовные ценности и переживания, воля, чувства, телесные потребности, душевные аффекты и др., по мнению Б. В. Маркова, – это основные структуры ментальности. Они складываются и развиваются в процессе социальной жизни и передаются от поколения к поколению как традиция¹¹¹. Этот аспект анализа важен для нас в той части, где будет идти речь о влиянии (внешнем, формальном) на менталитет, возможности его изменения¹¹², что является предметом рассмотрения второй главы исследования.

---

¹¹¹ См.: Марков Б. В. Разум и сердце: история и теория менталитета. СПб., 1993. С. 77, 78.

¹¹² См.: Аграшенков А. Исторический опыт взаимодействия на политическое сознание в переломные моменты общественного развития. СПб., 1994.

Следует подчеркнуть, что нас интересует не вообще менталитет общества, личности, а *менталитет, ментальность социентальных общностей*. Такой подход предполагает описание объекта исследования на языке самого этого объекта ¹¹³. Выявлению менталитета социентальных общностей в процессе политического регулирования и прогнозирования может способствовать концепция социальной информации, применяемая в контексте социально-философского анализа культуры. *Выявление менталитета эпохи через концепцию социальной информации* дает возможность определить те области смежных социально-философских концепций, которые имеют исходный объект и даже предмет исследования. Во-вторых, понятие «социальная информация» содержит меньше оценочных моментов, чем традиционные описания менталитета, и способна усилить объективный план рассмотрения. В-третьих, проблема механизмов передачи менталитета может быть изучена как анализ каналов трансляции социальной информации. Таким образом, стратегия политологических исследований получает новые перспективы.

Возможно использование также *знакового подхода* при выявлении менталитета. Его приверженцы в качестве главного аргумента выдвигают возможность высокой степени определенности при интерпретации. Ибо при распространении культурных смыслов происходит «формализация уникального в знак» ¹¹⁴. Однако сторонники знаковой природы трансляции культурных смыслов признают, что менталитет не может быть представлен в раз и навсегда данном значении: «впоследствии личность может раскодировать этот знак более или менее полно, однако, при этом возникает не прежний, а новый феномен, новое явление культуры, новое качество» ¹¹⁵. Приверженцы символической природы менталитета, однако, зачастую абсолютизируют возможности символов. И знаки, и символы, по-видимому, более или менее корректно можно рассматривать в качестве видов трансляции менталитета. В то же время символы, в отличие

¹¹³ См.: Лотман Ю. Избранные произведения. Т. 1. Таллин, 1992. С. 388.

¹¹⁴ Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф.; Свасьян А. К. Проблемы символа в современной философии; Козлова О. Н. О методах анализа социокультурных явлений // Социологические исследования. 1993. № 11. С. 143.; Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1993.

¹¹⁵ Козлова О. Н. О методах анализа социокультурных явлений // Социологические исследования. № 11. 1993. С. 143.

от знаков, требуют для своей интерпретации различные способы смыслообразования. Соответственно и результат смыслообразования будет весьма различным. Смысл символа раскрывается при помощи рациональных и иррациональных средств. Символ как идеальный носитель информации способен сохранять в совершенном виде большие объемы сведений¹¹⁶.

Этим характеристикам символов соответствуют такие черты менталитета, как сложное сочетание рациональной и иррациональной составляющих, неоднозначность поведенческих реакций у носителей одного и того же менталитета. Более того, менталитет является пограничным феноменом области «коллективного бессознательного», в ряде случаев связан с понятийными формами мышления, многие из которых могут быть выражены только символическим способом¹¹⁷.

В исследовании, ставящем цель выявления, изучения менталитета социентальной общности, его влияния на политику и политический процесс, полагаем, необходимо руководствоваться *рядом принципов и правил*: следует различать менталитет и идеологию; менталитет и специализированные формы духовной деятельности; к менталитету относить лишь те элементы культуры, которые укоренены в общественном сознании и способны функционировать автономно от верхних полюсов общественного сознания, циркулируют в обществе в качестве социальной информации, исторической памяти, автоматизмов поведения и т. п. Идеологические конструкции вступают в сложное системное взаимодействие с ментальными структурами. Политическая идеология может рассматриваться как один из источников функционирования или трансляторов менталитета, как носитель специфических ментальных свойств социентальной общности и личности. Политическая идеология это – не порождение индивидуального сознания. Это духовные конструкции, стереотипные, традиционные для данной социентальной общности, свойственные менталитету, связанные со сложившейся в данном обществе иерархией ценностей – витальных, социальных, политических, культурных, религиозных, с нормами морали и права. Это особенное для данной социентальной общно-

---

¹¹⁶ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992; Лотман Ю. Символ в системе культуры // Избранные произведения. Т. 1. С. 191–200.

¹¹⁷ Чертов Л. Ф. Знаковость. СПб., 1993. С. 111

сти восприятие социально-политической реальности, «мировидение» как порождающее сознание.

Наряду с общесоциологическими законами, действующими в истории, в духовной деятельности могут долго сохраняться некоторые общечеловеческие и общесистемные духовные потребности и, соответственно, постоянно производятся и воспроизводятся определенные духовные ценности для их удовлетворения¹¹⁸.

Интенсивность проявления символического аспекта может быть весьма различной. Известно, что в разговоре 2-х человек одной этнической культуры многое понятно на невербальном уровне¹¹⁹. Символическая активность возрастает, когда менталитет является одним из немногих механизмов интерпретации культуры, а также когда в обществе утверждается новый тип личности, а значит, новый тип политической культуры и политического сознания. «Семиотически насыщенным» было, например, поведение средневекового рыцаря и декабриста в повседневной жизни¹²⁰. К таковым можно отнести также действия представителей некоторых современных общественных объединений и партий (представителей казачества, ряда национально-культурных движений Северного Кавказа, особое значение придающих внешнему виду, национальному костюму, представителей ряда пан-движений и т. п.) или представителей социальных слоев и групп (например, облик и поведение «новых русских»).

Таким образом, если мы останавливаемся на приемлемости идеи социальной информации, мы должны иметь в виду, что социальная информация действительно несет на себе глубокий след национальных и иных отношений, отпечаток потребностей, интересов, психических черт социального коллектива¹²¹.

Введение понятия «ментальности», «менталитета» в научный оборот побуждает по-новому подойти к изучению идей, доктрин, научных, эстетических, политических и иных теорий, а также идеологий. При этом, главной целью является совершенствование инструментария научного (политологического, исторического, социологического) знания.

---

¹¹⁸ Анисимов С. Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М., 1988. С. 120.

¹¹⁹ См.: Лебедева. Вам предстоит переговоры. М., 1988.

¹²⁰ См.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1983; Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни. С. 296–337.

¹²¹ Афанасьев В. Г., Урсул А. Д. Социальная информация (Некоторые методологические аспекты) // Вопросы философии. 1974. № 10. С. 64.

В настоящем исследовании понятие «менталитет» анализируется в ряду политологических и социально-философских концепций, таких как деятельностный подход, концепций структуры общественного сознания, политического сознания, политической культуры, политического поведения, политической системы, политического регулирования, политической субъектности. В целях более полного раскрытия темы привлечены работы, рассматривающие проблемы «исторической памяти»¹²². Автор приходит к выводу, что в целях выяснения проблемы менталитета как фактора политики современного российского общества в ткани общественного сознания следует пытаться искать такие механизмы преемственности, которые не опираются на конкретные исторические данные, хранящиеся в памяти членов социума. Социальная память может конкретизироваться в менталитете, транслироваться в виде традиций, обычаев, мифов, идеологии, политической культуры, проявляться в определенном типе политического сознания, политического поведения. В конечном счете она выражается в «единстве судеб страны», единстве характера исторических задач и способов их решения¹²³. «Историческую память», «социальную память», не следует искать посредством выяснения наличия или отсутствия в массовом сознании конкретных исторических сведений. Она концентрируется в наборе мыслительных реакций, сформированных в ходе естественноисторического развития. В переходный период развития общества проявляется, прежде всего, через осознание себя индивидом, частицей конкретного народа, этноса, самоидентификацию в отношении религии, языка, национальности и т. п.; для социальных общностей, этносов может выступать в виде потребности – имплицитно неосознанной или эксплицитно осознанной – обрести достойный социальный и политический статус. При этом, менталитет, «социальная память», несомненно, оказывают влияние на выбор социальных ролей с учетом имеющих место «ограничений» сознания, основывающихся на утвердившихся в социентальной общности стереотипах, касающихся отношений «общество-государство», места и роли личности в государстве и обществе.

---

¹²² См.: Каиров В. М. Традиции и исторический процесс (социально-философский анализ). Дисс. д-ра филос. наук. М., 1994.

¹²³ См.: Российская ментальность (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 30

Характеристики менталитета как «глубинного уровня сознания», неоднозначны и оставляют пространство для субъективных интерпретаций. Можно рассматривать менталитет как часть социальной информации, передающейся преимущественно через механизмы массового сознания, мало подверженной изменениям, обеспечивающей единство духовной сферы в ее развитии. Но не следует отождествлять менталитет с массовым или общественным сознанием, поскольку менталитет, ментальность предпочтительнее рассматривать не в рамках общностей, групп, имеющих стохастический, статистический, ситуативный, гетерогенный характер, отличающихся синкретностью сознания, которое характерно для всякой общности, возникающей в результате перекрещивания, пересечения различных типов группового сознания в пределах действия отдельной группы, вплоть до межгосударственных образований, движений (подобные формирования в современных обществах возникают в массовых количествах – разного рода формальные и неформальные группы, всевозможные массовые общности, в которых с той или иной степенью интенсивности, по собственному желанию или вопреки ему приходится действовать множеству людей). Предпочтительнее рассматривать **менталитет социентальных** общностей, совпадающих с устойчивыми, исторически сложившимися социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными (национальными или многонациональными) образованиями, заключенными в географических и административных границах отдельных государств. В данном случае можно использовать также термин **«реальная общность»**, в отличие от условного, номинального множества (пусть даже «большого») индивидов. Данная общность базируется на тех или иных реальных чертах жизнедеятельности входящих в нее людей, должна отличаться определенной устойчивостью в пространстве и времени¹²⁴. Речь должна идти не об общностях, когда «множество рабочих» и «множество академиков» могут иметь в чем-то общие характеристики и в то же время те и другие, при определенных обстоятельствах, могут стать «толпой» (Лебон), но о **реальной социальной общности**. Из списка выпадают также такие структуры, как партии,

---

¹²⁴ Проблемы устойчивости социальных общностей рассматриваются, в частности, социальной психологией. См.: Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980. С. 175.

общественно-политические движения и т. п. Мы должны иметь в виду, что общество в целом – это сложное по составу и структуре образование. Будучи системным, целостным организмом, оно в то же время многократно дифференцировано, расчленено – по вертикали и горизонтали – на великое множество весьма разнообразных по их социальной природе исторически сложившихся общностей, каждая из которых выступает в качестве самостоятельного субъекта своего собственного менталитета (народ, этнос и др.) или субменталитета. К таким типам общностей, имеющим социентальный характер мы отнесем разнообразные типы общностей, начиная от родовых, племенных, национальных, социально-этнических и кончая профессиональными, политическими, религиозными. Социентальные общности, на наш взгляд, – это общности, в среде которых циркулирует социальная информация, через поколения передается членам общности (посредством воспитания, естественного и формального воздействия на личность), которые используют ее в своей жизнедеятельности осознанно или неосознаваемо. Импульсы социальной, точнее, социокультурной информации конформны для всех членов общности.

Способность аккумулировать и передавать жизненный опыт, используя его для адаптации к среде, относится к фундаментальным свойствам самоорганизующихся живых систем, включая общественные¹²⁵. При этом, несомненно, социальная информация несет на себе глубокий след классовых, национальных и иных отношений, отпечаток потребностей, интересов, психических черт социального коллектива»¹²⁶, социальной стратификации общества.

Понятия «коллективная память», «историческая память», «память человечества», «память мира» подразумевают, помимо прочего, то, что в процессе деятельности коллектива или общества в целом складывается особый, внешний по отношению к памяти индивида, механизм сохранения и передачи информации во времени и пространстве. Б. Илизаров¹²⁷ говорит о типе социальной памяти, где доминирует непреднамеренное запоми-

---

¹²⁵ Маркарян Э. С. Императивы выживания и научно-технический прогресс // Системные исследования. 1988. С. 179.

¹²⁶ См.: Афанасьев В. Г., Урсул А. Д. Социальная информация // Вопросы философии. 1974. № 10. С. 64, 72.

¹²⁷ См.: Илизаров Б. С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (в свете представлений о социальной памяти) // Вопросы философии. 1985. № 8. С. 60.

нение и воспроизведение, который свойственен архаическим, до-письменным обществам. Такой подход вряд ли правомерен. Политическая реальность и политический процесс реформирующегося российского общества доказывают обратное. Более подробно об этом речь пойдет в следующих главах. Усложнение организации социальных систем не обязательно означает параллельное отмирание тех механизмов организации, которые были свойственны ей на прежних этапах. *Появление письменности, развитие идеологий сузили воздействие менталитета, но не ликвидировали его.* Общественное сознание и на современных этапах – результат взаимодействия менталитета и идеологии, политического сознания, формирующегося под воздействием менталитета. *Социальная память* запечатлена в нескольких группах носителей: 1) орудия производства и овеществленные результаты труда; 2) объективные социальные отношения и политические структуры; 3) язык в широком смысле, то есть естественные языки и их видоизменения, а также различные внеязыковые семиотические средства¹²⁸; 4) традиции, обычаи, системы ценностей. Последние два класса носителей информации имеют непосредственное отношение к механизмам передачи менталитета. В настоящее время наиболее плодотворный подход к анализу менталитета осуществляется в социальной философии, где менталитет рассматривается как категория социальной философии в связи с повышенным интересом к проблемам философского осмысления категорий культуры¹²⁹. Как показали социологические исследования в ряде регионов Российской Федерации в 90-х годах, та или иная личность может выступать в роли источника информации об особенностях менталитета конкретной социентальной общности, к которой она принадлежит, в 2 различных аспектах. В первом случае происходит простая «ретрансляция», бессознательная передача менталитета как части массива социальной информации. Второй случай – продуцирование в виде семиотически насыщенного поведения, в том числе и поведения субъекта политики. Здесь в полной мере раскрываются характеристики человека как творчески активного, деятельного существа и наоборот. На языке философской теории инфор-

¹²⁸ См.: Ребане Я. К. Информация и социальная память // Вопросы философии. 1982. № 8. С. 47) См. также: Феев Л. Бои за историю. Там же.

¹²⁹ См.: Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992.; Ерасов Б. С. Социальная культурология. М., 1997.

мации этот процесс выглядит как перевод «базового факта» информации, потенциально являющегося менталитетом, в «одежды» знака¹³⁰.

Этот момент коммуникативного акта представляет собой одну из кульминационных точек рассматриваемого процесса, так как для подобной «формализации» необходимы значительные интеллектуальные усилия. «Базовый факт» должен быть представлен в таком виде, чтобы он, во-первых, являл собой некую информационную ценность, во-вторых, был понятен, в-третьих, подразумевал уже в самой своей форме вариативность использования, гибкость применения, возможность творческой интерпретации. «Без постоянно возобновляющейся идеализации реальных предметов общественно-человеческой жизнедеятельности, без превращения их в идеальное, а, тем самым, и без символизации, человек вообще не может выступать в качестве действительного агента, деятельностного субъекта»¹³¹. В данном случае речь может идти о роли и значении идеологического обеспечения общественных преобразований, предполагающих наличие ясной цели развития общества и государства.

Абстрактная схема коммуникативного акта оказывается адекватной для описания процесса трансляции менталитета. В литературе часто указывается, что менталитет общества плодотворнее изучать, опираясь на повседневные проявления человеческого духа. Но часто не менее важно исследовать ситуации, когда человек в мучительных усилиях «пробует на прочность» менталитет своей эпохи. Информацию об этом можно почерпнуть из мифов народов – сюжетов о «культурных героях», которые всей своей жизнью пытались раздвинуть рамки стереотипных представлений¹³².

А. А. Богданов применил методы системного анализа к сфере идеального: «...любой продукт духовного творчества, научная теория, поэтическое произведение, система нравов или нравственных норм – имеет свою архитектуру, представляет расчлененную совокупность частей, выполняющих различные функции, взаимно дополняя друг друга»¹³³. Большинство исследователей в

¹³⁰ Коган В. З. Теория информационного воздействия. Новосибирск, 1987. С. 60.

¹³¹ Ильенков Э. В. Идеальное // Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 2. С. 225.

¹³² Мифы народов мира. М., 1992. С. 25.

¹³³ См.: Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Т. 1. С. 78.

этой области, пытаясь «схватить» характер народа, социальной общности, отмечают принципиальную противоречивость основных его черт. В таких работах характер народа – наподобие каталожного ящика, где «характерные черты» располагаются без видимого порядка¹³⁴. К анализу менталитета реформирующегося общества, в условиях социально-политической нестабильности, может быть применена концепция бинарных оппозиций К. Леви-Стросса¹³⁵. Структура мифологического сознания состоит первоначально из двух членов. Затем они «заменяются» двумя другими эквивалентами, допускающими наличие переходного. Аналогично у Ю. М. Лотмана в сознании могут доминировать как бинарные (двоичные), так и троичные структуры, которые даже после глубоких потрясений сохраняют определенные элементы предшествующего периода, перемещаясь из периферии в центр системы¹³⁶. Можно предположить, что и менталитет как явление того же уровня общественного сознания, также образован из ряда бинарных составляющих. Но одна его часть является актуальной (Лотман), другая – потенциальной (на периферии), ожидая своего часа в изменившихся условиях. «Желание и грезы», исходящие из глубины существа человека выражались в определенной системе знаков. «Но каждая эпоха спонтанно отработала некоторые знаки, предпочитая их другим оставляемым про запас, на будущее, поскольку те или иные знаки лучше выражали «глубинные тенденции коллективного поведения»¹³⁷.

Менталитет может рассматриваться как особый, крайне устойчивый способ организации, структуры освоения, осмысления мира через систему основополагающих дуальных позиций. Но всегда присутствует «мера» – между эмоциональным и интеллектуальным, рациональным и иррациональным уровнем принятия политических решений, между стремлением к изменению и консервативными тенденциями и т. д. Не случайно, поэтому, фундаментальные черты социальной общности следует искать в тех областях сознания, которые обеспечивают «ориен-

¹³⁴ Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Т. 1. М., 1992. С. 88; Лихачев Д. С. Нельзя уйти от самих себя // Новый мир. 1994. № 6. С. 6; Лосский Н. О. Характер русского народа. М., 1991. С. 240, 349.

¹³⁵ См.: Леви-Стросс. Структурная антропология. М., 1989. С. 201.

¹³⁶ См.: Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.

¹³⁷ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 111.

тацию» в социальном мире¹³⁸. Индивид в состоянии деятельно жить, глядя с надеждой в будущее только в том случае, если его мысль сверяет свое движение с прошлым, черпает в нем уверенность в будущем. Мировоззренческую суть и выражает в каждое данное время именно историческое сознание. Мировидение данной эпохи отливается в своеобразии не только культурно-исторических, но и политических форм. В своем генезисе историческое сознание – это становление различия и связи времен в материальной и духовной культуре человеческой общности, которая является в то же время условием исторической устойчивости носителя этой культуры¹³⁹. История формирования пространственно-временных представлений проходит две фазы. Сначала течение времени фиксируется в памяти и выступает в качестве объективного фактора простой адаптации человека к естественной среде. Затем происходит активное вычленение пространственно-временных связей из опыта практически-предметной деятельности и их сознательное использование в целях ее организации. Решающее значение имело становление форм производства и становление способности рефлексии¹⁴⁰. Всякая модель культуры, по утверждению Ю. М. Лотмана, может быть описана в пространственных терминах¹⁴¹. Структурообразующим ядром, при этом, являются не отдельные представления о пространстве и времени, а синтетическое образование – «хронотоп» (в культурологии). М. М. Бахтин говорит о вариативности в восприятии пространства и времени. По его убеждению, важно соотношение времен: ценностный акцент лежит не на будущем, не ему служат, но служат будущей памяти о прошлом, служат расширению мира абсолютного прошлого, обогащению его новыми образами мира, который всегда принципиально противостоит всякому преходящему прошлому¹⁴². И это справедливо, ибо «человек до конца не воплотит в существующую человеческую плоть. Нет форм, которые могли бы воплотить все его человеческие возможности и требования, в которых он мог бы исчерпать себя весь до последнего слова... Всегда ос-

¹³⁸ Барз М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 6–9, 42.

¹³⁹ См.: Барз М. А. Эпохи и идеи. М., 1987. С. 6.

¹⁴⁰ Барз М. А. Указ. раб. С. 8, 9.

¹⁴¹ Лотман Ю. М. Избранные произведения. Т. 1.

¹⁴² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 462, 463.

тается нереализованный избыток человечности, всегда остается нужда в будущем и необходимое место для этого будущего»¹⁴³.

В представлениях Канта, «Пространство не есть эмпирическое понятие, выводимое из чистого опыта»¹⁴⁴. По Э. Фромму, категории пространства и времени являются «универсальными для всех людей»¹⁴⁵. В начале XX в. эти представления подвергнуты переосмыслению – выдвинуты теории о нелинейности и неоднородности пространства и времени, о сложных способах организации пространственно-временного континуума¹⁴⁶. Подтверждением тому могут служить научные изыскания Л. Н. Гумилева в поисках зависимостей этнической истории и природных факторов, высказывания В. О. Ключевского о темпераменте русских как порождении бескрайних российских просторов. Современные социальные потрясения в России некоторыми отечественными учеными рассматриваются как своеобразное «несоответствие» шага Пространства и шага Времени.

Таким образом, при описании структуры менталитета могут быть использованы различные методологические парадигмы. Ведущими, стержневыми были избраны информационный подход и методы структурной антропологии. Наиболее перспективные результаты могут быть получены в процессе изучения менталитета, представлений о пространстве и времени в той или иной картине мира, что выходит за рамки настоящей работы.

Изучение сущности и особенностей формирования, проявления менталитета как феномена общественно-политической жизни через структуры общественного, массового, а также политического сознания, через проявления политической культуры и политическое поведение позволит разрешить ряд важных политологических проблем, а именно: определить ментальный тезаурус и инструментарий социентальной общности, которые представляют собой совокупность категорий восприятия, концептуализации, трансляции и действия, в том числе политического поведения. Ментальный инструментарий структурирует, опосредует опыт социентальной общности, непосредственно влияет на политический процесс, является своеобразным «эфиром»

¹⁴³ Бахтин. М. М. Указ. раб. Там же. С. 479, 480.

¹⁴⁴ Кант И. Критика чистого разума Соч. Т. 3. С. 137.

¹⁴⁵ Фромм Э. Душа человека. Там же. С. 345.

¹⁴⁶ См.: Бытие человека в культуре. Киев, 1993. С. 86.

функционирования компонентов политической системы и осуществления политико-властных отношений, предопределяет процесс становления политической субъектности и становления гражданского общества, является базой, основой функционирования, развития политического менталитета.

Политические процессы в принципе невозможно направить по вполне определенному руслу. Это процесс, скорее, духовной и материальной активности людей, обладающих определенным менталитетом, на основе политической стратегии, который непосредственно связан с психологической, мотивационной сферой как индивидов, так и социальных общностей, которые объединены по некоторым признакам в этносы, в государства.

Помимо определенных структур индивидуального подсознания, общих для всего человечества («архетипов», по К. Юнгу), каждый этнос, народ, социальная общность имеют свою собственную внутреннюю структуру, строго определенную норму отношений внутри общности, на основе чего создаются традиции, стереотипы поведения, в конечном итоге, — политические и правовые системы. Индивидуальное приспособление к новым общественно-политическим условиям, совершающееся с помощью механизма условного рефлекса, опережает генеративное приспособление. Это предполагает не что иное, как избирательный характер политического регулирования, то есть его ориентацию на страты, социальные группы, в том числе профессиональные, молодежные и т. п., а также «моральное основание» реформ, целенаправленное влияние на общественное сознание, задействование психологических механизмов восприятия и оценивания. В этом случае наиболее вероятно приобретение индивидами условных связей с новой политической реальностью, овладение новой информацией и демократической политической культурой, передача неизменных или почти неизменных, норм поведения, сохраняемых из поколения в поколение культурно-исторических стереотипов¹⁴⁷, обеспечение функциональной преемственности между поколениями.

На основе проведенного исследования считаем возможным предположить, что источниками для изучения, выявления типобразующих элементов менталитета как феномена общественно-полити-

---

¹⁴⁷ *Ракитов А. И.* Социально-логический анализ понятия наследственности // Вопросы философии. № 10. 1974. С. 128.

ческой жизни могли бы стать в совокупности: 1) культура (в широком смысле); 2) построение, иерархия стереотипов поведения и мышления; 3) этнические стереотипы и автостереотипы; 4) знаковые системы: символы – вербальные и невербальные, экспрессия языка; 5) распространенный психологический тип; 6) религия; 7) духовный опыт: особенности религиозных верований; народные пословицы, поговорки, притчи, тосты, свидетельства народной мудрости; народные песни, музыка; народные предания, легенды, мифы, эпос; народная мораль, этика, обычаи, обряды, предрассудки; обычаи и традиции; система регуляции поведения (традиционные социальные регуляторы); темы традиционного искусства; 8) тип взаимоотношений (внутри этноса), например, народная педагогика, система воспитания подрастающего поколения; 9) «специализация» государства или какого-либо его региона в экономике (аграрный или промышленный регион); 10) тип ремесла (традиционный для народа); 11) урбанизация – соотношение городского и сельского населения; 12) особенности исторического прошлого народа; 13) исторически сложившийся тип взаимоотношений с другими этносами (комплиментарность); 14) иерархия, приоритеты ценностей и ценностных ориентаций, их значимость для данной социентальной общности; 15) пища (кухня); 16) географическая территория расселения этноса, народа, социальной общности; 17) исторически сложившийся тип отношений государства и общества (политический режим, форма правления, система политической власти, тип отношений общества и государства); 18) тип политической культуры и политического сознания; 19) тип политического поведения; 20) особенности правовой системы; 21) тип представлений о пространстве и времени в той или иной картине мира.

Политологическая и философская мысль пока не дала ответа на вопросы о механизмах гармонизации социальных отношений на принципах справедливого распределения общенационального богатства, о формировании таких систем политических, экономических отношений, которые обеспечивали бы «человеческое» существование индивидуума.

Представляется, что будущее за таким политическим управлением, которое «открывает» политическую систему для процессов саморегуляции и саморазвития и характеризуется целесообразностью. Эти проблемы рассматриваются в следующих главах исследования.

Глава 2

Менталитет – развивающийся феномен общественно-политической жизни

2.1. Проблемы выбора путей трансформации общества и менталитет

С древнейших времен и до наших дней длится непрекращающийся спор о сущности человеческой природы. Одни не устают повторять, что человек от рождения стремится к выгоде, проникнут ненавистью, имеет злое начало. Другие неутомимы в поисках доказательств того, что только сила заставляет человека творить зло, что природное стремление к добру делает его Человеком. Отсюда – современные дефиниции идей насилия, подавления, диктата и морали в политике.

Разноголосый спор о человеке *homo ludens*, основах его существования, смысле жизни звучит рефреном и в дискуссиях о человеке *homo politikus*. Философские трактаты от Платона, Аристотеля до современных авторов, обращаясь к тем же проблемам, ищут свидетельства либо изменчивости, либо постоянства духовной сути и психики человека. Аргументы последних основаны на том, что мысли человека, мотивации, устремления, идеалы, мечты, творческие взлеты, отраженные в комедиях Апулея, Вергилия, Горация, романах средневековья, едины и неизменны во все времена, при всех социальных реалиях, при всех системах подавления¹. В то же время невозможно игнорировать очевидное. «Поразительно, до чего схожими были от одной эпохи к другой вопросы, волновавшие человеческий ум, и до какой степени различались дававшиеся на них ответы», – пишет М. А. Барг².

---

¹ См.: *Кайтуков В.* Эволюция диктата. Опыты психофизиологии истории. М., 1993. С.3.

² *Барг М. А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1984. С. 3.

В современных дискуссиях о проблемах гуманизма в политике, морали и политики все решительнее звучит голос тех, кто, признавая безусловную ценность личности, неотчуждаемость ее прав и свобод, все больше аргументов выдвигает в пользу утверждений о созидательном начале человека, его изначальной предрасположенности к рациональной форме бытия, неустанном поиске совершенствования и самого себя, и окружающей действительности.

На путях к благополучию народы преуспевали по-разному. В зависимости от занимаемой территории, «возраста» этноса, социальной общности, характера ментальности, степени мифологизированности сознания, традиций складывались идеалы, символы, вера. Без этого нет народа, нации. Объективные условия существования социальной общности не всегда благоприятствовали ровному течению событий, но человек неизменно стремился к добру и счастью, гордился историей своих предков, делом рук своих увековечивал деяния родного народа, оставляя памятники культуры, пополняя духовный кладезь народной мудрости, преобразовываясь сам.

Ускользают от внимания непосвященного человека причины и не поддаются рациональному осмыслению парадоксы далеко не безоблачного существования и функционирования человеческих общностей, трудности человеческого бытия. Зачастую они кроются либо в несовершенном политическом и социальном регулировании в обществе, либо скрыты в фиктивности законов и конституций, принимавшихся некогда «для народа» и «во имя него».

Первопричину истории разные мыслители трактовали различным образом. Но при этом почему-то обходили самую суть истории, этнологии, социологии и т. д., а именно, вопрос «почему»? Почему события происходили именно так, а не иначе? Исторический процесс никогда не протекал по вполне определенному руслу, поскольку это процесс активности людей – мыслительной и производительной, духовной и материальной. Не случайно вопросы, связанные с этим чаще всего относят к сфере психологической, мотивационной как индивидов, так и групп, которые объединены по некоторым признакам в этносы, нации, государства, обладают в общих чертах идентичным менталитетом.

В настоящее время сложность продвижения российского государства по «пути к счастью» определяется, прежде всего, особенностями трансформационных процессов. Под трансформаци-

ей мы понимаем качественные изменения в обществе и экономике страны, стремление к достижению более высокой квалификации рабочей силы, к более благоприятным демографическим показателям, более сбалансированному сочетанию трудовых отношений, идентификации производственных процессов с использованием современных технологий. Трансформация – дело гораздо более сложное, чем восстановление, например, разрушенного хозяйства после второй мировой войны. Она требует *изменения позиции социальной общности* и переориентации производства. Внешняя помощь может способствовать такому процессу, но ее воздействие сказывается только по прошествии времени. В Западной Европе большая часть 50-х годов ушла на то, чтобы побудить веру населяющих ее народов в восстановление и демократию. План Маршалла положил начало этому процессу, но проблемы не решил. Несмотря на то, что *в современной России имеется социальный капитал для трансформации, но для изменения позиции народа потребуется, возможно, не одно поколение*. Многонациональный состав Российской Федерации, неоднородность субъектов Российской Федерации, как по политическому статусу, так и экономической специализации, демографической ситуации и т. п., безусловно, накладывает отпечаток на течение указанных процессов. Но еще более дает о себе знать менталитет общества, психологическая неготовность к общественным и политическим переменам по заданным моделям значительной части общества. «Консервативный» менталитет и субменталитеты разнообразных социентальных общностей Российской Федерации, а также региональные экономические, экологические и др. диспропорции внутри страны оказалось невозможным преодолеть методом «шоковой терапии».

Люди достаточно давно поняли, что их история и культура, их бог и религия, их устройство жизни и социальный порядок, в целом социокультурный мир – один из немногих миров и требует своего совершенствования. Говоря о «недостаточности» человека, Гердер указывал на то, что человек, лишенный свойственных животному безошибочных инстинктов, – самое беспомощное из всех живых существ, его выживание не гарантировано самой природой. Таким образом, проблема выживания становится для человека практической задачей, а его среда и он сам в этой среде – предметом постоянной рефлексии. Человек оказывается вынужденным изучать среду своего обитания,

это делает поведение осмысленным и понимаемым как для самого действующего индивида, так и для наблюдателя. Осмысленное поведение сделало человека и общество культурным установлением, ибо его функционирование основано на осмысленном поведении, а не на инстинктивном реагировании, свойственном животному миру. Эволюционируют элементы культуры, религиозные верования – от примитивного религиозного анимизма до мировых религий сегодняшнего дня, многообразные ритуалы, например, ритуалы рождения в мир, анимации, ритуалы умирания и погребения, ритуалы вызывания добрых духов и заклинания злых сил, разнообразные нравы и обычаи, системы социальной организации. «Завершится ли демократическая эволюция тем же, чем в свое время социалистическая революция? Действительно ли русским история запрограммирована на эквифильность – движение из любой точки, после любых пируэтов, завершается все там же – у подножия тропы, все тем же – политико-экономической диктатурой «восточного» государства? Обречены ли попытки либералов, демократов сместить главный вектор истории?» – задает вполне резонные вопросы Егор Гайдар³. Верно, что проблемы, пришедшие из прошлого, требуют решения. Но какими методами, способами, средствами? Современные «западники», предлагая изменить устройство социально-экономической системы, считают необходимым восстановить прерванное социальное и культурное единство с Европой, перейти с «восточного» на «западный» тип хозяйствования путем «искоренения» «остатков социального и промышленного феодализма». В ходе попыток «искоренить» пережитки прошлого и «расчистить» площадку для будущего общественного и политического устройства страны с начала 90-х годов демократами не было учтено важное условие и, прежде всего, то, что содержательность формирующихся социальных и политических регуляторов в условиях трансформации неизбежно задается шкалой объективных ценностей, составляющих фундамент любой национальной культуры, являющихся источником политического здоровья нации. Нормальное функционирование политической системы предполагает интеграцию и адаптацию общества в изменяющихся условиях. При этом менталитет, традиции, ценности, «социопсихологос» играют не меньшую

---

³ См.: Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М., 1995. С. 187.

роль, чем прагматически понимаемые социальные и политические интересы, которые в прямых или превращенных формах оказывают действие на политику. За указанным выше сопротивлением переменам, за инерционностью стоит тенденция к самосохранению. В одном из наиболее важных исследований демократического общества – «Демократии в Америке» Токвиля, современность идей которого не вызывает сомнений, – рассмотрено три типа факторов, существенных для понимания того, как функционирует общество. Первый важный фактор связывается со средой жизнедеятельности, материальными условиями. Второй – это «законы». Но приоритет отдается третьему фактору – «обычаям и нравам», «привычкам души»⁴.

В то же время в условиях трансформации не все общество находится в напряжении или безразлично к переменам. Существуют социальные слои, которые весьма обязаны этим переменам. Важно, чтобы в условиях трансформации общества политические институты исходили бы не из собственных потребностей только (существовать, сохраняться, усиливаться), но из потребностей человека, критической массы общества, способной понять и поддержать усилия государства, поскольку структура новых институтов и предназначена для раскрытия потенций Человека.

Ментальные структуры сознания, безусловно, проходят собственные этапы изменения. Ученые Школы «Анналов» пришли к убеждению, что человек в разные эпохи мыслит неодинаково, а потому и ведет себя по-своему. Один из важных уроков метода Л. Февра изложен в следующих его выводах: недопустимо предполагать, что человек во все эпохи своего развития остается неизменной величиной, одинаково относится к миру, чувствует и мыслит. Взгляды рядового индивида ассоциированы с его временем и средой, но оригинальные идеи могут исходить от крупных личностей, которые либо становятся достоянием современников, либо остаются для будущего.

Объяснение природы социального организма возможно, по Блоку, не только на основе изучения его предшествующих состояний, но, и прежде всего, изучая его в современной фазе развития, когда в наибольшей степени раскрываются содержащиеся в нем возможности.

---

⁴ Токвиль де А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 214, 220.

Ценное у Февра – разработка вопроса о ментальности в части, когда речь идет о возможностях человеческого сознания воспринимать и осваивать мир в тех пределах и ракурсах, которые даны ему его культурой, о «мыслительном инструментарии», который в определенную эпоху находится в распоряжении человека и исторически обусловлен, унаследован от предшествовавшего времени и вместе с тем неприметно изменяется в процессе его творчества, всей человеческой практики.

Неприметно, ибо ментальность, способ видения мира, отнюдь не идентична идеологии, имеющей дело с продуманными системами мысли, и во многом, может быть, в главном остается неотрефлексированной, логически не выявленной. Ментальность – не философские, научные или эстетические системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от латентных привычек и приемов сознания.

Наука Нового времени приходит к выводу: человек изменчив, в частности изменчива его психика. Теперь, кажется, никто не ставит под сомнение мысль о том, что проблемы социальной психологии имеют существенное значение для исторической науки. И вовсе не потому, что социально-психологический подход, как иногда представляют, помогает «оживить» прошлое. Поскольку мир этот исторически изменчив, то изменчиво и сознание людей. Оно детерминировано всем строем общества, его культурой, системой ценностей, религией, обычаями, господствующими нравственными нормами, правом в широком смысле. Человек – также как член социальной группы занимает в обществе определенное положение. Социальная группа в значительной мере моделирует его сознание и определяет его поступки.

Сдвиги в общественных отношениях приводят к сдвигам и в сознании людей. Но сознание – компонент социальных отношений. И потому не только отражает их движение, но и воздействует на него. Ни перемены в технике, ни развитие классов и общественных групп, ни медленные и подспудные трансформации обычаев и права не происходят без участия мыслящих и чувствующих людей, поставленных в конкретные жизненные условия.

«Но проблему сознания приходится понимать достаточно широко. Заблуждаются те историки и психологи, – замечает М. Блок, – которые обращают внимание только на «ясное сознание». Человечество никогда не состояло из сплошь логически действующих людей, для которых в причинах их поступков не

было ни малейшей тайны. Это совершенно ошибочное мнение, и мы сильно исказили бы проблему причин в истории, – продолжает он, – если б всегда и везде сводили ее к проблеме осознанных мотивов⁵. Историк у нередко приходится сталкиваться с «представлениями, которые противятся всякой логике»⁶.

Так или иначе, но в условиях трансформации общества механизмы политического и социального регулирования неизбежно должны быть сориентированы *на изменение позиции общества*. Как показывают итоги многочисленных социологических исследований с участием автора в 1993–1997 гг., позитивного отношения к происходящим процессам в политике и обществе пока не сформировано. Имеет место растерянность со стороны части населения в связи с отказом государственных структур от прежних привычных ценностей, снижением жизненного уровня значительной части населения страны. Материальные трудности, разгул преступности, другие испытания, которым подвержены граждане России, влияют на их психическое, эмоциональное и физическое самочувствие. Далеко не все оказались способными быстро адаптироваться к новым условиям в силу сложившихся стереотипов экономического, политического поведения и политической культуры. Многие из них показали опросы, часто испытывают напряженное настроение или раздражены, нередко находятся в состоянии безысходности, испытывают страх, тоску. Негативное социальное самочувствие рождает стремление «спрятаться в раковину», уйти от глобальных проблем, заняться личными. Наблюдается смещение акцентов в сторону ценностей индивидуалистского плана, семейного характера, материального благополучия. Как правило, для тех, кто испытывает страх, тоску, неуверенность, находится в состоянии депрессии, чрезвычайно болезненна утрата прежних идеологизированных ценностей, ориентиров, целей. Ценности политико-правовые недостаточно глубоко закрепились в общественном сознании. Имеет место разрыв между идеальным миром ценностей лично для себя, потребностью в них и возможностью их реализации. В то же время новые политические и социально-экономические условия создают предпосылки для созда-

---

⁵ См.: Bloch M. Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. Paris, Colin, 1964. P. 101, 102.

⁶ См.: Bloch M. La société féodale. La formation des liens de dépendance. Par M. Bloch. Paris, Michel, 1939.

ния условий формирования новой политической культуры общества, соответствующей новой политической системе России. Вопреки имеющей место социальной энтропии часть населения находит выход из трудного материального положения. Соотношение тех, кто ориентируется на активное изменение своих моделей и стереотипов поведения, и тех, кто предпочитает терминальные ценности, является серьезным индикатором, характеризующим как динамику перемен, так и выступает в качестве одного из стабилизирующих факторов, наряду с пассивной формой адаптации. Сохраняется «неустойчивое равновесие» в обществе. Лишь при определенных дополнительных внешних воздействиях или резком ухудшении политической, социально-экономической ситуации можно спровоцировать реализацию потенциала факторов «люди моей национальности», «близкие по политическим взглядам», «люди моей веры»⁷.

Как уже отмечалось, человек является, с одной стороны, человеческим, общественным существом, а с другой стороны, частью природы. Его очеловечение, его социализация не означают раскола его бытия, например, на дух (душу) и тело. В то же время оказывается, что и те функции его бытия, которые основываются на природе, в ходе развития человечества приобретают все более социальный облик. Но человек никогда не порывал со своей сущностью природного феномена. Учеными современности доказано, что политическое развитие общества идет в унисон с природными процессами. С этой точки зрения рассматривать проблему заставило в свое время учение В. И. Вернадского о ноосфере. Появление человека и влияние его деятельности, научной мысли на окружающую природную среду представляет собой не случайность, но определенный закономерный этап эволюции биосферы⁸. Поэтому и насилие над человеком, как и над природой, противостоит естеству. Чему, однако, в истории России немало примеров. Не однажды российскому обществу пришлось пережить грубость, насилие, навязывание сверху известных принципов, гипертрофию государства, прерывность органического развития, попрание традиций. Идеологи коммунизма, по словам Н. Бердяева, хотели освобождения личности, но в конечном итоге подавляли личность,

---

⁷ См.: Полякова Т. М. Электорат Республики Адыгея и выборные кампании 1995–1996 гг. // Развивающийся электорат России. М.: РАН, 1996. С. 14, 16, 20.

⁸ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. Там же. С. 60–61.

опустошали ее внутреннюю жизнь, отрицали право личности на творчество⁹.

В условиях трансформации российского общества одна из главных проблем, требующая решения, – проблема сохранения самоценности нации, народа, обеспечения свободы в реализации имеющегося потенциала, без чего вряд ли возможно возрождение и укрепление и России в целом, следуя объективному развитию событий, искать и находить возможности минимизировать негативные воздействия на конкретного человека. В данном случае речь может идти о реальной политической практике, обеспеченной теоретическими разработками, данными социолого-политологических исследований, политических прогнозов о будущем общественном устройстве и последствиях формального влияния на общество, выработке соответствующей политической культуры власти, способной принимать и реализовывать политические решения, создавать механизмы политического регулирования, адекватные этапу развития общества.

Ставя задачу коренных общественных преобразований, можно руководствоваться различными теориями, которые некогда рассматривались и могут иметь определенную долю рациональности для современных российских условий. Например, *социологизаторские* концепции, утверждающие: все, что относится к биологии человека, к естественным предпосылкам его существования, наконец, к его человеческой индивидуальности, должно восприниматься как нечто второстепенное, от чего можно отвлечься и, более того, относиться к человеку как к сырому материалу, обладающему бесконечной пластичностью, коим можно безгранично манипулировать, во имя достижения того или иного идеала. Отсюда становится ясной трактовка гитлеровцами «неполноценного человеческого материала». В том же ключе рассматривают отношения человек – общество утопии нового социального типа. С одной стороны, учения утопистов стимулировали развитие методов нормативного прогнозирования в социологии, с другой – они, все-таки преувеличивают роль воспитания и законодательства, допускают волюнтаризм в политике. Или *детерминизм*, который предполагает абсолютизацию развития материальной жизни общества. Свобода личности в этом случае обусловлена социальными явлениями, она

---

⁹ См.: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 12, 46, 53, 62.

становится возможной благодаря познанию людьми законов общественного развития, подчинению своих интересов требованиям законов.

Марксизм утверждает неразрывность в человеке биологического и социального, при этом признает существование в нем природных сил в виде задатков и способностей. Эти методологические требования марксизма игнорировались в условиях тоталитарного режима бывшего СССР.

Вышесказанное подтверждает практика работы бывших партийных и комсомольских организаций, их взаимоотношений в вопросах воспитания подрастающего поколения.

К биологическим задаткам человека относились как к некому аморфному субстрату, формируемому обществом, как к «человеческому материалу», который можно использовать и манипулировать им в достижении властных целей¹⁰. Это затрагивало не только философию и идеологию, но и переносилось на практику, где потребность человека отступала на задний план перед потребностями общества. Конкретным выражением такого понимания взаимоотношений человек – общество и был так называемый «остаточный принцип» развития тех сфер, которые непосредственно задерживали удовлетворение человеческих потребностей. В результате: рост смертности, сокращение продолжительности жизни в период 70-х – первой половине 90-х годов, загрязнение окружающей среды.

Циклические теории культурного развития, пришедшие на смену эволюционистской парадигме, и отказ от глобально-эволюционистских построений способствовали акцентированию внимания на определенной последовательности фаз изменения и развития культуры, которые следуют закономерно одна за другой и при этом мыслятся как повторяющиеся. Родоначальником циклических теорий стал Н. Данилевский¹¹. За ним последовали К. Леонтьев, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин, П. Савицкий, Л. Гумилев.

Методологической основой еще одной парадигмы стал *функционализм* (Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун). Чаще всего приверженцы функционализма исходили из того, что в культуре,

---

¹⁰ См.: Центр документации новейшей истории архивного отдела администрации Ростовской области (ЦДНИ Ростовской области). Ф. 173. Оп. 41. Д. 60. Л. 4; Ф. 9. Оп. 89. Д. 30. Л. 3; Ф. 9. Оп. 92. Д. 1. Л. 199; Ф. 9. Оп. 89. Д. 3. Л. 4.

¹¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 88,91–92.

понимаемой как целостность, каждая деталь, элемент имеет свою функциональную нагрузку, и «право на существование» как форма приспособления социальной группы к условиям среды ее обитания¹². Развитие теории в этом ключе пошатнуло устои европоцентристского мировоззрения. Потребность и необходимость выяснения функций культур и их элементов, их сопряжения со средой и особенностями социальной общности способствовало оформлению новой научной парадигмы, называемой *плюралистической*. В итоге плюрализм стал знаком наступления нового времени не только в науке, культуре, но и в политике.

В свое время сторонники насильственной модернизации в странах Азии, Африки, Латинской Америки, сопровождавшейся истреблением туземных традиций, верований, видели в ней средство ускорить, «облегчить» путь, который каждое общество, якобы, должно пройти. Б. Малиновский возмущенно писал о непонимании того, что каждая черта культуры, каждый обычай и верование представляет некую ценность, выполняет социальную функцию, имеет положительное биологическое значение. Он считал, что *традиция* с биологической точки зрения есть форма коллективной адаптации социальной общности к среде, как защитный покров для социального организма, без которого он обречен на медленное умирание¹³. Здесь уместно напомнить о роли языка как самой живой и прочной связи, соединяющей отжившие, живущие и будущие поколения того или иного народа, в самосохранении этноса. В языке отражается вся история духовной жизни народа; индивиды, лишённые возможности изучать родной язык, — «лишены характера и творческой силы, над ними совершено психическое убийство», — писал К. Герд¹⁴.

Как представляется, выбор концепции общественных преобразований должен сопровождаться творческим подходом к использованию тех или иных существующих теорий, обуславливаться уровнем развития общества, сложившимся менталитетом. Известно, что попытки совместить модернизацию с сохранением традиций народов, поддержкой культур столкнулись с непреодолимыми противоречиями. Внедрение европейских образцов технологий, политических и правовых норм, возникших

¹² Токарев С. А. История зарубежной этнографии. С. 229–249.

¹³ Цит. по: Токарев С. А. История зарубежной этнографии. С. 245–246.

¹⁴ Куздебай Герд. О ней я песнь пою... Стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма / Сост. Ф. К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 1997. С. 93.

в иной социальной среде, противоречило требованиям сохранения традиционной культуры, наряду с этим требование сохранения многообразных культур противоречило идее глобализации западного образа жизни. Не случайно, поэтому, еще до принятия Всеобщей декларации прав человека, группа американских антропологов выступила с меморандумом, подвергнув сомнению возможность универсализовать концепцию прав человека. В позиции ученых уже тогда было ясное понимание того, что стандарты и ценности имеют особенный характер в разных культурах. Человек свободен в том случае, если он может жить согласно тому пониманию свободы, которое принято в его обществе. И наоборот, нельзя представить себе эффективный мировой порядок, если он не поощряет свободное развитие личностей, членов, конституирующих этот порядок сообществ¹⁵. Это доказывает тот факт, что идея реализации объявленных универсальными ценностей, методов организации жизни на их основе, не раз в конце концов становилась утопией, либо средством для достижения конъюнктурных политических целей. Не случайно многие парадоксы политики порождены имеющими место противоречивыми представлениями о правах человека и правах народов на собственное развитие, во многом неизученностью и, по сути, игнорированием современных представлений о ментальности.

Поиск путей и перспектив федеративного развития современной России сопровождается переоценкой опыта национально-государственного строительства и в конечном итоге связан с проблемами государственных форм решения национального вопроса. Пока не найдены ответы на главный вопрос: какой федерации быть? Предлагаемые учеными и политиками проекты и принципы федеративного устройства государства зачастую противоречат форме и содержанию существующей модели государственного устройства Российской Федерации, сложившимся политическим, экономическим, культурным традициям.

Распространена точка зрения, согласно которой в основе процесса утверждения федерализма должно быть «справедливое» распределение средств между регионами, равенство формальное и равные материальные возможности. Как выход из сложив-

---

¹⁵ Statement on human rights, submitted to the Commission on Human Rights, United Nations, by the Executive Board, American Anthropological Association / American Anthropologist, 49, 1947. P. 541.

шегося трудного положения, в отечественной литературе обосновывается необходимость достижения «равноправия» субъектов Российской Федерации. Рассматривается несколько путей достижения этого: либо понижение статуса республик до статуса краев и областей и автономных округов, либо поднятие статуса последних до статуса республик. Близка к указанным выше идея «губернизации» республик или «республиканизации» краев и областей – концепция создания «земель» вместо закреплённых Конституцией России субъектов Российской Федерации. Эти варианты строительства федеративного государства, как известно, не согласуются с теми положениями, которые зафиксированы в Конституции Российской Федерации. Пытаясь в очередной раз скопировать опыт зарубежных стран, политики и ученые не вполне отдают себе отчет в том, что демократизация всех сфер жизни России и становление новой Федерации предполагает и демократические процедуры, становление институтов согласно принципам демократии. Лишь на этой основе возможно целенаправленно укреплять государственность и единство Российской Федерации. Одно из важных условий на этом пути – сохранение разнообразия субъектов Российской Федерации, предоставление возможностей для реализации их потенциала – культурного, экономического, политического, где организационно-координирующая деятельность Центра должна обеспечить развитие каждого из субъектов и российского государства в целом. Упорядочению отношений Центра и субъектов Российской Федерации могло бы способствовать установление договорных отношений. Их эффективность будет зависеть от: 1) совершенства законодательной базы; 2) дееспособности власти всех уровней; 3) возможности власти правильно распорядиться имеющимися полномочиями. Последнее предполагает соответствующую политическую культуру власти, ее компетентность, наличие институтов, обеспечивающих эффективное политическое регулирование, согласующееся с менталитетом общества и политической стратегией развития многонационального государства.

Можно согласиться с замечанием В. Каирова¹⁶ о роли традиционных явлений в новых условиях, необходимости выявления

---

¹⁶ См.: *Каиров В. М.* Традиции и исторический процесс (социально-философский анализ). Дисс. д-ра философских наук в форме научного доклада. М., С. 3, 21, 22.

способности традиционных установлений шагать в ногу со временем. В условиях трансформации российского общества сложившиеся традиции могут быть использованы не только как нечто, транслируемое от минувших поколений, не только как формы, переданные и приобретенные, но и активно используемых новыми поколениями. Традиция может сослужить службу в выработке новых форм, которые передаются не из прошлого в настоящее, а из настоящего в будущее.

Биологические способности человека весьма универсальны. Свидетельство тому – его приспособляемость к условиям жизни. Однако его возможности далеко не безграничны – существует предел, за которым начинается разрушение личности не только физическое, но и духовное.

В постоянно меняющихся общественных условиях вновь и вновь приходится уточнять, какой социальный тип, с каким уровнем культурного развития может удовлетворить сегодняшние потребности общественного развития и в соответствии с этим строить всю воспитательную и образовательную практику. Речь идет в данном случае не о нивелировке интересов и способностей членов данной социальной общности, о желании подогнать всех по «одну гребенку» общественной необходимости.

Человек как явление социальное принадлежит к определенной общественной системе, которая ставит его поведение в известные (этические, правовые, политические) рамки, соответствующие природе общества. Перед обществом, на различных этапах его развития и, в частности, в условиях трансформации, выдвигаются определенные задачи, часть которых, в силу их особой новизны, целесообразно решать с помощью соответствующих политических регуляторов. Государство только в том случае будет способно оптимизировать процесс трансформации общества, если будет смотреть на вопросы адаптации социальной общности и личности к новым условиям с позиций будущего, основывая тактику и политическую стратегию на реальной базе сложившихся историко-культурных и политических традиций с учетом менталитета общества.

Входя в жизнь, человек застает определенный уровень производительных сил, культуру, выраженную в материальных и духовных ценностях. Созидающая сила человеческой деятельности определяется ролью, которую государство отводит человеку, зависит от типа политической культуры общества, политического режима в государстве. Многое зависит от того, насколько

ко люди овладевают, особенно те, кто наделен политической властью, современными морально-психологическими принципами бытия и, значит, от переосмысления проблем назначения политики, отношений общество – государство в их конкретно-историческом контексте, применительно к конкретной стране с ее неповторимой историей, традициями, народом и его менталитетом.

Знания о механизмах реализации, развития, изменения менталитета дают возможность не планового преодоления сложившихся общественных «позиций», мировидения социальной общности, а создания оптимальных условий для естественной реализации способностей. На каком-то этапе общественной жизни использование этих знаний становится одним из условий функционирования этой жизни. Без этого время адаптации индивидов к активной деятельности в сложных структурах, и прежде в обществе, чрезмерно растягивалось бы, угрожая возможности воспроизводства этих структур. Социальная общность или реализует себя и получает новые импульсы для развития, или, в связи с крушением надежд, обрекает себя на прозябание. В последнем случае в обществе появляются многочисленные маргинальные слои, получают распространение политическая апатия, асоциальное поведение, агрессивность.

Менталитет, ментальность формируется, изменяется в зависимости от традиций, культуры, социальных структур и всей среды обитания человека. В свою очередь, менталитет сам их формирует, выступая как порождающее сознание, как трудноопределимый исток культурно-исторической динамики. Как было сказано нами в первой главе, это достигается благодаря действию экзогенных и эндогенных факторов, формальному влиянию и естественному развитию социальной общности, а также благодаря работе конкретной социальной общности и личности над своей судьбой.

Как правило, в понятие «социальной регуляции» вкладывают не только внешние воздействия, и социальное регулирование не есть только субъектно-объектные политические отношения политической власти и общества. Заслуживает внимания точка зрения А. К. Уледова¹⁷ на этот предмет, согласно которой социальная регуляция отношений в обществе обусловлена потребностями жизнедеятельности людей. Правила и нормы служат

---

¹⁷ Уледов А. К. Общественная психология и идеология. М., 1985. С. 205.

внешними регуляторами, которым люди обязаны подчиняться. Важную роль при этом играют более глубокие, внутренние регуляторы – идеалы, цели, осознанный общественный долг, совесть и т. п. Внешние и внутренние регуляторы всегда связаны между собой и питают друг друга. Установления, нормы, формирующиеся в процессе действия механизма политического регулирования, легко принимаются людьми, если выражают коренные потребности, интересы членов социальной общности. То есть в таком случае налицо «резонанс» активности людей с социопсихологической аурой, с менталитетом. Если же интересы общности не учтены, то выполнение установления, подчинение формальному влиянию предполагает внешнее принуждение, поскольку в этом случае не будут приведены в действие сознание и чувство общественного долга, личной ответственности, т. е. самые глубокие внутренние побудители, не произойдет и изменение позиции большинства общества. Иными словами, социальные регуляторы эффективны в тех случаях, когда они не просто существуют в виде привычных для данного общества институтов, норм, правил и т. д., но и изменяются в условиях общественных перемен в соответствии с ориентацией на менталитет общества. В этом случае они могут быть приняты людьми, соответствуют их внутренним потенциям. Эти внутренние потенции и составляют сущность менталитета¹⁸. Здесь следует оговориться. Возможно, не все внутренние потенции имеют отношение к сущности менталитета. По-видимому, сущность менталитета проявляется в доминирующем умонастроении данной социентальной общности и соответствующей позиции на данном (конкретном) этапе развития общества, в определенной социально-политической ситуации. Сущность менталитета формируется на основе прошлой и настоящей жизнедеятельности людей и той среды, в которой эта жизнедеятельность протекает. Проявление сущности менталитета надо искать в доминирующей позиции данной социентальной общности, в том числе по отношению к политике, к окружающей политической реальности, а также в готовности действовать в связи с возникающей общественной проблемой в соответствии с типом политической культуры, являющейся одним из трансляторов менталитета.

---

¹⁸ Вишневский А. Состояние общества. Социальные регуляторы. Человечество // Коммунист. 1989. № 4. С. 24.

Люсьен Февр в отношении мировидения, свойственного данной социальной общности, не склонен занимать жестко детерминистскую позицию. У общества, по его мнению, масса «возможностей»; все зависит от того, как этими «возможностями» воспользуются. Всегда существует бесчисленное множество вариантов поведения, возможности альтернативы развития общества в целом. Вместе с тем, общий характер мировосприятия, стиль жизни, особенность культуры, ментальность, присущая данной человеческой общности, не зависят от членов общества, они «заданы» им, переходят от поколения к поколению, постепенно изменяясь. Культура образует некую невидимую сферу, за пределы которой принадлежащие к ней люди не в состоянии выйти. «Внутри» данной ментальной и культурной сферы люди «субъективно» ощущают себя свободными, «объективно» же они ей подчинены¹⁹.

Сознание и его психологическая вооруженность, несомненно, – это достояние отдельного индивида. Но в каждом обществе на конкретной стадии развития, например, в условиях общественной трансформации, и в условиях относительно стабильного состояния политической системы существуют специфические для конкретной социентальной общности условия для структурирования индивидуального сознания. Культура, язык, традиции, образ жизни, религиозность, стереотипы мышления и поведения есть, своего рода, база, «матрица» (по Гуревичу), в рамках которой формируется ментальность. Хорошо известно, что в каждой цивилизации есть разные слои культуры, различающиеся в зависимости от своего социального или исторического происхождения, и их комбинации, взаимовлияния и слияния, а также внешнее, формальное влияние политической системы ведут к синтезу новых структур, способствуют постепенному изменению менталитета.

---

¹⁹ См.: *Febvre L. Combats pour l'histoire*. P., 1953. P. 31, 86.

2.2. Общественно-политический потенциал личности и общества как основа для изменения менталитета

Общественно-политический потенциал мы рассматриваем как комплекс интересов, потребностей и способностей человека, обусловленный естественноисторическим развитием, а также развитием (естественным и институционально формализованным) самой личности в определенный промежуток времени согласно экономическим и политическим условиям данного конкретного общества, обеспечивающий адаптацию и способствующий самореализации личности.

Человек – существо деятельное, и деятельность его многообразна. Каждый из индивидов наделен определенными задатками как существо биологическое и социальное. Но послужат ли они основой для развития способностей, пробудится ли в человеке чудодейственная сила созидателя, творца – зависит прежде всего от социальных условий, возможностей развивать свои способности, т. е. реализовывать свой потенциал.

Вообще деятельность возникает из способности направлять свою волю на определенную цель и работать до тех пор, пока цель не будет достигнута, «...способность применять свои силы подобным образом является потенцией». Если человек по каким-либо причинам не в состоянии действовать, он страдает. «Это страдание от импотенции приводит к разрушению внутреннего равновесия». Человек, который не может создавать, хочет разрушать, – утверждает Э. Фромм²⁰.

Следовательно, жизнь человека – это процесс появления на свет врожденных потенциальных способностей, когда центральной проблемой является помощь рождению человеческих потенциальных способностей.

Было время, когда в биологии, да и в общественных науках, преобладали экзогенетические или эндогенетические тенденции. Этому есть объективные причины и объяснения. Сегодня мир науки, в том числе и отечественные ученые, признает, что человек не есть некий абсолют, изолированный от внешних условий своего существования, ибо организм не способен сам по себе производить вещество, энергию и информацию для поддер-

---

²⁰ Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 25, 26.

жания своего существования, а тем более – развития. Все необходимое и в вещественном, и в энергетическом, и в информационном плане живая система получает из внешней среды, и она неминуемо погибнет, ее внутренние ресурсы, запасы ничтожны ²¹.

Человек рассматривается как «феномен универсума», в общей связи с ним. Другое дело, что специфика марксистского подхода состоит в том, что сам этот феномен универсума выступает не как какой-то натуральный объект, а в структуре социума, в структуре социально-исторического развития и т. д. ²²

Абстрагируясь, можно говорить о трех представлениях о потенциале. Допустим, что одно из них под потенциалом подразумевает только биологическую информацию. Другое – учитывает информацию, приобретенную индивидом на начальном и последующем этапах становления личности, благодаря идеологическому влиянию, конкретным жизненным обстоятельствам, широкому общекультурному материалу. Третье – диалектическое единство первых двух, подразумевая их взаимодействие, взаимовлияние, способствующее реализации менталитета.

Каждый аспект, как биологический, так и социальный, относительно самостоятельны. Системное исследование объектов, процессов позволяет рассматривать их во взаимосвязи внутренней и внешней сторон. Расчленять процессы, объекты развития на внутренний и внешний аспект это не значит абсолютизировать один из них. Расчленение зачастую необходимо для полноты и объективности исследования. Каждый аспект относительно самостоятелен, имеет свои закономерности. «Различие внутренних и внешних аспектов развития проявляется и в том, что законы, описывающие внешние аспекты, не совпадают с законами, относящимися к внутренним сторонам» ²³.

В научных разработках об общественно-политическом потенциале, однако, преобладает анализ социального аспекта, а диалектика развития в биологической сфере часто интерпретируется ее социальной стороной.

---

²¹ *Афанасьев В. Г.* Мир живого: системность, эволюция, управление. М., 1986. С. 210.

²² *Швырев В. С.* Образ философии» и философская культура // Философское сознание: Драматизм обновления. М., 1991. С. 223–224.

²³ *Василенко Л. И.* Системные исследования развития и взаимодействия человека с природой // Принцип системности в познании процессов развития. М., 1986. С. 48.

Кибернетические теории развития реализуют исследовательскую установку на выявление внутренних факторов развития, которые позволяют показать доминирующую роль внутренних противоречий, находящихся в соответствии с системой внешних закономерностей.

В этой области знания, на наш взгляд, имеет немалое значение способность самой системы выявлять свои внутренние факторы развития, соотносить свою структуру таким образом, чтобы они способствовали развитию. Это назначение системы, по-видимому, выполняет ее потенциал. Реализация возможности, переход ее в новую действительность детерминируется совокупностью внутренних и внешних факторов. Потенциал, как представляется, выражает внутренние, детерминирующие факторы, характеризуя внутреннюю сторону развития, т. е. саморазвитие.

Для углубления понимания принципа самодвижения и саморазвития дает философское осмысление проблемы самоорганизации, представленной двумя общенаучными подходами, *кибернетическим и синергетическим*.

Если кибернетика в основном решает проблему поддержания системы в заданном режиме, сохранения устойчивого равновесия системы со средой, т. е. в целом систему самоуправления и самоорганизации сложных высокоорганизованных систем, принадлежащих к высшим уровням организации материи, то синергетика в рамках своего подхода расширяет явления самоорганизации на «неживую природу», вскрывает «аналоги», общие и специфические черты и особенности информационно-саморегулирующихся явлений и процессов в неорганическом мире, что проясняет внутренний механизм структурообразования систем различной природы, и строит свое объяснение и описание процессов самоорганизации на принципах неравновесности, нелинейности, неустойчивости, кооперативности и т. д. Значительная роль кибернетического и синергетического подходов, раскрывающих закономерности самодвижения и саморазвития материальных систем и связь их с процессами изменения организации и функционирования как на «неживом», так и на «живом» уровнях, состоит в том, что они обосновывают взаимосвязь принципа самодвижения с такими принципами диалектики, как единство мира, системность, целостность, качественное разнообразие и др., выступающими ме-

тодологическими ориентирами в исследовании самоорганизации материальных систем²⁴.

Если исходить из посылки, что любая социальная система имеет кибернетическую природу, поскольку, во-первых, новое состояние зарождается при наличии определенных условий, как внутренних (уровень организации, функциональная «память», т. е. система имеет «прошлое»), так и внешних, представленных свойствами целого, условиями среды; во-вторых, функционирование системы проявляется в соответствии с изменениями состояния окружающей среды, а также в преобразующем воздействии социальной системы на окружающую среду в целях оптимального функционирования и стабилизации параметров социальной системы. Способность самой системы (в нашем случае – это живая система, человек) выявлять свои внутренние факторы развития имеет немалое значение, это залог дальнейшего совершенствования и изменения менталитета в связи с потребностями времени. *Потенциал – это не столько характеристика возможности, сколько выразитель интегрального качества системы, позволяющей реализовать эту возможность.* В этом случае целесообразен поиск этого интегрального качества, т. е. сущности общественно-политического потенциала, понимания человека как социального субъекта, его возможностей к самореализации в различных сферах общественной жизни.

Не углубляясь в подробный анализ философских категорий, диалектики особенного и общего, цели и средства, возможности и действительности, отметим, что в настоящем исследовании носителем потенциала является социентальная общность. Именно в обществе, с его социальными слоями, группами, традициями, находящемся на определенной ступени человеческой цивилизации, при определенном государственном устройстве с соответствующими политическими институтами, в целом заключено то общее, что является сутью, отправным моментом особенного. Возможность – это будущее объекта в настоящем. Возможности вызревают в данной действительности, они ростки нового. Возможность только потому и осуществляется, что она существует реально, как «вещь в себе», как предпосылка новой действительности, как условие возникновения чего-

---

²⁴ См.: Рузавин Г. И. Синергетика и диалектическая концепция развития // Философские науки. 1989. № 5. С. 11; Рузавин Г. И. Самоорганизация и развитие систем // Принцип системности в познании процессов развития. М., 1986. С. 39.

то. Но возможность будет представлять определенную ценность, если она осуществится, перейдет в действительность. Иначе не может быть процесса развития.

Реализация возможности, переход ее в новую действительность детерминируется совокупностью внешних и внутренних факторов. Потенциал выражает внутренние детерминирующие факторы, характеризую внутреннюю сторону развития, т. е. саморазвитие. «...Внутреннее – это собственное развитие природы, ее собственные источники силы»²⁵.

Потенциал отражает внутреннюю сторону развития, движения. Внутренняя сторона потенциала – самодвижение.

Основным результатом, достигаемым в конечном итоге любой живой системой является выживание, самосохранение. Поэтому любое поведение биологической системы направлено на достижение того или иного приспособительного результата (т. е. является целенаправленным), способствующего в конечном итоге выживанию или самосохранению системы.

Таким образом, функционирование живой системы детерминирует конечный результат, а значит, цель. «Цель как реальный инструмент направляемого поведения появляется лишь вместе с сознанием человека, есть его основной определяющий элемент»²⁶.

Целесообразность относится к сознательной деятельности человека. Это та цель, ради которой реализуется потенциал.

Системообразующий фактор – конечный результат. В то же время результат и реальное действие, а также мотивации являются стимулом. На социальном уровне этот фактор, по-видимому, и проявляется как цель. Целью же детерминируется весь процесс реализации потенциала. Вот почему сущность потенциала – это способность, а не совокупность возможностей, резервов.

Попробуем выявить сущность потенциала живого организма, человека, его способности реализовать себя в общественной среде. Затем, анализируя сущность, выявить составляющие этой способности, которая так или иначе проявляется в условиях общества, а также соизмерить с имеющимися возможностями, за-

---

²⁵ Шир Э. Б. О ленинском понимании категории самодвижения // Философские науки. 1980. № 1. С. 102.

²⁶ Принципы организации социальных систем. Киев–Одесса, 1988. С. 83.

висящими, как правило, от внешних условий и некоторых субъективных факторов.

Общеизвестно, что потенциал индивида возникает не из синергетического хаоса «нулевого» (в относительном смысле), а имеет прошлое («помнит» свою предысторию) и настоящее (общекультурная информация и т. д.). Потребовалось не одно поколение, чтобы сформировать человека сегодняшней духовной структуры. Являясь образом будущего, реализованный потенциал в известном смысле детерминирован настоящим, «новый человек не может быть приготовлен механическим путем, он не может быть автоматическим результатом известной организации общества»²⁷.

Следует подчеркнуть, что при изучении потенциала, его выявлении недопустима абсолютизация внешних и внутренних детерминирующих факторов, абсолютизация биологического и социального начала, но, однако, правомерно рассматривать доминантность внутренних факторов, которые не есть только биологические. Человек отличается тем, что он культурно-созидательное существо. Благодаря этому человек не лишен ценностной перспективы, объективных ценностных основ. Он является как бы творением многих этапов человеческого развития, в процессе чего формируется соответствующий менталитет. Не случайно, по-видимому, сущность и содержание общественно-политического потенциала ряд отечественных исследователей рассматривают как совокупность способностей личности и социальной общности «к деятельному участию в политической жизни в соответствии со своими потребностями и интересами». Последние, как правило, ассоциируются с нарождающимися потребностями общества. Структуру потенциала при этом, иногда представляют как совокупность «ценностных ориентаций, склонности, оценки выбора цели и средств ее достижения, мотивационных ориентаций»²⁸. Здесь необходимо внести коррективы. Фактически потенциал – это «динамическая модель проблемной ситуации», образующаяся в мозгу. Это не обычная модель, использующаяся в познании, не модель, имитирующая,

---

²⁷ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 151.

²⁸ См.: Леванов Е. Общественно-политический потенциал молодежи: состояние, проблемы и пути реализации. (Опыт социологического анализа). Дисс. д-ра социологических наук. М., 1990. С. 8.

воспроизводящая то, что существует. Это модель-прогноз, предвосхищающая поведение человека в будущем ²⁹.

В этом и есть *отличие общественно-политического потенциала* как комплекса интересов, потребностей и способностей человека, обусловленного естественноисторическим развитием, а также развитием самой личности в определенный промежуток времени согласно экономическим и политическим условиям данного конкретного общества, обеспечивающего адаптацию и способствующего самореализации личности, от менталитета как системы установок, ценностных ориентаций социальной общности, детерминированной социально-экономическим, политическим, культурным бытием социентальной общности в прошлом и настоящем, как устойчивой системы психологических, культурных, этнических, политических, умственных установок, предрасположенностей индивида, общества действовать, чувствовать, воспринимать и определенным образом оценивать политическую реальность. Менталитет как «посредствующее звено», связывает социальные процессы и духовную жизнь, является отражением системы реальных связей объективного мира и, в частности, политической системы общества. Менталитет *функционирует, развивается в данный конкретный момент времени в условиях конкретной политической системы, во многом обуславливает ее состояние благодаря имеющемуся потенциалу конкретной личности или социальной общности, их реальной способности к самореализации и возможности овладеть новой информацией в конкретных социально-экономических и политических условиях.*

Основой потенциала является биологическая информация, а также приобретенная в онтогенезе, в результате практического опыта. Значит, на решение возникающих в результате социального опыта проблем, воспроизводство потенциальных возможностей влияет родовой опыт, менталитет. Вариативность, неопределенность поведения индивида – результат корригирования этого поведения на основе обратной связи. Нас интересует вышший, по сравнению с уровнем, предполагающим «чисто биологическую информацию», – социальный уровень. На этом уровне потенциал остается зачастую невостребованным. Отсюда –

---

²⁹ См.: *Афанасьев В. Г.* Мир живого: системность, эволюция и управление. М., 1986. С. 266–287.

позднее взросление молодежи, ее зависимость от старшего поколения, затянувшийся инфантилизм, эйфория, неразвитость способностей. В связи с этим реализация общественно-политического потенциала требует определенного воздействия на личность (политического, экономического, нравственного и т. д.) с целью приведения поведения личности в русло реализации значимых потребностей общественного развития.

Потенциал – динамично развивающийся феномен. Его формирование происходит в определенный промежуток времени, естественный для развития каждого человека. Этот промежуток времени характеризуется всякий раз определенными социальными условиями, в этих рамках происходит формирование потенциала и, в известном смысле, определяются границы его реализации. Основные мировоззренческие позиции личности, как принято считать большинством специалистов в этой области, складываются к 24–25 годам. С учетом новых открытий, не подлежит сомнению то, что этот промежуток естественного развития отличается от того же промежутка предшествующих эпох и последующих, меняются возрастные границы. Таким образом, потенциал не только связан с естественным периодом развития личности, но он обусловлен ходом естественноисторического развития, биологического развития, следовательно, он непосредственно связан с развитием человеческой цивилизации.

Человек, как природное существо, наделен природными силами, жизненными силами, которые существуют в нем в виде задатков и способностей, в виде влечений, желаний, потребностей. Вот эта биологическая природа и является тем изначальным, на котором уже конструируется нечто социальное. Эта природная сущность человека, сформировавшаяся естественноисторическим путем, в виде определенных задатков, способностей, возможностей, наконец, потребности к деятельности и составляет общественный (социальный) потенциал личности. Мы вправе рассматривать эту готовность, предрасположенность, возможность реализации сущностных сил человека как природного существа применительно к реальным сферам жизнедеятельности.

Основными противоречиями, определяющими проблематику большинства проводимых в настоящее время социологических и социально-политических исследований, является, во-первых, противоречие между потребностями общественной практики использования потенциала общества и неупорядоченностью знаний о закономерностях становления, развития, изменения

потенциала в связи с менталитетом, специфике реализации и развитию менталитета. Во-вторых, между общественной потребностью в реализации общественно-политического потенциала современного общества Российской Федерации и степенью его реализации. Это указывает, прежде всего, на то, что государство, политическая власть до сих пор рассматривает эту проблему в ценностно-нормативных показателях – на уровне должного. Желаемое при этом часто выдается за действительное. Возросшая же динамика политической жизни требует учета реальных процессов, происходящих в социальной среде.

В условиях трансформации российского общества, развития этнополитических процессов, как показывают исследования, иные характеристики приобретает процесс социализации личности. Если в бывшем Советском Союзе было престижно говорить по-русски, вести себя «по-русски», в 90-е годы становление личности, ее социализация в начале 90-х годов получает этническую окраску. Как свидетельствуют этнополитические процессы на Северном Кавказе в условиях становления государственности северо-кавказских республик, представители того или иного этноса «возвращаются» не только к своему национальному языку, но и к нормам поведения, обычаям и традициям. Нельзя утверждать, что этот процесс идет, так сказать, «с чистого листа». Например, адыгская молодежь черпает информацию о своем народе, как свидетельствуют данные социологических исследований в Республике Адыгея, Карачаево-Черкесской Республике, Кабардино-Балкарской Республике и др., не только из официальных источников, но, прежде всего, из семейных преданий, фольклора, народных песен, традиций и т. п.

Повышение этнического и государственного статуса адыгов положительным образом отражается на психологическом состоянии представителей адыгских народов. С начала 90-х годов заметной политической силой стала адыгская интеллигенция, началось массовое издание книг на языках «титულных» народов, совершенствуется обучение языкам, в том числе русскому; в местах компактного проживания этнических групп, в частности, в Республике Адыгея, ведется обучение армянскому, греческому, татарскому языкам. Как известно, язык является главным этноконсолидирующим и одновременно этнодифференцирующим средством. Без языка нет этнического самосознания, нет

менталитета. Социализация индивида с помощью различных средств, в том числе языка, формирует у него представление о своей принадлежности к этнической общности. Растет интерес адыгейской молодежи к истории своего народа, развивается наука, больше внимания стало уделяться развитию адыгейской филологии и истории, восстанавливается правда истории адыгов, прежде всего, правда о Кавказской войне (XIX в.), ибо ряд особенностей современной общественно-политической жизни Адыгеи обуславливается трагическим прошлым адыгов, связанным с Кавказской войной.

Как известно, складывающиеся в процессе межэтнического общения представления о своем и других народах формируют не только образы данных этносов, но и ценностное отношение к ним³⁰. Согласно итогам социологических исследований, адыгейская молодежь в большей степени, чем представители других национальностей в Республике Адыгея, осознает важность своей принадлежности к родному народу, респонденты с гордостью признаются, что для них «очень значима» их национальная (до 90%) и религиозная (80%) принадлежность. Более трети респондентов русской национальности не придает этому важного значения. Около половины респондентов-адыгов предпочли бы невесту или жениха своей национальности, еще 30% опрошенных считают брак с человеком другой национальности нежелательным. Для русских выбор невесты или жениха по национальности не играет столь большой роли. Более 80% респондентов адыгов идентифицируют себя с мусульманской религией, проявляют большой интерес к культуре мусульманской цивилизации. Обращает на себя внимание трепетное отношение к факту осознания себя гражданами Адыгеи. Для адыгов, в отличие от представителей других национальностей, гражданство Российской Федерации менее значимо, нежели гражданство Адыгеи³¹. Естественно, что на характер ответов накладываются

---

³⁰ См.: *Денисова Г. Д.* Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. Ростов на Дону, 1996.

³¹ В данном случае речь идет о данных социологических исследований, проведенных с участием автора в 1997 г. в Республике Адыгея по международному исследовательскому проекту Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (рук. — доктор исторических наук, профессор М. Н. Губогло) по теме: «Этнополитические представления мо-

отпечаток различные факторы, в частности, нестабильность на Северном Кавказе, потребность социальной и политической стабильности, тревожность в настроениях молодежи в связи с политическими конфликтами. Но важно то, что попытки нивелировать культуры, потребности, интересы народов, населяющих территорию бывшего СССР в рамках проводившейся национальной политики, можно констатировать, не удалось. Несколько поколений, независимо от проводимой политики и господствовавшей идеологии, сохранили традиции, обычаи, их усилия и менталитет способствовали сохранению самоценной нации, народа. Поколение 16-летних, не будучи вовлеченным в процесс политической социализации, не прошедшее «школу» пионерии, комсомола, получило от своих родителей, родного народа все необходимое, чтобы идентифицировать себя в родственной национальной и культурной среде.

Биологическое общественно-политического потенциала, таким образом, самым активным образом взаимодействует с социальным в процессе неформального и формального влияния на личность и социальную общность, но обуславливается менталитетом. Указанное взаимодействие и составляет суть процесса, по которому обычно определяется эффективность политической социализации личности или адаптации личности в новых условиях. Определяющими в этом процессе являются способность самих индивидов к самореализации, а также социальное образование, отношения, существующие в данном конкретном обществе, т. е. условия, обеспечивающие всестороннее физическое, духовное и нравственное развитие личности, ее самоидентификацию, самореализацию. В то же время новая информация способствует изменению потенциала, этот процесс не проходит бесследно для менталитета и постепенно, от поколения к поколению, изменяется сам менталитет.

Время коренных и глубоких изменений общественной системы, уже мощно влияющей на все сферы жизнедеятельности общества, ставит вопрос коренного изменения отношения государства к формированию социальной политики применительно к отдельным группам и слоям населения и, прежде всего, к молодежи,

---

лодежи. Формирование и функционирование». Объем выборки – 14 тыс. человек столичной молодежи в 16 республиках в составе РФ.

как восприимчивости не только сложившихся отношений, но и инноваций, с которыми выступают сегодня современные политические силы. В основе этих отношений лежат социальные, духовные, экономические и нравственные, этнические потребности жизни народа, перспективы развития государства. Последнее непосредственно связано с утверждением федерализма в России, необходимостью уточнения взгляда на формирование национальной политики, упорядочения взаимоотношений федерального Центра и субъектов Российской Федерации. Выработка адекватной переживаемому этапу общественного развития государственной социальной политики становится неотъемлемым элементом процесса обновления общества, поскольку от степени гармонизации отношений общества и государства зависит дальнейшее социально-экономическое, политическое развитие страны. Жизненное значение социальной политики далеко не отвечает пока ее реальному состоянию, как в теоретическом, так и в организационном планах. Это сказывается на положении слоев и групп населения, на степени реализации его общественно-политического потенциала.

В литературе нередко высказывания о том, что цель реформ – не замена социальных и политических институтов, механизмов, а цивилизационный слом. Как пишет С. Кара-Мурза, в ходе такого цивилизационного слома предлагается «отказаться от той этики религиозного братства, которая и обеспечила в России возможность тысячелетнего поразительно мирного сосуществования народов и социальных групп»,³² добавим, прочно укоренившегося в менталитете русского народа как однородной социально-культурной целостности и проявляющегося в виде толерантности, религиозного и культурного синкретизма. Одно из важнейших условий гармонизации отношений общества и государства – такая социальная политика, когда ни один народ не чувствует угрозы своему существованию как этносу, когда не подавляется общественно-политический потенциал социальной или национальной общности и, реализуясь, способствует поступательному развитию страны, стабильности политической системы.

Современная отечественная наука и практика пока на подступах к пониманию механизма, диалектики взаимодействия биологического и социального в человеке относительно тех или иных

---

³² Кара-Мурза С. Что происходит с Россией? Куда нас ведут? Куда нас приведут? М., 1993. С. 8.

условий развития. Без этого утопично сколько-нибудь цельно определить пути и средства политической социализации населения. Важно выявить также основное и специфическое в этом механизме, возможность корректировки этого процесса с учетом конкретной обстановки в стране и в мире в целом. Нормативные акты по вопросам социальной политики, принятые за последние десять лет, ставящие целями концентрацию усилий на решении наиболее острых проблем, выработку новых механизмов реализации социальной политики, по сути, остаются нереализованными в силу различных причин³³. Большая часть принципов, положений разрабатываемых программ остаются нереализованными оттого, что новые задачи предлагается решать устаревшими методами. Разработчики социальной политики предлагают поставить реализацию потребностей населения в угоду общественного интереса, как доминирующего, отводя, при этом, самому обществу пассивную роль объекта воздействия. Разработчикам такой политики не достает убедительности в доказательстве научной, социально-политической, социально-психологической, экономической потребности разработки не только социальной политики, но и адекватной программы адаптации населения в новых условиях. Эти задачи, вероятно, невозможно решить без уточнения общих методологических подходов, функционирования закона преемственности и контуров трансформации общества на основе научного подхода к программированию и политическому прогнозированию. Главные препятствия в формировании и реализации социальной политики, ряда целевых программ и обусловлены ошибками методологического плана. Акцентируя внимание на интересах индивида, социальных слоев и групп (что само по себе верно), разработчики концепций и программ применительно к различным сферам общественной жизни, забывают, что приоритетными

---

³³ См., к примеру, О Программе социальных реформ в Российской Федерации на период 1996–2000 гг.; Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 1997 г. № 222 // Собрание законодательства Российской Федерации. М., 1997. № 10. С. 2037–2122; О федеральной целевой программе «Молодежь России (1998–2000 гг.)». Постановление Правительства Российской Федерации от 18 июня 1997 г. № 746 // Собрание законодательства Российской Федерации. № 26. С. 5051–5057; Политика реформ в интересах народа. Материалы заседания Правительства Российской Федерации от 29 февраля 1996 г. М., 1996. 63 с.

в системе отношений «общество – социальные группы» или «общество – государство» остаются интересы общества в целом, связанные с потребностями его поступательного развития, что задача общества и государства – познавая социальные и политические интересы, постоянно соотносить их с законами общественного развития и на этой основе разрабатывать любые программы.

Возможна ли свобода от обуславливающих поведение индивида факторов, к которым, в частности, относится менталитет? И да, и нет. Некоторые из современных авторов предлагают освобождение от этой зависимости через самопознание. «Только через познание себя приходит свобода от рабства, от зависимости, и эта свобода свободна от всякой веры, от всякой идеологии,» менталитета³⁴. В данном случае не учитывается то, что процесс самопознания неизбежно будет обусловлен действием автоматизмов сознания индивидов, менталитетом, присущими ему способами оценки окружающего и себя в этом мире. Общеобразовательная культурологическая подготовка способствует внедрению в сознание каждого образованного человека представления о некоторых общих, универсальных принципах социокультурной регуляции и о специфических формах такой регуляции в разных культурах. Обладание новой информацией способствует обогащению общественно-политического потенциала индивида, в то же время индивид никогда не сможет «порвать» со своей средой, «освободиться» от присущего ему типа мировидения, оценивания политической и культурной реальности. Наряду с правилами, ценностями, целями, которые могут разделять все в процессе взаимодействия и взаимовлияния культур, отдельные культуры сохраняют свою самобытность в формах политической философии, материального производства, предпочтения в сфере занятости, в типе отношений «общество-государство», в политической культуре.

Демократическое общество заинтересовано в развитии всех потенциальных возможностей человека как основы для изменения менталитета в связи с объективными потребностями общественного развития. Существо демократии в том и состоит, что она, в отличие от всех других форм социальной организации, человеку, личности обеспечивает приоритет в развитии, заинтересовано в познании человека – его биологических и социаль-

---

³⁴ *Петраков А. А., Разин А. А.* Менталитет: благо или наказание? // Менталитет: Широкий и узкий план рассмотрения. Ижевск, 1994. С. 19.

ных особенностей. Оно исходит из того, что человек по природе своей является и рациональным, и моральным существом, ориентирующимся на «жизнь, свободу и стремление к счастью». Данный постулат и является, на наш взгляд, краеугольным камнем, принципом принципов разработки государственной социальной политики.

2.3. Влияние менталитета на процессы адаптации общества в новых социально-политических условиях

Главным ограничителем восприятия нового в социально-политической и экономической жизни, как показывают итоги социологических исследований, служит сам человек, его неподготовленность к общественным переменам. Налицо неготовность части общества достаточно быстро переключиться на принципиально иные социально-экономические и политические технологии и отношения. Имеет место не только психологическая неготовность и инфантилизм. Сдерживающий характер могут приобретать особенности ментальности личности, чуткие к навязыванию чуждых традиций, когда преобразования идут вразрез с менталитетом общества³⁵.

Чувство социального дискомфорта все более усиливается в условиях напряженности в регионах Российской Федерации в связи с хозяйственными аномалиями, снижением жизненного уровня, растущими размерами безработицы. Отсутствие рынка, «закрытость» политической системы и, в связи с этим, неготовность к жизни в новых экономических и политических условиях основной массы населения в период форсированного реформирования общества и капитализации экономики, – самая трудная проблема на пути радикальных реформ. Необходимо возрождать свой полузабытый опыт и максимально использовать все лучшее из опыта, накопленного в других странах. Благодаря это-

---

³⁵ Речь идет о результатах социологических исследований, проведенных в Российской Федерации по методике кафедры политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации в 1995–1997 гг. (рук. профессор В. С. Комаровский); также: о социологических исследованиях Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН (рук. профессор М. Н. Губогло) в 1993–1997 гг. с участием автора.

му только и возможна саморегуляция и саморазвитие общества, и эволюция механизма политического управления.

«...Род человеческий сам должен и может быть творцом своего счастья; однако то, что он будет им, нельзя заключать из природных задатков, которые мы в нем знаем; об этом можно заключить только из опыта истории»³⁶. Для этого необходим ряд условий, особенно в переходные этапы развития общества. Прежде всего – политическое регулирование.

Возникает вопрос о социальном типе человека и его соотносительности с действующей системой социальных и политических регуляторов, вопрос о готовности и неготовности человека воспринять перемены в этих регуляторах, либо, говоря иначе, о способности или неспособности регуляторов обеспечить наилучшую реализацию созданного историей человечества потенциала.

Трансформация российского общества требует изменения уровня и качества задач, которые новая политическая система пытается разрешить, соответственно меняется и правовая система, призванная регулировать новые политические отношения в обществе.

Принципиально важен социальный результат производимой трансформации. Население выступает в роли эффективного «социального критика», проверяющего на реалистичность и прочность соответствующие нормативные установления. Социальный показатель эффективности процессов реформирования общества проявляется в характере процесса адаптации общества в новых условиях. Результаты адаптации позволяют выявить истинный смысл и содержание совершающихся перемен. Прочность новых отношений, возникающих в процессе социальной адаптации, становится необходимым условием для формирования механизмов социальной мобильности. В условиях общественной неопределенности, отсутствия продуктивных моделей социального действия эти механизмы оказываются зачастую заблокированными или подменяются маргинальными или девиантными формами социального поведения.

Так или иначе, но адаптация характеризует меру способности различных социальных слоев и групп осмысленно ориентироваться в социальной, политической и хозяйственной ситуации. В процессе адаптации, как в зеркале, проявляется адекватность

---

³⁶ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / Соч. М., 1966. Т. 6. С. 583.

вырабатываемых моделей социального поведения под воздействием формального влияния и рациональность (в широком смысле) использования различных ресурсов для создания соответствующих условий, обеспечивающих адаптацию, реализацию потребностей и интересов индивидов. Важнейший индикатор адаптации – согласование самооценок и притязаний субъекта не только с его возможностями, но и с социально-экономической и политической реальностью. Согласование самооценок с реальностью в связи со сложившейся общественно-политической и экономической ситуацией в 90-х годах проблематично, как показали наши социологические исследования. Нынешнее состояние российской экономики характеризуется беспрецедентным сокращением производства и экономической активности, дезинтеграцией экономики и денежного обращения. Игнорирование структурных особенностей российской экономики в надежде на автоматическое действие механизмов рыночной самоорганизации спровоцировало процессы дезинтеграции экономики и нарастания хаоса. Не случайно, рядом авторов иногда истоки современного состояния общества предлагается искать не в экономике, а в системе власти, механизмах, позволяющих ей отдалиться от народа, не нести никакой ответственности за проводимую политику.

Особенности поведения и мышления людей коренятся в разрезе жизни эпохи. Наследственный груз (менталитет, религиозные верования, народные суеверия и т. д.) воздвигает в умах прочные барьеры против всего нового, неизведанного и уже потому чуждого и неприемлемого. Новое, характерное для новой эпохи, при всей колоссальной значимости, не сразу находит адекватную оценку в сознании современников. Чтобы адаптация имела место, необходимо внешнее воздействие (формальное влияние), культивирование новых знаний, а также заинтересованность индивида, его «включение» в этот процесс и в процесс приобретения этих новых знаний о внешней среде, убежденность в необходимости перемен. В данном случае целесообразно подчеркнуть, что «включение» предполагает превращение объективного воздействия в нечто «для себя», для уже имеющегося, заданного бытия. Для достижения качества «для себя» на раздражитель «наваливаются» все возможности целого. Они постепенно разворачивают начальную, смутную информацию

до уровня некоторой субъективной ясности³⁷. В целях выработки понятных индивиду, социальной группе представлений о внешней среде, о пространстве используются собственные движения и действия, связанные с «переводом» в понятный для индивида или группы смысл (в их же терминах) информации, преломленной в менталитете. Это – завершенное, «понятное» индивиду, группе качество, выраженное на их собственном языке; с ним у индивида, группы появляется образ среды.

*Коренные представления людей о мире складывались и увековечивались в недрах определенных социальных коллективов, в которых протекала их жизнь, и устойчивость традиционной ментальности находит себе почву в традиционности этих общественных групп. По справедливому утверждению А. Я. Гуревича, в цепкости старой социальной системы следовало бы искать причину слабой восприимчивости к новому, враждебному по отношению к устоявшемуся укладу жизни*³⁸.

Писатель, художник, мыслитель подвергается своего рода «культурному принуждению»; в той или иной мере он «пленен» системой представлений, господствующей в его среде. Выражаясь языком теории коммуникаций, можно сказать, что выдающийся творец, будучи оригинальным автором того или иного «послания», не может не выразить его в коде заранее заданной ему языковой системы и культурной традиции, которая ставит ему определенные границы. От того, что сам он этих ограничений не ощущает и не осознает, они не становятся менее существенными. Весьма важным качеством общества является организованность, упорядоченность образующих социальную и политическую жизнь отношений, а, значит, и объективная необходимость их социального и политического регулирования, которое обусловливается требованиями данной политической системы, менталитетом социальной общности. Социальные нормы, которые обуславливаются психофизиологией индивидов данной социальной общности, ее менталитетом оптимизируют существование людей в обществе и существование конкретного человека в его отношениях к остальным людям и к самому себе. С их помощью человек стремится сохранить и реализовать определенные ценности в той природной и социальной дей-

---

³⁷ См.: Васильев Г. Н., Зобов Р. А., Келасьев В. Н. Человек: Генезис духа. Там же. С. 102.

³⁸ Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». Там же. С. 52.

ствительности, в которой он живет, реализовать свои потенциальные возможности, реализовать себя как личность. Политические регуляторы предполагают регламентацию жизнедеятельности человека как существа политического, его участие в политической жизни общества.

Политическое регулирование, его место и функции в общественной жизни характеризуются рядом закономерностей. Во-первых, каждое конкретное общество объективно требует строго определенной меры политического регулирования, иначе неизбежны отрицательные последствия для социальной и политической систем – их неорганизованность или, наоборот, их излишняя регламентация. Эта мера зависит не только от требований политического режима, от этапа развития общества, уровня его организованности, но и менталитета социентальной общности. Эта мера тем значительней, чем сложнее общественные отношения, чем больше необходимость их согласованного и скоординированного развития. Во-вторых, в процессе развития регулирования в обществе все более возрастает удельный вес проблем свободы человека, автономной личности. В-третьих, закономерной тенденцией развития социального и политического регулирования является формирование относительно обособленных регулятивных средств и механизмов. Решающим фактором как политического, так и социального регулирования на всех этапах развития общества является экономический базис. В то же время, в связи с развитием политической и духовной сфер общества, возрастает значение социального управления. Эти процессы на определенном этапе получают дальнейшее развитие в связи с возрастанием роли власти и идеологии, а также в связи с тем, что объективно возрастает потребность в развитии свободы в обществе, обеспечении прав личности. Противоречивость развития этих процессов обусловлена тем, что на известной ступени обособленные регулятивные средства и механизмы, все более отчуждаясь от человека, могут стать самостоятельными и даже противостоящим людям фактором. Объем и интенсивность внешне обособленных регуляторов обратно пропорциональны степени развития в обществе начал саморегулирования. В-четвертых, по мере развития социальной жизни, гражданского общества происходит изменение качества регулирования, усложнение, уточнение и совершенствование средств и механизмов, их нарастающая дифференциация и

интеграция, оптимизируются процессы адаптации общества в новых условиях. Создается своего рода система, инфраструктура механизмов регулирования. Система социальных и политических регуляторов неизбежно должна формироваться как своеобразный ответ на потребности общественной и политической системы, экономики общества, политической власти, идеологии. Таким образом, в целях оптимизации процессов адаптации личности к новым условиям и постепенного изменения позиции социальной общности посредством адекватного воздействия на ментальность создается не набор регуляторов, которые, действуя автономно, оказывают влияние на различные сферы жизнедеятельности социума, а механизм политического регулирования с соответствующей *инфраструктурой*. Инфраструктура – это не просто структура социального регулирования в обществе, не просто его подразделенность на виды, звенья, а сложившееся объективно обусловленное построение этой структуры, выраженное в устойчивой модели нормативно-организационных форм регулирования, причем такой модели, узловое звено которой опираются на определенные, тоже устойчивые организационные формы. Либо на виды общественных органов в первобытных обществах, либо на виды государственных, иных политических органов (правотворческих, правоохранительных), выражающих своеобразие данной политической и социальной системы. Инфраструктура социального и политического регулирования предстает главным образом в виде особого построения, базиса устойчивых нормативно-организационных форм, от которых непосредственно зависит и развитие, и само функционирование этого регулирования³⁹.

Процесс формирования инфраструктуры находится под влиянием целого ряда разнообразных условий, объективных и субъективных обстоятельств, обуславливается сложившимися традициями и менталитетом общества, действиями правящей элиты, подвержен влиянию достижений науки и передового опыта других стран.

В период перехода к рыночным отношениям в России формируется определенная система социальных регуляторов, которая во главу угла ставит рыночные механизмы, индивидуальные способности человека, свободу выбора. Однако, динамика современной политической жизни Российской Федерации и данные социологических исследований последних лет указывают

---

³⁹ См.: Алексеев С. С. Теория права. М., 1994.

на инверсионный характер большинства решений высшей политической власти, усугубляющих проблемы в обществе. Анализ ситуации показывает, что политические регуляторы формируются не всегда с учетом российской специфики, менталитета общества. Не подтверждают претензий на универсальность западные управленческие модели, заимствованные законы и методы политического регулирования, взращенные на зарубежной почве.

Эти вопросы рано или поздно будут решены. Важно избрать оптимальный путь для их решения. В данном случае наиболее приемлем путь не слепого подражания «идеальному» зарубежному опыту, но использование уже выработанных в культуре традиций, ориентация на менталитет общества. Речь идет не просто об усвоении традиций или их модернизации, а о преобразованиях, соответственно этапу развития общества, уровню экономического развития, учитывающих эти традиции. Социальные, политические регуляторы эффективны в тех случаях, когда они без труда принимаются людьми, естественны для них, соответствуют их внутренним потенциям. Потенциал свободного человека не подавляется, когда преобразования идут не в разрез с установками и предрасположенностями социальной группы, общества в целом, его культуры, традиций. И это особенно важно учитывать в переходный период развития общества, когда старая система социальных и политических регуляторов основательно разрушена. «То, что нынешние поколения людей в массе своей невосприимчивы к системе сигналов административно-командного управления, показала сама жизнь. Но означает ли это, что они полностью созрели для восприятия сигналов другого ряда? – задается вопросом А. Вишневский⁴⁰. Отечественная практика достаточно продолжительное время не благоприятствовала формированию людей, которые естественным образом приобщались бы к демократической политической культуре.

В период трансформации общественных структур увеличиваются трудности вхождения молодого поколения в общественную жизнь. Сегодня иные характеристики приобрели механизмы и процессы социализации молодежи. От нового типа личности требуется, прежде всего, осознание того, что социальная

---

⁴⁰ Вишневский А. Указ. раб. С. 33.

роль, благосостояние прямо зависит от личной инициативы, предприимчивости, способности рисковать, что рыночные отношения и иждивенческая психология несовместимы, что решающим фактором успеха становятся высокий профессионализм, деловитость, стрессоустойчивость, способность к конкурентной борьбе. Эти новые жизненные требования импонируют молодежи. Поддержка большей частью юношей и девушек общественных перемен объясняется прежде всего тем, что именно в настоящее время открываются широкие возможности самоутверждения личности, реализации каждым имеющегося потенциала. Реформирование экономики, новые правовые и нравственные нормы ее функционирования сами по себе создают питательную среду для экономической свободы личности, развития предпринимательства и деловой активности. Многие сегодня не прочь попробовать свои силы в малом бизнесе, открыть частное предприятие. Однако еще сильны, оставшиеся от «государственного социализма» деформации в сознании и поведении разных групп населения, когда многие из них по-прежнему равнодушны к работе, исповедуют психологию иждивенчества.

Представляется, что для создания эффективного, надежного механизма включения различных категорий населения в осуществление демократических преобразований важное значение имеет изучение их реального положения в обществе на современном этапе, формирование на этой основе с учетом менталитета общества социальной политики, адекватной этапу развития общества.

Важно выявление самооценки психологического состояния индивидов в современных условиях. Полученные данные позволяют сделать вывод о степени адаптированности общества в конкретный период общественной трансформации.

Любая политическая и правовая система зарождается в недрах предыдущей. Истории известно немало фактов того, когда усилия реформаторов-авантюристов разбивались о неумолимую непрерывность движения истории, которое не терпит скачков в эволюционном развитии. А экстремистские попытки «ускорить» те или иные общественные трансформации рано или поздно уходили с политической арены, не обеспечивая поступательности в развитии общества. Иначе говоря, эффективность политических регуляторов, а значит, и реализация закона преемственности во многом зависит от того, насколько представление

(ментальное), которое общество, группа вырабатывают о самих себе, устойчиво. А устойчивым оно может быть «только при условии и через непрерывную работу по представлению (театральному), посредством которой агенты производят и воспроизводят, пусть даже через вымысел и в вымысле, по крайней мере видимость соответствия идеальной истине группы, ее идеалу истины»⁴¹.

В конкретно-исторических общественных системах механизм социального регулирования в целом и его важнейший компонент – политическое регулирование предполагают не только приспособление таких систем к изменяющимся условиям, но и предоставление с помощью своих сознательных компонентов возможности для их функционирования и прогрессивного развития.

Особенности проявления менталитета, проблемы его эволюции, критериев, роли в определении приоритетов политики – вопросы, несомненно, требующие изучения. Что в перспективе могло бы способствовать гармонизации взаимодействия гражданского общества и государства, обеспечить преемственность, поступательность в его развитии, созданию оптимальных условий для естественного хода жизни общества.

Отношение к социальной действительности как к науке, то есть постоянное ее изучение способствует поиску форм политического развития, оптимального для России. Изучение и корректировка в инфраструктуре и механизмах политического регулирования в условиях трансформации общества, соотнесение принимающихся политических решений с психологическим состоянием общества становится решающим условием успешности социально-политических нововведений, эффективности решений во всех областях социально-политической жизни. «Надо изучать все лучшее, все гуманное, что достигнуто нашей цивилизацией... надо самим учиться и самим действовать... надо самим идти вперед, без помочей, не боясь риска, ошибок, отступлений»⁴².

Конечной целью оптимизации политического регулирования процессов адаптации общества в новой политической реальности, при условии постоянного критического пересмотра и корректировки, должно стать: 1) обеспечение позитивного отношения

---

⁴¹ См.: Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 324.

⁴² Бессонов Б. Н. Российская цивилизация. М., 1997. С. 297, 298.

к идее преобразований и самому процессу трансформации общества со стороны большей его части; 2) осознание большинством проводимых реформаторами преобразований; 3) достижение коллективно обеспеченной безопасности каждого индивида (экономической, политической, духовной). Коллективно обеспеченная безопасность по отношению к внешнему миру – одна из сторон гедонизма (целесообразная направленность мотиваций), не менее важная, чем совместная добыча пищи, защита от произвола или противостояние природе. Достижение достаточной степени осознания обществом целесообразности преобразований, видения индивидом своего места в этих преобразованиях неизбежно обеспечит и целесообразную, созидательную направленность мотиваций; 4) стимулирование процесса гармонизации отношений государства и общества, обеспечение преемственности в обществе и поступательности его развития. Пути гармонизации отношений общества и государства могут быть различными. Наиболее приемлемым, на наш взгляд, является тот, который предполагает, по словам Батищева, «возвышение человека до уровня сознательного творца», формирует не конформиста-обывателя, слагающего свою ответственность за все то, что «творится» фактически при его участии, на «социальную среду», законы и т. п.⁴³ Обычно такие люди далеки от социальных, политических проблем. В результате формируются личности «не мыслящие и мыслить не способные»⁴⁴; 5) достижение определенного уровня политической культуры, не «просветительство», а подлинное «социальное преобразование», воспитание правдой как единственным средством против нигилизма; 6) обеспечение условий для творческого отношения индивидуумов к жизни и своему месту в ней. Нравственная свобода личности вследствие гармонии интересов личности и интересов общества явится непосредственным выражением нравственной свободы общества в целом. Ведь только активно интересующийся окружающей жизнью, положительно относящийся к ней человек может вписаться в отношения с реальностью.

---

⁴³ Батищев Г. Современные проблемы воспитания в свете ленинских идей // Наука убеждать. М., 1967. С. 152, 153.

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 53.

2.4. Преемственность в процессе общественно-политического развития – необходимое условие изменения менталитета

Диалектика общественного развития включает в качестве одного из важнейших компонентов историческую преемственность поколений. Каждое вступающее в жизнь поколение воспринимает объективную действительность, в том числе как результат субъективной деятельности предшествующих поколений, поскольку, с одной стороны, расширяется база для формирования чувства причастности к делам старших поколений, для упрочения преемственных связей, а с другой – создаются предпосылки взыскательного, в том числе и более критического отношения ко всему, что сделано предшествующими поколениями.

В сознании населения, встревоженного противоречиями, трудностями в обществе, не сложился образ обновляющейся России, ее будущего. Это вызывает особую смятенность в умах, в чувствах, поведении. Несформированность образа обновляющейся России, представлений о перспективах ее развития есть следствие не только слабостей сознания различных общественных групп, но отсутствие четкой программы правительства, концепции вывода Российской Федерации из кризиса, ее возрождения или обновления, а также отсутствие социальной политики, которая способствовала бы реализации общественно-политического потенциала общества, позволила бы достигать нравственной свободы каждому из сознательных его членов.

Представляется, что государственная социальная политика в условиях рыночных отношений, принципы ее осуществления должны быть ориентированы на освоение обществом новых традиций и ценностей, на оптимизацию внешних воздействий политической системы (формального влияния) на общество с учетом социопсихологических и социокультурных особенностей, соответствующей ментальности, создавать условия для возможностей бессознательного (по Вернадскому) развития и действия созидательного, развивающего влияния внешних, социальных регуляторов.

Политические системы общества и неадекватные им правовые системы в своем историческом движении являют собой

процесс поисков, усилий, борьбы, напряжения нравственных и физических сил человечества. В то же время политические системы являются неким концентрирующим в государстве и обществе как целостная система политических институтов, процессов, принципов политической организации общества, которые подчинены кодексу политических, социальных, юридических, идеологических, культурных норм, историческим традициям и политическому режиму конкретного общества.

В период трансформации общества, сопряженной с трудностями адаптации общества и человека к новым социально-политическим условиям и целям общественного развития все более актуальной становится проблема потребности и необходимости осознания сущности менталитета, во всей полноте вобравшего в себя черты тысячелетнего опыта народов, где свою роль играет как специфический исторический контекст, так и биологический признак, проявляющийся в поведении индивидов, в способности и возможности адаптироваться в новых условиях. Предрасположенность личности и общества к созиданию составляет суть закона преемственности. Он может реализоваться, а если нет, – это ведет к деформированию общественного развития. *Благодаря передаче достигнутого предыдущими поколениями, и на этой основе, реализации новых потребностей и обеспечивается связь в человеческой истории, образуется сама история человечества.*

Любая политическая и правовая система зарождается в недрах предыдущей. Истории известно немало фактов того, когда усилия реформаторов-авантюристов разбивались о неумолимую непрерывность движения истории, которое не терпит скачков в эволюционном развитии. Благодаря функционированию менталитета развитие человечества идет по естественному руслу, от более низкого этапа развития к более высокому. С одной стороны, каждый человек как бы «прорастает» сквозь тысячелетия, не только биологически, но и духовно, через каждого проходит вселенская и всевременная эстафета лингвистического, социального, политического, культурного наследия. С другой – он сам от поколения к поколению приобретает новые знания, умения, навыки, опыт.

Осознание личной включенности в этот процесс служит одновременно показателем духовно-нравственного состояния человека, уровня его исторического сознания и, что несомненно, уровня его

особенность сознания – его созидательное начало, без которого немислимо самое главное в природе человека – его «человеческое».

С одной стороны, содержание политической власти, ее формы во многом определяются сущностью общественной организации. С другой – характер политической власти оказывает существенное влияние на темпы развития общественной системы, качественные характеристики ее гражданской зрелости. Демократически характеризующаяся политическая культура как общества в целом, так и отдельной личности, развивается, воспринимает лучшее из мировых традиций.

Менталитет, несомненно, развивающийся феномен. Можно предположить, что человечество в целом имеет некий код единства, заложенный в нем универсалиями культуры. И менталитет – явление временное в истории человечества. В связи с процессами интегративного плана, относительного выравнивания экономического развития, согласования общеэкономических, политических, интересов, решения глобальных проблем, может постепенно уйти в прошлое само понятие менталитета и все, что с ним связано.

Возможно, нормы одной цивилизации, в силу их наивысшей эффективности, станут общими. Этим путем идут «западники». Идеи вестернизации или истернизации и модернизации во многом коренятся в этом. Однако возможен еще один путь развития цивилизации. Многоликие культуры в процессе диалога находят возможности для согласования интересов, преодолевая узость своих менталитетов, но не теряя индивидуальности. Реальность подтверждает это. Коренным образом меняются условия жизни, но не уходит окончательно из менталитета нечто, что в свое время дало толчок к развитию самоценной нации, народа. А в современности обуславливает формирование основ общественно-го строя, привносит особенности в функционирование политической и правовой систем общества, в формирование «картины мира» современного человека.

В настоящее время именно на стыке различных научных направлений следует ожидать наибольшего расширения массива имеющегося знания в области структуры менталитета. Верно то, что менталитет предрасполагает общество к стереотипам, но верно также и то, что общество не может жить без новаций и имеет внутреннюю предрасположенность к изменениям. Поэто-

му важно, чтобы взаимодействие разных культур строилось на основе известного согласования, взаимной адаптации субъектов друг к другу, «совмещения».

При этом условии только и могут быть обеспечены равные права субъектов сотрудничества, представителей различных культур, обладающих соответствующим менталитетом. Ибо, согласно высказыванию Н. Лосского, совместно творить гармоническое единство жизни можно лишь в том случае, если мы будем сочувственно вживаться в чужие культуры, постигать их, восполнять друг друга своим творчеством⁴⁵.

Иными словами, приобщение к миру Человечества должно подразумевать сохранение самоценности нации, народа. Навязывание обществу чуждых традиций вызывает реакцию неприятия, связанную с естественным чувством самосохранения. Дело в том, что любое общество индивидуально характеризуется степенью подвижности, адаптивности.

В условиях ломки идеологических догм, преодоления многих внешних препон для продуктивного научного обобщения, снятия политических табу появились возможности избавиться от традиции игнорирования прогрессивных достижений науки, преодоления цеховой обособленности науки о политике от других дисциплин, изучающих человека как биологический и как социальный феномен. Политолог, благодаря междисциплинарному подходу, изучает общественное мнение, политическую историю на основе источников (препарированных, перестроенных и осмысленных им, исходя из целей исследования), которые есть продукт человеческой мысли. Познание эпохи и ментальности эпохи не сводится к изучению сознания, но неизбежно предполагает это.

Статика и динамика неизменно соприсутствуют на всех этапах развития общества, и лишь выявление их конкретной конфигурации может дать более или менее объективную, уравновешенную картину истории.

Эпоха, в которую живет индивид, оставляет неизгладимый отпечаток на его мировосприятие, дает ему определенные формы психических реакций и социального поведения, и эти особенности духовного оснащения обнаруживаются в «коллективном сознании» общественных групп и толп и в индивидуальном

---

⁴⁵ См.: *Лосский Н.* Характер Русского народа. Соч. В 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 43, 44.

сознании выдающихся представителей эпохи. В творчестве писателей, мыслителей, художников, при всех их неповторимых особенностях, проявляются те же черты ментальности, ибо всем людям, принадлежащим к данному обществу, культура предлагает общий умственный инструментарий, и уже от способностей или возможностей того или иного индивида зависит, в какой мере он им овладел. Картина мира не исчерпывается теми или иными аспектами, фрагментами ментальности; в принципе она охватывает все без исключения стороны человеческого мировосприятия⁴⁶.

Чтобы узнать, как возникло данное явление, необходимо вскрыть его природу, а это возможно лишь при знакомстве с ним в его зрелом, наиболее завершенном виде. Задолго до М. Блока в «Капитале» К. Маркса был сформулирован научный принцип: для того чтобы понять сущность социально-исторического явления необходимо исследовать его на той стадии развития, на которой с максимальной полнотой развернулись его основные структурные признаки.

Речь должна идти не просто об обоюдных влияниях и взаимодействиях («экономика влияет на сознание, но и сознание в свою очередь влияет на экономику» и т. д.), не о «корреляциях» только (политический строй и социальная структура «соотнесены» с искусством и религией), но о том, *каким образом все* отмечаемые исследователем факторы фокусируются и преломляются в сознании людей, становясь стимулами их социального поведения и моделируя его специфическим для данной эпохи, культуры и менталитета способом, а также о том, какое из политических решений может быть принято, средства и методы реализации которого согласовывались бы с менталитетом социентальной общности.

В связи с указанным выше важно выявить способы трансляции менталитета в общественно-политической жизни. При описании структуры менталитета, а также способов его трансляции могут быть использованы различные методологические парадиг-

---

⁴⁶ См.: Спиридонова В. А. Государство и национальная ментальность // Очерк Русской мысли конца XIX – начала XX вв. Деп. ИНИОН. СПб., 1992. С. 36–49; Чаадаев П. Я. Философические письма // Тарасов Б. Чаадаев. М., 1990; Дидро Д. Размышления по поводу книги г-на Гельвеция «Об уме» // Дидро Д. Соч. В 2-х т. Т. 2.; Розанов В. Религия. Философия. Культура. М., 1992.

мы. Среди ведущих автором избирается информационный подход, применяются методы структурной антропологии, политической социологии и др.

Можно предположить, что менталитет транслируется, передается, проявляется в символической форме через структуры общественного сознания, прежде всего, через символы, которые, будучи информационно насыщенными благодаря многозначности, могут способствовать приспособлению, адаптации личности к изменяющимся общественно-политическим условиям. Прежде всего, в виде типов политической культуры, политического сознания и политического поведения.

Процесс воспроизводства, реализации менталитета – это, прежде всего, разнообразные воздействия на личность, формирующие у нее собственно значимые ценности и позицию (формальное воздействие в процессе политического регулирования), с одной стороны, и, так сказать, работа самой личности над своей судьбой в условиях определенных социальных, политических, культурных обстоятельств. Реализация менталитета – это воздействие на личность – формальное и естественное.

К средствам формального влияния следует отнести школу и образование, возрастающий уровень которого является одним из основных моментов, влияющих на качество реализации потенциала, организации, средства массовой информации. Формальное влияние происходит в сфере общественных контактов и, таким образом, имеет место формирование общественного мнения; большую значимость имеет общественная конфронтация мнений, проявляющаяся через средства массовой информации.

В настоящее время это особенно заметно в российской действительности. Причем, чаще всего средства массовой информации играют в этом процессе деструктивную роль. Массовое тиражирование в печати, в теле-радиопередачах насилия, маскальта развращает подрастающее поколение.

Проблема формального воздействия неизбежно задается вопросами: какие ценности должны быть одобрены и какие средства должны это одобрение гарантировать. Формальное воздействие, управляемая манипуляция связаны не только с тоталитарными режимами. Одной из задач этого процесса является минимизация негативных последствий естественного воздействия. Независимость процесса социализации, в том числе и овладения индивидуумами умственным инструментарием «эпохи» – иллюзорна.

Можно рассматривать процесс формального воздействия как потенциальный источник стабильности или ее отсутствия в обществе, развития или отсутствия продолжений политической системы, высокого или низкого уровня политического участия. Политическая система может влиять на это, прежде всего посредством своей политики, с помощью идеологии, деятельности в области принятия решений, влиять на процесс социализации, политизации и т. д. Предпринимаемые формальные воздействия для одних социальных групп могут являться воспитательными, для других – нет. Политика оказывает положительное влияние только на сторонников осуществления ее целей и стремлений. Однако далеко не все индивиды связаны общими целями, однозначно воспринимают смысл политики, имеют аналогичное отношение к политическим действиям и одобряют деятельность по осуществлению ее целей. Имеет значение также профессиональное, социальное, материальное положение людей, их личная заинтересованность и стремления. Поэтому результаты формального воздействия в разных ситуациях различны. Эффективными они могут быть при условии ориентации системы формального воздействия на менталитет социальной общности.

Таким образом, задачей формального влияния является развитие соответствующего механизма, регулирующего предполагаемые несоответствия, а в ценностно-созидательной плоскости при частично институциональной помощи – создание реальных или мнимых возможностей для индивидов участия в политической жизни. Средства формального воздействия и, в частности, средства массовой коммуникации, особенно СМИ, «способны приблизить политику к человеку на расстояние вытянутой руки, но человеку нужно еще «прикоснуться к ней, чтобы стать политически активной личностью»⁴⁷.

Естественный процесс обретения индивидуумами умственно-го инструментария «эпохи», то есть ее духовного оснащения – *иначе: воспроизведение, воплощение менталитета данной социентальной общности в конкретном индивиде* – протекает, как правило, в стихийной, неорганизованной форме. Процесс этот

---

⁴⁷ Рассуждения венгерского исследователя Т. Сечке. Цит. по книге Грушина Б. А. Массовое сознание. С. 324.

происходит, прежде всего, в семье, неформальных общественных группах. Естественное развитие совершается также в форме самоидентификации личности. На начальном этапе человек усваивает необходимые для жизнедеятельности в политической системе знания, позволяющие ему сформировать позицию, определить отношение к миру, окружающему его, выработать определенную линию поведения. На втором этапе происходит перевод знаний в практические действия. Естественно, что такая градация условна. Однако в процессе реализации своих возможностей каждая личность, осознанно или неосознанно, ощущает на себе такое воздействие.

Каждая политическая система, чтобы сохранить себя, должна создавать какой-то уровень поддержки со стороны своих членов. Новое поколение в процессе социализации должно воспринять менталитет своего общества – информацию. Воспринятый от прошлых эпох менталитет должен обеспечивать воспроизводство социальности в изменяющихся условиях. Символы, благодаря своей информационной насыщенности, способны «впитать» большой объем сведений и, благодаря многозначности, могут приспособляться к изменяющемуся социально-историческому контексту⁴⁸.

Исследование ментальностей, социально-психологических установок общества и образующих его групп, представляет собой задачу первостепенной важности в политологическом анализе. Здесь нащупывается богатейший пласт коллективных представлений, верований, имплицитных ценностей, традиций, практических действий и моделей поведения, на котором вырастают и над которым надстраиваются все рациональные, осмысленные идеологические системы. Без учета этого слоя общественного сознания нельзя понять ни содержания и реального воздействия идей на человеческие умы, ни поведения людей, группового или индивидуального в качестве субъектов политики, обеспечить преемственность в развитии общества.

Каждая эпоха и цивилизация имеют свое начало и конец. Не углубляясь в глубокий теоретический анализ до настоящего времени дискуссионных понятий «эпоха» и «цивилизация», сошлемся на авторитеты и попытаемся показать влияние факторов, как эндогенных, так и экзогенных на изменения менталите-

---

⁴⁸ *Thompson J. Social Contextualization of Symbolic Forms // Thompson J. Ideology and Modern Culture. Stanford, California. 1990. P. 146–154.*

та. Проблема в том, как сочетать разные подходы в политологическом исследовании, как координировать изучение менталитета людей, социентальных общностей и создание адекватного механизма политического регулирования со сложившейся системой представлений членов общности и политической элиты в процессе выработки политической стратегии и при этом учесть соотношение факторов в политическом процессе, каков их удельный вес, каково влияние каждого из них на социальную жизнь людей.

Замечено, что для конкретной цивилизации характерна определенная длительность этапов ее развития вследствие влияния факторов внутренних (природных) и внешних ⁴⁹. Не последнюю роль в этих процессах играет ментальность социальных общностей. Именно менталитет зачастую выступает тем фактором, который обеспечивает эффективность влияния внешних воздействий, степень адаптивности общества, его готовность воспринять новое.

В цивилизации воплощено единство различных сторон материальной и духовной жизни людей. Февр подчеркивает качественные различия между цивилизациями: каждая из них на определенной стадии развития имеет свои неповторимые особенности, собственную систему мирозерцания. Следовательно, чтобы понять сущность цивилизации и поведения принадлежавших к ней людей, необходимо реконструировать присущий этим людям способ восприятия действительности, познакомиться с их «мыслительным и чувственным инструментарием», то есть с теми возможностями осознания себя в мире, которые данное общество предоставляет в распоряжение индивида, что чрезвычайно важно в условиях трансформации общества. Индивидуальное же видение мира, по Февру, есть не более, чем один из вариантов коллективного мировидения. Динамичность ментальных структур подтверждают исследования Школы «Анналов». Менталитет не есть нечто статичное, неизменное. Изменяется на всем протяжении эпохи или цивилизации, подготавливая, тем самым, новую эпоху и новую цивилизацию. Учеными «анналистами» подчеркивается важная роль начального этапа – этапа формирования новых ментальных структур, так называе-

---

⁴⁹ См.: *Кайтуков В.* Эволюция диктата. Опыты психофизиологии истории. М., 1994. С. 412.

мое «детство» цивилизации. «Детство», по мнению Жака Ле Гоффа, имеет решающее значение. Оно во многом, если не во всем, предопределяет будущее. К примеру, «в период детства средневековой цивилизации, в V–IX вв., зародились строй мышления и особенности чувственного восприятия мира, свои проблемы и темы культуры, которые в будущем формировали и наполняли содержанием структуры средневековой ментальности и чувствования». Но прежде всего «детство» предопределяло *характер взаимодействия этих структур*. Просто констатировать упадок интеллектуальной культуры в Средние века было бы недостаточно. Гораздо важнее понять, что он был вызван *необходимостью приспособить ее к условиям той эпохи*⁵⁰ (курсив авт. – Т. П.). В то же время в недрах средневековой цивилизации зарождалась ментальность следующей эпохи, новой цивилизации.

Одним из важнейших средств в познании исторического процесса Ж. Ле Гофф (как и Ж. Ревель, Ж. К. Шмит, А. Бюржер и др.) считает изучение ментальности, то есть совокупности образов и представлений, которой руководствуются в своем поведении члены той или иной социальной группы и в которой выражено их понимание мира в целом и их собственного места в нем. Ж. Ле Гофф видит в ментальности «посредствующее звено», связующее социальные процессы и духовную жизнь. Поэтому, с его точки зрения, изучая ментальность и поведение индивидов, можно подойти к пониманию того, как складывались и изменялись общественные структуры, то есть приблизиться к постижению логики исторического процесса⁵¹.

При этом, следует предполагать наличие как некоего общего ментального фонда, так и ментальностей разных групп и слоев общества. Ментальность вездесуща, она пронизывает всю человеческую жизнь, присутствуя на всех уровнях сознания и поведения людей, а потому трудно ее определить, ввести в какие-то рамки. Но возможно выявить факторы, влияющие на ее формирование и развитие.

По утверждению Л. Гумилева развитие общества обуславливалось особенностями развития не только суперэтносов, но главным образом субэтнических образований. Сущность, детерминанту социальных мотиваций, т. е. то, что обуславливает

---

⁵⁰ См.: *Гофф Ж. Л.* Цивилизация Средневекового Запада. М., 1992. С. 106.

⁵¹ *Le Goff J.* L'appetit de l'histoire // d'égo-histoire. P., 1987. P. 227–235.

социальную жизнь, поступки людей Л. Гумилев предложил называть «пассионарностью». Гумилев дает некоторые константы биосферы, которые способны детерминировать, влиять на развитие пассионарности. Пассионарность многое объясняет, но не дает возможности вскрыть реальные факторы исторического процесса и предсказать базовые черты следующей исторической фазы. Кроме того, Гумилев не соотносит эту сущность (пассионарность) с реальными характеристиками психофизиологии индивида. В связи с этим вряд ли можно объяснить эволюцию движущих мотивов вполне конкретных людей в конкретных социальных условиях.

Чтобы уменьшить степень гипотетичности (предположительности), по-видимому, следует применять лапласовский детерминизм, поскольку необычайно велико количество факторов, влияющих на ход истории. Эти факторы имеют самую разную природу, начиная с психофизиологии индивида до объективно внешних факторов. Известны черты истории, которые характеризуются хронологической, региональной, субъективной и т. д. инвариантностью. Это те черты истории, которые могут быть объяснены особенностями психофизиологии индивидов или больших социальных групп. В этих группах, как правило, имеют место соподчинение, подавление, т. е. субъективные и объективные, субъектные и объектные отношения индивида и социума, общества и государства. Еще одна черта – эволюция (или инвариантность указанных сторон человеческой цивилизации). Эволюционируя внешне, политические и правовые системы существуют и определяются особенностями психофизиологии, психофизиологическим генотипом людей, теми чертами психики, структурой мотиваций, которые конформны, стереотипны для большинства людей данной социальной общности. В последующих главах мы остановимся на рассмотрении этих вопросов подробнее.

История есть хронологический ряд (континуум – непрерывная совокупность) событий разного уровня социальной иерархичности, событий, которые обусловлены состоянием биосферы, биологией индивида, общностью тех задач, которые приходится решать социальным группам в целях выживания.

Действия людей определяются рядом факторов. Если первая группа факторов внешнего, объективного плана является изменчи-

вой, причем, эта изменчивость и определяет эволюцию, то вторая группа факторов интроспективного (внутреннего) плана относительно стабильна. Эти факторы также подвержены изменениям, но в меньшей степени, и изменения в целом касаются внешних, формальных черт.

Внешние факторы – это *географические условия* обитания человека, *уровень технологии*, декларируемая *цель развития* (различная в странах Европы и у племен на Северном Кавказе), а также факторы, которые определяют *особенности биологии индивидов* и др. (цвет кожи, особенности питания, рацион различен в средней полосе России и на Гавайях). Известен факт, зафиксированный отечественными учеными: навязывание образа жизни, пищи, не свойственной для людей, населяющих Крайний Север России, вносит изменения в особенности мышления индивидов, нарушает стиль жизни, снижает жизнеспособность в условиях сурового климата. Замечено также, что изменение внешних факторов инициирует исторические события. Но и в этом случае ход истории преломляется через призму поступков индивида, социальной группы, этноса. *К первой группе* отнесем также уровень развития производительных сил, экономическую базу общества и экономическую ситуацию, социальную среду функционирования менталитета (социальная структура, стратификация, демографические характеристики общества; «специализация» общества, традиционные промыслы; уровень урбанизации; территория расселения народа, этноса (особенности и политико-территориальное устройство); тип политической системы; характеристики правовой системы; верования, религии; духовно-культурная среда (развитость культуры, уровень образованности общества); экология (в широком смысле), природная, географическая среда; исторические и политические традиции; тип политической культуры и др.

Внутренние факторы включают в себя: 1) факторы, связанные с *физиологическими отправлениями*, как то: голод, секс, иные инстинкты; 2) факторы, связанные со *структурой психологического гено типа*, совокупностью мотиваций и установок, как врожденных, так и приобретенных; 3) факторы, связанные с *благоприобретенными социально-этническими установками*, которые в основном определяют социально-политические институты; 4) интроспективно отраженную в психике систему подавления, диктата во всех формах: от табу в различных формах до государственных систем. Ко второй группе мы относим: преобладающий

для данной социентальной общности психотип; систему воспитания (народная педагогика); уровень религиозности общества; особенности питания (кухня) и др.

Как производные от указанных эндогенных и экзогенных факторов, которые пребывают в постоянном взаимодействии, влияют друг на друга, – отношения к миру, к другим народам, гендерные взаимоотношения, темперамент, отношение к потустороннему миру, к истории, национальный характер, культивируемые ценности.

Представляется, что действие внешних и внутренних факторов тесно взаимосвязано, взаимообусловлено. Утрата или приобретение одного из составляющих в наборе факторов как внутреннего, так и внешнего порядка, может проявляться в вариантах ментальности на разных этапах развития общества и государства, способствовать ее реализации или изменению или препятствовать этому, проявляться в субментальностях, свойственных социальным группам, стратам, слоям общества. И наоборот, невозможно представить менталитет, ментальность как нечто статичное или как лишь объект воздействия экзогенных и эндогенных факторов. Менталитет в состоянии выступать, на наш взгляд, в качестве своеобразного *индетерминирующего фактора*, наделенного как способностью к саморазвитию, так и обладающего некоторой степенью консерватизма. Благодаря чему индивидуум, социентальная общность обладают некоторым запасом прочности, «безопасности», который обеспечивает оптимизацию влияний внешних воздействий.

В период крупных политических и социальных преобразований перестраивается культурная и ментальная вооруженность человека. В соответствии с ней происходит трансформация всей системы ценностей – экономических, социальных, интеллектуальных, художественных, религиозных, политических, – ценностей, взаимосвязанных и взаимодействовавших между собой.

Еще один фактор – **культура** в широком и узком смысле. Как пишет Б. В. Пиотровский, «культура выступает как особый способ деятельности людей, направляющий и координирующий материально-техническое и социальное развитие общества. Непременным условием развития культуры, передачи предшествующего опыта является непрерывность»⁵². Насильственная модерни-

---

⁵² Цит. по: Бессонов Б. Н. Российская цивилизация. Там же. С. 465.

зация, по-видимому, не способна создать новые ценности, ибо выступает как насильственное воздействие, направленное на изменение отношений между людьми, имеет целью навязывания обществу созданных другими ценностей, которые не могут быть перенесены на другую почву, имея перед собой главное препятствие – сложившийся менталитет общества. Новые ценности могут быть восприняты в том случае, если соответствуют гедонистским устремлениям, потребностям большинства или части социума, но восприняты будут неизбежно в переработанном, «преломленном» через ментальные структуры виде. Культура, мораль, стадии их становления – такие же закономерные продукты Вселенной, как жизнь, психика, интеллект⁵³.

Условия существования социальной системы порождают доминирующий тип ментальных реакций. Вполне вероятно, что этот тип, отвечая интересам выживания и развития социальной общности, противоречит интересам тех или иных групп или индивидов. Это и создает возможность альтернативного набора мыслительных реакций. Определенное время данный комплекс духовных образований находится на периферии общественного сознания, часто третируется и подавляется. Среда российского общества никогда не была однородной. Несмотря на попытки нивелировки культур народов, этносов, внедрения в общественное сознание «единомыслия», всегда присутствовала потребность реализации общественно-политического потенциала у индивидуумов и социальных групп, проявления инициативности, всегда присутствовал негласный протест против ощущения себя «винтиком», против уравниловки, против внедрявшихся в политическую культуру общества установок типа: общественный интерес – выше личного. Очевидны издержки социально-экономической, культурной, национальной политики в бывшем Советском Союзе. «Железный занавес», идеология догматизированного марксизма, централизованное управление и плановая экстенсивная экономика и многое другое – все это свидетельства пренебрежения человеческой психологией.

Не исключено, когда происходит резкая смена политических и социальных условий, ранее преследуемые способы мышления становятся важнейшим ментальным резервом, при помощи которого общество формирует новые способы мышления. Новые

---

⁵³ См.: Назаретян А. Агрессия, мораль и кризис в развитии мировой культуры (Синергетика социального прогресса). М., 1995. С. 11

способы мышления в условиях трансформации российского общества формируются, в том числе и с помощью религии. Прежний атеизм потеснен проникновением религиозных организаций в общественно-политическую жизнь страны, в те сферы, где их до недавнего времени не было: в культуру, в школу и дошкольные учреждения, в армию и т. д. С одной стороны, имеют возможность удовлетворять свои потребности верующие или те, кто идентифицирует себя с соответствующей религиозной культурой, с другой – действующие культовые объекты, в том числе церковные приходы, мечети, оказывают влияние на формирование национального самосознания, распространение идей конфессиональной и национальной терпимости (толерантности), уважительного отношения к людям иной культуры, что стабилизирует этнополитическую обстановку. Известно, что мусульманские и православные религиозные организации и служители культа внесли немалый вклад в дело формирования благоприятного общественного климата, способствовавшего урегулированию острых противоречий, возникших в связи с образованием Республики Татарстан. Православные, мусульманские, католические, буддийские, иудаистские религиозные объединения немало сделали для того, чтобы военный конфликт в Чечне не перерос в межрелигиозную войну. Как выяснилось в ходе социологических исследований в период выборных кампаний 90-х годов, поддержкой представителей культа пытаются заручиться партии и организации неконфессионального характера, ведущие борьбу за политическую власть.

Возможны случаи, когда старые, ранее господствовавшие мыслительные навыки начинают представлять оппозицию новым и занимают опустевшее место ментального резерва, чтобы однажды возродиться в модернизированном виде. В так называемом ментальном резерве до недавнего времени были такие черты национальной ментальности россиян, как свобода духа, доброта, творчество, живая религиозность, гуманность. Неоднократно невостребованность народного творчества прерывалась «взрывчатыми» периодами в истории страны. Покорность власти сменялась бунтом, анархией. Не случайно родиной анархизма принято считать Россию.

Автор склонен считать, что меняется менталитет не благодаря тому, что в определенный момент «вырывается» наружу, на

свободу подавляемое желание, а благодаря саморазвитию, самодвижению общества, новой информации. Другое дело, на какие идеи ориентируется общество, иными словами, **на какие идеи «отзывчив» менталитет общества.** Известно, что идея становится материальной силой, если овладевает массами, лишь в этом случае можно ожидать реальных изменений и в политической, и в социальной системах. Речь должна идти не об одностороннем движении, то есть формальном влиянии, направленном на изменение ментальных установок, но о взаимодействии различных тенденций, развивающихся в недрах общества.

Общество развивается по своим законам, хотя и реагирует на изменяющуюся окружающую среду. Новая информация способствует изменениям, в том числе и в менталитете, когда информация в виде стереотипа на определенном этапе развития фиксируется в сознании, затем в виде условного рефлекса (привычка, традиция) от поколения к поколению участвует в изменении архитектоники нервной системы.

Продуктивные знания о менталитете и возможностях и путях его изменения могут быть получены на основе изучения представлений индивидов данной социентальной общности о пространстве и времени в той или иной картине мира. Каждая культура представляет собой ансамбль, систему, компоненты которой при всех возможных противоречиях между ними соотнесены, взаимодействуют друг с другом. Это та «почва», на которой произрастают теории и политические идеологии. Известны рассуждения Л. Гумилева о зависимости этнической истории от природных факторов, В. Ключевского – о темпераменте русских, порожденном бескрайними российскими просторами. Вопреки идеям антропогеографии Ф. Ратцеля Л. Февр настаивал на том, что человеческое общество творчески адаптируется к своему природному окружению, а не подчиняется ему, что речь должна идти о возможностях, которые возникают при взаимодействии людей с географической средой, добавим, и в условиях новой политической реальности. Этот процесс требует времени. Именно «несоответствие» шага Пространства и шага Времени вызвало современные социальные потрясения в условиях трансформации российского общества – такова точка зрения ряда отечественных ученых ⁵⁴.

---

⁵⁴ См.: Российская ментальность (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 27.

Среди каналов трансляции менталитета в общественно-политической жизни можно рассматривать идеологические теории, сопровождающие развитие общества. За теориями и учениями кроется иной план реальности, укорененный в сознании людей, притом укорененный столь глубоко и прочно, что, когда одна идеология сменяет другую, этот потаенный слой образов и представлений может оставаться неизменным или изменяться лишь отчасти, сохраняя свои основные «параметры». По убеждению Густава Лебона, «цивилизация народа» держится на сравнительно небольшой группе идей. Если вообще трудно внушить людям новую идею, то еще труднее вытеснить и устранить старую. В свое время философы (более 2-х столетий назад) в полном неведении о первобытной истории человека и, не имея понятия о разнообразных переменах его духовного склада, не зная ничего о наследственности, пустили в оборот идею всеобщего равенства отдельных личностей и целых рас. «Заманчивая для невежественной толпы идея породила чудовищную из революций, ввергла народ Западной Европы в целый ряд жесточайших судорог...»⁵⁵ Не настаивая на аналогии, заметим, что большинство современных политических лидеров и их окружение, создавая предвыборные политические программы, если и были осведомлены о достижениях наук об обществе и человеке, по-видимому, имели достаточно веские причины, чтобы игнорировать в человеке человеческое, то, что каждый народ обладает душевным строем, психическим складом, наделен собственными представлениями о мире и жизни, менталитетом, которые столь же устойчивы, как его анатомические особенности. Не случайно большинство политических программ так и остались невостребованными. *Менталитет «не воспринял», без соответствующей подготовки, чужие ценности.* Политическая практика нуждается в подкреплении исследовательским опытом, накопленным в отечественной и зарубежной политологии, критическое переосмысление которого, несомненно, позволит извлечь из критики необходимые выводы.

В качестве транслятора менталитета можно рассматривать также отечественную литературу, прямо или косвенно рассматривающую

---

⁵⁵ См.: Лебон Г. Психологические законы эволюции народов. СПб., 1906. С. 5, 6.

роль социального фактора в политической истории, политологическую литературу о функционировании политической системы на разных этапах развития общества как составную часть мировоззрения общества или какого-то социального слоя. При таком подходе в центре внимания – развитие общественной мысли эпохи; в трудах по истории ищут отражения определенных философских и политических идей.

Развитие производительных сил – важный канал трансляции менталитета общества, если рассматривать их вслед за М. Блоком как компоненты социальных отношений, производственных отношений между людьми, образующими общество. История техники предстает как аспект социальной истории.

Выше уже говорилось о чрезвычайной значимости проблемы соотношения динамики и статики в истории и о недопустимости одностороннего подхода к ее исследованию, который фиксирует внимание преимущественно, или исключительно, на одних только изменениях. *Силы традиции*, медленных, подспудных перемен, заметных лишь при приложении очень большого временного масштаба, создающие возможность повторения, стояния на месте, неподвижности или квазиподвижности, – эти исторические силы столь же реальны, как и силы развития; опасно недооценивать и те, и др.

Согласно точке зрения Г. Дюби, одна из важнейших задач современных наук о человеке заключается в том, чтобы «в рамках нерасторжимой тотальности» выявить взаимодействия *экономических условий*, с одной стороны, и комплекса *моральных предписаний*, систем ценностей, идеальных представлений и моделей поведения, с другой. Взаимодействие имеет место между самыми различными силами, определяющими человеческие деяния, но ментальность – не один из многих факторов исторического процесса. Подвергаясь всевозможным воздействиям и давлениям со стороны этих факторов и видоизменяясь в результате их давления, ментальность, вместе с тем, образует ту атмосферу, тот «бульон», в котором эти силы и факторы действуют. Все социальные феномены, от экономики, структуры общества и до верований и политических кризисов «смыкаются в человеческом сознании», подчас искажают действительность⁵⁶.

---

⁵⁶ См.: *Duby G. L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval* (France, Angleterre, Empire, IXe – XVe siècles). Essai de synthèse et

Изучение проблем трансляции ментальностей дает возможность ближе подойти к пониманию политического и социального поведения людей, ибо поведение формируется под мощным воздействием менталитета, осуществляется в «атмосфере», созданной ментальностью.

Прежде всего, обращается внимание на *словарь* конкретного времени, присущие людям *символы и ритуалы*, в которых выражаются существенные аспекты их поведения; важно знать все, что *причастно человеку, зависит от человека*, исходит от него, *выражает его*, свидетельствует о *вкусах и способах существования* человека конкретной эпохи, в том числе его роль как субъекта политики, тип присущей ему политической культуры, политические традиции; анализу подлежит *весь духовный инструментарий эпохи*, в частности, классические образцы литературы и искусства; во внимании исследователя история развития производительных сил, характер местности расселения социальной общности; *взгляды выдающихся личностей, политических деятелей*, которые представляют интерес в той мере, в какой в их индивидуальных деяниях проявляется время, общественное сознание, ментальность выдвинувшей их эпохи.

Не следует пытаться объяснять сложные феномены общественно-политической жизни посредством разыскания одних лишь их «корней». Поистине, «Люди больше походят на свое время, чем на своих отцов»⁵⁷.

Общество всегда было аккумулятором и конденсатором тех трансформаций, которые постоянно идут во всех сферах его жизнедеятельности, внешне не всегда заметно. Основа таких изменений – преемственность, «применение», своеобразная адаптация в общественном сознании данной социентальной общности новых ценностей. Новое, прогрессивное из опыта одного народа издавна передавалось другому, какой бы сферы деятельности это ни касалось. Чтобы попытаться в заключение ответить на вопрос, каков же главный фактор (факторы), способный повлиять на изменение менталитета, представляется необходимым подчеркнуть следующее. Сомнения не вызывает тот факт, что люди, наделенные разными менталитетами более или менее

---

perspectives de recherches. I P.: Aubier, 1962; *Duby G.* Terra e nobiltà nell medio evo. Torino: Soc. ed. intern, 1974.

⁵⁷ Арабская пословица.

осознают, и достаточно точно чувствуют сложные отношения корреляции и оппозиции, симметрии и асимметрии между их культурами, привычками, традициями, образом мышления, образом жизни. Разность менталитетов проявляется в процессе их трансляции, а также в восприятии людьми событий. В то же время человечество имеет общее культурное достояние, понятное всем, есть понятные или общие для многих народов нормы этикета, известны мифы, производящиеся на разных языках в близких терминах. В мире существует всего несколько идейно-политических течений и политических идеологий, которые берутся на вооружение людьми с разным менталитетом. В то же время известна масса модификаций этих идеологий и идейно-политических течений, каждое из государств «загадку демократии» решает лишь для себя, и нет на земном шаре похожих демократий, автократий, как нет и единых подходов к понятиям «свобода», «равенство», социальная справедливость» и т. п. В истоке различий лежит, прежде всего, воспринятый разными народами опыт. Идеологический миф заимствуется и становится руководством к действию, убеждением, активизирует мобилизационный потенциал во имя достижения целей на общее благо в случае, если основополагающие его моменты созвучны с ментальностью обществ, адаптированы к ней. В достоянии, ставшем общим, например, демократия, каждый народ выбирает близкие для себя варианты.

Возможно, есть и *некий общий код* развития всего человечества, которое, благодаря разуму, своему единству в разнообразии, должно решить глобальные проблемы современности: войны и мира, экологии, экономики, геополитики, проблемы Человека как социально-биологической целостности, обеспечить его самосохранение и безопасное существование. По Юнгу, ментальная деятельность, которую он не разделяет с «коллективным бессознательным», является коллективной и универсальной, хотя вместе с этим «на менее глубоком уровне, нежели уровень коллективной психики, универсального... существуют структурные различия, соответствующие расе, племени и семье»⁵⁸. В эпоху гуманизации и информатизации *homo sapiens*, страны и народы, решая проблемы современности, вступают в отношения не просто добрососедства, но в партнерские отношения, становясь сходными до какого-то определенного пункта, оставаясь в

---

⁵⁸ См.: *Одайник В.* Психология политики. М., 1996. С. 26.

этом партнерстве различными. Новый уровень развития общественных отношений, экономики, культуры, совершенствование политической организации, новая информация о других народах, их опыте, — все это предпосылки для изменения менталитета. В то же время совместные усилия, более или менее осознанные, как представляется, будут и впредь направляться на достижение подлинного равновесия между единством и разнообразием, между коммуникацией и отсутствием коммуникации, «ибо хрупкие цветы различия, чтобы существовать, нуждаются в полутени»⁵⁹. Речь может идти не о нивелировке менталитетов, не о приспособлении «худшего» менталитета к «лучшему» в процессе их взаимодействия, но о преднамеренном, осознанном саморазвитии менталитета согласно архитектонике нервной системы, психическому складу социентальной общности в целях решения все усложняющихся задач человеческого общежития. В данном случае, несомненно, на помощь должно прийти сознательное моделирование будущего общественного устройства. Воздействие сознания на процессы жизнедеятельности общества осуществляется через призму его ментальности и активным образом вовлекает в эти процессы ментальность. Восприятие нового через сознание, через соответствующие мыслительные операции, способы оценивания и восприятия (в соответствии с «архитектоникой» мыслительной деятельности, свойственной менталитету) в конечном итоге бессознательно и бесконтрольно видоизменяет сам менталитет. Одним из факторов, способствующих изменению менталитета в условиях трансформации российского общества должно выступить оптимальное политическое регулирование, создание условий для реализации естественной человеческой потребности в саморазвитии, самореализации.

Представляется, что поиск путей выхода российского общества из кризиса непосредственно связан с повышением роли человека в качестве субъекта как достаточно развитого и как демократически дееспособного гражданина, и как грамотного правового лица, и как инициативно рачительного хозяина, труженика, и, наконец, как субъекта социального управления. Выработка этих цивилизованных качеств личности имеет своей

---

⁵⁹ *Левин-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994. С. 369.

более глубокой предпосылкой выработку собственно политико-культурных его качеств. Сегодня способность принимать неожиданно сложные решения, решать все более трудные задачи и находить им адекватные, не имеющие прецедентов решения, невозможно без работы личности над своей судьбой и соответствующего формального влияния (политического регулирования), без совершенствования «духовно-ценностного богатства личности». В итоге – без освоения новых ценностей. Каким образом эти процессы идут в современном российском обществе? Как влияет сложившийся и в то же время изменяющийся менталитет общества на осуществление отношений в общественно-политической сфере (индивид – общество – государство) в условиях трансформации общества – таковы главные вопросы, на которые делается попытка найти ответ в третьей главе.

Глава 3

Политические процессы в современной России и менталитет общества

3.1. Психологические аспекты массового сознания и политический процесс 80–90-х годов

Психологические процессы в обществе канализируются по тем руслам, в которых антиципируются события, и построение «потребного будущего» (термин Н. Бернштейна) возможно только в соответствии с теми конструктами, которые представлены в индивидуальном и общественном сознании. Многомерность сознания в известной мере обуславливает и определяет многомерность путей развития общества. Менталитет, как известно, не очерчен четко ни в ткани истории, ни в окружающей политической реальности. Он присутствует в ней повсюду. Во всех без исключения сферах жизнедеятельности конкретной социентальной общности могут быть обнаружены те или иные свидетельства коллективной психической жизни, то содержание сознания, которое не выражено эксплицитно и намеренно, а коренится в потаенных глубинах социальной и индивидуальной психики.

Экспликация тех или иных категориальных структур сознания или их более сложной организации в модельной форме ведет к феномену «саморегулирующегося прогноза». Единичный или коллективный субъект – личность или социентальная общность – обладают определенной картиной мира, менталитетом, позволяющим осознавать мир, себя в нем, планировать и принимать решения по реализации тех или иных действий, адаптироваться к новым политическим условиям.

Анализ политических процессов в современной России позволяет выделить ряд характеристик, непосредственно связанных с формами и содержанием ментальных образований общественного сознания и действия. Это, своего рода, план социальной реальности, который присутствует в сознании людей современной России, накладывает свой отпечаток на их поступки, на все их поведение. Мы не ставим целью сосредоточиться на ана-

лизе малых групп, в которые реально включаются индивиды (семья, городское-сельское население, молодежь, молодежные неформальные группы; социологические, в том числе геронтологические, гендерные). Не представляется возможным также выявление соотношения разных факторов в политическом процессе, их удельного веса, влияния на социальную и политическую жизнь людей. Исследования позволяют выделить ряд форм трансляции менталитета современного общества России. В данном случае в выборе методологии важную роль может сыграть идея «тотальной истории» (Бродель). Понятие связано с теорией «тотального социального фактора» Марселя Мосса о тесном переплетении и функциональном единстве разных сторон человеческой жизнедеятельности в обществе. О «социальных глобальных структурах» писал французский социолог Ж. Гурвич. В данном случае возможно получение своеобразного среза ментального оснащения той или иной эпохи, выявление плана социальной реальности, который присутствует в сознании людей, влияет на их поведение. Тотальная история сближается с подходом современной культурной антропологии, характеризующей данное общество посредством интерпретации его норм, ценностей, символов, представлений, мировидения, с точки зрения самих членов общества, в их терминах, в том числе самооценки представителей разных слоев. В связи с этим автором используются данные мониторинговых социологических исследований, позволяющих получать достоверную информацию о состоянии общества, его менталитете, его влиянии на политический процесс.

Сознание человека на всех уровнях – от философской рефлексии и вплоть до культурных стереотипов и «коллективного бессознательного», – неизбежно определяющее его социальное поведение, представляет собой существенный неотъемлемый компонент жизнедеятельности общественных групп. Общественное поведение индивидов и групп (экономическое, политическое, творческое, магическое, религиозное) детерминировано материальной и духовной жизнедеятельностью. Но эти детерминанты прямо и непосредственно не предопределяют поступки людей. Они проходят сквозь сложные фильтры их сознания, преломляются в ментальности, приобретая символический смысл. Мировосприятие и культурная традиция, религия и психология – вот та среда, в которой всегда и с необходимостью проявляются реакции людей на стимулы их поведения, в том

числе политического поведения. Речь идет не о какой-то искусственной «психологизации» социальной действительности, а о понимании того, что любые объективные факторы исторического движения становятся таковыми, **только пройдя через ментальность**, сложно, подчас до неузнаваемости их трансформирующую. Поэтому человек с его внутренним миром, психологией, в свою очередь, исторически обусловленными, не может не интересоваться политолога-исследователя. Отношения, завязывающиеся между людьми в условиях трансформации общества, даже путаница, возникающая в их сознании, влияющие на политическое поведение, — они-то и могут составить для политологии подлинную реальность.

Менталитет как сложное, многоуровневое образование, в которое, наряду с научным понятийным аппаратом входят религиозный опыт, идеология и виртуальные построения искусства, и глубинные пласты мифологического и коллективного бессознательного, характеризуется не только разноуровневостью построения и различной степенью осознанности его составляющих, но и разной степенью их адекватности бытию. Семантическое пространство, в котором функционирует менталитет, есть не только сфера отношений смыслов, но и сил, направленных на трансформацию этих отношений. Менталитет общества, при этом, выступает фактором, обуславливающим действие этих сил и в целом политический процесс, систему отношений субъектов политики разных уровней. Менталитет, создавая своеобразный «эфир», определенное состояние, в котором пребывает общество, осуществляют свою деятельность субъекты политики, транслируется в виде всевозможных реакций субъектов отношений, личности или социальной общности, на внешние воздействия.

Проведенные нами социологические исследования, данные которых в целом вполне согласуются с итогами исследований ряда российских социологических центров, аналитических служб, позволяют дать характеристику психологического состояния общества, его отдельных слоев и групп в 90-х годах. Особое внимание уделено изучению проблем мотивации политического участия, ценностных ориентаций и электоральных предпочтений. Корреляция полученных данных с данными исследований об отношении населения к культивируемым ценностям в условиях трансформации общества, к центральной и региональной государственной власти, к проводимой политике по-

зволяет с некоторой долей вероятности судить о представлениях, мировидении, о самооценке и психологическом состоянии представителей социальных групп и слоев современного общества в их терминах, посредством которых, воспроизводится объективная реальность, «преобразованная» в сознании индивидов **благодаря ментальности**.

Противоречивый процесс создания демократических институтов в России 90-х годов связан, прежде всего, с возникновением, деятельностью или распадом ряда политических партий, общественно-политических организаций и иных объединений граждан. Возникшие политические партии отличались друг от друга в плане социальной базы, членства, связи с общественным движением и течениями политической мысли, с избирателями, по методам функционирования, приемам осуществления политики, политическому поведению, формированию лидеров. Анализ деятельности, функционирования партий с точки зрения общей теории партии, рассмотрение фундаментальных проблем выходит за рамки данного исследования. Остановимся лишь на тех из них, рассмотрение которых необходимо для прояснения ряда вопросов исследуемой проблемы. Реальность такова, что большая часть из образовавшихся вновь политических организаций и получивших юридический статус политических партий, в классическом понимании таковыми не являются, члены таких организаций вряд ли могут быть рассматриваемы как коллективный носитель неких идеологем. К этой категории автор относит так называемые прозападные партии, возникшие в связи с успешным внедрением институтов гражданского общества в России и других государствах бывшего СССР в целях «укрепления единства и повышения эффективности действий демократических сил в переходный период». Это одна из задач, которую ставила, например, влиятельная американская ассоциация «Национальный вклад в демократию»¹. Исследователи в конце восьмидесятых годов отмечали характерный для большинства партий дефицит массовой базы, элитарный характер членства (в основном городская интеллигенция), слабую организационную структуру, эклектику в идеологии и программных ориентациях. Обращала на себя внимание схожесть политических взглядов членов партий, оппозиционных КПСС. Полагаем, не только

---

¹ См.: *Пашенцев Е. Н.* Левые партии в системе социального управления // *Между народом и властью*. М.: Луч. 1993. С. 22, 23.

антикоммунизм, антитоталитаризм объединяли всю оппозицию, как это зафиксировано в ряде источников ². С историко-философской точки зрения, характерной чертой американской идеологии, приверженность которой демонстрировали большинство партий-оппозиционеров, во все времена являлось мессианство, внешне усвоившее плюрализм, которому свойственен дух превосходства, и распространение в мире американской системы ценностей. Об этом красноречиво свидетельствуют претензии на духовный контроль над Россией. В качестве примера можно предложить обсуждение и принятие Закона Российской Федерации «О свободе совести и религиозных объединениях» (1997 г.), в ходе чего обнажился истинный смысл «заботы» Запада о возрождении России ³.

Итак, в конце 80-х – начале 90-х годов оформилось несколько коммунистических и антикоммунистических партий и движений. Общая особенность партий состояла в том, что многие руководящие кадры новых партий вышли из лона командно-административной системы и КПСС. Это означает, прежде всего то, что среди них редки специалисты, идентифицирующие себя с духовно-нравственным наследием российского народа, его менталитетом. Советская интеллигенция благодаря атеистическому, космополитическому воспитанию, зачастую склонна придерживаться либо марксизма, либо англо-американского либерализма. Однако, методы, которые предлагаются для внедрения на российской почве западных ценностей, зачастую отнюдь не демократические. Претендующие на роль лидеров остаются людьми системы, которая их породила. Тоталитаризм, страдая от вырождения правящей элиты, раздираемый внутренними противоречиями, не способствовал формированию действительно лидеров, незаурядных личностей.

Весь спектр политических интересов, конъюнктурных устремлений политических сил и патриотически настроенных движений конца 80-х – начала 90-х годов исследователи определяют в несколько направлений: 1) социал-демократическая тенденция; 2) Христианское демократическое движение; 3) либерально-демократическая тенденция; 4) Демократическая партия России

---

² См., к примеру: Россия сегодня. Политический портрет. 1985–1990 гг. / Отв. ред. Б. И. Коваль. М., 1991. С. 23, 25, 27.

³ См.: В кольце отчуждения. Православие в призме глобальных проектов вокруг России. М.: Нива России, 1997. С. 3, 22.

(Н. Травкин); 5) Крестьянская партия; 6) Партия свободного труда; 7) Анархо-синдикалистская тенденция; 8) национально-патриотическая (великорусская) тенденция. Относительно существа социально-экономической и политической реформации обнаружилось также несколько надпартийных направлений: 1) умеренно-либерально-реформаторское; 2) радикально-демократическое; 3) социал-демократическое; 4) анархо-синдикалистское; 5) консервативно-охранительное⁴.

Среди идейно-политических течений – различающиеся по представлениям о целях реформ, по оценкам складывающейся в России системе социальных отношений и социальной ситуации в целом, по характеру восприятия населением замысла и социальных результатов «шоковых» реформ, а также по принципиальному видению общественных проблем в России: от последовательной поддержки курса на форсированную капитализацию (идеология приобщения России к «цивилизованному западному миру» в роли страны колониального типа) до обновленного тоталитаризма в открыто фашистском варианте (современный русский фашизм⁵. В 90-е годы внимание исследователей еще мало привлекали имевшие место разные варианты таких течений как национализм; регионализм; межэтнические взаимодействия разных типов. Суть важно то, что артикуляция интересов в этот период происходит не только под воздействием социально-экономических устремлений, но более или менее осознанно под воздействием психологических реакций на неустроенность современной жизни. К таким общественным объединениям, партиям можно отнести партии прокоммунистического толка, объединившие в своих рядах тех, кто находился в ностальгических поисках реальной политической силы, способной помочь обрести уверенность, идеи и действия которой близки и понятны; национально-культурные и религиозные организации граждан, вызывающие к национальным чувствам, национальному и культурному возрождению, которые зачастую политизировались в дальнейшем, заявляя о претензиях на участие в госу-

---

⁴ См.: Россия сегодня. Политический портрет. 1985–1990 гг. / Отв. ред. Б. И. Коваль. Там же. С. 25, 26, 27.

⁵ Экспертиза и анализ подходов к социальной политике со стороны разных социальных слоев, групп и политических сил России / Авт. кол. Г. Я. Ракитская, Б. Е. Кравченко, В. В. Прибыловский. М.: Совет по социальной политике при Президенте Российской Федерации, 1995. на 30 л. Личный архив автора. С. 4, 5.

дарственном строительстве Новой России и, в частности, в государственном строительстве в республиках в составе Российской Федерации.

«Охранительные» функции менталитета в этот период, на взгляд автора, проявились именно в факте возникновения национально-культурных объединений граждан, а также в поддержке частью населения Компартии Российской Федерации. Последняя ассоциировалась для большинства ее сторонников с политической силой, способной «навести порядок», с нею связаны ностальгические реакции по прежней «спокойной» жизни. Что касается национально-культурных и отчасти религиозных организаций, возникавших, как правило, по инициативе «снизу», отчасти интуитивно, отчасти сознательно в условиях западной духовной экспансии, эти организации предприняли попытки сохранить народ как этнос, вначале с помощью усилий по развитию языка, традиций, обычного права, культуры, затем – участвуя в процессах повышения государственного статуса этноса, народа.

Не случайно «столичные» партии прозападной ориентации не нашли в ряде регионов поддержки на выборах в Госдуму в 1993, 1995 гг. Менталитет общества оказался «глух» к ценностям, свойственным западной политической культуре и менталитету, которые декларируются в их программах.

После выборов в Госдуму Российской Федерации в 1995 г. в литературе предлагается «Типология регионов по основным политическим ориентациям». К регионам «Коммунистической ориентации» отнесено 49 субъектов Российской Федерации. «Коммунистическо-центристская ориентация» объединила три субъекта Российской Федерации – Кабардино-Балкарскую Республику, Республику Калмыкию, Республику Саха (Якутия). «Национально-патриотическая ориентация» характерна для Курской области, Приморского края, Магаданской области. «Центристская ориентация» – для Чеченской Республики, Ингушской Республики, Республики Тыва, Свердловской области и др. (всего 10 субъектов Российской Федерации). «Демократическая ориентация» характерна для Москвы, Санкт-Петербурга, Камчатской области. «Неопределившаяся ориентация» у 22 субъектов Российской Федерации ⁶.

---

⁶ См.: Типология регионов по политическим предпочтениям избирателей // Выборы депутатов Государственной Думы – 95. Электоральная статистика. Там же. С. 246, 147, 148, 249.

Вряд ли правомерно распространенное в литературе мнение о том, что политическая ориентация избирателей связана, главным образом, с типом политической власти в регионе, ориентацией политической элиты. Набор факторов, влияющих на политические предпочтения избирателей достаточно широк, об этом более подробно речь пойдет ниже. В данном случае считаем важно, что субъекты Российской Федерации со сходными политическими предпочтениями почти всегда соседствуют друг с другом. Это не случайность, а объективная региональная закономерность. На территории Российской Федерации прослеживается крупный пояс регионов с преобладанием коммунистической ориентации избирателей. Он простирается от Псковской и Тверской областей на западе до Амурской области и Сахалина на востоке, проходит через юг Центральной России, все Черноземье, большую часть регионов Северного Кавказа, Поволжья, ряд регионов Южного Урала, юг Западной и Восточной Сибири, Амурскую область. Особенностью этих регионов является повышенная, в сравнении со среднероссийскими показателями, доля сельского населения и, соответственно, во многих случаях аграрная специализация. Промышленность в большинстве этих субъектов Российской Федерации представлена перерабатывающими и обрабатывающими отраслями. Территории с развитыми добывающими отраслями, с высоким экспортным потенциалом, представлены в группе с преобладанием коммунистической ориентации слабо⁷. Характерно, что «левая» ориентация преобладает почти во всех регионах «нового приграничья», где больше всего сказываются последствия разрыва экономических и культурных связей с бывшими союзными республиками, принимающими основные потоки беженцев и вынужденных переселенцев или расположенных рядом с очагами вооруженных конфликтов.

Чтобы разобраться в том, какие факторы играют решающую роль в выборе избирателя, надо иметь в виду особенности современной ситуации в стране, когда поведение на выборах не всегда согласуется с политическими ориентациями. Указанное возможно не только в кризисных условиях, но и в относительно стабильной обстановке. Демократизм общества в современном

---

⁷ См.: Политическая ориентация избирателей на выборах 1995 г. // Выборы депутатов Государственной Думы – 95. Электоральная статистика. Там же. С. 243.

его понимании и соответствующее поведение электората обеспечивается рядом условий, например, типом экономики страны, менталитетом социальной общности, гражданской культурой, типом политической системы общества, политического режима и др. Но степень вовлеченности в политику личности во многом зависит не только от типа и уровня политической культуры электората, но, прежде всего, от того, насколько предлагаемые политические программы понятны избирателям, и насколько декларируемые в них ценности (политические, социальные, религиозные, моральные, эстетические) соответствуют их потребностям, мотивациям, согласуются с их менталитетом.

За годы тоталитарного прошлого в России сложился соответствующий тоталитарный тип политической культуры. Новые политические и социально-экономические условия создают предпосылки для формирования современной политической культуры общества, соответствующей новой политической системе. Но сложившиеся в советское время ее характеристики, менталитет самым непосредственным образом проявляются в особенностях политического участия и политического поведения избирателей. Кроме того, в национальных республиках в связи с актуализацией этнического сознания, прежде всего, «титульных наций», а также в связи с деятельностью этнических лидеров и общественных объединений обостряется естественный интерес к политическим процессам, связанным с возрождением или созданием национальной государственности, к национальным традициям и культуре, исповедуемой этносом религии. При этом, направленность этнополитических процессов также отражается на морально-психологическом состоянии индивидов. Все это, в свою очередь, в той или иной степени отражается на политическом поведении граждан.

Само по себе политическое поведение является более узким понятием, чем политическая культура, ибо последняя является из его резервуаром. Политическая культура, как правило, выполняет роль внутреннего регулятора политического поведения и непосредственно связана с менталитетом социальной общности и личности, являя собой «субъективную» сторону политической системы, социально-психологический момент, влияющий на политическое поведение, хотя и не детерминирующий его в полной мере. Как свидетельствуют социологические исследования, проведенные нами в 1993–1996 гг., роль морально-психологического состояния индивида в момент политического вы-

бора достаточно велика. Речь можно вести о его восприятии происходящего в политической жизни в силу социальной и национальной принадлежности, уровня образования, степени решенности социально-экономических проблем. Есть и нечто общее, что одновременно влияет как на политическое поведение, так и на формирование политической культуры, прежде всего, – менталитет, традиции и ценности конкретного общества. Без сомнения, на выборах 90-х годов обновляющееся гражданское общество России получило уроки новой политической культуры. В то же время обусловленность политического поведения сложившейся ментальностью возможно осознать, отвечая на вопросы: кто и почему принимает (не принимает) участие в голосовании; что, какая совокупность факторов и обстоятельств или «господин случай» определяют выбор избирателя (будь то партии или отдельного кандидата); как избиратель принимает решение о голосовании, насколько рационален и осмыслен его выбор и др.⁸ Не менее важное значение имеет также, на наш взгляд, политическая активность электората.

Политическое участие избирателей и восприятие ими нового, как показывают итоги социологических исследований, зиждется на опыте предшествующих поколений, а значит, неизбежно испытывает на себе влияние традиций и ценностей, созданных в ходе общественно-исторической практики. Дают о себе знать сложившиеся стереотипы, представления о взаимоотношениях «общество-государство». Не секрет, что для большей части граждан старшего и среднего возраста, например, близки и понятны патерналистские взаимоотношения общества и государства и не вполне понятны ценности развитого гражданского общества, проблемы «эмансипации» общества от государства, контроля за деятельностью государства.

После краха КПСС психологическое состояние части населения проявилось в отказе от идентификации с какой-либо политической силой. Во многом это связано с тем, что в научной литературе, хотя и высказано немало соображений о возможных альтернативах развития России, но большинство из них относится к отдельным сферам жизнедеятельности – экономике, политике, культуре и т. д. Целостное представление о путях развития Российской Федерации пока отсутствует. Социологические

---

⁸ См.: *Комаровский В.* Демократия и выборы в России: теория и история вопроса // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 18.

исследования убеждают, что определенная часть граждан не выработала для себя стереотип новой партийно-политической структуры. Отчасти от постигших разочарований в связи с растянувшимся до бесконечности реформированием общества, отчасти от того, что избиратель не видит реальной политической силы в лице той или иной партии, которая могла бы в ближайшее время вывести страну из кризиса. Отдельной частью общества надежды вновь возлагаются на государство, его силу и мощь и возможности реально повлиять на ход событий. Указанное достаточно ясно просматривалось на выборах Президента Российской Федерации в 1996 г. Например, представители нерусских народов на Северном Кавказе, с одной стороны, лояльны к политическому режиму, который принес с собой возможность создания национальной государственности бывших автономий, с другой – настороженно относятся к проводимой политике и практике утверждения федерализма в России, высказыванию представителей ряда политических сил о преимуществах национально-культурной автономии, по сравнению с национально-государственным строительством, игнорированию рядом политических деятелей национально-государственного аспекта в функционировании и развитии народов, этносов. Отсутствие четких ориентиров общественного развития России в полной мере отразилось в ответах респондентов на вопрос анкеты, предложенной в ходе социологического исследования в 1995 г.⁹ (см. табл. 1).

Подобная картина настроений и позиций, как свидетельствуют социологические исследования, имеет место и в других регионах¹⁰.

Все яснее становится тот факт, что замыслы реформаторов не достигли тех целей, которые были декларированы в середине

---

⁹ Социологические исследования проведены в Российской Федерации по методике кафедры политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (рук. профессор *В. С. Комаровский*) на тему: «Перемены в нашей жизни», с участием автора.

¹⁰ Речь идет о социологическом исследовании в регионах России по исследовательскому проекту «Предвыборная ситуация в России» (Рук. *М. Губогло*, директор Центра по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН, *С. Туманов*, директор социологического центра Московского государственного университета им. М. Ломоносова) в 1993 г. Выборка квотная, опрошено 8000 (8 тыс.) человек в краях и областях России и на Северном Кавказе, с участием автора.

Таблица 1

**Какой из путей развития нашей страны представляется Вам
наиболее целесообразным? (в %)**

	Адыгея	Тула	Нижний Новгород
Возрождение России на тех основах, которые были до 1917г.	2,6	4,0	6,3
Возвращение к порядку, который был в 30–50-е годы	1,5	3,6	9,6
Возвращение к той жизни, которая была до перестройки (60–80-е годы.)	25,4	20,2	4,3
Построение гуманного, демократического социализма	11,2	9,1	–
Построение либерального общества, свободной частной собственности	0,9	1,2	5,3
Построение общества, в котором частная собственность сочетается с государственным регулированием	15,3	12,2	3,0
Надо идти путем, которым идет Китай	4,3	5,8	9,6
Надо искать свой, новый российский путь	23,0	22,6	20,3
Затруднились с ответом	9,0	20,3	30,0

80-х годов. Не была решена проблема теоретического артикулирования смысла тех общих представлений и понятий, с помощью которых эти цели определялись и конкретизировались, в связи с чем провозглашенные поначалу задачи становились клише, лозунгами по причине их изначальной неопределенности. Многие теоретические понятия, касающиеся перемен и в экономике, и в политике, и в социальной сфере – «предпринимательство», «демократия», «гражданское общество» так и остались понятиями, до конца не понятыми большой массой населения. Да к тому же, постепенно эти понятия стали ассоциироваться с «анархией», «развалом», «нестабильностью» и «коррупцией». Индивиды, ориентированные на интересы и устремления разных социальных групп, разных социальных слоев, по-разному понимают такие понятия, как «экономическая демократия», «экономическая свобода», «рынок», «радикальная реформа собственности» и пр., вкладывают в эти понятия разный смысл. В этом понимании проявляются ориентации на разные по социальному содержанию экономические системы. В обществе сложилось вполне обоснованное осознание того, что действительно новое, внесенное в нашу жизнь демократами-реформаторами и лидерами, приведенными ими к власти, заключается в решительной победе торгово-авантюрного капитала над промышленным. Не случайно поэтому, для четверти респондентов

характерна ностальгия по прошлому, желание вернуться к жизни «до перестройки», преимущественно на вербальном уровне, (кроме Нижнего Новгорода).

Невысоки ценности «гуманитарного, демократического социализма», «либерального общества». Но нет устремленности и в сторону, хотя и положительного, опыта стран, некогда переживавших кризисы. *Скорее интуитивно, чем основываясь на реальном знании*, достаточно большому числу респондентов (23%) импонирует продвижение страны по своему собственному, но новому пути, когда отвергается возможность возвращаться назад, к старым устоям. Немало тех, кто в растерянности. До четверти респондентов либо не интересует происходящее (апатия), либо фиксируется психологически напряженное состояние на грани срыва. Эти выводы подтверждают локальные мониторинговые исследования.

Несомненно, российский кризис и трудность его преодоления – это результат функционирования прежней политической тоталитарной системы. Но это и результат неумелого осуществления российским руководством общественных преобразований конца 80-х – начала 90-х годов, в ходе которых **не была учтена специфика российского общества, его менталитет**. Избиратели это достаточно отчетливо понимают.

Складывающаяся российская многопартийность по многим своим характеристикам не имеет зарубежных аналогов. Необходим переход от гипотез и субъективных пожеланий к научным оценкам. В этой связи в рамках общей теории партии в отечественной науке актуален поиск ответов на ряд вопросов, касающихся роли объективного и субъективного фактора в функционировании современных партий; сущности партии, которая есть организация, соединяющая некоторое общественное движение и некоторое течение общественно-политической мысли. Вместе с тем, партия является представительством, на политическом уровне, определенных экономических, социальных, культурных интересов. Важно ответить на весьма актуальные для нашей страны вопросы о том, что именно и как именно можно заимствовать за рубежом. Следует также иметь в виду, что свою представительную функцию партия может выполнить, если внимательна к социальным потребностям и интересам, представлять которые обязалась. Без учета указанного не представляется возможным прогнозирование возможностей партий и пределы этих возможностей. Деятельность партий зачас-

тую характеризуется несоответствием формы и содержания, далеко не все партии черпают ценности, декларируемые в программах, в реальной действительности, не учитывают менталитет общества, его готовность воспринять новые ценности; формирование некоторой системы политических, моральных и идейных ценностей предлагается, нередко, в отрыве от реального состояния общества, о чем свидетельствуют программы, политические заявления и иные документы российских политических партий, предложенных накануне выборов в Госдуму РФ в 1995 г.

В частности, движение «Наш дом – Россия», провозглашая принципы преемственности в политике, сочетания преемственности и обновления, укрепления российской государственности и утверждение принципов гражданского общества, в качестве главных задач экономической политики провозглашает стимулирование накопления национального капитала для обеспечения экономического роста; приоритетное внимание малому и среднему предпринимательству; построение смешанной социально ориентированной экономики. В области аграрной политики – реформирование села (свободный выбор форм хозяйствования на селе, частное и коллективное владение землей, продажа, дарение земли) и т. п. Гарантируется приоритетное внимание среднему классу, создание условий для его развития. Избирательный опыт НДР нельзя назвать удачным. Действительной «партии власти» как необходимого инструмента долгосрочной политики и политической интеграции общества не получилось.

Напротив, опыт Компартии Российской Федерации ставит под сомнение распространенную характеристику электорального ядра коммунистов как преимущественно пожилых, малообразованных, идеологически ригидных, отчаявшихся пауперов и маргиналов¹¹. Отнесение успеха компартии на счет аккумуляции ею протестного голосования не точно. КП РФ, воспринимаемая избирателями как воспреемница КПСС, унаследовала и традицию легитимности и оттенок сакральности прежней власти, при которой «был порядок», «уверенность в завтрашнем дне». В голосовании за Компартию РФ проявилась консервативная культурная ориентация, свойственная менталитету российского общества. Провозглашая среди политических планов

---

¹¹ См.: Капустин Б. Левый консерватизм КП РФ и его роль в современной политике // Независимая газета. 1996. 5 марта.

понятные, близкие электорату ценности и ценностные ориентации, благодаря умелой пропаганде, использованию кадрового потенциала, обеспечила поддержку на выборах большей его части. Среди политических целей КП РФ – построение государства общенародной формы собственности (не отвергая другие формы собственности), которое дает возможность эффективно решить задачи политического и социально-экономического развития общества. Наиболее обоснованным считает выбор оптимального, социалистического развития; поэтапное возрождение союзного государства, мирное и добровольное. В области социально-экономической – недопущение частной собственности на землю и природные богатства; восстановление народного контроля над производством и доходами; изменение экономического курса; осуществление экстренных мер государственного регулирования; возвращение гражданам гарантированных социально-экономических прав. В политической Программе декларируется осуществление национальной политики, основанной на признании равноправия наций, исторической ответственности каждого народа за государственную целостность России; обеспечение представителям различных этнических групп равных возможностей для участия во всех сферах жизни страны и т. п.

Политические приоритеты ЯБЛоко – демократия, свободное общество, предотвращение «монополизма» в политической жизни; конституционная, а не договорная федерация, равенство субъектов федерации, поощрение процессов межрегиональной интеграции. Выступает за ускорение реформы структуры экономики, внедрение рыночной экономики, причем, допускает возможность давления, насилия при внедрении новых форм хозяйствования «просвещенными» реформаторами в целях осязающе «инертную» народную массу; декларирует социальную ориентацию экономических реформ, представляет интересы среднего класса и ставит в качестве одной из главных задач – формирование среднего класса. В 1995 г., как и в 1993 г., на выборах ЯБЛоко получило 6,9% голосов избирателей и, соответственно, депутатские места в парламенте. Но в целом 17 декабря 1995 г. либерализм получил сокрушительное поражение. Его основные политические представители – объединение «ЯБЛоко» и избирательный блок «Демократический выбор России – Объединенные демократы» в общей сложности получили 10,8% голосов избирателей. В самых общих чертах избиратель-либерал – это, прежде всего, городская интеллигенция, преуспевшая в

жизни, руководители, специалисты, служащие, молодежь, пришедшая в малый бизнес, больше мужчин, мало пенсионеров. Как заключают исследователи, в крупных российских городах сформировалась либеральная политическая культура. Для ее представителей характерна высокая степень информированности, экономическая независимость. В середине 90-х годов западный либеральный идеал померк в сознании россиян. Приверженность общества традиционалистским ценностям вытесняет его из числа политических предпочтений избирателей. Позиции либерал-западников ослабели еще по ряду причин. Прежде всего, произошло отторжение менталитетом россиян, которому свойственен традиционалистский тип политической культуры, чуждых западных ценностей, что за годы реформирования так и остались благими пожеланиями в предвыборных программах кандидатов и не заняли должного места в убеждениях избирателей. Избиратель в состоянии также был разобратся в том, что приверженность либеральной идеологии политических лидеров вовсе не означает их «демократизма». Это подтверждается и тем, что лидеры демократов неоднократно призывали к установлению авторитарного режима. О напряженном психологическом состоянии электората свидетельствует также распространенность политической апатии. Около 30% всех избирателей не имеют определенного мнения или не желают задумываться о политических проблемах. Около 25% стоят на советских позициях, 15% – голосуют не за коммунистов, но против власти, большинство из этой категории отдает голоса за ЛДПР. Однако, не приверженность «русской идее», не национализм характеризует данную совокупность избирателей. Как правило, эти люди в мрачных тонах оценивают свое материальное положение и своих близких ¹².

Политический процесс второй половины 90-х годов свидетельствует о том, что менталитету большинства электората близки государственно-патриотические идеи. Но российский демократический эксперимент сохраняет шансы на успех. Есть основания говорить о гражданской ответственности и «чувстве истории» россиян. В стране уже сложилась система объективных ограничителей, которая затрудняет реставрацию старой системы. Население не за авторитарный режим, а за эффективно действующую государственную власть. Менталитет российского электората не воспринимает в качестве «правящего» ни одно

---

¹² См.: Россия в третьем тысячелетии. Там же. С. 36, 37, 59.

из идеологических течений, серьезных изменений в ценностных ориентациях и политических предпочтениях, в сознании россиян пока не происходит. Хотя многие из демократических ценностей не смогли войти в плоть и в кровь человека, в его менталитет, но базовые демократические ценности имеют широкую поддержку: необходимость уважать закон и правопорядок, важность демократических процедур для организации в обществе нормальной жизни и т. п.

Разработчики большинства партийных программ не учли, прежде всего, возможности разного понимания происходящего представителями западной и российской ментальностей декларируемых западных ценностей. Например, разное понимание свободы («от чего» на Западе – «для чего» в России), прав личности (приоритет позитивного права (закон) в либеральном обществе – в России право как правда, значение нравственных начал канонов. Наши предки говорили: «Избери благу чести, иди благим путем правды»). Разным содержанием в разных менталитетах наполнены и понятия «дело», «предпринимательство», «воля», «нация», «национальное самосознание», «христианская демократия», с которыми связаны политические взгляды.

Психологические процессы в обществе отразились на способах «кристаллизации» новой элиты, источником которой стала прежняя партийно-хозяйственная номенклатура, в ее состав были инкорпорированы представители общественных слоев, сформировавшихся в связи с переходом к рыночной экономике. Но консолидация элиты осложнялась рядом причин, одна из которых – незаинтересованность новой элиты в установлении институционально оформленных связей с обществом, ее предпочтение действовать опосредовано через другие политические организации. Как считают современные исследователи, подобное имеет глубокие **корни в российской политической традиции**. В соответствии с этой традицией государственная власть, стремясь обеспечить себе максимальную независимость от общества, сдерживает процесс его самоорганизации, в том числе и в такой сфере как создание политических партий. Это поведение элиты обосновывалось ею как стремление отражать интересы всего народа и потому быть выше политических, идейных и классовых различий¹³. Мощным фактором, ускори́вшим институцио-

---

¹³ См.: Россия в третьем тысячелетии. Информационный бюллетень Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. М., 1996. Вып. 3. С. 6, 10.

нальное вхождение элиты в сферу публичной политики стали выборы в Госдуму Российской Федерации вначале в 1993 г., свою роль сыграли организации центристской направленности. Однако этому процессу не суждено было развиваться, поскольку содействие становлению многопартийной системы не входило в число стратегических задач центральной власти. Интерес российского истеблишмента заметно угас к проблеме формирования и «партии власти» в связи с неудачей на выборах созданных незадолго до них объединения «Выбор России» и Партии российского единства и согласия. Не удалась и попытка внедрения «сверху» двухпартийной системы («Наш дом – Россия» (В. Черномырдин) и Блок Ивана Рыбкина). Некоторые авторы объясняют это тем, что постсоветское чиновничество по своей **ментальности** и политическому опыту тяготеет к однопартийной системе, другие указывают на то, что устойчивая модель двухпартийной системы может быть создана на протяжении достаточно длительного времени и на базе мажоритарной избирательной системы. С приведенными утверждениями трудно не согласиться. Не вполне удалась и попытка создать единую общенациональную партию (НДР). Теоретически возможность создания в России политической системы с господствующей партией (формулировка М. Дюверже), действующей в обстановке политического плюрализма и объединяющей большинство элиты, подтверждается ссылкой на зарубежный опыт (Япония, Индия, Мексика, Швеция). Однако для этого отсутствуют многие важные предпосылки. Прежде всего, необходима политическая идеология (мифология), которая пользовалась бы поддержкой населения. Этому препятствует также структура власти, утвержденная с принятием Конституции Российской Федерации (1993 г.) – концентрация властных полномочий в руках главы государства. Наконец, нет устойчивой поддержки центральной власти со стороны широких слоев населения по ряду причин, и по-прежнему самостоятельную линию проводит большинство региональных элит. Указанное существенным образом затрудняет формирование механизма согласования различных социальных и политических интересов. Преемница КПСС Компартия Российской Федерации не оправдывает ожидания избирателей, в том числе тех, кто по инерции продолжает голосовать за нее на выборах и не пользуется поддержкой современного истеблишмента. Квазицентристская идеология, вобрав в себя

установки различных политических сил, взятая на вооружение федеральной властью, в принципе не способна была стать инструментом политического рекрутирования и не могла способствовать созданию общенациональной партии. Этому препятствует также деятельность нескольких десятков партий на политической арене России 90-х годов. Можно предложить ряд факторов, являющихся тормозом в развитии российской многопартийности:

а) медленная артикуляция интересов основных слоев населения, длительно находящихся в напряженном психологическом состоянии;

б) неотрегулированность принципов и механизмов взаимодействия партий с органами власти;

в) слабость партийных структур на местах, которая проявляется: в отрыве партий от реальных общественных проблем; они в большей степени заняты внутрипартийными вопросами, в тени партийной работы остаются потребности текущего момента; декларативный характер их программных требований, отсутствие четких концепций социально-экономического развития. Как правило, партийные структуры на местах ориентированы, в основном, на общепартийную программу и слабо конкретизируют ее применительно к нуждам регионов;

г) парламентские фракции не получили своего развития в органах представительной власти на местах. Депутатские партийные фракции, если где-то и образовались, то были крайне неустойчивы и подвижны¹⁴. С этим нельзя не согласиться. Политические партии в регионах пока не стали реальной политической силой, влияющей на формирование политической культуры избирателей, на политическое поведение электората. Это еще раз подтверждает наше наблюдение относительно того, что предложения «столичных» партий о дальнейших путях развития страны, не стали достоянием основной массы электората и, главное, не заинтересовали его. Естественные процессы артикуляции интересов в субъектах Российской Федерации не всегда связаны с политическими программами известных и наиболее влиятельных, в том числе и парламентских, партий Российской Федерации.

Морально-психологический климат в обществе находится под влиянием нескольких противоборствующих политических

---

¹⁴ См.: Зотова З. М. Выборы в России: взгляд политолога / Под общ. ред. Н. М. Блинова. М., 1996. С. 62.

субкультур, наряду с тем, что еще достаточно большая часть избирателей может быть охарактеризована как ортодоксально мыслящая. Политическая субкультура вновь создаваемых российских партий во многом «задается» личностной политической культурой их лидеров, выбор неформального лидера, его поддержка диктуются во многом особенностями ментальности электората. Новое и непонятное (это касается, прежде всего, «столичных» скороспелых партий и декларируемых ими ценностей), как правило, отторгается, не воспринимается, способствует распространению политической апатии.

Приведем данные электоральной статистики до выборов 1995 г., в сравнении, в ряде республик Северного Кавказа и еще в некоторых регионах Российской Федерации. **В 1989 г., на выборах СССР** активность избирателей была следующей (в %; в целом по Российской Федерации – 87): Республика Адыгея – 93; Республика Дагестан – 89,62; Кабардино-Балкарская Республика – 91,71; Карачаево-Черкесская Республика – 96; Республика Северная Осетия – Алания) – 94,34; Краснодарский край – 91; Владимирская область – 91,71; Волгоградская область – 85,13; Воронежская область – 92,9; Ленинградская область – 84,66; Московская область – 88,11; Нижегородская область – 86,76; Ростовская область – 87,1; Тамбовская область – 96,58; Тульская область – 91,71; г. Москва – 83,47; г. Санкт-Петербург – 75,89.

1990 г., – выборы в России (в % – по Российской Федерации – 77):

Республика Адыгея: – 78,2; Республика Дагестан – 83,6; Кабардино-Балкарская Республика – 78,1; Карачаево-Черкесская Республика – 91,3; Республика Северная Осетия – Алания – 83,5; Краснодарский край – 80,3; Владимирская область – 82,4; Волгоградская область – 74,9; Воронежская область – 84,9; Ленинградская область – 76,7; Московская область – 76,5; Нижегородская область – 76,2; Ростовская область – 79; Тамбовская область – 88,9; Тульская область – 80,8; г. Москва – 64,2; г. Санкт-Петербург – 63,9.

Активность избирателей продолжала снижаться на референдумах 1991 г. в целом по Российской Федерации составила 75,2; на референдуме 1993 г. – 64,08; на референдуме и выборах в 1993 г. (декабрь) – 54,34. В то же время на президентских выборах в 1991 г. на фоне общего снижения активности электората наблюдался некий всплеск политической активности (76,66). Политическая активность в целом высокой была на Северном Кавказе и в среднем в других рассматриваемых нами регионах

России. Политическая активность избирателей была также выше на референдуме 1991 г. за сохранение СССР (71,34), нежели за пост Президента РФ (69,85)¹⁵.

В период избирательных кампаний 1989–1993 гг., которые проходили в России в условиях коренной ломки административно-командной системы, углубляющегося экономического кризиса, избиратели голосовали, ориентируясь, как правило, на имидж кандидата в депутаты. Качественно иная позиция обозначилась в 1995 и в 1996 гг.

В 1996 г. можно было говорить о начале осознания большой частью избирателей своих особых политических интересов. Избиратель начинает вести себя стабильно. При этом, отмечается рациональный подход, более вдумчивое отношение к выбору. Обращается внимание на конструктивность программ кандидатов в депутаты и политических партий. В то же время еще достаточно велик списочный *состав избирателей-приверженцев патриархально-консервативной российской политической традиции, укоренившейся в менталитете россиян* и связанной, возможно, с неосознанной сакрализацией власти. Избиратели голосуют за власть, потому что с властью ассоциируется порядок и стабильность в государстве, просто потому, что она – власть. Поэтому на вопрос, вполне ли осмыслена была избирателями их политическая роль как в выборе, так и в возможности реализации прав гражданина, не представляется возможным дать однозначный ответ. Скорее всего, допустимо констатировать психологическую обусловленность выбора в конкретной жизненной, сложной, прежде всего, социально-экономической ситуации, психологическим состоянием, обусловленным влиянием более «консервативной» ментальности, чем рациональным политическим выбором. В частности, и в декабре 1995 г., и в период выборов Президента Российской Федерации более всего настроения избирателей определялись остротой социальных и экономических проблем (по меньшей мере, 40% респондентов считали, что «при коммунистах было лучше»), в республиках Российской Федерации – также проблемами национальной напряженности или влиянием этнических конфликтов. Было повышено внимание к ситуации на Северном Кавказе, и в полной мере заявило о себе негативное отношение населения, независимо от национальной принадлежности, к действиям российских

---

¹⁵ См.: Российские регионы накануне выборов – 95. М., 1995.

властей в Чечне. По мнению респондентов, этот фактор был важнейшим, который мог спровоцировать нестабильность в северокавказских республиках (Республике Адыгея, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесии, Дагестане и др.), возможно, в России в целом. На втором месте – проблемы из области материальной – высокие цены и низкая заработная плата, снижение жизненного уровня. Положение усугублялось еще и тем, что зарплата в бюджетной сфере, напомним, задерживалась в тот период в течение нескольких месяцев, несвоевременно выплачивались пенсии и пособия малоимущим.

В 1993 и в 1995 гг. на выборах депутатов Государственной Думы политическая активность была представлена следующим образом (По Российской Федерации в целом, соответственно – 54,81 и 64,73)¹⁶ (см. табл. 2).

Таблица 2

Регионы	12 декабря 1993 г.	17 декабря 1995 г.
Республика Адыгея	60,74	64,91
Республика Дагестан	63,54	72,76
Кабардино-Балкарская Республика	59,66	68,32
Карачаево-Черкесская Республика	70,58	61,68
Республика Северная Осетия	61,26	63,33
Республика Калмыкия	57,20	67,49
Курская область	64,14	71,84
Краснодарский край	54,63	60,74
Владимирская область	59,98	66,78
Волгоградская область	55,40	65,46
Воронежская область	59,10	68,40
Ленинградская область	56,43	62,35
Московская область	56,49	63,33
Нижегородская область	52,28	62,76
Ростовская область	57,38	67,89
Тамбовская область	64,18	68,91
Тульская область	60,15	68,32
г. Москва	52,44	63,49
г. Санкт-Петербург	53,07	61,10
Камчатская область	44,09	61,26
Чеченская Республика	–	67,72
Ингушская Республика	53,71	58,43
Республика Татарстан	13,91	59,31
Свердловская область	48,79	53,30

¹⁶ См.: Выборы депутатов Государственной Думы. 1995. Электоральная статистика. М., 1996. С. 49–52.

Статистические данные ¹⁷ свидетельствуют о повышении политической активности электората в период от выборов до выборов в Государственную Думу Российской Федерации. Возросшую активность избирателей в 1995 г. можно объяснить следующим образом. На выборы 1995 г., после «черного» вторника (осень 1995 г.), разрешения конфликта между ветвями федеральной власти, часть избирателей пришла, возможно, с надеждой повлиять на ход событий. К этому времени во весь голос заявили о себе политические силы, реформаторского, националистического толка, привлекавшие на свою сторону симпатии избирателей. Для части избирателей «нестабильность во власти», ее кризис, возможно, спровоцировал желание и надежду «взять реванш», – и если не вернуть назад все, что было до перестройки, то избрать такой парламент, который способен был бы «твердой рукой» навести порядок и во власти, и в обществе (см. табл. 3).

Таблица 3

Регионы	НДР	Яблоко	КП РФ	ЛДПР
Республика Адыгея	4,13	4,5	41,12	9,6
Республика Дагестан	14,55	0,56	43,57	0,98
Кабардино-Балкарская Республика	24,96	2,65	23,67	3,8
Карачаево-Черкесская Республика	12,67	1,87	40,03	6,91
Республика Северная Осетия	5,97	1,48	51,67	10,22
Краснодарский край	6,8	6,39	24,39	15,19
Владимирская область	12,25	6,53	20,71	14,70
Волгоградская область	9,14	6,72	28,13	14,72
Воронежская область	6,88	4,44	26,82	14,42
Ленинградская область	10,81	8,16	18,88	8,01
Московская область	13,79	10,99	22,16	5,20
Нижегородская область	10,47	10,56	18,71	12,07
Ростовская область	5,33	14,11	26,99	10,25
Тамбовская область	5,02	2,90	40,31	12,14
Тульская область	10,33	5,22	22,07	13,19
г. Москва	19,05	14,94	14,84	2,53
г. Санкт-Петербург	12,78	16,03	13,21	3,42

Как свидетельствуют приведенные в табл. 3 статистические данные итогов голосования в различных регионах, желание «сильной руки» власти достаточно велико. В полной мере это относится к регионам так называемым «демократическим» и

¹⁷ Выбор регионов осуществлялся произвольно, с примерным учетом «типологии» регионов по политическим предпочтениям избирателей.

«красного пояса». По отношению к обеим категориям регионов справедливо утверждение относительно ностальгии тех и других о жизни в большом и сильном государстве СССР¹⁸. В 1995 г. ностальгия присутствует, о чем свидетельствуют проведенные нами социологические исследования в Республике Адыгея, а также исследования в Тульской, Владимирской, Нижегородской областях, и перемен в этом отношении к 1996 г. почти не произошло.

Уже в марте 1991 г. исследователи впервые упоминали понятие «красный пояс». В то время он ассоциировался не столько с «югом» России, сколько с «западом». В 1993–1995 гг. «пояс» оформляется снова и более четко, воспроизводится вновь в декабре 1995 г.

Общественно-политическая ситуация в Российской Федерации в первой половине 90-х годов складывалась под влиянием достаточно пестрого набора заявивших о себе социальных, политических, национальных интересов. С одной стороны, подавляющая масса рядовых граждан выражала стойкое неприятие способов российского руководства экономического реформирования. Проводимые нами социологические исследования позволяли обнаружить имевшее место разочарование в отношении деятельности некоторых политических сил и политиков демократического направления, рост недоверия к центральной власти России и ее конкретным носителям. С другой — потеря привычных ориентиров политического развития страны, чувство неуверенности, охватившее в условиях кризиса большую часть общества, переоценка ценностей способствовали появлению потребности объединиться с кем-либо вокруг понятных, близких ценностей. Рост национального самосознания в регионах России в новых реалиях вызвал к жизни массу народных инициатив, национально-культурные, религиозные объединения, организации, как одно из средств удовлетворения духовных запросов избирателей, связанных с развитием национальной культуры, языков, традиций и обычаев, носителей того или иного субменталитета российского общества.

Этнополитический процесс, связанный с обретением рядом бывших автономий государственности в рассматриваемый период, характеризуется спецификой взаимоотношений политических структур и общественных объединений, общества в целом.

---

¹⁸ См.: Полякова Т. М. Этнополитические процессы в условиях трансформации российского общества (На материалах социологических исследований в Республике Адыгея. 1993-1996 годы) / Науч. ред. В. С. Комаровский. Майкоп: Изд-во Адыгейского государственного университета, 1997.

Рассматривая вопросы места и роли объединений граждан в политической системе общества и учитывая специфику регионов, представляется возможным особо выделить национально-этническую составляющую в общей характеристике негосударственных образований. Обращаясь к проблеме отношений государства и общественных объединений, нельзя не заметить развивающееся взаимодействие и взаимовлияние государства и объединений граждан в процессе реализации, удовлетворения социальных и национальных интересов, согласующихся с менталитетом социентальной общности.

На основе общих потребностей взаимообогащения национальных культур, изучения родного языка образовались общественные объединения в Адыгее, имеющие целью национально-культурное возрождение народов: организация греков «Арго», региональное общество советских немцев «Видергербурт», татарское культурно-просветительное общество «Дуслык» («Дружба»), ряд других. Из общественно-политических организаций наиболее многочисленными были и в настоящее время остаются «Адыгэ Хасэ», Союз славян. Представителей общественных объединений различной направленности объединила республиканская организация «Лига мира», куда вошли коллективы предприятий, учреждений, общественных организаций, национально-культурных обществ, политических партий, религиозных конфессий, в целях содействовать поддержанию мира и безопасности, вовлечения в миротворческое движение граждан, осуществления сотрудничества с государственными и общественными организациями в разрешении межнациональных, межрегиональных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера. Актуализация национальных аспектов в развитии гражданского общества как раз и проявилась в деятельности организационно укрепляющихся общественно-политических объединений, в основе функционирования которых лежат идеи национального возрождения и самосохранения народов. Многие из таких организаций окрепли к 1995 г. и стали носителями новых консолидирующих принципов, апеллирующих не к политическому сознанию граждан, а к историческим, этнонациональным интересам, к менталитету народа.

Ряд национально-культурных организаций Адыгеи с самого начала ставили своими целями организацию изучения родного языка, удовлетворение многообразных культурных, духовных, интеллектуальных, нравственных и социальных потребностей их

членов и т. п. Активизировались связи с этнически родственными народами из стран СНГ, стран дальнего зарубежья, в Адыгее появилась возможность изучения желающими, наряду с двумя государственными, – адыгейским и русским, – армянского, греческого, немецкого, татарского и других языков.

Основной идеей большинства национальных движений Дагестана является создание национальной государственности, причем, этот процесс, по мнению лидеров движений, должен был осуществляться путем «федерализации Дагестана», то есть образования в рамках единого федеративного государства целого ряда национальных государств. Указанное явилось, своего рода, стратегической целью многих национальных движений Дагестана. По мнению их лидеров, только таким путем и «возможно осуществление этнического возрождения и даже выживания»¹⁹. Реализация этой идеи, естественно, предполагает решение целого круга проблем – от социального, этнического, демографического развития народа, внедрения рыночной экономики до проблем культурного развития (в том числе традиционной и профессиональной культуры), здравоохранения, образования, экологии и т. п. Одно из главных мест в этом перечне занимает проблема репрессированных и депортированных народов, разделенных государственными границами, проходящими в местах компактных массивов единого этноса, например, лезгин. Активизация этнического самосознания выразилась в 90-х годах также в стремлении некоторых народов к созданию своего независимого национального государства. Альтернативной идеей федеративному устройству Дагестана является идея единой и неделимой республики в составе Российской Федерации. Еще один вариант – Дагестан как единая исламская республика. Эту идею поддерживают наиболее исламизированные слои дагестанского общества, значительная часть мусульманского духовенства, часть национальной интеллигенции, лидеры некоторых национальных движений. Идеологи ряда национальных движений, как в Дагестане, так и в других республиках Северного Кавказа, в перспективе представляют историческое развитие своих народов в союзе независимых государств в рамках общекавказского дома, содружества государств на основе конфедеративных связей вне Российской Федерации.

---

¹⁹ См.: Волкова Н., Сергеева А. Дагестан: исторический и современный аспекты этнокультурных процессов // Дагестан: этнополитический портрет. Очерки. Документы, Хроника. В 4-х т. М., 1995. Т. 3. С. 34, 35, 36.

Смена политических событий стимулировала появление новых запросов тех или иных социальных групп общества, требующих своей реализации. Так возник ряд новых организационных структур в недрах общества в связи с теми или иными политическими событиями последних лет. В частности, соответствующие интересы были реализованы при создании и функционировании объединений, возникших в связи с событиями в Абхазии (грузино-абхазский вооруженный конфликт начала 90-х годов), в период выборных кампаний 1993–1996 гг., обсуждения проекта и принятия Конституции Республики Адыгея в 1994–1995 гг. Ряд организаций, преследовал цели воздействовать на политическую власть, на избирателей в переходный период жизни Адыгеи – от автономии к республике.

Партии и общественные объединения, действующие в Республике Марий Эл, немногочисленны по своему составу. Рост национального самосознания выразился, прежде всего, через деятельность соответствующих национальных объединений. Значительным фактором в общественно-политической жизни республики, наряду с другими, является организация «Марий ушем» (Марийский союз), одна из главных идей которого – переселения (приглашения) представителей марийского народа из других регионов страны. Главной задачей ставит способствовать сохранению, возрождению и дальнейшему развитию марийского языка и культуры. Существуют также организации, действующие в целях возрождения традиционной языческой веры марийцев²⁰.

Национальные ценности, составляющие содержание национального самосознания, общность исторической судьбы, национальная государственность как способ сохранения этноса, стали неотъемлемой частью общего процесса обновления этнополитической жизни Республики Адыгея, Марий Эл, Хакасии, Карачаево-Черкесии, Коми Республики, в ряде других регионов. В этот период средствами объединения выступили религия, обычаи, традиции, элементы материальной культуры. Интерес к национальным ценностям проявился и в росте религиозности населения. Граждане сегодня не скрывают своих религиозных приверженностей, что может означать не столько соответственно веру и адекватное понимание догматов веры, сколько идентификацию

---

²⁰ См.: Шаров В. Д. Этнополитическая ситуация в Республике Марий Эл // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Автор-составитель С. М. Червонная. Т. 1. М., 1996. С. 92, 91.

себя с соответствующей культурой, присущей исторически народам, исповедовавшим ту или иную религию согласно этнонациональной принадлежности, историческим и культурным традициям. Правила поведения, сформулированные на религиозной основе, начинают занимать достаточно важное место в личной жизни человека, что, в определенной мере, стабилизирует обстановку.

Сложной системой социальных отношений и религиозным синкретизмом и ныне во многом поддерживается в целом христианское казачество, издавна входящее в суперэтнос Северного Кавказа.

Возрождение сегодня цивилизаций бывшего СССР – свидетельство живучести религиозных традиций, глубоких культурных корней, связанных с тем или иным вероисповеданием и культурой в целом, субменталитетами социентальных общностей. Это тем более важно учитывать на современном этапе, поскольку в ближайшем или отдаленном будущем, возможно, именно организации, объединяющие приверженцев мусульманской культуры, могут сыграть решающую роль, например, в процессе адаптации иммигрантов, прежде всего, адыгской диаспоры, в современном обществе Адыгеи.

Как представляется, важное значение в определении роли и места общественных объединений в политической системе имеет не только институционализация, но и сам характер участия их в осуществлении демократических преобразований общества, влияние на процессы политической социализации, процессы формирования демократической политической культуры граждан. В свою очередь, характер деятельности во многом обуславливается идеями и целями общественных объединений, во имя которых они были созданы, а также степенью общественной поддержки этих идей и целей.

Как показывает реальная практика общественных объединений, в условиях смены политических систем ускоряются процессы их становления и организационного укрепления, появляются предпосылки для реализации их функций как связующего звена между народом и властью, обществом и государством.

Подходы к осуществлению регулирования, методы согласования политических и социальных интересов различных групп и слоев общества, общественных объединений неизбежно испытывают на себе влияние, субменталитетов, традиций совместного проживания многонационального населения на данной территории.

Характер политических процессов с участием общественных объединений в значительной степени определялся тем, что он протекал в условиях не сложившейся в фактическом и правовом отношении демократии, когда отсутствовали демократические традиции взаимодействия власти и общественных структур при низком уровне массовой политической культуры, сильных авторитарных установок менталитета электората.

В условиях смены политических систем чрезвычайно важным, в целях сохранения политической стабильности, представляется сочетание демократических механизмов политического регулирования деятельности общественных объединений и применения методов с ориентацией на субменталитеты представителей объединений граждан. С учетом этого *институционализация* способствует развитию самоуправленческих начал в их организации и деятельности²¹. Это важно постольку, поскольку процесс демократических реформ в Российской Федерации, наряду с ростом национального самосознания, в условиях политической нестабильности, глубокого социального кризиса, резкого снижения жизненного уровня людей, массового обнищания, падения нравов вызывает ослабление государственности, нарастание межэтнических противоречий, разрушение гражданского мира. Реальным фактором дестабилизации общества стал национализм, непосредственно связанный с ним сепаратизм, стремление решить все проблемы собственными силами, без участия российского руководства. К тому же, индивиды, втянутые в политические игры авантюристов, распаляя в процессе политического соперничества свои национальные чувства, нередко теряют контроль над собой, становясь жертвами межнациональной розни²².

Как свидетельствуют итоги исследований, проводившихся в ряде республик Российской Федерации, одним из факторов генерирующим конфликты, является несовпадение этнических и административных границ. Не исключено, что в условиях неуклонного роста в мире числа межэтнических конфликтов, де-факто

---

²¹ См., к примеру: Об общественных объединениях Адыгеи. Закон Республики Адыгея // Ведомости Законодательного Собрания (Хасэ) – Парламент Республики Адыгея. 1994. Июль.

²² См.: Рыбаков Н. Ф. О состоянии межнациональных отношений в Республике Марий Эл // Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Автор-составитель С. М. Червонная. Там же. С. 118.

ставящих под сомнение дееспособность принципа нерушимости границ, именно в целях обеспечения международной безопасности имела бы смысл более четкая интерпретация указанного принципа в случаях, когда речь идет о недвусмысленно выраженном волеизъявлении населения территорий²³. Добавим, населения, имеющего общую ментальность, искусственно разделенного границами. В качестве важнейших средств улучшения национально-культурной жизни своего народа опрошенные осетины чаще всего указывали: открытие национальных школ (42,5%), открытие национальных дошкольных учреждений (32,5%), создание общественных организаций осетин (36%)²⁴. «Примечательно, – пишет Р. Магомедов, – что в основе отчуждения и взаимных претензий» в национальном противостоянии «лежит все-таки не национальная неприязнь как таковая, а вполне материальные причины» (территориальные претензии, недовольство неравенством в правах или участии в управлении и т. п.). Одним из методов предотвращения межэтнических конфликтов, по его мнению, могло быть использование сложившихся народных, традиционных механизмов урегулирования разногласий, в частности, привлечение религиозных деятелей, советов старейшин, а также соответствующих систем взаимоотношений, складывавшихся веками, укоренившихся в менталитете горцев Северного Кавказа, например, «маслихта» в Дагестане²⁵, «адыгагъэ» – в Адыгее, «апсуара» – в Абхазии. Иными словами, обеспечивать функционирования механизмов политического регулирования в современных условиях не в отрыве от менталитета социентальных общностей.

Вероятно, нормы права, демократии, принятые в мире, были бы предпочтительнее, но при отсутствии практического опыта их применения в повседневной жизни и имеющем место консервативном менталитете предотвращение конфликтов, целесообразно

---

²³ См.: *Дзуцев Х. В.* Социально-политические и этнические стереотипы людей в зоне межнационального конфликта // Северная Осетия: Этнополитические процессы. 1990–1994 гг. Очерки. Документы. Хроника. М., 1995. С. 15.

²⁴ Исследования Северо-осетинского института гуманитарных исследований и Института этнологии и антропологии РАН в мае 1992 г. в Северной Осетии (рук. *Л. М. Дробизева* и др.) // Северная Осетия: этнополитические процессы. 1990–1994 гг. Там же. С. 14–35.

²⁵ См.: *Магомедов Р.* Время собирать камни // Дагестан: Этнополитический портрет. Т. 3. Там же. С. 44, 47.

с использованием методов, понятных каждому участнику, носителю соответствующего менталитета.

Едва ли не важнейшая проблема в процессах, способствующих консолидации народов, – языковая. На свободное владение родным языком указывают 56% респондентов-осетин и еще 32,5% указывают, что «хорошо говорят». При этом почти все опрошенные считают, что их дети должны владеть осетинской речью²⁶. 27% взрослых мари, проживающих в своей республике, не умеют писать на родном языке, 7% из них совсем не владеют материнским языком²⁷.

В юридической энциклопедии государственный язык определен как язык большинства или значительной части населения государства, который конституирован в данном государстве в качестве государственного языка²⁸. В статье 68 Конституции Российской Федерации государственным языком на всей территории Российской Федерации является русский язык. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития.

Известно, что менталитета нет без языка. Язык является главным этнодифференцирующим средством, с которым непосредственно связано этническое самосознание. Социализация индивида с помощью различных средств, в том числе языка, формирует у него представление о своей принадлежности к этнической общности, формирует менталитет, свойственный соответствующей социентальной общности. «Двуязычие» в бывшем Советском Союзе имеет свои последствия. Если раньше было престижно говорить по-русски, вести себя «по-русски», в 90-е годы становление личности, ее социализация в начале 80-х годов получает этническую окраску. Представители нерусских национальностей «возвращаются» не только к своему национальному языку, но и к нормам поведения, обычаям и традициям, молодежь черпает информацию о своем народе не только из

---

²⁶ См.: *Дзуцев Х. В.* Указ. раб. С. 16, 17.

²⁷ См.: *Рыбаков Н. Ф.* Указ. раб. С. 121.

²⁸ См.: *Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю.* Юридическая энциклопедия / Под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1997. С. 505.

официальных источников, но, прежде всего, из семейных преданий, фольклора, народных песен и т. п. Не случайно, одной из главных целей практически все национально-культурные общественные объединения современной России ставят целью «возрождение» и развитие родного языка²⁹. Повышение этнического статуса народов в условиях трансформации российского общества, развитие их культуры, традиций положительным образом отражается на психологическом состоянии их представителей. Языковая реформа 1989 г., пишет М. Губогло, ставшая прелюдией дезинтеграционных процессов, в ходе которых распался Советский Союз, оказалась вместе с тем важным шагом, важной предпосылкой последующего «утверждения государственности титульных наций». Этот вывод, сделанный им на основе взвешенного анализа роли и места языка в программах Народных фронтов и других этнополитических движений, нашел новое подтверждение во взаимодействии этноязыковых и этнополитических факторов в ходе постсоветской суверенизации³⁰. В данном случае речь может идти о влиятельности языка как фактора и непреложной ценности менталитета, который необходимо учитывать в условиях поиска оптимальных политических решений, направленных на достижение межнационального согласия и стабильности политической системы.

Включение в конституции республик соответствующих статей о придании языку «титульной» нации статуса государственного – подтверждение всей важности языковых проблем, с которыми народы связывают сохранение собственной идентичности и своего менталитета. При разумном политическом регулировании, учитывающем чаяния народов, возможно развитие этнокультур, духовное взаимообогащение народов в своем взаимодействии, гармонизация межнациональных отношений и преодоление сепаратистских тенденций, снижение психологической напряженности в обществе. В Оренбуржье, к примеру, убеждены, что в современных условиях чрезвычайно важно искать оптимальные варианты взаимоотношений государственных ор-

---

²⁹ См.: Губогло М. Н. Мобилизованный лингвизм. 1993; Языковая реформа. 1989. Документы. Материалы. М., 1994; Язык и национализм в постсоветских республиках. М., 1994.

³⁰ См.: Губогло М. Н. Политические технологии в утверждении суверенитета // Становление государственности Адыгеи / Общ. ред. М. Н. Губогло; Сост. и ред. Т. М. Полякова, Р. Д. Хунагов. М.: ЦИМО РАН, 1997. С. 19.

ганов и национально-культурных объединений. Процессы, происходящие в соседних с Оренбуржьем республиках – Башкортостане, Татарстане, Казахстане, активная деятельность национальных центров и движений, высказывания их лидеров о пересмотре существующих границ, которые оказывали серьезное, негативное влияние на общественно-политическую обстановку и морально-психологический климат в Оренбургской области, потребовали поиска новых приемов в регулировании межнациональных отношений. Администрацией области была разработана концепция осуществления национальной политики в Оренбургской области, основная цель которой – устранение противоречий в межнациональных отношениях, причин их возникновения. Одним из практических шагов стала разработка Целевой долгосрочной программы возрождения национальных культур народов Оренбуржья³¹.

Вместе с тем, не представляется возможным заявлять о высокой степени влияния общественных объединений на граждан. Среди социальных групп, которые чаще всего поддерживали те или иные общественные объединения, – творческая и научная интеллигенция, студенчество. Нельзя исключать неявное влияние, молчаливую поддержку ряда организаций и объединений национально-культурной направленности, их деятельности со стороны представителей соответствующей национальности, не входящих в число членов объединений. В период повышенной политизации общественного сознания и психологической напряженности в обществе наиболее явно проявляется готовность поддержки соответствующих организаций в связи с даже незначительными разногласиями, касающимися места и роли в политической жизни представителей тех или иных национальных групп, готовность к консолидации по национальному признаку. До 60% респондентов чаще всего, особенно в периоды повышенной политизации массового сознания, настороженно относились к деятельности общественных объединений, представляющих национально-культурные интересы. Причем, как показали итоги социологических исследований, не приемлется не сам факт их функционирования, а, прежде всего, их такое участие в политической жизни, которое угрожало бы стабильности.

---

³¹ См. подробнее: *Амелин В. В., Торукало В. П.* Оренбуржье в этнополитическом измерении. В 2-х т. Т. 1. Реформация межнациональных отношений. Теория. Политика. Практика. М., 1996. С. 52, 42, 43.

Достаточно большая часть респондентов в этих условиях в качестве «покровителя» хотела бы «видеть» государство. В данном случае сложившийся стереотип патернализма государства, его преобладания над гражданским обществом воспринимался как «справедливый» порядок вещей.

Не представляется возможным фиксировать упорядоченность процессов идентификации граждан по отношению к политическим партиям, эффективность артикуляции социальных интересов партийно-политическими структурами. Об этом мы уже упоминали выше.

В то же время жизнь в обществе, ориентированном на становление рыночных отношений, социально-экономические трудности переходного периода, опыт личного политического участия, постепенно определяют направление эволюции политических взглядов избирателей. Появляется возможность объективной оценки избирателями деятельности партий, движений, объединений и отдельных лидеров. В то же время труден путь к демократической политической культуре. Это можно объяснить не только тоталитарным прошлым, особенностями социальной структуры общества, но и раздробленностью демократических сил. Избиратели не прощают допущенных демократами ошибок в выборе курса и в осуществлении реформ. Кроме того, местные организации НДР на выборах в Госдуму в 1995 г. и на выборах Президента Российской Федерации в 1996 г. избрали тактику, неадекватную сложившейся ситуации. Заорганизованность мероприятий, собрания по старинке, не имели соответствующего позитивного эмоционального воздействия на избирателей. Подобная ситуация характерна не только для какой-либо из национальных республик. Социологические исследования в городах Нижнем Новгороде, Туле, Владимире, в Республике Адыгея (о чем упоминалось выше), предлагают соответствующие свидетельства. На вопрос: *«Какой должна быть партия, способная вызвать симпатию, чтобы ее можно было поддержать на выборах, вступить в число ее членов?»* – треть опрошенных респондентов затруднились с ответом, а еще 16% ответили, что «никакая не способна завоевать симпатии». 40–45% процентов – заявили о своем безразличии к партиям. На вопрос: *«Что может произойти, если победит одна из партий?»* – подавляющее большинство ответов – «не знаю».

Подобные ответы – свидетельство, прежде всего, потери веры в обещания, которые продолжают раздавать партии и их лидеры

в период выборных кампаний. Большинство декларируемых ценностей в политических программах остаются на бумаге.

В будущем, возможно, действенная, разветвленная система политических партий и других массовых организаций граждан будет способствовать укреплению этнополитической и социальной стабильности. Этот институт сможет взять на себя ответственность за судьбу всего общества, обеспечивая защиту практически всего населения в любых ситуациях. Но в начале 90-х годов в Адыгее, как, впрочем, и в России в целом, степень вовлеченности в политику определялась уровнем социальной зрелости представителей общества, осознанием ими своей принадлежности к той или иной социальной группе. Пока же о таком «осознании принадлежности» к соответствующему социальному слою общества большинством граждан говорить рано. В условиях нестратифицированности российского общества указанное вообще проблематично. Достаточно большая часть электората в периоды высокой политизации массового сознания, например, в период выборов, действовала по инерции, на уровне социальных инстинктов. Часть избирателей, если и поддерживала линию одной из политических сил и нередко участвовала в ее акциях, в то же время не спешила связывать свою судьбу с конкретной политической партией.

На наш взгляд, принципиальные отличия общественных объединений, в том числе политических партий, формирований и организаций объясняются различием в системе ценностей, исповедуемых ими. Взглянув на проблему с аксиологической точки зрения, позволительно утверждать, что новые негосударственные формирования способны оказать влияние на выработку политической культуры, в основе которой лежит определенная система ценностей, обычаев, традиций, а также моделей и образцов политического поведения социальных групп и граждан. На выборах, например, «состязаются» не только (и не столько) кандидаты, политические организации, но и их программы, в основании которых – ценностные императивы общественных структур, а также новые объективные потребности развития общества.

Думается, роль национально-культурных объединений в развитии политического процесса в Российской Федерации в целом будет возрастать. Прежде всего, это касается общественных объединений, пропагандирующих национальные традиции, культуру.

Развитие этнополитических процессов на Северном Кавказе в 90-х годах, свидетельствует о том, что этническое возрождение, сфокусировавшее программно-целевые устремления общественных объединений, национальных движений стало фактором, послужившим основой эволюционных изменений политической деятельности объединений.

Пока, однако, для указанных организаций нехарактерно устремление в сторону решения экономических проблем, реализации политических и социально-экономических реформ, хотя в некоторых уставах и программах эти вопросы декларируются³².

В программных установках, формах организации национально-культурных организаций много несовпадающих черт, но усилия большинства их состава направлены на сохранение национальной самобытности и оптимизацию процессов национального возрождения.

Изменяющиеся задачи национальных движений, в связи с меняющейся политической ситуацией, внутренними потребностями организаций, способствуют изменению не только их внутренней структуры, но, в определенной степени, осуществляется влияние на политическую власть, которая должна чутко реагировать на смену настроений, появление новых социальных и национальных интересов, – благодаря чему во многом и возможно достижение стабильности в политической системе.

---

³² См., к примеру: Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника. В 3-х т. М., 1993; Дагестан: Этнополитический портрет. Очерки. Документы. Хроника. В 4-х т. 1994; Общественные движения в Мордовии. Документы. Материалы. М., 1993; Кабардино-Балкария. Этнополитическая ситуация. В 2-х т. М., 1994; Штрихи этнополитического развития республики Коми. Очерки. Документы. Материалы. М., 1994; Калмыкия: Этнополитическая панорама. Очерки. Документы. Материалы. М., 1995.

3.2. Влияние менталитета общества на процесс политического расслоения электората

Среди факторов, оказывающих доминирующее воздействие на политическое расслоение электората и регионов, на позиции избирателей и их политическую активность – *наличие субментальностей разнообразных социентальных общностей на территории Российской Федерации*. Это, прежде всего, менталитет электората того или иного административного округа, мегаполиса или города небольших размеров, республики – субъекта Российской Федерации, отличающейся этническими особенностями, уровнем религиозности, социальным расслоением, уровнем экономического развития. (Сравните, например, аграрную специализацию ряда территорий юга России и промышленные («демократические») районы центральных, северных и других регионов). Итоги голосований в 1995 г., а также на выборах Президента Российской Федерации показывают относительно стабильную политико-географическую картину. Анализ показывает, что аналогичные голосования хорошо коррелируют друг с другом.

Как представляется, среди других доминирующих факторов, непосредственно связанных с первым, – факторы урбанизации, местных условий, этнонациональный, возрастной.

Фактор урбанизации. Важным показателем, определяющим результаты голосования, является соотношение в регионе городского и сельского населения. Для «городской» политической субкультуры более всего свойственно голосование за «реформаторов», в то время как сельская политическая субкультура более «консервативна». Именно различие между городской и сельской политическими субкультурами является фундаментальным, определяет характер голосования. В сравнении с ним вторичным являются политико-географические различия типа «север-юг», которые тоже имеют место, но выражают, прежде всего, уровень урбанизации регионов, а он, как известно, выше на севере и востоке страны. Но если для регионов России с преобладанием русского населения свою роль играет важнейшая черта российской политической культуры, свойственная менталитету, – раскол между городом и селом, в национальной республике на первое место выступают автоматизмы сознания и поведения соответствующего менталитета, и определенную роль играет религиозный фон, традиции взаимоотношений

старших и младших, мужчин и женщин, отношение к власти. Традиционализм в данном случае проявляется, как правило, в некоторых проявлениях традиционной легитимности и, соответственно, соизмерении собственной позиции с волей правителя или большинства, а также в самоидентификации горожан с людьми «моего аула», «моего села», имеет место более прочная привязанность к клану, племени, память об исторических корнях. Кроме того, электорату свойственно в условиях повышенной политизации массового сознания выбирать ту политическую силу, которая, по мнению избирателей, адекватно выражает полинациональные интересы в конкретной исторической ситуации.

Думается, нет противоречия в том, что в республиках Северного Кавказа достаточно большое число голосов многонационального электората, в том числе представителей «титовых наций» – на стороне КП РФ. В данном случае видится протест против проводимой на Северном Кавказе политики Российской Федерации. Отрицательно повлияла на эмоциональное и психологическое состояние электората в 90-х годах напряженность на Северном Кавказе, вооруженные конфликты, прежде всего, война в Чечне, грузино-абхазский, осетино-ингушский конфликты и др. В данном случае позитивный потенциал, заложенный в самом факте обретения государственности народами бывших автономий, не находит подтверждения и полной реализации в реальной жизни. С полным основанием можно сказать, что отклонения от среднего показателя голосования зависят от социально-экономической ситуации в регионе и (дотационность бюджетов республик, зависимость от центра, и, в связи с этим, экономические проблемы), связаны со сложившейся в регионе местной политической субкультурой.

Как правило, «за» Жириновского и его партию черкесы-адыги не голосуют. В представлении этой категории избирателей ЛДПР ассоциируется с фашистским режимом. Но и от действующей власти ждут более целенаправленных и последовательных мер в области национальной политики, о чем свидетельствуют итоги различных социологических исследований в северокавказских республиках, не желают перестраивать свой быт, привычную жизнь по образу «западного», еще более – воспитывать своих детей. В данном случае можно вести речь о *факторе местных условий*.

Существенно благоприятен для «либерально-модернизационного» голосования местный фон в Свердловской и Челябинской, Архангельской и Мурманской, Московской и Томской областях. В ту же категорию вошли Карелия, Якутия, Республика Алтай. Национально-государственные образования в составе Российской Федерации – наиболее изменчивые субъекты электорального процесса. Наименее благоприятным в 1993 г. был местный фон для «либералов» в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Туве, а также в Башкортостане, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чувашии; из «русских» регионов – в Сахалинской и Кемеровской областях, отдельных областях Центрально-Черноземного района.

К 1995–1996 гг. и село, и город становятся более оппозиционными. Можно выделить группу регионов так называемых наименее «консервативных». Из республик с высокой долей титульного населения к ним приближаются Ингушетия, Тыва, Чечня, Татарстан. Вряд ли можно вести речь о явно выраженных неконсервативных политических субкультурах России, голосование в которых определяется не расколом «город–село», а всеобщими политическими предпочтениями граждан.

«Нереформаторская» политическая культура и, следовательно, по классификации, предложенной в главе 1, «недемократический» менталитет характеризует традиционно оппозиционные территории в начале 90-х годов – Чувашию, Адыгею, Орловскую, Курскую, Брянскую, Смоленскую, Рязанскую, Липецкую, Тамбовскую, Воронежскую, Пензенскую, Саратовскую области и др. Для большинства этих территорий характерна «нереформаторская» и одновременно «консервативная» политическая культура.

Действие *этнонационального фактора* также связано с трансляцией определенных ментальных реакций социентальной, национальной общности в условиях трансформации общества. Как уже сказано выше, «охранительные функции менталитета, его консервативность нашли выражение в особенностях политических процессов в республиках в составе РФ. Это подтверждает тот факт, что типы голосований в ряде регионов в наибольшей степени связаны с национальной консолидацией в период строительства национальной государственности, который по времени совпал с выборными кампаниями и референдумами начала 90-х годов. Национальная консолидация привела к существенным изменениям политического поведения граждан.

Как представляется, голосование в российских республиках, где сохранились элементы традиционной политической культуры и традиционный тип легитимации политической власти, определяется, во-первых, ситуативными интересами этноса, во-вторых, значительной ролью местных авторитетов, прежде всего, республиканских властей, контролирующих СМИ и воздействующих силой авторитета на электорат, в особенности, на «титularyное» население.

Кроме того, результаты выборов позволяют заключить, что представители нерусского населения Российской Федерации практически не голосовали за ЛДПР. Голоса «консервативного» электората в республиках аккумулировали КП РФ (этим объясняется ее наибольший успех на Северном Кавказе) и АПР (например, в Башкортостане, в Республике Адыгея). Отклонения от модели, связанной с действием фактора урбанизации, наблюдается в республиках и автономных округах, что связано с действием национального фактора, как уже было сказано выше.

Нельзя, однако, представить дело таким образом, что национальные республики Российской Федерации солидарны в противостоянии действующей власти и на стороне оппозиции. Среди республик и внутри них также имеет место политическое расслоение электората. В ряде случаев это выражается в голосовании за различные политические силы (Республика Адыгея, Башкирия, Карачаево-Черкесия, Чувашия и др.). В данном случае национальный фактор выражается не только наличием консервативного менталитета, связанного с политической культурой восточных обществ, но и с большим доверием местной власти, национальной элите, оказавшейся способной, в ряде случаев, минимизировать влияние негативных воздействий, ситуативных социально-экономических проблем на население.

Ряд национальных республик (Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика) продемонстрировали конформизм неоднородного, многонационального электората по отношению к Центральной власти, в частности, на выборах Президента Российской Федерации. Там, где это произошло, думается, доверие местной власти не меньше, чем в других республиках. В данном случае (Кабардино-Балкарская Республика) также имеет место влияние сложившегося менталитета социальных общностей с «восточным» типом политической культуры, «восточным» менталитетом, проявившемся на данном этапе, прежде всего, в типе отношения к государству, к политической власти и

подкрепленный лояльной позицией местной элиты к власти федерального уровня.

Фактор возрастной структуры населения может рассматриваться с точки зрения особенностей функционирования субменталитетов, свойственных разным социальным группам и слоям, в той части, когда менталитет конкретной социентальной общности рассматривается как некое системное качество, детерминирующее характеристики политической культуры с учетом социальной стратификации (см. выше: политолого-социологические определения менталитета) или свойственный неоднородным социальным стратам («молодежный»). Исследования показывают, что голосование за оппозицию находится в функциональной зависимости от доли представителей старших возрастов, характеризующихся большой степенью консервативности позиций.

Расслоение регионов, как представляется, происходит не под влиянием консолидированных региональных политических культур, а в зависимости от уровня урбанизации, возрастной структуры, возможно, приверженности к тому или иному типу политической субкультуры политической элиты. Политическое расслоение российских регионов в настоящее время непосредственно связано с социально-демографическим расслоением общей массы носителей соответствующих субменталитетов.

Симпатии или отрицательное отношение основной массы избирателей Северного Кавказа к кандидатуре действующего Президента Российской Федерации Б. Ельцина во многом зависели от политики российского руководства в этом регионе, от конкретных мер по решению указанных проблем. В то же время Б. Н. Ельцина поддерживала та часть избирателей, которая не желала новых потрясений в случае не избрания его на новый срок. (Например, в Республике Адыгея — до 40%). Эта часть электората разных возрастов, несомненно, в день выборов голосовала за Президента России Б. Ельцина.

Современный избиратель уже имеет определенный опыт личного (неформального) участия в политической жизни, в состоянии давать более или менее объективную оценку деятельности общественно-политических организаций, партий и движений. Он меньше поддается популистским призывам сомнительного толка, хотя артикуляция и дифференциация интересов электората происходит пока весьма вяло. Избиратель еще не в полной мере поднялся до перспективного видения целей и ориентиров общественного развития на основе предлагаемых раз-

личными партиями, кандидатами в депутаты представительных органов программ. Выборы в Государственную Думу в 1993 и в 1995 гг. сами по себе, в конечном итоге, не явились в должной мере механизмом формирования воли большинства российских избирателей. Выборы не стали средством мобилизации населения в поддержку общественно значимых ценностей, соотносящихся с новой политической системой, и партийных программ, – пишет В. Комаровский. Что касается подготовки политических программ со стороны соискателей власти, то они носили во многом декларационный характер. И, соответственно, не могли служить ориентиром ни для избирателя, ни для тех, кто в результате выборов стал депутатом высшего представительного органа государства. Справедливости ради, как считает В. С. Комаровский, стоит отметить: выборы 1995 г. серьезно подвинули страну в направлении преодоления этих недостатков, однако, не на столько, чтобы можно было считать проблему закрытой³³.

Политические программы, как нам представляется, действительно не могли служить ориентиром для избирателей еще по одной причине. В них достаточно ясно просматривается политическая культура соискателей, будущий политический режим (КП РФ, НДР, ЛДПР). Программы не были ориентированы на массового избирателя. К тому же, абсолютное большинство электората еще «не научилось» читать политические трактаты, соотносить с ними собственные политические и социальные интересы. Сложившийся менталитет на прошлых этапах развития российского общества, тоталитарный тип политической культуры в полной мере проявили себя на выборах и референдумах начала 90-х годов. Благодаря деятельности средств массовой информации, демонстрировавших патернализм государства посредством различных доступных приемов и методов, в ряде случаев удалось склонить на сторону действующей власти значительное число избирателей. В умонастроениях электората в этот период в полной мере проявились действие менталитета социума, сложившиеся традиции, активность этнического сознания, более глубокие, внутренние, регуляторы неформального плана – идеалы, цели, осознанный общественный долг, чувство самосохранения, знания, общие для данной социальной и этнической общности, как витальные, так и социальные, этни-

---

³³ См.: *Комаровский В.* Демократия и выборы в России: теория и история вопроса // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 22, 23.

ческие, моральные ценности, которые, в конечном итоге, определяют степень ее адаптивности в изменяющихся условиях.

Возможно, однако, что большая часть из тех респондентов, кто в ходе социсследований высказывался за объединение бывших республик СССР на основе конфедеративной формы или в форме экономического союза, не в полной мере осознавали и понимали суть отношений субъектов той и другой формы объединения, назначение и конфедерации, и экономического союза. Почти не изменяется число тех, кто уверен, что восстановление СССР возможно и необходимо, но большинство респондентов нерусской национальности, о чем свидетельствуют итоги исследований, однозначно – против федерации, с ориентацией на американскую систему правления с ее территориальным подходом к строительству федеративного государства, которая в настоящее время внедряется в политическую систему России.

В связи с этим в обществе присутствует определенный уровень напряженности. Истоки ее очевидны: Россия так и не сделала окончательного выбора в пользу того, какой она хочет видеть себя в XXI в. Показательны в этом отношении мартовско-сентябрьские социологические исследования, проведенные в 1995 г. в Республике Адыгея, во Владимирской, Тульской, Нижегородской, Самарской областях под руководством кафедры политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Согласно полученным данным:

- от 6% до 10% избирателей за то, чтобы Россия вернулась на тот путь развития, которым шла до 1917 г. (в Адыгее – 3%);
- 15–20% – за возвращение к доперестроечным временам (в Адыгее – 20%);
- 5–7% – за построение общества на основах либеральной демократии Запада.

Отсутствие единства в народе и даже в элитарных кругах в вопросах выбора исторического пути, базовых ценностей потенциально превращают выборы в России в механизм постоянных революционных изменений. Большинство избирателей еще не определили себя в центре политических сил. В России нет среднего класса, влиятельных профсоюзов, не сформировалось уважение к закону, соблюдению «правил игры», причем со стороны как правящей элиты, так и рядового избирателя³⁴.

³⁴ См.: Комаровский В. Указ. раб. С. 22, 23, 24.

На территориях республик Российской Федерации и других национально-территориальных государственных образований имеет приоритет консолидация по национальному признаку. Как показывает мировой опыт, для доминирующего этноса характерно большее значение внутренних идеологических различий, тогда как национальные меньшинства более консолидированы. Таким образом, сформировавшиеся региональные политические субкультуры в России в основном совпадают с территориями расселения российских этносов (кроме русского). В отношении русских региональных политических культур можно говорить о выделении городской и сельской культур, выраженных на территории, но по сути экстерриториальных³⁵.

Высвобождение российского общества из-под прессинга тоталитарного режима создало, с одной стороны, условия для повышения деловой активности граждан и создаваемых ими негосударственных структур. С другой – сложившиеся социально-политические условия в связи с этим, а также уровень политической культуры общества, его политические и национальные традиции и особенности мировосприятия народа, его менталитет накладывали отпечаток на особенности протекания процессов в гражданском обществе в переходный период. Сказывалась психологическая неготовность большинства общества к переменам.

Менталитетом общества и непосредственно связанной с ним политической культурой определяется характер преобразований, следующую за ломкой устоявшегося порядка, поскольку свое проявление политическая культура находит, прежде всего, в деятельности государственных структур, политических партий и движений, политических и этнических лидеров, а также в реакции граждан на устанавливаемую систему норм и ценностей. Реакция же диктуется сложившимися традициями, стереотипами, менталитетом социальной общности, повышенной активностью этнического сознания населения многонациональной социальной общности в переходный период развития общества.

Эволюция политических взглядов избирателей – от ностальгической устремленности в прошлое в начале 90-х годов, политической апатии и растерянности большей части электората в условиях крайне слабой интегрированности больших социальных

---

³⁵ См.: Исследования, указанные выше, проведенные Центром социальных исследований. С. 43, 44, 45.

групп, направлена в сторону осознания важности политического участия, с которым связывается состояние личной жизни, благополучие, – во второй половине 90-х годов.

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод о тенденции, в ходе которой значительная часть российских избирателей предпочитает голосовать за тех кандидатов и политические объединения, которые в наибольшей мере способны выразить экономические интересы. Именно такие подходы повсеместно демонстрирует избиратель в странах с устоявшейся системой демократических институтов. Фактически это означает, что в России начались имеющие место далеко идущие последствия процессов артикуляции, осознания избирателями своих экономических интересов. В любой стране, а в России в особенности, где еще не сложилась разветвленная система институтов гражданского общества, представительная власть, как уже наиболее сформировавшаяся, является одним из главных «каналов донесения» и отстаивания этих интересов.

Подобные процессы изменят во многом представления о выборах и выборных кампаниях в России. Ряд факторов свидетельствует, что народ выходит из состояния политической комы и начинает более трезво и прагматично оценивать политическую действительность, партии и кандидатов в депутаты. Крикливые, лозунговые кампании, эксплуатирующие образ очередного «врага народа», построенные на беспочвенных обещаниях, постепенно уйдут в прошлое (если, конечно, экономическая ситуация в России не принесет еще один «шоковый» болевой эффект, без какой-либо терапии). Но считать ситуацию состоявшейся, ясной, или хотя бы прояснившейся – рано. Предстоит еще серьезно изучить этот вопрос.

Другой пласт проблем изучения политического участия, касающегося выборов, связан с анализом социально-демографических характеристик граждан, принимающих и не принимающих участие в голосовании, уровня и особенностей их политической культуры, личностных установок и мотивов голосования. Поведение российского избирателя в этом отношении отчасти идентично поведению избирателей других стран и «укладывается» в рамки существующих теорий и концепций, а отчасти – нет ³⁶.

Так же, как и в абсолютном большинстве других стран, молодежь и женщины России проявляют меньше интереса к выборам,

---

³⁶ См.: Комаровский В. Указ. раб. С. 24, 25.

чем мужчины и лица более зрелого возраста. С другой стороны, наблюдается повышенная активность в голосовании лиц старших возрастных групп, пенсионеров, объяснение этому надо искать в особенностях нынешней ситуации в России, ее недавней истории. Лица пенсионного и предпенсионного возраста проявляют, по нашим данным, наибольший интерес к политике. Лишь руководители среднего и высшего ранга имеют по этому показателю большее, чем названные группы отклонение от среднестатистического в положительную сторону. А, как известно, интерес к политике напрямую связан с активностью в выборах. Отчасти истоки интереса лежат в укоренившихся у старшего поколения привычках мобилизационного участия в политических кампаниях, отчасти – в их нынешнем бедственном положении. Как правило, в последнем случае, в силу негативного отношения к современной социальной и экономической политике в России, предпочтение на выборах отдается Компартии Российской Федерации. Для ряда северокавказских республик указанное особенно актуально, поскольку до 40% избирателей – лица старшего возраста.

В заключение рассуждений еще раз подчеркнем, что культура политического выбора (электоральная культура), что отмечают и специалисты, это относительно устойчивая система знаний, оценок и норм электорального поведения и электоральных отношений, избирательного процесса в целом, коллективная память людей о выборных процессах. Электоральная культура самым непосредственным образом связана с общей политической культурой общества и конкретного человека, его менталитетом. В условиях тотального разрушения старой политической культуры и, как следствие, потери людьми общественных ориентиров и системы ценностных ориентаций (ибо взамен им предложено пока очень немного) трудно ожидать от избирателей рационально осмысленных и компетентных действий. Нет исходной «точки отсчета», неясны идеи направленности общественного развития. Да и обстановка в стране не располагает пока к спокойным, взвешенным раздумьям и решениям.

Для характеристики электоральной культуры, два показателя являются определяющими: ответственность избирателя (понимание значимости выборов, интерес к ним и желание разобраться в ситуации) и компетентность (умение оценить ситуацию, соотносить свои интересы с предложениями и личными свойствами

кандидатов и партий). О тенденциях изменения уровня ответственности избирателей сказать что-то однозначное трудно. Несмотря на то, что есть определенные позитивные перемены, до 15% избирателей решение о голосовании принимает непосредственно на избирательном участке. О компетентности выбора избирателя судить еще сложнее. Как уже отмечалось, общество еще не стратифицировано. Большинство слоев и групп населения, как показали выборные кампании рассматриваемого периода, только начали определяться со своими основными жизненно важными интересами. Тем не менее излишний пессимизм в этом вопросе не оправдан. Нельзя забывать о политической интуиции избирателя, постепенном овладении им навыков участия в избирательной кампании, навыками ориентации в программах и заявлениях политических сил и кандидатов, о возможности изменения ментальных структур общественного сознания в связи с изменившейся общественно-политической ситуацией, изменением политической культуры индивидов.

Как показывают социологические исследования, проводившиеся нами в течение 1993–1996 гг., которые в той или иной степени раскрывают мотивации тех или иных решений избирателей, эволюцию их взглядов, в полной мере не устоялись еще политические субкультуры, пока невозможно сделать детально полную характеристику и констатировать какой-либо из устоявшихся типов демократической политической культуры, как не определились и политические силы, выражающие интересы различных групп электората. Отстраненность большинства этнических организаций и объединений граждан от политики, слабость региональных отделений российских партий демократического толка свидетельствует о том же.

Представляется возможным и необходимым еще раз обратить внимание на особенности процесса эволюции политических взглядов избирателей, зарождения новой политической культуры.

Материалы для исследования политического поведения населения дают результаты парламентских выборов весны 1989 г., мартовского референдума 1991 г., президентских выборов 1991 г., апрельского референдума 1993 г., референдума и парламентских выборов декабря 1993 г., парламентских выборов декабря 1995 г., выборов Президента Российской Федерации 1996 г. Можно согласиться с социологами что по расстановке политических сил избиратель должен был сделать выбор между «либерально-модернизационным» и «консервативно-патриотическим» типом голосова-

ния и что конфликт между сторонниками модернизации по западному образцу и ее противниками является в настоящее время базовым конфликтом в российском обществе и дает представление об основном его политическом расслоении³⁷.

В то же время относительно так называемых национальных регионов Российской Федерации и, в частности северокавказских республик, картина была бы неполной, если бы мы акцентировали внимание лишь на этих двух «полюсах». Нельзя упускать из виду имеющий место этнокультурный и религиозный синкретизм, хотя зачастую артикуляция интересов идет по этнонациональному признаку. Консерватизм в мышлении и патриархальность, основывающиеся на соответствующих менталитетах социентальных общностей, сочетаются со сложившимися стереотипами в мышлении людей и в политическом поведении представителей разных национальностей, социальной принадлежности. Не менее важное значение имеет неприятие современной российской политики, следствием которой зачастую являются межнациональные конфликты.

Люди, предки которых жили совместно на одной территории не одно столетие и, в современных условиях, находят пути к взаимопониманию, консенсусу, – против потрясений. Противоречия, изначально заложенные в рассогласованности норм Федеративного договора, с Конституцией Российской Федерации, выступили следствием разногласий в период выборов. Во многом в связи с этим призыв «голосовать сердцем» на президентских выборах в 1996 г. не мог возыметь действие в Северо-Кавказском регионе.

Чем же, в таком случае, руководствуется избиратель в своих политических предпочтениях? Многое проясняют социологические исследования. В данном случае в поле зрения исследователя должны быть как вопросы непосредственно политического выбора избирателя (склонности, желания), а также все, что сопутствует ему, например, отношение к политике, политическому лидеру, осознание важности личного политического участия и т. д. Поэтому считаем целесообразным в данном случае привести ответы респондентов городов Владимира, Тулы, Нижнего Новгорода,

---

³⁷ См.: Выборы Президента России: тенденции развития ситуации (Результаты социологического мониторинга) Исследования РАГС при Президенте Российской Федерации. М., 1996. № 7; Выборы Президента России: Второй тур (Результаты IV этапа социологического мониторинга) М., 1996. № 8.

Республики Адыгея на некоторые вопросы, предложенные в анкетах³⁸.

На вопрос: *«Считаете ли Вы себя достаточно хорошо знакомым с текущей деятельностью органов исполнительной власти?»* – 25–30% респондентов заявили о своей осведомленности, 45–50% – считают, что знают «кое-что». Достаточно небольшая часть тех, кого «это не интересует» (10–12%), и кто «совершенно ничего не знает» (9–10%).

Лишь четверть опрошенных постоянно интересуется законами Российской Федерации, содержанием указов Президента Российской Федерации и еще столько же «довольно часто» интересуются принятием нормативных актов и ходом правовой реформы.

Как видно, политика как сфера деятельности не всем интересна, и многие от нее далеки, хотя явка избирателей в дни выборов в 1993–1996 гг. оставалась стабильно высокой. В данном случае речь может идти о степени осознания избирателем важности личного политического участия. Возможна инерция, диктуемая стереотипами, связанными с политическим участием в советский период, когда дни выборов воспринимались не что иное как одно из всенародных празднеств.

Одной из характерных особенностей электората в первой половине 90-х годов было незнание и зачастую нежелание знать свои права. Многие не имели понятия о механизме их защиты, высказывали недоверие суду, милиции, не осознали в полной мере собственное место в области политического участия. Лишь четверть респондентов допускала возможность оказывать влияние на решения политической власти. Половина сочла необходимым признать, что такой возможности не имеет. Указанное свидетельствует о несостыковке психологического настроя и реальных действий, собственной практики политического участия и осознания своих прав гражданина. Возможности влиять на политические реформы остаются в сознании респондентов недостижимыми.

В анализе электоральных предпочтений обращает на себя внимание также отношение населения к типу режима политической власти. Около половины респондентов считают, что в сло-

---

³⁸ Социологические исследования проведены в регионах России в 1995 г. по методике кафедры политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (рук. В. С. Комаровский) по репрезентативной выборке с участием автора.

жившихся условиях в России следует рассчитывать на режим единоличной власти; треть – за демократическую форму правления. Режим единоличной власти одобряют почти в два раза чаще горожане, за него выступает подавляющая часть опрошенных старше 55 лет, большинство рабочих, его сторонников немало среди ИТР. К демократической форме правления склоняются предприниматели, работники аппарата управления, молодежь. *Режим единоличной власти* близок и понятен представителям разных народов, населяющих Российскую Федерацию и, в частности, электорату Северного Кавказа. Для менталитета жителей этого региона понятно и приемлемо такое положение стоящего во главе государства политического лидера, который может иметь неограниченное право на власть (абсолютизм), в общественном сознании наделяется ореолом святости.

Предпочтение «сильной личности» присуще почти всем группам населения. Однако сопоставление данных социологических исследований об указанных предпочтениях россиян и с их оценкой недемократических действий, которые эта «сильная личность» должна осуществить, позволяет заключить, что электорат испытывает потребность в эффективно действующей государственной власти, способной принимать эффективные решения. Речь идет не о реставрации коммунистического правления, но о генезисе авторитарно-номенклатурной модели.

Заметно развитие тенденции, проявляющейся в вытеснении крайних, экстремистских – как левых, так и правых – сил с «политического поля». Непопулярны лозунги ярко выраженного националистического толка. Неактуальны лозунги о России – великой военной державе.

Большинство граждан не приемлет такие формы политического участия, как бойкоты, запрещенные демонстрации, пикетирование, блокирование движения транспорта, порча государственных зданий, вооруженное сопротивление властям. В ответ на предложение высказать свое отношение к другим, кроме выборов, формам политического участия, лишь малое число респондентов допускает участие в бойкотах (0,9%), участие в запрещенных демонстрациях (0,4%), порче государственных зданий, сооружений (0,2%), порче личного имущества граждан (0,6%), в вооруженном сопротивлении властям (0,6%).

Более половины опрошенных категорически против решения проблем экстремистскими методами. Хотя некоторые допускают свое участие в подписании коллективных писем (17%), бойкотах

(6%), участие в разрешенных демонстрациях (16%), отказ от уплаты налогов (8%), пикетировании (3%), самовольном занятии помещений (2%).

Указанное подтверждают итоги исследований специалистов, пытающихся определить «революционный потенциал провинции», в других регионах России. Лишь 0,5% респондентов организовали бы демонстрацию или митинг в случае, если правительство приняло несправедливое решение; 74,6% признаются в том, что ничего не смогли бы сделать ³⁹.

Очевидно, что индивидуум формирует свой собственный взгляд на политическую действительность под воздействием внутренних и внешних факторов, воспринимает новое в политике через призму свойственного ему менталитета. Это включает в себя отношение к политическим лидерам, событиям политической жизни, растет осознанный интерес к политике, а это – основное условие вхождения гражданина в политическую систему. Политизация охватывает не только намеренное привитие политических знаний, ценностей и образов действий посредством воспитательных факторов, например, через средства массовой информации, но и вбирает в себя личное политическое участие.

3.3. Менталитет, политическая культура и ценностные ориентации общества

При политологическом рассмотрении культуры ценности предстают как подвижная и зависимая сфера политической регуляции, обусловленная общей динамикой. Условно упорядоченная классификация ценностей Б. С. Ерасова предстает в следующем виде: витальные, социальные, политические, религиозные, моральные, эстетические ⁴⁰. Как представляется, это та база, которая обуславливает существование и изменяемость менталитета социума.

Идеологический отказ от прошлого и традиционных ценностей, нарушение преемственности общественного развития в условиях трансформации российского общества конца 80-х – начала 90-х годов способствовало обострению социальных и духовных проблем. Полиэтническое общество испытывало на се-

---

³⁹ Дробжев А. М. Самочувствие провинции: социологический анализ // Общественно-политическая жизнь российской провинции. XX век. Вып. 3. Материалы межвузовской научной конференции. Февраль 1997. Тамбов, 1997. С. 125.

⁴⁰ См.: Ерасов Б. С. Указ. раб. С. 115, 116.

бе, помимо прочего, влияние процессов, построенных на межкультурном взаимодействии. Как показали итоги социологических исследований, в условиях трансформации общества приобщение населения к новым ценностям и новой политической культуре (освоение универсалистских ценностей) сопровождается обостренным интересом к собственной уникальной этнической культуре. Активизируется этническое самосознание, и внутриэтнические процессы неизбежно отражаются на состоянии социальной и политической систем. Здесь следует оговориться.

Внедрение новых ценностей, связанных, прежде всего, с формирующимися рыночными отношениями, поставило в условия дискомфорта их носителей – представителей разных национальностей и одновременно представителей всей многонациональной социальной общности, сложившейся в Российской Федерации. Ценности, закреплённые традициями совместного проживания, культивируемыми в обществе в условиях определенной политической системы, являют собой важный компонент политической культуры, во многом определяющий политическое поведение. Трансформация общества и политической системы, невозможна без преобразований политической культуры, что, в свою очередь, невозможно без формирования, на основе согласия, обновлённой системы ценностей. Представляется необходимым, в связи с этим, выделять общее и особенное в этнополитическом процессе. Есть нечто общее, свойственное общественному сознанию многонациональной социальной общности Российской Федерации в целом, характеризующейся определённым менталитетом.

Менталитет как некое системное качество, присутствующее во всех структурах сознания, в то же время является тем стержневым началом в духовной жизни общества, способным гибко реагировать на внешние и внутренние воздействия, о чем было сказано выше. В частности, можно вести речь о менталитете социума Российской Федерации как совокупности, имеющей собственные характеристики, связанные с функционированием политического сознания и политической культуры общества и некоторых особенностях менталитетов социальных общностей субъектов Российской Федерации, сложившихся под воздействием культуры, традиций народов, национального характера и в то же время непосредственно связанных с общими для социума Российской Федерации характеристиками политической культуры, политических традиций, общих для страны в целом.

Идеи размежевания, конфронтации, деидеологизации, подхваченные реформаторами в бывшем Советском Союзе в конце 80-х годов, исчерпали себя и к 1995 г. показали свою бесплодность. Политическое противостояние и этнические конфликты, экономические и духовно-нравственные проблемы, возникшие в стране в ответ на отказ официальных государственных структур от прежних ценностей, в условиях перехода российского общества от одной политической системы к другой, в значительной степени повлияли на состояние политического управления в стране, поставили в условия дискомфорта большинство членов общества. И это неверно, что «мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя», что «у нас нет ничего индивидуального, на что могла бы опереться наша мысль», как нет общества «без убеждений и правил»⁴¹.

Любое общество на разных этапах развития ориентируется на те или иные идеалы, ценности. И это не значит, что «обособленные странной судьбой от всемирного движения человечества, мы... ничего не восприняли и из преемственных идей человеческого рода»⁴². В современных спорах об общечеловеческих ценностях обнаруживаются следы классической дилеммы. Считается, что общечеловеческое — это идеализация, нечто неосуществимое и не существующее в реальной действительности. Или общечеловеческое представляется как идеал, к которому необходимо стремиться. Но в каждом обществе существуют представления об общечеловеческих ценностях, означенных различными терминами, и в каждом обществе есть потребность приобщиться к ним. Можно согласиться с теми из ученых, кто указанные ценности относит к максимам, которые создаются людьми для того, чтобы жизнь имела цель и обрела смысл⁴³.

Заметим, что ценности создаются конкретной социальной общностью в ходе как индивидуального развития, так и в сотрудничестве с другими народами. В условиях преемственных связей заимствованные ценности никогда не применялись в первоначальном виде. Переработанные в общественном сознании конкретной

---

⁴¹ См.: Чаадаев П. Я. Философические письма // Тарасов Б. Чаадаев. М., 1990. С. 449.

⁴² См.: Чаадаев П. Я. Философические письма. Там же. С. 449.

⁴³ См.: Общество. Культура. Человек (Основы философского анализа) / Общ. ред. Л. Я. Курочкиной. Воронеж, 1993. С. 96.

социальной общности, согласно ее менталитету, преобразованные до неузнаваемости, они только и могли занять свое особое место в системе ценностей менталитета конкретного народа.

Именно ценности выступали основой тех поисков в условиях политических перемен, которые всегда сопровождали развитие общества. На этой основе выстраивались политические идеологии, исходя из особенностей и уровня развития общества, его традиций, «специализации», географического положения, геополитических ситуаций, менталитета социальной общности.

Новая политическая система Российской Федерации, лишенная ряда признанных обществом ценностей, испытывала и в настоящее время испытывает неимоверные трудности в обеспечении средств мобилизации общественных ресурсов на достижение целей и координации усилий членов общества в выполнении задач реформирования. На помощь приходят внутриэтнические процессы, где властвуют субментальные структуры общественного сознания. На этом уровне дестабилизационный период социальные и политические регуляторы в совокупности с правом в широком смысле, моралью, обычаями, ритуалами, религией в состоянии эффективно влиять на изменение системы ценностей и менталитета в целом.

Национальные ценности, составляющие содержание национального самосознания, такие, как национальный язык, традиции, обычаи, доминирующие религии, общность исторической судьбы и, наконец, потребность в национальной государственности, являются неотъемлемой частью менталитета социентальной общности, стимулируют общий процесс обновления национальной жизни народов республик Российской Федерации. Если раньше русский язык был практически единственным языком межнационального общения, и до 90% адыгов признавались в собственном незнании родного языка, после 1993 г. социологические исследования фиксируют изменения в этой сфере. Постепенно становится нормой говорить на адыгейском языке как в обыденной жизни, так и в научных и деловых кругах. Преподавание адыгейского языка в учебных заведениях позволило изучать язык всем, кто желает. Развитие этнополитического процесса подтвердило, что адыги сохранили свою этническую идентичность, обычаи, нормы поведения. С повышением государственно-правового статуса Адыгеи большинство адыгов связывает и вполне осознает повышение этнического статуса адыгов.

Респонденты адыгейской национальности, как свидетельствуют социологические опросы, в большей степени, чем представители других национальностей, проживающих в Адыгее, испытывают гордость в связи с принадлежностью к своему народу,

Анализ ответов на вопросы, в которых представлена информация о ценностных ориентациях, позволяет выявить ряд особенностей сознания респондентов. Испытания, которым подвержены нынешние граждане России, влияют на их психическое, эмоциональное и физическое самочувствие. Наблюдается смещение акцентов в сторону ценностей индивидуалистского, семейного характера, материального благополучия. Несколько отошли на вторые позиции такие ценности, как «личное достоинство», «овладение профессией», «стремление работать на благо общества», «жить честно». Перестала быть популярной идеология: «Один за всех, все за одного».

Не вполне воспринимается такая ценность, как «быть свободным», мало желающих «иметь собственное дело». В то же время на одном из приоритетных мест – «жить честно», «иметь много хороших друзей», «уважение других».

Думается, наиболее отзывчивой на популистские и крайне радикальные программы и позиции выборной кампании 1995 г. была та часть респондентов (более 20%), которая главным стремлением считает необходимость «просто выжить», «иметь много денег», «материальный достаток».

Ценность для респондентов имеют права на труд, защищающие личное достоинство граждан, на свободу убеждений, свободу слова. Непреходящее значение имеют нормы, обеспечивающие равноправие всех перед законом (66,2%)⁴⁴.

Ценности политико-правовые недостаточно глубоко закрепились в общественном сознании. Это связано как с низким уровнем политического сознания, недопониманием важности участия в формировании политико-правового облика общества в доступной населению форме – выборах, так и с политической апатией, атрофией, неверием в эффективность и важность такого участия, отчуждением власти от общества. «Рейтинг политической лексики, являющийся не менее показательным индикатором

---

⁴⁴ Указанные социологические исследования с участием автора по методике кафедры политологии и политического управления Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (рук. В. С. Комаровский).

тором социально-политических ценностей, выглядит следующим образом: «очень» и «пожалуй» нравятся понятия «патриотизм» – 61,6; «демократия» – 43,9; «рыночная экономика» – 41,2; «интернационализм» – 36,5; «социализм» – 29,4; «капитализм» – 19,7; «социал-демократия» – 13,8; «либерализм» – 9,9»⁴⁵.

Имеет место разрыв между идеальным миром ценностей лично для себя, потребностью в них и возможностью реального их воплощения в жизни. Духовный кризис обернулся для части общества потерей жизненных ориентиров. В этих условиях обращает на себя внимание увеличение числа маргиналов. Маргинальность как духовное состояние чаще всего связано с утратой корней духовности, когда люди становятся безразличными к своим и чужим ценностям. Можно констатировать, что маргинальность является порождением процесса падения традиционных ценностей по отношению к политике, результатом непопулярности новых ценностных ориентиров. Опасность этого явления состоит в том, что будучи «человеком на обочине жизни», маргинал может начать войну «против всех». В качестве одной из причин такого состояния индивида является утрата социальной устойчивости, социального статуса, позволявшего ощущать уверенность в завтрашнем дне. Это, как правило, следствие потери работы. Нестабильность дает повод для пессимизма, ожесточения, других негативных настроений.

Еще не приняв новых ценностей, но уже отказываясь от прошлых, в условиях переходного времени, маргинальный человек тяготеет к терминальным ценностям, которые одновременно являются универсальными, общечеловеческими. Это ценности семьи, близких, друзей, нравственности. Осознание значительной частью общества объективности происходящих политических процессов не всегда сопровождается активностью граждан на достижение искомого реформаторами результата. Налицо психологическая непредуготовленность части общества, достаточно быстро переключиться на принципиально иные социально-экономические и политические отношения. Имеет место не только психологическая неготовность. Сдерживающий характер могут приобретать особенности ментальности личности, чуткие к навязыванию чуждых традиций.

В то же время жизнь в обществе, ориентированном на становление рыночных отношений, социально-экономические трудно-

---

⁴⁵ См.: Дробжев А. М. Указ. раб. С. 125.

сти переходного периода, опыт личного политического участия в постсоветский период, несомненно, внесли свои коррективы в структуру сложившейся политической культуры граждан. Это проявляется, прежде всего, в том, что идет переоценка ценностей. Новые политические условия ориентируют общество на движение к новому состоянию, хотя этот процесс идет сложно в связи со сложившимися стереотипами и автоматизмами в поведении и мышлении согласно ментальности, сложившейся политической культурой, стереотипами взаимоотношений общества и государства.

Срединное положение России между Востоком и Западом обусловило соответствующие типы взаимоотношений как внутри страны в различных сферах жизнедеятельности, так и особое место России на мировой арене.

Особое место страны определялось множеством факторов: расколом единой христианской церкви на западную (католичество) и восточную (православие при византийском влиянии), огромными расстояниями, малой плотностью населения, неустроенным бытом и коммуникациями. «Душе» народа в отечественной литературе дано немало определений, характеристик. По мнению Н. Бердяева, душа русского народа сформирована православной церковью, она получила чисто религиозную формацию, вобрала некоторые устойчивые свойства: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, устремленность к трансцендентному, которое относится к вечности, к иному миру, то к будущему, то к этому миру. В силу религиозно-догматического склада своей души русские всегда ортодоксы или еретики, они апокалиптики или нигилисты⁴⁶. Поистине, «есть великие народы..., которые нельзя объяснить нормативными законами нашего разума, но которые таинственно определяет верховная логика провидения: таков именно наш народ...»⁴⁷ В сознании народа государство всегда выступало как категория духовная, объект тщательно поддерживавшегося культа – государственничества. Е. Гайдар указывает на то, что «российское государство всегда насаждало единственную религию – нарциссический культ самого себя, культ «священного государства». Так было и в эпоху официального православия, и в

---

⁴⁶ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 8, 9.

⁴⁷ Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Тарасов Б. Чаадаев. М., 1990. С. 563.

эпоху государственного атеизма⁴⁸. И с этим нельзя не согласиться, поскольку культ государства соответствующим образом отражен в общественном сознании и в целом – в менталитете народа. В условиях трансформации российского общества, как оказалось, невозможно, в одночасье, отказаться от этого стереотипа, глубоко укоренившегося в менталитете российского общества. Это характерно как для российских (населенных русскими) регионов, так и для республик Российской Федерации. Для последних, едва ли, не в большей степени. Однако массовое сознание российских граждан в условиях трансформации общества оказывается перед непреодолимым препятствием, невозможностью воспроизводить вновь и вновь укоренившийся в духовной и политической жизни стереотип. В условиях, когда у нынешних «государственников» нет ни крупномасштабной идеи, ни четкой стратегии государственной политики, безраздельная вера народа в государство в лице современных правителей если еще не пошатнулась, то ввергла в состояние растерянности абсолютное большинство населения. Образовавшаяся ниша, однако, была заполнена. Взоры большинства избирателей были обращены в сторону местной, региональной власти.

Как показывают социологические исследования, проведенные нами, именно органы власти регионов в большей мере «выражают и последовательно отстаивают» в своей деятельности интересы индигенного населения. Уступают политической власти в рейтинге профсоюзы, политические партии, средства массовой информации; третья часть респондентов полагается только на себя.

Показательны данные социологических опросов по этому поводу в отношении федеральной власти. Позиции Президента Российской Федерации, Правительства России, Совета Федерации накануне выборов 1995 г. характеризовались низким рейтингом указанных политических институтов.

Политический и экономический курсы высших органов власти Российской Федерации обернулись недоверием со стороны избирателей властным политическим структурам России. Как подтверждение сказанному – соответствующие позиции респондентов. Треть опрошенных не доверяет «никому». В середине 90-х годов отмечается рост социального негодования по поводу политики российского руководства и, как следствие, имеет место

---

⁴⁸ См. *Гайдар Е.* Государство и эволюция. Там же. С. 197.

ностальгия по прошлому, желание «жесткой руки» власти и наведения «порядка».

В ответ на вопрос: В КАКОЙ МЕРЕ ВЫСШЕЕ РУКОВОДСТВО РОССИИ СПРАВЛЯЕТСЯ СО СВОИМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ? – выявлен достаточно низкий процент респондентов, которые считали, что федеральное руководство «полностью справляется» со своими обязанностями (1–3%); «частично» справляется – 25–30%; не слишком высок процент и тех, кто считает, что политическая власть федерального уровня «совершенно не справляется» – 1–15%.

Ощущение личной и социальной незащищенности частью населения приводит к тому, что при определении качеств, которыми должен обладать депутат республиканских, региональных органов представительной власти, предпочтение отдается морально-этическим качествам. Это, вряд ли, случайность. **Нравственные, этические моменты в деятельности «государственного» человека – это та основа системы ценностей российского менталитета, которая всегда определяла взаимоотношения власти и общества.** Указанное не противоречит не только «православному», но и «восточному» менталитету, мусульманской культуре. Политический лидер, согласно традиционному типу легитимации власти есть, прежде всего, «отец», «судья», «пши» (адыг. т. е. князь), мудрый, щедрый и «храбрый воин», способный защитить простых людей. В то же время мало интересуют такие качества, как дальновидность, служение в интересах избирателей. Избиратели не имеют четкого представления о деятельности представительной власти, «компетентность» понимается как «знание положения дел в округах», «оказание конкретной помощи» и т. п.

Имеет место низкий интерес к деятельности органов центральной власти Российской Федерации. Не менее одной четверти респондентов не интересуется или не информирована об их деятельности.

Динамика современной политической жизни Российской Федерации и данные социологических исследований последних лет указывают на инверсионный характер большинства решений центральной политической власти, усугубляющих проблемы в обществе. Анализ ситуации показывает, что преобразования идут без учета российской специфики, менталитета многонационального общества. Не подтверждают претензий на универсальность западные управленческие модели.

Не случайно, поэтому, политический и экономический курсы высших органов власти Российской Федерации 90-х годов обернулись недоверием со стороны населения властным политическим структурам Российской Федерации. Частично в связи с этим коммунистические партии и блоки, их лидеры выдвигаются в этот период на ведущие рейтинговые позиции. Указанное подтверждают итоги социологических исследований в Тамбовской области. А. Дробжев обращает внимание на то, что население Тамбовской области склонно в гораздо большей степени оценивать ухудшение ситуации в России, чем ухудшения в своей личной жизни. В то же время ожидают изменений в России в лучшую сторону в среднем 31–38%, в худшую – четверть опрошенных ⁴⁹.

В общественном представлении способом направить реформы по нужному пути может выступить так называемая «сильная власть», которая ассоциируется в сознании респондентов со стабильной позицией политической власти в регионах России ⁵⁰.

Неупорядоченность идей, взглядов, мнений на предмет развития государства, имеющих место в обществе и властных структурах России, – от либерально-модернистских до этатистских концепций, которыми пытаются воспользоваться современные политики и, главное, – отсутствие политической стратегии власти федерального уровня (какое государство строить – либеральное демократическое или сохранить имидж сверхдержавы и ее военного могущества), не способствует общественной стабильности и сплочению, единению общества. Традиционная потребность видеть в государстве силу и мощь, покровителя и защитника, зафиксированная в менталитете, реализуется на региональном уровне в виде переключения внимания на политическую власть субъектов Российской Федерации, которая доступными средствами обеспечивает оптимальное для условий кризиса функционирование всех сфер жизнедеятельности на местном, региональном уровне. В то же время надежды на то, что

---

⁴⁹ См.: Дробжев А. Указ. раб. С. 122, 123.

⁵⁰ Аналогичные результаты получены в ходе социологических исследований в других регионах. См. также социологические исследования Северо-Осетинского института гуманитарных исследований и Института этнологии и антропологии РАН в мае 1992 г. в Северной Осетии (Рук. Л. М. Дробжова) // Северная Осетия: Этнополитические процессы. 1990–1994 гг. Очерки. Документы. Хроника. Т. 3. С. 14–35.

местные власти как-то улучшат положение, тают. На вопрос: НА ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ, ОБРАЩАЮТ ВНИМАНИЕ РУКОВОДИТЕЛИ ВАШЕГО ГОРОДА, РАЙОНА? – ответы распределились следующим образом (в порядке убывания положительных значений): свои личные интересы – 51,6%, интересы большинства населения – 9,8%, интересы своей политической группы – 7,7%, интересы всего населения – 6,6%, интересы только части населения – 3,8%, затруднилась ответить – пятая часть опрошенных.

В условиях деструктивного состояния всей государственно-политической структуры, нестабильности и жесткого противостояния в сфере государственного управления человек постоянно сталкивается с противоречиями реформирующегося общества: появление больших возможностей, с одной стороны, и трудности их реализации – с другой. В то же время в обществе уже выделяется особая группа с «рыночными» ориентирами. Ее члены отличаются тем, что готовы к напряженной работе, к риску, к переменам, в большей мере ориентированы на творческую деятельность и обладают социальным оптимизмом. Процент людей с «рыночными» ориентирами больше в группах молодежи и лиц с высоким уровнем образования и квалификации. Важной чертой, определяющей динамику трансформации социальной структуры в постсоветской России является *формирование слоя предпринимателей*. Исследователи выделяют несколько групп, отличающихся по характеру генезиса: предприниматели – выходцы из прежней номенклатуры; ведущие свое происхождение от «теневой экономики», использующие накопленные криминальным путем капиталы; пришедшие в частный бизнес из науки, армии, торговли и т. п.; эмигранты; владельцы фермерских хозяйств и др.⁵¹ Жизнь в обществе, ориентированном на создание рыночной экономики, вносит свои коррективы в **«психологическую вооруженность индивидов»**, идет **переоценка ценностей**, **изменяется социальная мобильность**. Многие добровольно или вынужденно меняют свои социальные роли, профессию, социальный статус. Социальный статус и мобильность все в меньшей степени зависят от социальных характери-

---

⁵¹ Рукавишников В. О. Социология переходного периода (закономерности и динамика изменений социальной структуры и массовой психологии в посткоммунистической России и Восточноевропейских странах) // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 27, 28.

стик местные власти как-то улучшат положение, тают. На вопрос: НА ЧТО, НА ВАШ ВЗГЛЯД, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ, ОБРАЩАЮТ ВНИМАНИЕ РУКОВОДИТЕЛИ ВАШЕГО ГОРОДА, РАЙОНА? – ответы распределились следующим образом (в порядке убывания положительных значений): свои личные интересы – 51,6%, интересы большинства населения – 9,8%, интересы своей политической группы – 7,7%, интересы всего населения – 6,6%, интересы только части населения – 3,8%, затруднилась ответить – пятая часть опрошенных.

В условиях деструктивного состояния всей государственно-политической структуры, нестабильности и жесткого противостояния в сфере государственного управления человек постоянно сталкивается с противоречиями реформирующегося общества: появление больших возможностей, с одной стороны, и трудности их реализации – с другой. В то же время в обществе уже выделяется особая группа с «рыночными» ориентирами. Ее члены отличаются тем, что готовы к напряженной работе, к риску, к переменам, в большей мере ориентированы на творческую деятельность и обладают социальным оптимизмом. Процент людей с «рыночными» ориентирами больше в группах молодежи и лиц с высоким уровнем образования и квалификации. Важной чертой, определяющей динамику трансформации социальной структуры в постсоветской России является *формирование слоя предпринимателей*. Исследователи выделяют несколько групп, отличающихся по характеру генезиса: предприниматели – выходцы из прежней номенклатуры; ведущие свое происхождение от «теневой экономики», использующие накопленные криминальным путем капиталы; пришедшие в частный бизнес из науки, армии, торговли и т. п.; эмигранты; владельцы фермерских хозяйств и др.⁵² Жизнь в обществе, ориентированном на создание рыночной экономики, вносит свои коррективы в **«психологическую вооруженность индивидов»**, идет **переоценка ценностей**, **изменяется социальная мобильность**. Многие добровольно или вынужденно меняют свои социальные роли, профессию, социальный статус. Социальный статус и мобильность все в меньшей степени зависят от социальных характери-

---

⁵² Рукавишников В. О. Социология переходного периода (закономерности и динамика изменений социальной структуры и массовой психологии в посткоммунистической России и Восточноевропейских странах) // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 27, 28.

стик семьи и в большей мере определяется личностными качествами и образованием индивида. Представляется возможным также говорить об энергичной перегруппировке и социальной мобильности слоев, которые ранее принадлежали к политической, экономической, военной элите, об умелом приспособлении к новым политическим и экономическим реалиям. Нельзя не заметить, однако, что эти процессы по-разному идут на территории Российской Федерации, в частности, в российской глубинке и в республиках Северного Кавказа или в городах-мегаполисах. Менталитет жителей Кавказа, не только коренных, но и казаков, представителей разных национальностей, живущих столетиями на одной территории, более «податлив» к рыночным нововведениям. Жители этого региона традиционно предприимчивы и мобильны и, не испытывая больших психологических перегрузок, трудоспособное население находит выход из трудного положения. Кто за счет работы на дачном или приусадебном участке, кто – торговли, кто – дополнительной работы.

Процесс культивирования новых ценностей предполагает соответствующее политическое регулирование, которое обеспечивало бы «подвижность», «податливость» менталитета к изменению в соответствии с требованиями жизни.

3.4. Роль менталитета в становлении современного гражданского общества как важнейшего условия обеспечения единства народов Российской Федерации

Абстрактная рациональность гражданского общества, как известно, находит выражение в праве, в конституционном контроле государства, а его конкретная рациональность – в законодательной власти как представительной демократии.

Гражданское общество России с его в целом тоталитарной политической культурой под воздействием новых общественно-политических условий совершенствуется как самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система. Вместе с тем, опыт ряда стран свидетельствует, что оно может функционировать и развиваться успешнее, если создаются для этого благоприятные условия. Через государство – путем принятия необходимых законов, создания нормативной базы для формирования демократических государственных структур. Вопреки государству – путем

образования в рамках конституции противовеса государству в виде независимых общественных организаций и средств массовой информации, массовых демократических общественных движений⁵³.

Наряду с указанным, следует подчеркнуть, что процессы в постсоветском обществе Российской Федерации идут неоднозначно. Восприятие гражданским обществом новых веяний, демократической политической культуры обуславливается рядом обстоятельств. Отказ от прежней господствующей идеологии, ряд деструктивных факторов, о которых упоминалось выше, негативно влияющих на общество, способствовало выдвигению на первый план этнических взаимодействий. Преобразования в современном российском обществе требуют теоретического осмысления этнополитических процессов. Этнические связи и национальные объединения начинают восприниматься как «единственная подлинная и естественная форма организации»⁵⁴. В современном медиа-опосредованном политическом восприятии государственность воспринимается как критерий этнической состоятельности, критерий «качества народа», и элита стремится быть достойной этому «историческому вызову». Отсутствие государственности есть проекция определенной этнической судьбы – постепенного растворения этнической идентичности в гражданской (то есть для меньшинств – инонациональной).

Субъектность этноса, народа, его влияние на процессы в политической сфере российского общества в 90-х годах актуализирует социологический и политологический аспекты изучения социально-этнических общностей⁵⁵. Важность изучения проблем, связанных с развитием этнополитических процессов в современном обществе Российской Федерации диктуется также соображениями практического порядка, ибо непосредственно связана с решением задач утверждения федерализма в Российской Федерации и развития гражданского общества.

---

⁵³ См.: *Варывдин В. А.* Гражданское общество // Социально-политический журнал. 1992. № 8. С. 28–29.

⁵⁴ *Цуциев А. А.* Некоторые предпосылки и факторы осетино-ингушского конфликта // Северная Осетия. Этнополитические процессы. 1990–1994. Очерки. Документы. Хроника. М., 1995. С. 42.

⁵⁵ См.: *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983; *Денисова Г. С.* Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. Ростов на/Д, 1996; *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1968; *Тишков В. А.* Советская этнография: преодоление кризиса // ЭО. 1992. № 1.

Данные социологических исследований, проведенных в различных регионах Российской Федерации, убеждают, что насильственное внедрение в общество «универсальных» западных ценностей в ходе становления новой политической системы и политической культуры российского общества обострило интерес этнических общностей к собственной уникальной этнической культуре. Выражение этнической субъективности происходит в виде форм самоорганизации и самоуправления.

Возможные тенденции в становлении современного гражданского общества, на наш взгляд, могут быть следующими: дальнейшая «атомизация» общества в целом в условиях «регионализации» политики при отсутствии целенаправленной, регулирующей роли федерального центра общественно-политических процессов в целом; как следствие первого, – «латентный» или «спонтанный» национализм, «заявленный» и «институционализированный этнонационализм»⁵⁶, дискриминация «нетитульных» групп населения, культурно-идеологическое давление с пассивной или активной ролью политических структур и элит и т. п.; дальнейшая суверенизация, сепаратизация, самоуправное отвоевывание у Центра все новых прав субъектами Российской Федерации⁵⁷; развитие гражданского общества согласно Конституции Российской Федерации, Федеративному договору, Концепции Государственной национальной политики Российской Федерации, постепенное движение гражданского общества к такому состоянию, чтобы оно постепенно приобретало характеристики, определяющие современное содержание понятия «гражданское общество» и понимаемое западной политологией как сфера социального ассоциирования и интегрирования, где происходит посредничество между индивидами и группами, между группами и социальными институтами, между социальными, экономическими и политическими институтами; сферы, в которой формируется социальная идентичность и новые стили жизни; сферы формирования общественного мнения и вытекающих из него конфликтов; сферы, которой свойственна диверсифицированность, если не расколотость; сферы, первоначально

---

⁵⁶ См.: Цуциев А. А. Указ. раб. С. 43.

⁵⁷ См.: Абдулатипов Р. Г. Федеративный договор и перспективы развития межнациональных отношений // Федеративный договор и межнациональная интеграция России. М., 1993. С. 18.

связанной только с государством, но затем также с транснациональной экономической системой и – во все большей мере – с домом, семьей, повседневной жизнью; сферы, имеющей существенные связи с демократическими системами как условие их существования и развития⁵⁸.

По сути, это признаки, отличающие общество «открытого» типа от «закрытого» общества. Здесь уместно привести высказывание К. Поппера: «...если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь в открытое общество... Мы должны продолжать двигаться в неизвестность, неопределенность и опасность, используя имеющийся у нас разум, чтобы планировать, насколько возможно, нашу безопасность и одновременно нашу свободу»⁵⁹.

Очевидно, что свободное развитие гражданского общества возможно при благоприятном, гармоническом взаимодействии государства и гражданского общества, при наличии вертикальных и горизонтальных структур управления в государстве и гражданском обществе и соответствующем правовом обеспечении этого взаимодействия.

Рассматривая в качестве признаков гражданского общества наличие свободных собственников средств производства и демократической системы власти, мы тем самым выявляем вопрос о том, каков механизм взаимодействия структур гражданского общества и политической власти⁶⁰; что может способствовать гармонизации их отношений, а, следовательно, и стабилизации политической системы.

Таким механизмом, объединяющим политическое и неполитическое, может выступить соответствующая политика. М. Вебер, характеризуя политику, отмечал, что она «оперирует при помощи специфического средства – власти, за которой стоит насилие». В условиях «открытой» политической системы речь может идти о легитимном насилии, основанном на праве, а также ответственности и государства, и гражданского общества. В нашем образе жизни между законами государства, с одной стороны, и табу, которые мы привычно соблюдаем, – с другой, существует постоянно расширяющаяся область личных решений с ее

---

⁵⁸ См.: *Сейлс А.* Частная сфера, государственная сфера и гражданское общество // Гражданское общество. Реф. сб. Там же. С. 65.

⁵⁹ *Поппер К.* Открытое общество и его враги. В 2-х т. М., 1992. Т. 1. С. 248.

⁶⁰ См.: *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 694.).

проблемами и ответственностью. Возможность рациональной рефлексии по поводу встающих перед человеком проблем – вот что составляет коренное различие двух типов общества – «открытого» и «закрытого»⁶¹. Это бесспорно постольку, поскольку, говоря словами К. Поппера, «индивидуальная инициатива и самоутверждение стали фактом»⁶².

Потенциал для этого есть. С началом демократизации всех сфер жизни России в конце 80-х годов, в полной мере проявилась острая неудовлетворенность не только представителей коренных наций и народов сложившимися отношениями абстрактной солидарности. Например, потребность в более сильном чувстве национальной идентичности и принадлежности была реализована в движении общественности за повышение статуса бывших автономий РСФСР.

Развитие этнополитической ситуации в начале 90-х годов в условиях неумело проводимой федеральным центром модернизации, преодоления унаследованного от тоталитарного прошлого отстранения народов от участия в формировании национальной политики, адекватной их реальным потребностям и возможностям, во многом определялось, и в настоящее время определяется, успешным использованием политической властью, например, Республики Адыгея ряда позитивных факторов. Один из них непосредственно связан с менталитетом социентальной общности республики и может быть назван фактором межнациональной толерантности. Ориентация на «разумную, взвешенную позицию большинства народов, общественных организаций и национальных движений Адыгеи» в процессе преобразований, тесное взаимодействие государственных органов и различных общественных организаций и движений в согласовании интересов во избежание конфликтных ситуаций способствовало выбору оптимальных вариантов политических решений, «восстановлению этнической целостности, сохранению культуры, языка, традиций быта» адыгов и обеспечению равных прав и возможностей всех народов в удовлетворении культурных запросов и потребностей⁶³.

---

⁶¹ Поппер К. Указ. раб. С. 217, 218.

⁶² Поппер К. Там же. С. 236.

⁶³ См.: Джаримов А. А. Нам удастся сохранить политическую стабильность и межнациональное согласие // Этнополитический вестник. 1996. № 6. С. 26; Джаримов А. А. Услышать голос мудрости и разума // Становление государственности Адыгеи / Общ. ред. М. Н. Губогло. М., 1997.

Часть населения (в основном адыги) изначально поддерживала идею повышения статуса Адыгеи и видела в процессе становления государственности возможность реализовать право адыгейского народа на самоопределение. Наряду с лояльными настроениями, в полной мере заявили о себе те, кто пытался оказывать давление на политическую власть в целях ускорить события, связанные с оформлением государственности Адыгеи. К их числу относятся, прежде всего, представители «Комитета 40», часть представителей «Адыгэ хасэ».

Другие (в основном русскоязычная часть общества) более или менее настороженно относились к идее повышения статуса Адыгеи, принятия Конституции Республики. Интересы этой части населения представляли, в основном, Союз славян Адыгеи, казачество, лидеры республиканской организации КП РФ.

При всей сложности продвижения общества по пути укрепления государственности, благодаря совместным усилиям общественных объединений, общества в целом и государства, согласованию интересов, поиску компромиссов с обеих сторон, а также соответствующему государственному (политическому) регулированию деятельности общественных объединений, удалось избежать противостояния, сохранить стабильность в социально-политической сфере.

Гражданское общество в той или иной степени, в зависимости от развитости его институтов, политических традиций, политической культуры, национального характера и ментальности социума, соответственно воздействует на государство с целью создания и поддержки в обществе основных базисных социальных ценностей: свобод, прав, экономической независимости человека. Стало быть, развитие и укрепление гражданского общества ведет к ограничению политической власти и создает предпосылки ее демократизации. Анализ предпосылок и условий высокого уровня экономики, демократии, социальной защищенности, духовной жизни в развитых странах показывает, что в основе этих успехов – высокая активность граждан их добровольных объединений – экономических, социально-политических, творческих и других.

Как представляется, в условиях трансформации российского общества главной целью государства и гражданского общества должна быть устремленность сохранить целостность Российской Федерации.

Р. Г. Абдулатипов указывает на существующие различные мнения о путях достижения целостности Российской Федерации: 1) унитаристско-державная точка зрения, согласно которой национально-государственный кризис можно преодолеть путем усиления центра, восстановления унитаризма государства; 2) согласно либерально-демократической концепции, кризис СССР и России – закономерный процесс распада империи; 3) истинно демократическая, федеративная концепция, которая легла в основу Федеративного договора. Какая из точек зрения или концепций возобладает, зависит от многих факторов и, прежде всего, эффективного политического регулирования в этой сфере, учитывающего историческое своеобразие России, которая «возникла, росла и укреплялась одновременно и как государство русских, и живущих в ней народов»⁶⁴. Ни царская Россия, ни СССР, по убеждению Р. Г. Абдулатипова, не были империями в классическом, чистом виде. Россия никогда не знала государственно-правовой, экономической, культурной пропасти, которая всегда разделяла в западных империях колонии и метрополию, рецепты, скопированные в США и Германии, нам не помогут. У нас другие исторические, культурные, духовные гены, другие социально-политические традиции.

В России исторически сложился стереотип мышления о преимущественных интересах государства, отождествления общества и государства, о чем было сказано выше. Но изменения в общественном сознании неизбежны, и эти изменения уже начались. Они проявляются, прежде всего, в иных подходах к рассмотрению роли гражданского общества. Другой признак – становление правового государства, которое призвано изменить представления о месте и роли личности, соотношении общего и индивидуального интересов, преодолеть патерналистское отношение государства к личности, отношение к собственности.

Необходима отработка механизма фиксации в сознании людей проблемы прав человека. Это проблема правовой и политической культуры. Пока же люди не знают и не хотят знать своих прав, не имеют понятия о механизме их защиты, не верят суду, милиции. В правовом государстве человек должен быть готов к защите своих прав. Но в традиционной правовой куль-

---

⁶⁴ *Абдулатипов Р. Г. Федеративный договор и перспективы развития межнациональных отношений // Федеративный договор и межнациональная интеграция России. М., 1993. С. 12, 13, 14.*

туре российского общества, **его менталитете** это пока фиксируется слабо. В условиях трансформации общества неизбежно возникают вопросы о правах не только личности, но и целых народов и субъектов Российской Федерации. Современный этап развития гражданского общества характеризуется все большей актуализацией его национальных аспектов. Научная и публицистическая литература пестрит дефинициями о современном и будущем национально-государственном устройстве Российской Федерации. Несомненно, однако, что это устройство самым непосредственным образом будет детерминировано многими факторами и, прежде всего, этнополитическими особенностями субъектов Федерации, менталитетом социальных общностей, их культурой, традициями. «Нельзя было и далее искусственно тормозить, сдерживать естественное и прогрессивное по своей сути стремление населяющих Россию народов к национальному возрождению и свободному национальному развитию»⁶⁵.

Попытка «перекроить» конституции половины субъектов Федерации накануне региональных выборов глав республик в 1996–1997 гг. – думается, *не самое мудрое сиюминутное решение чиновников федерального Центра*. Желание изменением конституций субъектов переломить ход и итоги предстоявших выборов ради избрания «своих», «угодных» некоторых из российских политиков вызвало негативную реакцию со стороны многонационального населения и власти субъектов Российской Федерации, поскольку любое давление, насилие в период повышенной политизации массового сознания могли дестабилизировать ситуацию в регионах.

В данном случае был найден оптимальный выход. Власти регионов выдержали испытание и продолжали действовать на основе принятых в республиках конституциях. Путь давления и диктата неизбежно расколол бы общество республик, на «русскоязычных» и «нерусских».

Вопросы национальных отношений, диалектики интернационального и национального, роли национальных традиций, менталитета социальных общностей в укреплении стабильности общества применительно к современному этапу развития Российской Федерации изучаются недостаточно. Требуется проработки проблема многоаспектного влияния народных тради-

---

⁶⁵ Абдулатипов Р. Г. Федеративный договор и перспективы развития межнациональных отношений. Там же. С. 13.

ций и в целом культуры и менталитета социума на формирование политики в условиях общественных перемен.

В то же время общество не может обойтись без отлаженного механизма адаптации, соответствующего современному состоянию общества, его политической системе. В условиях общественных перемен не только разрушается старое, отжившее, но и создается новое, обеспечивающее поступательное продвижение общества по пути реформ, требующее разумного вмешательства государства в этот процесс.

Одна из важнейших проблем сегодня – найти приемлемую формулу нового государства и научиться управлять многоэтническим обществом, обеспечить надежными правовыми механизмами самоуправления формирующееся гражданское общество. Несомненно, решение этой задачи невозможно без разграничения полномочности, политической, правовой, экономической зрелости субъектов Российской Федерации. В связи с этим представляется половинчатым решение проблемы самоопределения народов на основе только национально-культурной автономии. Эту идею сегодня поддерживают ряд российских ученых, такова позиция многих современных политических деятелей⁶⁶. Строительство общероссийской гражданской общности и культивирование чувства принадлежности к общности россиян не исключает, а неизменно включает в себя уважение и поддержку запросов и прав российских национальностей как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Это прежде всего – равноправное политическое представительство и доступ к ресурсам, свободное развитие этнических культур, языков, образа жизни, право на контроль за средой обитания и на выбор систем хозяйствования и общественного управления.

Следует иметь в виду, что, во-первых, динамичная общественная жизнь всегда опережает развитие стабильных политико-правовых институтов, поэтому важно со стороны государства поддерживать прогрессивные процессы в этой среде. Во-вторых, в современном мире не упрощается, а усложняется распределение политико-властных отношений в обществе в целях повышения эффективности правового регулирования этих отношений.

---

⁶⁶ См., к примеру: Бессонов Б. Российская цивилизация. Там же. С. 447; Печенев В. Существует ли в Российской Федерации национальная и региональная политика? Какой ей быть? Майкоп, 1995.

Высокая активность граждан и добровольных объединений возможна при соответствующих политических условиях и правовой защищенности граждан. Высвобождение российского общества из-под прессинга тоталитарного режима, с одной стороны, создало условия для повышения деловой активности граждан и создаваемых ими негосударственных структур, с другой – сложившиеся социально-политические условия, уровень политической культуры общества, его традиции и особенности мировосприятия народа, менталитет накладывают отпечаток на протекание процессов в гражданском обществе в переходный период. Кроме того, социально-психологическая неготовность большинства общества к переменам тормозит многие благие начинания.

Рассматривая проблему формирования современного гражданского общества и его роль в консолидации многонационального населения и, учитывая специфику Российской Федерации, безусловно, необходимо выделять национально-этническую составляющую в его общей характеристике.

Гражданское общество в той или иной степени, в зависимости от развитости его институтов, политических традиций, политической культуры, национального характера и ментальности социума, религиозного синкретизма соответственно воздействует на государство с целью создания и поддержки в обществе основных базисных социальных ценностей: свобод, прав, экономической независимости человека.

В то же время, сложившиеся образ и стиль жизни неуклонно входят в противоречие с изменяющейся системой ценностей. В связи с этим учет культурного контекста общественных преобразований становится решающим условием успешности социально-политических нововведений. Вопрос о политической культуре выступает в данном случае как вопрос о наследии, о традициях, в прямых или превращенных формах оказывающих действие на политику. В то же время, это вопрос об общих жизнеориентирующих смыслах и ценностях, об идеологии, то есть систематизированной совокупности взглядов, идей, способных оценить действенность и поддающихся восприятию обществом с соответствующим типом политической культуры и типом ментальности. Отправным моментом любых политических преобразований, в связи с этим, может быть особая шкала абсолютных и объективных ценностей, что составляет реальный фундамент любой национальной культуры, является источником политического здоровья нации, народа. Чрезвычайно важную

роль при этом играют условия, обеспечивающие автономное самоопределение наций относительно фундаментальных ценностей культуры. Такие условия, которые способны обеспечить историческую преемственность, естественное самодвижение, саморазвитие общества, а значит, и наиболее полную реализацию общественно-политического потенциала социальной общности.

Как показывает опыт становления государственности ряда республик в составе Российской Федерации, стабильное, органичное развитие обеспечивается не отказом от прошлого, от традиций, а обновлением традиций, адаптацией общества к новым условиям. В данном случае должны быть учтены не только духовные, но и материальные особенности развития социальной общности, географическое положение, геополитическая ситуация. Что, в конечном итоге, обеспечивает повышение роли гражданского общества в политической системе оказывает, позитивное влияние на процессы политической социализации граждан, способствует формированию демократической политической культуры.

Не менее важный вопрос в данном случае – тезаурус политической культуры самой власти, политической элиты, способной определять стратегические приоритеты народа.

Актуализация национальных аспектов в развитии гражданского общества ряда республик в составе Российской Федерации находит в настоящее время в деятельности организационно укрепляющихся общественно-политических объединений, в основе которых лежат идеи национального возрождения и самосохранения. Многие из таких организаций стали носителями новых консолидирующих принципов, апеллирующих не к политическому сознанию граждан, а к историческим, этнонациональным интересам.

Нормативно-правовое и политическое регулирование деятельности общественных объединений республик, а также самоорганизация, естественная для общественных объединений, способны внести, как показывает практика, весомый вклад в дело политической социализации, в той или иной степени оказывают влияние на развитие политического сознания, политической культуры граждан.

Переходный характер развития современного общества в полной мере определяет особенности становления общественных, негосударственных, объединений и характер их участия в политическом процессе. Прежде всего, это сформировавшиеся в

период социализма воззрения на власть, этатистские и патерналистские ориентации, коллективистские тенденции с ориентацией на механическое копирование предложенных человеку форм социального поведения. Партии еще не стали формой адекватного выражения социальных и политических интересов. Пока не преодолено отчуждение власти от общества, формирование политической элиты происходит в условиях неразвитости институтов гражданского общества. Их развитие заторможено в связи с пока еще большей зависимостью гражданского общества от государства. Эта зависимость усиливается в условиях острой потребности в социальной защите больших слоев малоимущего населения. В то же время известна масса народных инициатив, прежде всего, в области национально-культурного развития народов в современных условиях. Часть из объединений граждан национально-культурной направленности нередко преобразовывается в общественно-политические объединения, принимает участие в строительстве государственности молодых республик в составе Российской Федерации. **Менталитет и формы трансляции менталитета в рамках развивающегося политического процесса в современной России могут способствовать упорядочиванию позитивного опыта.** Человек или социальная общность, обладающая определенным менталитетом, в условиях трансформации общества неизбежно задается вопросами самосохранения и развития, а значит, планирования своего существования, нацелена на осуществление действия. Эти действия достигают позитивных результатов, если государством создаются для этого соответствующие условия, способствующие развитию инициативы граждан, предпринимательства, созданию необходимых институтов гражданского общества, развитию самоуправленческих начал в экономической сфере, в политике.

В демократическом обществе законна и оправдана только власть народа (народовластие), что находит отражение в большинстве конституций. Граждане могут осуществлять самоуправленческие функции и соответствующую власть в социальных ячейках. Все граждане конституируют представительные органы государственной власти на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права. Народ непосредственно решает государственные дела путем участия в референдумах, во всенародных (публичных) обсуждениях проектов законов, а также посредством политических объединений, прежде всего, партий.

Легитимность власти обеспечивается благодаря сложным социальным процессам, на которые влияют факторы материального и духовно-нравственного порядка. Г. Ферреро полагал, что власть идет сверху. Легитимность возникает снизу. Власть не превращается в легитимную иначе, чем посредством согласия, активного или пассивного, тех, кто затем подчиняется»⁶⁷. Процесс легитимации власти осуществляется по-своему в каждом конкретном обществе, обуславливается ментальностью его членов. Чтобы уловить связь ментальности и легитимации предстоит изучить природу политической власти. Последнее не может быть успешным, если рассматривать власть в отрыве от того ее понимания, которое господствует в обществе в данный период, притом не только на уровне интеллектуальной элиты, но и на уровне широких, «необразованных» масс. При этом **неизбежен поиск ответа на вопрос о том, как политическая воля лидера «пересеклась» с подземными течениями «коллективного сознания», каковы национальный образ мира, традиционное понимание власти, политического, государства, степень религиозности населения и исповедуемые религии, верования, столетиями сохранявшие свою власть над умами масс людей, ибо ментальности изменяются чрезвычайно медленно.**

Говоря об отношении народа к государственной власти, нельзя не вспомнить гегелевский тезис о том, что государства создаются объективно органическим путем, что они не есть скороспелый плод полюбовных соглашений или сделок между политическими силами, что в государственной сфере всякие изменения должны быть исторически подготовленными, осторожными, хорошо проверенными. Все это является неременным основанием и условием легитимности власти, т. е. ее положительной оценки населением, обладающим определенным менталитетом, которое признает право власти управлять и соглашается ей подчиняться. Нелегитимность власти часто оборачивается принятием непопулярных законов, принуждение к исполнению которых предполагает физическое насилие и, как следствие, растущую в обществе напряженность. При этом, следует иметь в виду пределы вмешательства законодательной власти в общественную жизнь. Если закон вторгается в глубинные пласты социальной жизни гражданского общества, происходит разрушение существующих социальных структур,

---

⁶⁷ Цит. по кн.: Политология вчера и сегодня. М., 1992. Вып. 4. С. 220.

предполагающих свободный выбор, инициативу и самодеятельность людей. Таким образом, в процессе функционирования власти в лице органов управления участвуют государство и гражданское общество. Самоуправление в негосударственных структурах, если для этого создаются соответствующие условия, – это путь к политической эмансипации гражданского общества, гарантия против огосударствления его структур. В результате образуется единая, непротиворечивая система властеотношений на территории определенного государства и общества.

Для обеспечения гармоничного развития политической системы в правовом государстве целесообразно распределение политической власти как по вертикали, так и по горизонтали. В тоталитарном государстве, где в системе власти государство противопоставляется обществу, происходит бюрократическая сверхцентрализация власти. Необходимо подчеркнуть, что правовое государство не может позволить себе как абсолютной централизации, так и чрезмерной децентрализации власти. В условиях децентрализованного сверх меры государства закон не действует в своей инструментальной роли и ничего не стоит, ибо ему перестают подчиняться. Когда проблемы властеотношений решаются путем децентрализации, дробления, общество подстерегает анархия. Чтобы обеспечить верховенство права и закона, необходима определенная мера централизации властных структур в государстве и обществе.

Для современной демократической схемы формирования систем власти России характерно то, что народ выступает зачастую не как активно действующая сила, а лишь как осуждающая или одобряющая инстанция, своеобразный арбитр между политическими силами. Народ лишь меняет своих представителей в органах власти.

Как гарантия против авторитаризма, бюрократизации управления обществом выдвигается схема властеотношений, выработанная западной демократией. Однако на базе данной схемы зачастую достигается лишь видимое демократическое благополучие, но не решаются фундаментальные вопросы политического, экономического, духовного бытия народа, как не оправдались надежды реформаторов начала 90-х годов на «полуавтоматическое» решение проблем социально-политического и психологического характера, которые обеспечили бы реализацию неолберально-монетаристской модели реформирования российской экономики. **Внутренняя обусловленность менталитета рос-**

сийского общества к самосохранению, консервативность стали препятствием на пути ускоренного внедрения на российскую почву чуждых ему ценностей. Не всегда приемлемы такие способы решения социально-политических проблем, с помощью которых лозунги раскрепощения народных сил ведут к разгулу политических клик, экстремизму, маргинализации отдельных слоев населения в связи с утратой индивидами своей идентификации с определенными социальными общностями. Массовая маргинализация препятствует развитию институтов гражданского общества, психологически маргиналы более склонны к поддержке политических лидеров авторитарного типа. Темп и характер изменений политической, экономической системы зависит от этнокультурных, конкретно-исторических, политических, структурно-экономических условий конкретной страны, от того, насколько средства и методы, предлагаемые для решения задач реформирования, созвучны менталитету общества, или, насколько воспринятые через призму ментальности новые ценности, нашли отражение в виде убеждений, установок в массовой психологии.

Само правовое поле государственного устройства и гражданского общества России не обладает еще необходимой четкостью, чтобы способствовать развитию, например, контроля над властью со стороны общественности. Имеет место правовая безграмотность, низкий уровень правовой культуры большинства представителей различных социальных слоев и групп. Культура труда на российских предприятиях во многом определяется ценностями тейлоризма. Формировавшаяся десятилетиями система управленческого мышления противоречит современной идее партнерства управленцев и подчиненных. Требуют серьезного исследования проблемы создания реальных механизмов защиты прав человека, изменения характера государственного регулирования в различных сферах общества, свободы деятельности нарождающихся рыночных субъектов, структурирования государственно-правовых институтов в условиях действия принципа разделения властей и др.

В изучении функционирования гражданского общества, думается, разгадка многих нерешенных вопросов политики, политического управления, эффективности политических решений.

Высокая активность граждан и добровольных объединений возможна при соответствующих политических условиях и правовой защищенности граждан. Обращаясь к идеям В. Соловьева, напомним, что не следует относиться к народу как к политиче-

скому, гражданскому и культурному несовершеннолетнему, не пристало и заниматься народопоклонничеством. «Народ надо двигать к идеалу общежития»⁶⁸, просвещать, опираясь на то, что мы сегодня называем менталитетом народа.

С одной стороны, только сильная власть способна развивать общество. С другой – развитое и зрелое гражданское общество способно обеспечить эффективность современных систем самоуправления, политического соучастия граждан. Гармонизации таких отношений способствует система права в широком смысле. Именно благодаря праву и учитывая субменталитеты социентальных общностей страны, возможно минимизировать произвол государства по отношению к гражданскому обществу и предоставить широкие возможности для его развития. В условиях все усложняющихся систем человеческого общества непреходящее значение приобретает адекватное развитие правовой системы. Именно в гражданском обществе, согласно его менталитету, закладываются перво-кирпичики фундамента правового механизма, начиная с табу и обычаев, традиций. И от того, насколько сложившийся механизм совершенен и приемлем современному состоянию общества и государства, насколько гармонично и сбалансированно развиваются отношения «гражданское общество – государство», зависит развитие общества и личности, ее социальный статус, возможность реализовать свой потенциал. Иными словами, степень совершенства правовой системы и ее действенности – показатель зрелости гражданского общества, уровня его политической и правовой культуры, залог гармонизации отношений «общество – государство». Сегодня важно «возвратить человека самому себе., возродить его собственное достоинство и тогда... с готовым материалом» можно приступить к делу⁶⁹.

Государственность России и составляющих ее субъектов должна строиться на общегражданской основе, учитывая этническую мозаику страны и специфику культурного облика населения ее отдельных территорий. Путь к современной демократии (без чего не может состояться гражданское общество в современном

---

⁶⁸ См.: Соловьев В. Соч. в 2-х т. М., 1989. Т. 2. С. 287; См. также: Спирidonova В. А. Государство и национальная ментальность (Очерк русской мысли конца XIX – начала XX вв.) СПб., 1992. С. 36–49.

⁶⁹ Достоевский Ф. М. Скверный анекдот // Избранные сочинения в 12-ти томах. Т. 2. С. 354.

его понимании) – это путь многообразного и разнородного самоуправления, приобретения людьми реалистических взглядов на политику и общество, минимизации воздействий на граждан государственной власти. Это решение коренных вопросов современного социально-политического развития, связанных с механизмами выявления, оформления и реализации интересов граждан и народов в политической (общественно-политические организации, движения за соблюдение политических прав и свобод граждан), социально-экономической и духовной (наличие свободы мысли, совести, слова, возможность творчества, научной деятельности, развитие культуры, народных традиций, этнокультурные организации и т. п.) сферах. В конечном итоге, все это с большой долей вероятности обеспечивает стабильность и целостность Российской Федерации.

Подводя некоторый итог, представляется возможным подчеркнуть следующее. Политический процесс в современной России во многом обуславливается менталитетом общества. Менталитет как «картина мира», присутствующая в сознании человека, связанная с образом жизни, культурой, традициями, языком, формой религиозности, психологией людей, способствует тому, что индивиды, специфично воспринимая и перерабатывая новую информацию, адаптируются к новой реальности успешнее, если для этого создаются условия посредством политического регулирования. Менталитет российского общества в целом и субменталитеты социентальных общностей субъектов Российской Федерации в условиях трансформации общества выступают, с одной стороны, в качестве «консервативного» фактора, тормозящего развитие политических процессов в связи с неготовностью к переменам большей части российского общества. В то же время менталитет с его способностью к изменению, может стать фактором, способным оптимизировать политический процесс в условиях трансформации общества.

В целях развития позитивных тенденций, рождающихся в недрах политической ситуации современной России, направленных на стабилизацию и поступательное развитие общества, механизм политического регулирования, как представляется, должен быть ориентирован на *актуализацию и использование для решения новых задач* ряда позитивных черт российской ментальности, которые функционируют или существуют в скрытом виде. Среди таких черт:

1. **Патернализм** как принцип отношений общества и государства, как стереотип, влияющий на политическое поведение, политическое расслоение электората и как компонент политической культуры. В условиях трансформации общества роль «защитника», «покровителя» государство может исполнять в виде разумного вмешательства в экономику, в процесс становления институтов гражданского общества, обеспечивая дееспособность власти. Предпосылки для этого есть. **Поддержка курса Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации** (свидетельство тому – победа действующего Президента РФ на выборах в июне 1996 г.; демократия как форма власти не отрицается, признаются ценности демократии: права и свободы человека, права народов и др.).

2. **Религиозный синкретизм** как принцип сосуществования и согласования интересов конфессий и религиозных групп (православие, мусульманство, иудаизм, буддизм), возрождения духовности.

3. **Полезность труда** как ценность в рамках русской православной традиции и традиции российских мусульман. Здесь следует иметь в виду неоднородность населения, идентифицирующего себя как с мусульманской религией и культурой, так и с другими религиями. Например, татары более строги в поведении и образе жизни согласно канонам этой религии, хотя и среди них есть исключения, чем адыги, к которым ислам проник с VII–VIII вв., но о массовой исламизации можно говорить лишь со второй половины XVIII в. Часть адыгов и в настоящее время проповедует христианство, сильны языческие традиции. Указанное должно находиться в поле зрения политиков. Теми и другими не приемлется нравственная бесконтрольность экономики; народам традиционно православным претит порабощение духа хозяйственно-экономическими проблемами. Согласно менталитету россиян, идентифицирующих себя с православной культурой, – высшая ценность – свобода личности правовая и хозяйственная, свобода не в силу необходимости. Если Чечня, Дагестан – территории традиционного суфизма, то в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии устойчив «народный» ислам, распространены элементы традиционного права (адата), где как важнейшее богоугодное дело считается благотворительность, помощь бедным.

4. **Витальные ценности**, связанные с жизнеопределяющими целями: свобода духа, творчество, гуманность, с распространенными

идеями о смысле жизни и смерти, о предназначении человека на земле и т. п. Исходной клеточкой конституирования социально-политической жизни России всегда была личность – «соборная», «симфоническая», представляющая собой единство в многообразии. Потенциал указанных ценностей может быть использован в процессе формирования субъектов политического творчества, с учетом субменталитетов, создания условий для реальной, а не декларируемой свободы, для проявления инициативы, единения людей разных национальностей.

5. **Традиционная толерантность** как важнейшая ценность менталитета российского общества, аккумулирующая социальный и культурный опыт совместного проживания наций и народностей на территории России, может рассматриваться как фактор гармонизации плюралистичного многонационального общества.

6. Сохраняет свою актуальность конструкт менталитета российского общества – **желание жить в великой многонациональной стране**, может рассматриваться в качестве фактора стабилизации политической системы, сохранения целостности Российской Федерации.

Принципы мировидения и действия, заложенные в менталитете социальной общности Российской Федерации в реальной жизни непосредственно сталкиваются с рядом проблем и негативных моментов, связанных с кризисом. В частности, потенциал традиционной толерантности и религиозного синкретизма при отсутствии механизма политического регулирования в современных условиях в ряде регионов России остается невостребованным в связи с сепаратистскими устремлениями местных элит. Отсутствие стратегии утверждения федерализма в России, попытки некритически заимствовать опыт за рубежом нередко становятся поводом для проявления разных типов национализма. Не следует забывать, что люди ведут себя не в соответствии с одними лишь реальными жизненными стимулами. Их менталитет содержит некую модель осмысливаемой ими реальности, противоречивое образование, сотканное из великого множества компонентов и никоим образом не сводимое к «отражению» внешней по отношению к сознанию «данности». **Их мифы и верования, культурные стереотипы и обычаи, этикет и символика, фантазии, надежды и фобии** так же определяют их взгляды на мир и поступки, как и их материальные интересы. Бес-

смысленно априорно устанавливать какую-то градацию эффективности воздействия тех или иных факторов на политический процесс. Это соотношение способно установить только конкретное исследование. В то же время неклассическая наука предлагает новые представления о закономерностях и путях развития современного постиндустриального, информационного общества, основанные на достижениях современной экономической теории, политологии, социологии, культурологии, системном анализе всего хода общественного развития, рассматриваемого с позиций универсального эволюционизма. Это влияет на выбор и формирование целей политического и гражданского развития, на выбор путей их достижения. На наш взгляд, оптимальные пути реализации созданного историей и естественным развитием человеческого потенциала непосредственно связаны с необходимостью политического и социального регулирования на основе принципа системного подхода, как двустороннего процесса, имеющего обратные связи, – как взаимодействия общества и государства.

Глава 4

Реализация политической тактики и стратегии в контексте ментальности

4.1. Политическая стратегия и тактика как необходимое условие поступательного развития общества

Политическая стратегия и тактика (от греч. *strategia* – войско; *taktika* – искусство построения войск) – понятия, применяемые в политологии для обозначения основной линии политической деятельности и методов ее осуществления, определяемых в программных и других документах государства, партий, общественно-политических организаций и движений.

Политическая стратегия выступает в виде совокупности крупномасштабных задач, которые ставят перед собой субъекты политики на перспективу, политическая тактика – в виде способов, приемов практических действий, адекватных задачам принятой политической стратегии, и, прежде всего, согласующихся с потребностями общества, его традициями и ценностями, менталитетом.

Ни одно общество, равно как и отдельная личность, не может жить без цели. Для общества в целом цель развития, как правило, выступает как системообразующее качество в виде идеологии, точнее, в виде идеологически, перспективно обоснованных практических шагов в достижении цели развития. Только в данном случае развитие приобретает смысл. Ибо верно то, что «действовать, жить без надежды выше наших сил... Ведь прогрессировать – значит двигаться к некоей цели, которая существует для нас как для человеческих существ»¹. При этом, поступательность в развитии общества зависит ни от чего иного, как от человеческих усилий, ответственности за действия, от ясности концепции политической стратегии относительно целей и реалистического выбора таких целей.

---

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Там же. Т. 2. С. 322.

Направление и содержание политических изменений определяются, точнее, должны определяться, не только устремлениями отдельных политических субъектов, будь то партия или крупная элитная группировка. Решение этих вопросов неизбежно задается менталитетом общества, зависит от его состояния, ценностных ориентаций населения, свойственных менталитету. В основе всех обществ лежит определенное представление о человеке. Современная западная цивилизация возникла, восприняв атомизм, приложенный к живой (прежде всего, к человечеству) и неживой природе. Россия, СССР функционировали как не «атомизированное» общество, в котором права индивида не имели приоритета над правами государственных общественных учреждений и общественных образований. Общество строилось по типу семьи, рода, и в отношениях собственности (прежде всего земельной) преобладало общинное начало.

Согласно ряду правительственных программ развития различных сфер общества, публикациям в специальной литературе, рассматривающим эти проблемы, основные задачи реформирования, среди которых: 1) реформирование общества на основе законности, порядка, последовательности и поэтапности реформаторских мер; 2) в области политики – укрепление российской государственности, повышение авторитета власти, утверждение принципов границ функционирования общества и границ вмешательства государства в общественные дела; 3) в области экономики – построение смешанной, социально ориентированной экономической системы; 4) в области социальной политики – вернуть каждому члену общества чувство уверенности в своем будущем, построение сильного социального государства, соблюдение принципа социальной справедливости, – предлагается решать методами, утвердившимися в западных странах. Это и понятно. Главные задачи реформирования непосредственно связаны с западной либеральной идеологией, провозглашается создание современного общества, где субъекты права – граждане. Россия, как известно, исторически складывалась как многонациональное государство. Человек в СССР, например, был не просто гражданином страны, но и полномочным представителем официально признанного этноса как субъекта права. Ряд отечественных исследователей считают, что в России сохранились малые народы (в том числе репрессированные), потому что правом голоса обладала не только личность, но и этнос (двухпалатный парламент – Совет Союза и Совет

национальностей, графа «национальность» в паспорте и т. п.). Вряд ли как случайность или как популистские устремления лидеров общественно-политических движений, образовавшихся в 90-е годы, можно рассматривать предлагаемые различные варианты взаимоотношений Центра и субъектов Российской Федерации. Партии различных регионов ориентируют, как минимум, на 4 формы развития республик: пророссийская – сохранение республик в составе России; дальнейшая суверенизация в качестве субъектов РФ; создание конфедерации народов России; полная независимость от Центра (наиболее радикальный вариант). Практически каждая позиция предполагает ту или иную дистанцию от Центра, но, кажется, не столько от Центра, сколько от проводимой в настоящее время политики, направленной на «атомизацию» общества, чуждую российскому менталитету.

Западнические ориентации были свойственны реформаторам и революционерам, не одному поколению преобразователей. Возможно, в связи с этим, реформы и революции изначально были обречены на неудачу. Некогда ставившиеся задачи глобальных реформ оставались не реализованными по ряду причин: 1) проводились без учета менталитета общества, в итоге оказывались неадекватными общественно-политической и экономической ситуации; 2) имело место не критическое отношение к результатам тех или иных политических действий; 3) в связи с бесконтрольностью власти (или недостаточностью такого контроля) со стороны общества; 4) не учитывалась степень востребованности навязываемой формы государственного устройства и политического управления обществом; 5) как следствие вышеуказанного, преобразования носили, как правило, насильственный характер для общества; 6) половинчатые, зачастую, меры не могли, *argiori*, способствовать решению проблем, задач, требующих комплексного, системного подхода к своему осуществлению.

Компаративистский подход к анализу концепций, практических шагов реформирования российского общества на прежних этапах развития еще и еще раз утверждает нас в мысли о необходимости согласования любых политических воздействий на общество, обладающее соответствующим менталитетом, с укорененными в конкретном обществе ценностями и ценностными ориентациями, а также включения в процесс общественных пре-

образований общества в целом и конкретной личности, в частности, в качестве субъектов социального и политического творчества.

Неудачи когда-либо осуществлявшихся реформ исследователи связывают с мыслью об «особом пути» России. По С. Л. Франку, Россия никогда не видела ни ренессанса, ни реформации, — ни даже рационализма и просветительства в том глубоком смысле, какой носили эти движения на Западе; в России не было господства и либерально-буржуазной демократии, завершением которой и вместе с тем протестом против которой является социализм. Россия не знала также теократии в западноевропейском смысле слова. Из достижений западноевропейской культуры Россия издавна обрела только одно: сильную государственную власть, которая первоначально выросла в ней не из процесса секуляризации и не в борьбе с теократией, а из самых недр православной веры². Тем не менее, в представлениях реформаторов Россия вновь и вновь выступала в роли «догоняющей цивилизации».

В культурном и идеологическом отношении влияние Запада на Россию действительно присутствовало во все времена, но это влияние так и не смогло в корне изменить менталитет общества, пошатнуть экономические и политические структуры, которые на всем протяжении ее развития оставались в значительной мере близкими к типу восточных обществ. Некоторые исследователи склонны считать, что именно под влиянием монгольского нашествия утвердился «азиатский дух» бюрократии. Так или иначе, но в Московском царстве времени Ивана IV прослеживаются черты классической восточной деспотии: доминирование поместной системы, государственный контроль за распределением земли, торговлей, городами, бесправие подданных, отсутствие частной собственности на землю. Все, что связано с государством, объявлялось священным и т. д. и т. п.

На разных этапах развития российского государства задача преодоления отсталости страны была задачей *общенациональной (общегосударственной)*, что вполне согласовалось с державнической ментальностью населения, способствовало активизации мобилизационного потенциала общества, хотя не всегда в щадящих для общества формах. Характерно, что еще до петровских реформ определились основные направления преоб-

---

² Франк С. Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Русская идея. М., 1993. С.335–336.

разования страны. В экономике наметились тенденции в развитии мануфактурного производства, вхождения России в систему европейского рынка. В политике намечалось укрепление государственности, создание регулярной армии, обеспечение выхода к морю. Планы, однако, не претворялись в цельные программы действий. Реформирование России чаще всего было с незаурядными личностями. В этом ряду Петр I, Екатерина II, Александр I, Александр II, мыслитель-реформатор М. М. Сперанский, С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, в иные эпохи – И. В. Сталин, Н. С. Хрущев. Существо петровских преобразований, как известно, характеризуется переходом к государственной форме правления – абсолютной монархии. Утверждение абсолютизма потребовало перестройки всего государственного аппарата. Становление крупного промышленного производства в России шло при активной поддержке и участии государства, большое значение придавалось развитию сельского хозяйства. Считается, что «в эпоху Петра произошло становление в обществе новой системы ценностей или новой русской культуры. Ее характерными чертами была прежде всего светскость и восприимчивость к ценностям иных культур»³. Реформы Петра I, ориентированные на Запад, несомненно, способствовали дальнейшему укреплению российской государственности. В частности, дворянство наделяется новыми правами и свободами, получают распространение гражданские права, утверждается понятие незыблемости частной собственности (для дворян). В то же время использование государства для решения задач реформ предопределило их самодельский характер, что выразилось в финансовом, налоговом гнете по отношению, прежде всего, к основной массе населения, в насильственной индустриализации.

Как жизненная потребность, вопрос о необходимости перемен в обществе встал к концу XVIII–XIX вв. Первая попытка изменить ход социально-экономического развития страны принадлежит Павлу. Но отсутствие четких представлений о путях дальнейшего развития общества ни к чему не привело, кроме ломки всего екатерининского.

Годы правления Александра I, воспитанного в духе просветительства, отмечены рядом попыток государственных преобразований, главная из которых связана с именем М. М. Сперанского. Пути преобразования он видел в эволюционном, последователь-

---

³ См.: Реформы в России / Отв. ред. В. Т. Петров М., 1993. С. 34.

ном совершенствовании всех сфер общественной жизни при активном участии в этом процессе государственной власти. Цель преобразований общественно-политического строя России Сперанский усматривал в создании системы «истинной монархии», опирающейся на силу закона. Систему власти мыслил в соответствии с принципом разделения властей. Характерно его стремление в осуществлении преобразований опереться на широкие общественные силы. При всей последовательности плана, предложенного Сперанским, при одобрении его императором, этот план страдал коренным недостатком – за его основу были взяты исключительно западные ценности, он не соответствовал реалиям российской действительности, тем более, менталитету общества.

Во второй половине XIX в. исследователи отмечают начало становления гражданского общества. Русская интеллигенция, «средний класс», предприниматели (дворянство, купечество, разночинцы), однако, не выдержали сверхнапряжения социальных конфликтов начала XX в. В целом реформы 60–70-х годов XIX в. справедливо получили название великих, так как они действительно устранили с пути развития страны тормозящие факторы и создали более благоприятные условия для прогресса во всех сферах жизни общества. То, что реформы обеспечили модернизацию России без потери ее самобытного характера, признавали даже крайние противники самодержавия. «Главное, что дало возможность довести до конца практически все реформы – это их соответствие общественным потребностям: реформы были призваны заменить отжившую феодальную систему на более прогрессивную»⁴. С этим можно согласиться, но только отчасти. Прошедшая за короткое время аграрная «революция», начиная с закона Петра I от 1714 г. о единонаследии, приравнявшим поместья к вотчинам, и далее подтвержденная рядом государственных актов Анны Иоанновны, Петра III, Екатерины II, хотя и сблизила российские земельные отношения с европейскими, на деле законсервировала крепостничество. После реформы 1861 г. в общественном сознании как не было, так и не возникло главного психологического обоснования, которое способствовало бы внедрению традиции легитимности собственности. Легитимность собственности – это тот культурный

---

⁴ См.: Реформы в России. Там же. С. 98.

стержень, на котором крепилось все здание европейского капитализма и соответствующего ему менталитета.

В начале XX в. проблемы переустройства жизни России также волновали выдающиеся умы современности. Одна из линий реформаторства связана с именем государственного деятеля С. Ю. Витте. Ему принадлежит ряд прогрессивных идей. Витте предвидел революцию, которую связывал со слабым укоренением частной собственности, был против сохранения государственного контроля над крестьянством. В 1903 г. отменяется круговая порука, в 1904 г. – телесные наказания. Известны его идеи протекционизма и на деле укрепление финансового положения России. Будучи главой правительства, впервые в России попытался предпринять шаги по созданию конституционного кабинета, в то же время высказывался против всеобщего избирательного права, дабы не допустить «деспотизма масс». Правительство сделало выбор в пользу реформ Столыпина, которые рассматривались как последнее возможное средство спасения монархии. Политические последствия аграрной реформы Столыпина не оправдали надежд царского правительства. При достаточно высоких темпах развития промышленного производства, сельскохозяйственное производство конца XIX – первых лет XX в. стагнирует. Не были устранены источники социально-политической нестабильности (спор о земле, правах помещиков на землю и др.).

Очередное крупнейшее переустройство российской жизни связано, как известно, с Октябрьской революцией. Но и большевики, приступая к делу, не имели заранее разработанной экономической программы и предпочли военный коммунизм. Вместо того, чтобы решать вопросы социалистической формы правления в России, – пишет С. Коэн, – большевики ориентировались на идею пролетарской революции как международно-го явления. Социальную и экономическую отсталость России, заключали они, можно преодолеть благодаря товарищеской помощи и поддержке запада. Нежелание задумываться над программными вопросами больше, чем что-либо другое, мешало большевикам разумно рассуждать об экономическом обновлении и других внутренних проблемах будущего ⁵. «Русская революция есть последнее действенное и всенародное проявление

---

⁵ См: Коэн. С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1992. С. 117, 84.

нигилизма – этого исконно русского уמוнастроения, вместе с тем, тесно связанного с общечеловеческим развитием нового времени»⁶.

Трансформация российского общества 90-х годов XX в. принята в стране, которая характеризуется рядом особенностей, обусловленных сложившимися традициями проживающих в ней народов, определенным типом политической культуры, непосредственно связанной с менталитетом российского населения как культурной целостности. Российская Федерация, в которой проживает около 150 народов, является уникальным многонациональным государством, равного которому, в этом и в других отношениях, нет в мире. Народы России в основном входят в состав четырех языковых семей (индоевропейская, алтайская, уральско-юкагирская и северокавказская), которые, в свою очередь, делятся на ряд языковых групп (славянская, германская, армянская, иранская, романская, индоиранская, тюркская, монгольская, финно-угорская, сомалийская, нахско-дагестанская, абхазо-адыгейская и др.). Народы России различаются не только по языку, но и по особенностям своей материальной и духовной культуры, конфессиональной принадлежности, имеют разный уровень своего национально-государственного развития, в связи со «специализацией» в сфере экономики имеют различный экономический потенциал, напомним, что большинство субъектов Российской Федерации дотационны, зависимы от федерального бюджета (81 из 89 субъектов РФ). К тому же, каждый народ России имеет собственное прошлое и своеобразную историю взаимоотношений с государством; этносы по-разному расселены на территории Российской Федерации. Все это повлияло на формирование субменталитетов этих социентальных общностей и влияет современное состояние общества.

В то же время мы вправе утверждать, что **Российская Федерация – культурно-однородное государство**, российский народ может рассматриваться как целостность, как социентальная общность, которую многое объединяет, которая существует в реальности, наделена общим менталитетом. В менталитете социентальной общности Российской Федерации, как уже указывалось выше, укоренены в целом общие для всех народов витальные, социальные, политические, религиозные, моральные, эстетические ценности. Как культурная и политическая общность,

---

⁶ Франк С. Л. Религиозно-исторический смысл русской революции / Русская идея. Там же. С. 331.

на разных этапах народ России ориентировался на те или иные идеалы и ценности. Ценности как концентрированное выражение движущих сил развития не раз в российской истории выступали стержнем политических перемен, которые всегда сопровождают развитие общества.

Х. Х. Боков и С. В. Алексеев в качестве некоего общего, сближающего народы России, в качестве истоков взаимодействия, взаимопонимания называют *интернационализм, дружбу народов*, которые, по их мнению, получают новое наполнение; не классовые, а *общегражданские и национальные идеалы и интересы; патриотизм* (курсив авт. – Т. II.). В качестве интегрирующей, синтезирующей и объединяющей в себе национальные идеологии отдельных народов России предлагается выработать новую российскую идеологию⁷.

По сути, патриотизм, интернационализм, дружба народов, общегражданские и национальные идеалы и интересы, добавим, толерантность, культурный и религиозный синкретизм, преобладание идей не столько национально-этнических, сколько национально-державных (идея России – великой страны) в системе общественных ценностей и **есть основные характеристики менталитета социентальной общности Российской Федерации**. Именно **национальная идеология** как идеал будущего общественного устройства России, обусловленный новым временем, согласующийся с менталитетом народа в целом культурно однородного российского государства, его интересами как многонационального государства, системами ценностей и ценностных ориентаций, субменталитетами социентальных общностей субъектов Российской Федерации, а не «русская идея» или христианская религия, на данном этапе развития общества могла бы учесть все то, что объединяет разные народы нашей страны.

Автор не склонен думать, что представители демократических сил, стоявшие у истоков реформ, руководствовались лишь конъюнктурными политическими целями. Но представление о долгосрочных политических и общественно-экономических целях ограничивалось слишком общим пониманием того, что общество должно освободиться от парткоммунистического диктата и приблизиться к сфере как общественных, так и экономических отношений к общемировым, демократическим принципам

---

⁷ См.: Боков Х., Алексеев С. Российская идея и национальная идеология народов России. М., 1996. С. 3–8.

и стандартам. Похоже, что преобладающим в умах большинства новых политиков было стремление не столько к созиданию нового общества, сколько к разрушению старого. Тем не менее, действия оппозиции удалось нейтрализовать. Имея в распоряжении мощные средства хороши налаженной в советский период тоталитарной системы, в том числе отработанные ранее методы воздействия на сознание людей, на психику, *удалось убедить общество* в том, что до «перестройки» оно жило «неправильно». Убеждение, как известно, есть устойчивый образ нового, восприятие которого тесно связано с психологической установкой. Это метод широко применен на рубеже 80–90-х годов. Формально психологическая установка есть не что иное как устойчивое предрасположение индивида к определенной форме и определенным образом реагирования. Из естественных поведенческих реакций в ответ на внешнее воздействие общество избрало в целом «пассивное» реагирование (непротivление), часть общества – приветствовала любые изменения.

Необходимо назвать ряд предпосылок, обусловивших внедрение в общественное сознание новых психологических установок. Как было подчеркнуто во второй главе, человек – существо деятельное, именно с изменениями, с новым он связывает определенные надежды, мечты о положительных изменениях. Человек страдает, если не имеет возможности реализовать свой общественно-политический потенциал, самореализоваться. В условиях вяло текущей жизни в обществе назревал внутренний протест – протест безынициативности (инициатива «снизу» была наказуема, если не согласовалась с позицией «верхов»), «равенству в бедности», «казарменному социализму». Более всего трудно и скучно было молодежи с ее максимализмом, восторженным отношением к новому. Удавшаяся попытка реформаторов убедить народ в необходимости перемен к лучшему обеспечила относительную общественно-политическую стабильность на начальном этапе реформ, исключила агрессивно отвергающее поведение, в том числе и в вопросах спасения КПСС. Тем более, что идеи перестройки были высказаны высшим руководством партии-государства, которому народ привык верить. Но дальше этого дело не пошло. Не было сформировано главной психологической установки – не создан устойчивый образ будущего состояния общества.

В качестве тактических шагов реформирования в начале 90-х годов были предприняты попытки использования на российской почве уже имеющихся западных моделей.

Известно несколько предлагавшихся моделей реформирования, одна из них связана с именем Э. Бернштейна и его идеями социализации капитализма, кейнсианской экономической моделью, основанной на значительном вмешательстве государства в экономическую жизнь, благодаря чему действительно «удалось спасти западное общество», *сохранив его неизменным в важнейших, системообразующих аспектах*: легитимная частная собственность, рынок, разделение собственности и власти; *«удалось сохранить традиции, не расщепить их скальпелем лево-правого экстремизма»*⁸ (кусив авт. – Т. П.). Государственное регулирование и социальный реформизм позволили избежать общественных коллизий, но сам по себе социальный реформизм не позволил добиться больших успехов в экономике. С 70-х годов экономическая политика на Западе возвращается к традиционным ценностям либерализма, свободного рынка. В результате появилась концепция так называемого **монетаризма** (М. Тэтчер, Р. Рейган). На **либеральной концепции** в 90-х годах настаивали российские либералы (Гайдар). Неолибералы-реформаторы – на применении экономической теории М. Фридмана к российской реальности – это наиболее **радикальный вариант реформ**, разновидность западного фундаментализма. «Российские радикал-демократы применяли **неолиберальную модель**, полагая, что Запад есть норма, что он универсален, обязателен для каждого и, что главное, уровень его развития легко достижим»⁹.

Обе стратегии и либеральных экономистов, и неолиберальных – не были успешны: обе вели к потере концепции национальных интересов, к «догоняющей» модели модернизации, к неомодернизму, который ведет к механическому повторению западного опыта.

Следует оговориться, что концепция универсальности претерпела ряд существенных изменений, существует в формах: 1) как идея прогресса (развитие человечества по пути, открытому Западом); 2) как идея общечеловеческой цивилизации, приносящая в жертву национальные интересы, подчиняющая локальное универсальному; 3) как эвфемизм Запада, западного развития; 4) как идея взаимной связи человечества, как символ универсальных норм и ценностей для всего человечества.

⁸ См.: Гайдар Е. Государство и эволюция. Там же. С. 6, 38, 39.

⁹ Федотова В. Г. Локальное воздействие на глобальные трансформации в свете изменения научных представлений о социальном развитии // Философские науки. 1997. № 1. С. 17, 18.

Универсальная модель требует чрезвычайных усилий, неадекватна наличным социально-культурным условиям и социальной базе преобразований.

Среди идей и концепций, которые остались на уровне теоретических разработок, – концепции, базирующиеся *на идее локального развития, ненасилия*, с учетом внутренних возможностей; **постмодернизм** – от предсовременного к постсовременному (**сочетание локального и универсального**). Вероятно, Справедливо утверждение В. Федотовой, что технология, экономика требуют общего направления трансформации, с необходимой корректировкой универсальных подходов. Культурная специфика, этническая и гражданская принадлежность, язык, религия, раса, менталитет общества, наконец, создают локальные миры, локальные цивилизации с различным пониманием основных ценностей и фундаментальных аспектов жизни.

Исходным моментом всей функциональной деятельности человека выступает система отношений собственности, экономических отношений, политико-властных отношений по поводу государственного устройства, управления и использования (распределения) собственности. «Именно в соответствии с характером, содержанием и способами реализации отношений собственности формируется вся система экономических отношений и политическая надстройка общества»¹⁰. При этом система политических отношений пронизывает мировоззренческим, идеологическим содержанием все звенья экономики, имманентно присутствует на всех стадиях ее развития. В каждом обществе, как справедливо утверждает Г. Лесников, в соответствии с общественными отношениями, государственным устройством формируются и развиваются производительные силы и отношения собственности. Это не может не учитывать государственная власть, поскольку без этого невозможно прогнозирование, обеспечение соответствующей социально-экономической политики и духовного развития общества, в том числе становление системы рыночных отношений. Качество политики, по Г. Лесникову, определяется факторами: 1) степенью развитости орудий и предметов труда, созданных прошлым трудом; 2) уровнем развитости отношений собственности; 3) степенью и уровнем развитости общественных отношений (государственное устройство,

---

¹⁰ Лесников Г. П. Система диалектических отношений экономики и политики. М., 1995. С. 27.

политическая система, законодательно-нормативные отношения, активность и культура личности). Эти факторы присутствуют в любом обществе, но в каждом из них степень их развитости определяется исторической самобытностью развития народов. Система общественных отношений как определяющее условие формирования соответствующей политики может создавать предпосылки либо для развития, либо торможения развития экономического базиса¹¹. По этому поводу следует заметить, однако, что не «степенью» и «уровнем» развитости орудий и предметов труда, отношений собственности, общественных отношений определяется «качество» политики. Выше автор уже обращался к проблеме всеобъемлющего контекста социальной реальности, который создается ментальностью, выступает в виде «матрицы», «эфира», где находят соответствующий сценарий принятие и реализация политических, социально-экономических, культурных проблем общества. Ментальности диффузны, «разлиты» в культуре и в обыденном сознании, выражают внеличностную сторону общественного сознания, оказывают влияние на функционирование общества и постепенно способны изменяться под влиянием развивающихся общественных отношений, формального влияния (политического регулирования) согласно объективной общественной потребности в развитии. Речь может идти о соответствии политики сложившейся в обществе ментальности, согласовании политических действий и решений с менталитетом общества в целях поддержания общественно-политической стабильности и его поступательного развития.

То, что в структурной государственной политике к 80-м годам имели место деформация в развитии производительных сил, игнорирование приоритетов развития НТП в отраслях группы «Б», высокий уровень милитаризации производства, почти отсутствие мотивационных механизмов труда, уравниловка в системе социальных отношений и т. д., в решающей степени связано со сложившимися общественно-политическими отношениями. На рубеже 80–90-х годов зарождающаяся общественно-политическая система после разрушения старой отстраняет государство от регулирующего вмешательства в систему экономических отношений. Курс на либерализацию, освободив экономическую систему от командного управления, вверг ее в состояние хаоса, спровоцировал обнищание широких народных

---

¹¹ См.: Лесников Г. П. Указ. раб. С. 24, 27.

масс. Уже к началу 90-х годов было ясно, что социально-экономическая политика России требует корректировок. Однако в Правительственной Программе на 1993–1995 гг. фиксируется: значительное ограничение вмешательства государства в экономику, сокращение доли государственного сектора, снижение налогов и государственных расходов; продолжение массовой приватизации; решительное сокращение дотаций и субсидий, сохранение в бюджете только самых необходимых дотаций; увязка размеров сокращения дотаций в угольной промышленности и сельском хозяйстве с уровнем цен в этих отраслях и размерами специальных налогов их поддержания; повышение цен на природный газ, электрическую и тепловую энергию и т. д.¹²

Соответствующим образом отреагировал на Программу деловой мир России. Практики и ученые выступили с критикой Программы. Обращалось внимание на несоответствие взятой на вооружение модели реформирования российской экономики для сложившихся производственных отношений, структуры экономики России. В частности, негативную оценку дали Российский Союз промышленников и предпринимателей, который высказался за введение мер по демонополизации производства, созданию механизма рыночного регулирования цен, за комплексные меры¹³; представители Гражданского союза, Союза «Обновление», конструктивно-экологического движения «Кедр», блока «Явлинский – Болдырев – Лукин», ряд известных ученых. Р. Е. Тихонов, В. В. Рябов, Ю. И. Любимцев подчеркивали, что монетаризм в его классическом понимании требует свободного рынка, отделения экономики от государства¹⁴. Все эти идеи абстрактно отвечали как тактическим, так и стратегическим целям реформы, хотя во многом и не согласовывались с конкретными особенностями российской экономики. Высказывались опасения по поводу психологической неготовности трудовых коллективов к новым экономическим отношениям. Таким образом, декларативные заявления не были подкреплены действиями по созданию условий для проведения реформ. Справедливо высказывание

---

¹² Развитие реформ и стабилизация российской экономики: Программа Совета Министров – Правительства Российской Федерации на 1993–1995 гг. Принята 6 августа 1993 г. // Российские вести. 1993. 9 августа.

¹³ См.: Экономический вестник. Ежемесячный бюллетень Российского союза промышленников и предпринимателей. 1993. № 3. Июнь.

¹⁴ Экономическая газета. 1992. № 46. Ноябрь.

академика Л. Абалкина, что не может быть эффективной экономики без эффективного управления. «Мы поспешили сломать сложившиеся структуры управления, и на их месте возник вакуум, не заполненный структурами нового типа. И, пожалуй, самое опасное – утрачен профессионализм в управлении экономикой...»¹⁵ Наряду с объективными, возник ряд субъективных проблем, часть которых связана с психологическими и ментальными особенностями самих исполнителей. В обществе не было сформировано само позитивное отношение к нововведениям, не прояснены их цели и задачи. Менеджмент и маркетинг на производстве только начал внедряться, которое по инерции продолжало управляться старыми тейлоровскими методами.

Возможно, для современной Российской Федерации, для общества России в целом не суть важно научиться ли оно «западному отношению» к государству, «чисто рациональному» отношению (если вообще возможен чистый рационализм). Важнее всего, по-видимому, в сложнейших условиях трансформации сохранить общество в «системообразующих аспектах», как это удалось в свое время западному обществу. Поистине как пророческие могут восприниматься сегодня слова выдающегося нашего соотечественника А. Хомякова: «...мы будем продвигаться вперед смело и безошибочно, занимая случайные открытия Запада, но придавая им смысл более глубокий или открывая в них те человеческие начала, которые для Запада остались тайными...» (1839 г.)¹⁶.

Для менталитета русского человека (а русские – это 81,5% населения России) характерно *преобладание общественных, общенациональных интересов над личным, частным интересом*; не составляют исключения в этом отношении и другие народы России. «Жить и трудиться не только ради личного благополучия, но и во имя великих целей, возвышающих свой народ, свою страну, – органическая черта характера большинства россиян». Поэтому они хотят знать, какое общество им предлагается строить¹⁷ (курсив авт. – Т. П.).

Дискуссии, касающиеся российской идентичности, продолжаются 2 столетие в системе координат «Восток-Запад». Базовые представления о российской идентичности: Россия расположена между Востоком и Западом и не имеет цивилизационной

¹⁵ См.: Российская газета. 1993. 11 августа; Российская газета. 1993. 4 июля.

¹⁶ Хомяков А. С. О старом и новом // Русская идея. Там же. С. 63.

¹⁷ См.: Боков Х. Х., Алексеев С. В. Указ. раб. С. 9.

определенности; Россия представляет слабый, нестабильный синтез между Востоком и Западом; Россия – полностью евразийская страна – тигель славянских и тюркских народов; Россия – полностью европейская страна, но недостаточно развитая; Россия – часть восточно-европейской цивилизации; Россия имеет свою собственную цивилизационную специфику. Все это свидетельство того, что Россия нуждается в поддержке своей идентичности, но последняя сегодня является невозможной без развития ее экономики и без социальных и политических трансформаций. Органический предел возможностей российских реформ может быть определен путем понимания, какой тип развития присущ России. Определение пути развития страны, политической стратегии, думается, возможно с учетом воздействия локального на глобальные трансформации. Безусловно, локальный аспект должен иметь место. Но локальное без универсального может привести к конфликту цивилизаций, борьбе групп, а универсальные аспекты трансформаций, взятые в отрыве от локальных, могут привести к насильственной модернизации, «догоняющей» старый (а не новый) опыт Запада¹⁸.

Прерывность истории, попытки насильственного внедрения чуждого образа жизни, культивирование ценностей, не свойственных и зачастую чуждых менталитету общества, не принесли России ничего, кроме нелепых разрушений, материальных и нравственных потерь. Как писал Вл. Соловьев, нации и индивиды – существа, прежде всего, моральные. А коренное условие морального существа лежит в том, что особая функция, которую оно призвано выполнять во вселенской жизни, идея, которою определяется смысл его существования – моральное обязательство, долг¹⁹. Актуально, прежде всего, для современного этапа трансформации общества, что «русский человек не может существовать без абсолютного идеала, хотя часто с трогательной наивностью признает за таковой нечто совсем неподобное»²⁰.

Представляется, что на современном этапе трансформации российского общества выбор стратегии и тактики должен рассматриваться в соответствии с рядом позиций, согласующихся с менталитетом общества: 1) учет системы ценностей, связанных

---

¹⁸ См.: Федотова В. Указ. раб. С. 19.

¹⁹ См.: Соловьев Вл. Русская идея // Русская идея / Сост. и авт. вступ. статьи М. А. Маслин. М., 1992. С. 186, 187, 204.

²⁰ См.: Карсавин Л. П. Восток, запад и русская идея. Там же. С. 204, 322.

со смыслом жизни для народа (витальные ценности); 2) учет системы интересов общества – социальных и политических интересов групп и слоев населения; 3) разработка стратегических ориентиров и методов их реализации с учетом исторического опыта; 4) обеспечение действия принципа исторической преемственности; 5) учет политической культуры общества; 6) учет общественно-политической ситуации: состояние межнациональных отношений; 7) тип партийной системы; 8) наличие влиятельных общественно-политических сил; 9) учет претензий оппозиции; 10) учет исторически сложившихся базисных экономических отношений, типов форм собственности, в том числе на землю; 11) учет менталитета общества в целом и субменталитетов социентальных общностей Российской Федерации.

Напомним, что *в качестве главного ориентира политической стратегии и тактики мы указали укрепление государственности Российской Федерации*. В этой связи еще раз подчеркнем, что моральные и идеологические факторы имеют далеко идущее воздействие на ход истории. **Население должно быть психологически подготовлено к участию в реализации новой политической стратегии.** Важное значение для индивида имеет осознание собственного места в общественных преобразованиях, возможности влиять на ход событий. Как было сказано в предыдущей главе, пока ни одно из идеологических течений не способно стать правящей идеологией в российском обществе. Согласно социологическим исследованиям, в обществе не наблюдается массового стремления к действиям «во имя лучшего будущего». В менталитете россиян преобладают не столько идеи национально-этнические, сколько идеи и ценности, связанные с возрождением России как великой страны. Но и эта идея остается на вербальном уровне. Она не раскрыта, и поэтому не способна стать инструментом политической, экономической активизации населения. Нет ясности в целях общественного развития – нет и готовности людей к самоограничению, жертвам во имя общественно значимых ценностей, приоритет которых был раньше закреплён в менталитете российского общества.

Политическая стратегия может быть сформулирована только *в самом общем виде*. Эта проблема рассматривается в последующих разделах данной работы. Более или менее конкретные планы могут касаться лишь политической тактики. Можно планировать конструкции новых институтов или преобразование

старых институтов в новые, способы и средства осуществления таких изменений и, поступательно, шаг за шагом, накапливая информацию, опыт, идя на компромиссы и пересмотр тактических действий и средств, продвигаться к главной, стратегической цели. К. Маркс утверждал, что «историю» нельзя спланировать на бумаге, но общественные институты планировать можно. Отличительная черта политического знания, в противоположность «точному» знанию, состоит в том, что знание и воля или рациональный элемент и сфера иррационального, нераздельно, сущностно переплетены. Это и понятно — «знание» и «воля» в определенном смысле всегда нераздельны. Средство, с помощью которого мы можем устранить иррационализм из социальной науки — практика, практическое применение наших открытий²¹, апробирование гипотез, во имя поступательного развития общества.

4.2. Конституционное право как форма обеспечения идентичности субменталитетов социентальных общностей субъектов Российской Федерации и стратегические перспективы развития страны

Создание политической стратегии и тактики в контексте ментальности непосредственно связано с проблемами утверждения федеративных отношений в Российской Федерации. Кризис центральной власти, дестабилизация всех сфер жизнедеятельности Российской Федерации спровоцировали соответствующие процессы в системе национально-государственного устройства страны. Деструктивные процессы в социальной системе достигли уровня, граничащего с реальной угрозой для ее существования.

Менталитет социентальных общностей, к каким мы относим регионы России, а также конкретные народы, этносы не замедлил проявиться в виде, во-первых, чувствительности к навязыванию центральными органами власти чуждого образа жизни, во-вторых, естественная потребность в самосохранении реализовалась посредством мобилизационных действий региональ-

---

²¹ См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. С. 257, 258.

ных и национальных политических элит и общественных объединений граждан.

Как известно, любой процесс содержит два момента: момент изменчивости и момент устойчивости. Любая система не в состоянии существовать и развиваться без изменений. Сама необходимость и потребность в реформировании политических, экономических систем тоталитарного прошлого была понята и принята обществом. В то же время методы реформирования спровоцировали психологические барьеры в общественном сознании. К коренным изменениям оказались не подготовленными социальные и экономические институты. В то же время деструктивное состояние общества способствовало возникновению новых возможностей для дальнейшего развития, и на каком-то этапе реформирования в Российской Федерации многое зависело от того, какие из этих возможностей будут реализованы и в какой срок.

Одним из важнейших, стабилизирующих обстановку, стратегических решений политической власти России можно считать принятие на референдуме Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г. Из факта принятия Конституции Российской Федерации вытекает еще одно, не менее важное решение. Речь идет о статье 5 Конституции Российской Федерации, где, в частности, в пункте 2 определен конституционный статус субъекта Российской Федерации – республики (государства). Подписание вначале Федеративного договора (31 марта 1992 г.), затем – принятие Конституции Российской Федерации было важнейшим в то время решением и фактом определения перспектив, стратегического развития государства. В условиях деструктивного состояния всех сфер жизни России было чрезвычайно важно и своевременно, позволило в значительной степени упорядочить этнополитические процессы. Принятие Конституции Российской Федерации (1993 г.) обеспечило правомерность действий политических и национальных элит республик (государств) по вопросам государственного строительства, способствовало оформлению конституционного статуса бывших автономий, которые руководствовались не только личными амбициями, но и учитывали состояние общества, его менталитет. Это доказывает, прежде всего, тот факт, что в предложенных идеологических конструкциях дальнейшего развития того или иного субъекта РФ просматриваются более старые идеологические конструк-

ции, связанные с менталитетом социентальной общности, в которых отражены ментальные ценности, ценностные ориентации народов, укоренившиеся в глубинах духовной жизни. В Конституциях Республики Ингушетия (статья 37), Калмыкии (статья 16) зафиксированы нормы, обязывающие государство создавать условия для утверждения нравственных ценностей религии, для сохранения и развития национальных традиций и обычаев, сохранения историко-культурного наследия. Конституцией Кабардино-Балкарии запрещено распространение информации, не совместимой с морально-нравственными и национальными традициями и устоями народов КБР (статья 40). «Всеобъемлющий контекст» решения экономических, политических, культурных проблем в процессе строительства государственности конкретного субъекта РФ, при этом, неизбежно складывался под воздействием менталитета не только управляемых, но и управляющих этим процессом. Отсюда – различные сценарии этнополитических процессов в различных регионах Российской Федерации, например, в Чеченской Республике, Республике Дагестан, Республике Адыгея, в Калмыкии.

Анализ конституционных актов, проделанный в свое время рядом специалистов во избежание фиксации в них положений, несущих угрозу конституционному строю Российской Федерации, выявил немало противоречащих Конституции РФ положений²². В то же время противоречия, имеющие место в самой Конституции Российской Федерации, неопределенность и неотработанность механизмов реализации отдельных конституционных положений спровоцировали так называемые «несоответствия», «нарушения» и «отступления» от строгого следования статьям Конституции России. Конституции республик, принятые после 1993 г., то есть после принятия Конституции Российской Федерации, в большей части, учитывают отдельные положения Конституции Российской Федерации, одновременно не теряя своеобразие. В то же время в конституциях республик нашли отражение противоречия в подходах определения статуса республик, содержащихся в Федеративном договоре и в действующей Конституции Российской Федерации. Ряд «несоответствий» непосредственно связан с менталитетом социальных общ-

---

²² См.: Федеративное устройство: Реализация Конституции Российской Федерации (Сборник аналитических обзоров и рекомендаций) / Ред. кол.: Н. В. Постовой (отв. ред.), Б. С. Крылов, Ю. А. Тихомиров. М., 1995. С. 5.

ностей, народов, прежде всего, «титulyного» населения республик России в виде норм, обеспечивающих регулирование общественных отношений с учетом традиций народов, их обычаев; включение в конституции норм обычного права. Кроме того, это нормы, связанные с традиционно сложившимися отношениями в обществе – между индивидуумами, между политической элитой и обществом. Это отражено в нормах, фиксирующих набор прав и обязанностей человека и гражданина, это также проявляется в соотношении прав и обязанностей власти по отношению к обществу и наоборот. Близкий к традиционалистскому тип политической культуры и соответствующий тип субменталитета диктует отраженный в конституциях набор обязанностей граждан или проявляется в тех или иных акцентах на обязанностях граждан по отношению к государству. Это, прежде всего, обязанность платить налоги, что находит отражение в большинстве рассматриваемых конституций: Татарстана (статья 55), Удмуртии (статья 57), Марий Эл (статья 57), Бурятии (статья 56), Дагестана (статья 60), Ингушетии (статья 42), КБР (статья 36), Карелии (статья 36), Коми (статья 47), Северной Осетии – Алании (статья 57), Адыгеи (статья 48), Тыва (статья 60), Хакасии (статья 53). Конституцией Республики Татарстан допускается принудительный труд по решению суда и в соответствии с международными договорами РТ (статья 42), фиксируется обязанность соблюдать Конституцию и законы РТ (статья 52). В качестве обязанности признается защита Отечества – Российской Федерации конституциями Удмуртии (статья 59), Республики Адыгея (статья 50), КБР (статья 63), Северной Осетии – Алания (статья 59), Бурятии (статья 58), Дагестана (статья 59), Ингушетии (статья 43). В большинстве конституций указанные обязанности сопровождаются нормами, содержащими положения об альтернативной службе. В целом среди возведенных в конституционные нормы обязанностей распространены связанные с необходимостью сохранения культурного и исторического наследия народов, бережного отношения к природе. Еще есть нормы, обязывающие граждан участвовать в осуществлении правосудия (конституции Республики Тыва (статья 58); Республики Карелия (статья 38).

Реальное межэтническое взаимодействие в условиях трансформации российского общества выдвигает на первый план этничность как фактор, влияющий на его социальное и политическое развитие, вопреки утвердившимся в марксистской науке

представлениям о субъектности в истории лишь «сознательно организованных» социальных групп, классов²³. На данном этапе этнографический подход к изучению функционирования этноса, народа, характерный для исследователей советского периода, приверженность большинства отечественных ученых каким-либо политическим убеждениям уменьшают вероятность объективной оценки роли социально-этнической общности в социальной и политической жизни. Субъектность этноса, народа, его влияние на процессы в политической сфере российского общества в 90-х годах актуализируют социологический и политологический аспекты изучения функционирования социально-этнических общностей.

Динамизм, новизна формирования конституционного права России, основа которого – Конституция Российской Федерации, стремление субъектов Российской Федерации отразить в конституциях республик и уставах краев и областей России собственное видение перспектив развития общества, проявилось в большой и плодотворной работе по подготовке новых и обновлению действующих конституций в субъектах Российской Федерации. В ходе работы специалистов, правоведов, юристов, представителей местных и федеральных политико-властных структур серьезное внимание обращено на обеспечение общих принципов конституционного строя и реализацию положений Конституции Российской Федерации. «Конституционное многообразие» в конечном итоге, как представляется, обогатило потенциал российской государственности.

Создание собственных конституций в субъектах Российской Федерации может быть представлено как естественный процесс строительства собственной государственности народами национально-территориальных образований, которые до начала 90-х годов государственности как таковой не имели. Нас в данном случае интересуют формы, способы обеспечения собственной идентичности, непосредственно связанные с субменталитетами социальных общностей республик, посредством конституционного права, а, значит, правовое обеспечение стратегических направлений государственного строительства субъектов Россий-

---

²³ См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983; Денисова Г. С. Этнический фактор в политической жизни России 90-х годов. Ростов на/Д, 1996; Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1968; Тишков В. А. Советская этнография: преодоление кризиса // ЭО. 1992. № 1.

ской Федерации и национально-культурного их развития, а значит, и России в целом.

Потребность ощущать себя членом «полноценной» политически организованной нации, народа рассматривается нами как неотъемлемый элемент менталитета, как одна из его ценностных установок, осознаваемая представителями разных народов по-разному. Мобилизационные действия в связи с реализацией этой ценностной установки на конкретном этапе развития и проявляющиеся в разных видах, в зависимости от полноты и силы установки, по-видимому, и дали повод для развития различных теорий, рассматривающих национализм в разных модификациях.

Понятие нации, национализма до сих пор мало использовалось в политологии для научного анализа. Тем не менее существует множество конкурирующих попыток классификации национализмов, которые нередко связаны описанием зарождения и развития национальных движений, или же национализм рассматривается как преобразующая мир «идея»²⁴.

Роланд Штурм указывает на несколько направлений в исследованиях в области национализма и характеризует их следующим образом. 1) Дескриптивный анализ ориентируется на географические особенности и/или историческую периодизацию («национализм европейских народов», национализм «безродных» народов (евреи в Европе, негры – в США), пан-движения, «антиколониальный», «плавильного котла» (США), «мессианский» (СССР) и др. 2) Традиционные исследования национализма в русле истории идей, например «западный» (демократический) и «незападный» (тоталитарный). 3) Ориентация на выяснение целей движения («якобинский», «экономический», «гегемониальный», «демократический» (цель демократизация) «интегральный, «этнический» (цель – отделение). 4) С точки зрения индивидуальной психологии – национализмы, способствующие удовлетворению человеческой потребности в идентичности, ослабившейся в результате распада традиционных связей. 5) Политологический анализ связан с именем Дойча, который противопоставил историческому пониманию национализма парадигму, основанную на теории коммуникации, обосновал общественную функцию национализма. Согласно Дойчу, процесс формирования

---

²⁴ Штурм Р. Нация. Национализм // Национализм (Взгляд из-за рубежа). Перевод. М., 1995. С. 5.

наций проходил в ходе социальной мобилизации и культурной ассимиляции. Согласно теории модернизации, общественная модернизация привела к усилению социального взаимодействия и открытию этнических границ. 6) Политико-экономическое направление исследований восходит к учению Ленина о неравномерном развитии наций и государств²⁵.

В современных условиях нередко процессы становления государственности субъектов РФ в связи с реализацией одной из ценностных установок субменталитетов, в зависимости от складывающихся субъективных и объективных условий проявляются в той или иной форме, чаще всего в виде преобразующей мир «идеи». Другое дело, сценарии ее воплощения зависят, от субъективных и объективных условий и, прежде всего, от политической культуры субъектов политических процессов, являющейся одним из важнейших трансляторов менталитета.

Чтобы прояснить ситуацию со стратегическими перспективами этой «идеи» нами проведен анализ основных норм и институтов следующих конституций: 1) Конституция Республики Саха (Якутия), принята 4 апреля 1992 г.; 2) Конституция Республики Татарстан, принята 30 ноября 1992 г.; 3) Конституция Чеченской Республики, принята 12 марта 1992 г.; 4) Конституция Республики Тыва, принята 21 декабря 1993 г.; 5) Конституция Республики Башкортостан, принята 24 декабря 1993 г.; 6) Конституция Республики Коми, принята 17 февраля 1994 г.; 7) Конституция республики Бурятия, принята 22 февраля 1994 г.; 8) Конституция Республики Ингушетия, принята 27 февраля 1994 г.; 9) Степное Уложение (Основной Закон) Республики Калмыкия, принято в апреле 1994 г.; 10) Конституция (Основной Закон) Кабардино-Балкарской Республики, принята 26 мая 1976 г. (изменения вносились в 1990, 1991, 1992, 1994 гг.); 11) Конституция Республики Дагестан, принята 26 июля 1994 г.; 12) Конституция Республики Северная Осетия – Алания, принята 12 ноября 1994 г.; 13) Конституция Республики Адыгея, принята 10 марта 1995 г.; 14) Конституция Республики Мордовия, принята 21 сентября 1995 г.

Заметим, что в Конституции РФ не предусматривается особого статуса для отдельных субъектов, хотя, как было сказано выше, в статье 5 упоминаются республики (государства). В Федеративном договоре республики выступают как «суверенные государства».

---

²⁵ Штурм Р. Указ. раб. С. 6, 7, 8.

Исходя из этого, по-видимому, свой статус в Российской Федерации республики и остальные субъекты определяют по-разному. Это касается не только уточнения принципиальных понятий, но и отношений с Федеральным центром. В Конституциях Саха (Якутия), Башкортостана, Коми, Бурятии, Ингушетии, Калмыкии, Кабардино-Балкарии, Адыгеи есть указание на то, что эти республики являются субъектами Российской Федерации. В свою очередь, это не служит препятствием для претензий на предмет суверенизации того или иного уровня. Предполагается создание, так сказать, «всеобъемлющего контекста», благодаря которому только и возможна реализация менталитета социальной общности, в том числе: образа жизни, способов хозяйствования согласно культуре (в широком смысле). При этом, имеется в виду, прежде всего, культура «титульного» народа. Это и понятно, поскольку сам процесс государственного строительства национально-государственных образований России стал возможным в связи с реализацией прав народов на самоопределение. Например, по Конституции Республики Мордовия, культурная политика направлена на создание равных условий для сохранения и развития культуры всех проживающих в ней народов и вместе с тем обеспечиваются условия для реализации национально-культурных, образовательных потребностей граждан мордовской национальности, проживающих за пределами РМ (статья 43). Неопределенность отношений Центра и субъектов Российской Федерации, отсутствие механизма взаимодействия, который не предлагает ни Конституция РФ, ни другие нормативные акты, стало поводом для упреков, например, в адрес Башкортостана, в Конституции которого отношения с Центром определены как договорные²⁶. Как оказалось, поиски путей оптимизации взаимоотношений Федерального центра и субъектов Российской Федерации сегодня выводят именно на этот уровень отношений.

Субъекты Российской Федерации совместно с Федеральным центром в настоящее время – в поисках новой политико-управленческой парадигмы. Один из путей, как представляется, – это строительство взаимоотношений на договорной основе, что, в свою очередь, предполагает признание неравенства субъектов

---

²⁶ См.: Федеративное устройство: Реализация Конституции Российской Федерации (Сборник аналитических обзоров и рекомендаций) / Ред. кол. Н. В. Постовой (отв. ред.), Б. С. Крылов, Ю. А. Тихомиров. М., 1995. С. 5.

взаимоотношений – субъектов Российской Федерации и Центра²⁷. Среди трудностей и сложностей на этом пути – не одинаковые уровни социально-экономического развития субъектов Российской Федерации в силу их «специализации» («аграрные» или «промышленные» регионы) и др.

Строительство взаимоотношений субъектов и Центра должно предполагать и необходимые, желательно равные, возможности субъектов Российской Федерации осуществления таких взаимоотношений. В то же время в ряде республик (Татарстан, Чечня, Тыва) конституционное определение их статуса в составе РФ расходится с положениями Российской Конституции. Так, в статье 59 Конституции Татарстана указывается, что республика «самостоятельно определяет свой государственно-правовой статус, решает вопросы политического, экономического, социально-культурного строительства». Это противоречит части 1 статьи 66 Конституции РФ, где указывается, что «статус республики определяется Конституцией Российской Федерации и конституцией республики».

Из статьи 61 Конституции Татарстана следует, что республика рассматривает себя как «суверенное государство, субъект международного права», положение противоречит статье 65 Конституции РФ, согласно которой Татарстан, как и другие республики, находится в составе Российской Федерации. Преамбула Конституции Чеченской Республики провозглашает Чечню «самостоятельным суверенным государством». Согласно статье 1 Конституции Республика Тыва подчеркивает свое нахождение в составе РФ на основе Федеративного договора. Вместе с тем в статье 1 провозглашено право республики на самоопределение и выход из состава Российской Федерации путем референдума населения республики. Наличие подобного права противоречит принципам федеративного устройства России.

В некоторых конституциях при определении общих вопросов статуса республик сделан акцент на преимущественных правах «титულных» народов. Так, в Конституции Бурятии записано, что «...изменение государственно-правового статуса республики, а также ее территории осуществляется путем референдума. При этом, решение считается принятым, если за него проголосовало

---

²⁷ Подробнее см.: *Аринин А. А.* Проблемы развития российской государственности в конце XX в. // *Федерализм власти и власть федерализма* / Отв. ред. *М. Н. Губогло*. М., 1997. С. 6–72.

более половины граждан бурятской национальности, принявших участие в голосовании» (часть 4 статьи 60). Следует оговориться, что образование государства является результатом реализации права на самоопределение народа, а не отдельной нации, поэтому текст части 1 статьи 60: «Республика Бурятия образована в результате реализации права бурятской нации на самоопределение», противоречит пункт 1 статьи 3 Конституции Бурятии, где утверждается, что носителем суверенитета и единственным источником государственной власти в республике является ее многонациональный народ²⁸.

В ряде конституций (Бурятия, Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия), Тыва, Дагестан содержатся положения о передаче полномочий республик – субъектов Федерации в ведение РФ. Конституция Российской Федерации четко определяет, что полномочия РФ определяются ее суверенитетом.

В конституциях Татарстана (пункт 3 статья 89), Саха (Якутии) (статья 69), Башкортостана (пункт 3 статья 88), Чечни (пункт 2 статья 62), Тывы (пункт 1 статья 93): Ингушетии (пункт 3 статья 54) при определении вопросов ведения законодательного органа либо президента указывается право определять и осуществлять внешнюю и внутреннюю политику республики. Статья 11 Конституции Республики Адыгея гласит: «Республика Адыгея, входя в мировое сообщество, вправе выступать самостоятельным участником международных и внешнеэкономических связей, соглашений с другими государствами и субъектами Российской Федерации, если это не противоречит Конституции Российской Федерации и Федеративному договору.» Оговорка о соответствии политики республики политике Российской Федерации в данном случае существенна и необходима и в Конституции Адыгеи в данном случае найден, на наш взгляд, наиболее приемлемый вариант, поскольку в Конституции Российской Федерации (статья 71) международные отношения отнесены к ведению Российской Федерации. В то же время в ряде конституций есть нормы, утверждающие право субъектов РФ осуществ-

---

²⁸ Подробнее о роли и месте, занимаемом этническим фактором в конституциях республик Российской Федерации см.: *Губогло М. Н.* Тактика и стратегия национальной автономизации и деавтономизации в посткоммунистической России // Национально-культурные автономии и объединения. Историография. Политика. Практика. Антология. Т. I / Отв. ред. М. Н. Губогло. М., 1995. С. 21–64.

влять международные и внешнеэкономические отношения. Например, Республика Северная Осетия – Алания – суверенное государство, добровольно входящее в состав РФ, является участницей международных и внешнеэкономических отношений (статья 61), что, в принципе, противоречит соответствующим положениям Конституции РФ, допускающей лишь международные связи для субъектов РФ.

Проблема разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами («центр – регионы») требует изучения. В данном случае нельзя упустить из виду и муниципальный уровень как важный элемент политико-территориального устройства. Во взаимоотношениях центра и регионов необходимо ввести в качестве субъектов отношений местные элиты, местные сообщества в целом, а процесс разграничения полномочий между Федерацией и субъектами Федерации должен осуществляться параллельно с процессом разграничения полномочий между субъектами Федерации и муниципальными объединениями. *Сила права, по-видимому, не в навязывании обществу идеальных схем, а в адекватном опосредовании реальных и потенциально возможных отношений.* Это, безусловно, важно, поскольку нерешенность вопросов взаимодействия в любой из структур государственного управления не способствует стабилизации государственной власти в стране в целом.

Достойное место в конституциях отведено вопросам гражданства, языкам как *важнейшим ментальным ценностям*, неотъемлемой части ментального оснащения социентальной общности, средству идентификации конкретной этнической общности. Как правило, языки «титulyных» народов получают, наряду с русским, статус государственных.

Несмотря на то, что в Конституции РФ (пункт «в» статья 71) вопросы гражданства отнесены к ведению Федерации, гражданство приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом (статья 6), при регулировании этих вопросов в конституциях республик имеют место свои особенности. За исключением Чеченской Республики, исходят из положения Конституции РФ о единстве гражданства РФ: каждый гражданин республики является в то же время гражданином России. Конституции большинства республик закрепляют их право приема в гражданство республик. Рядом конституций предусматривается предоставление гражданства республик иностранцам и лицам без гражданства. К примеру, в Республике Тыва

порядок приобретения гражданства определяется с учетом демографической ситуации в республике и потенциально способствует обеспечению устойчивого преобладания коренной нации, защите ее этнического и культурного наследия и достояния. «Этнические тыва, проживающие за рубежом, имеют преимущественное право перед другими иностранцами в приобретении гражданства Республики Тыва». В Конституции Чеченской Республики устанавливается «единое гражданство» без упоминания гражданства РФ. Государственными языками в Ингушетии, Бурятии, Коми, Калмыкии, Саха (Якутии), Татарстане, Адыгее, Северной Осетии – Алания в соответствии со статьей 68 Конституции РФ являются два языка – русский и соответствующий язык «титულიной» национальности. Государственными языками Кабардино-Балкарской Республики на всей ее территории являются кабардинский, балкарский, русский языки (статья 69). В Республике Тыва тувинский язык признается государственным, а русский язык действует как общероссийский государственный язык (статья 33). Конституция Чеченской Республики не содержит норм о государственном языке. Обращает на себя внимание положение статьи 10 Конституции Республики Дагестан: «Государственными языками Республики Дагестан являются русский язык и языки народов Дагестана. Республика Дагестан гарантирует всем народам сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития.»

Неоднозначно решается вопрос организации политической власти в субъектах Российской Федерации. Согласно конституциям, государственная власть республик строится на основе принципа разделения законодательной, исполнительной и судебной властей. Самостоятельность республик в решении этих вопросов определена Конституцией РФ (часть 1 статья 77). Что касается состава высших законодательных и исполнительных органов и определения их правового статуса, здесь наблюдается разнообразие.

Высшим представительным, законодательным и контрольным органом Республики Саха (Якутия) является Государственное Собрание (Ил Тумэн) – парламент республики: оно состоит из двух палат – Палаты Республики и Палаты представителей. Президент является высшим должностным лицом и главой исполнительной власти в республике. В Республике Татарстан Государственный Совет является высшим представительным, законодательным и контрольным органом государственной власти. Он входит в единую систему представительных органов го-

сударственной власти республики, охватывающую в том числе местные Советы. Высшим органом законодательной власти в Чеченской Республике является Парламент. Законодательная и представительная власть Республики Тыва принадлежит Верховному Хуралу (парламенту). Исполнительную власть в республике возглавляет Президент. Кабинет Министров республики является исполнительно-распорядительным органом и подчиняется Президенту. Согласно пункт 13 статьи 73 Конституции Президент республики имеет право распустить Верховный Хурал в случае нарушения парламентом Конституции республики и ее законов. Кроме того, отношения Верховного Хурала и Президента, который является главой государства и исполнительной власти, характеризуются правом Президента объявлять референдум по вопросу о недоверии парламенту (пункт 21 статья 73). В Конституции предусматривается возможность отрешения Президента от должности Верховным Хуралом. Высшим представительным и законодательным органом Республики Башкортостан является Государственное Собрание. Президент – глава государства и высшее должностное лицо республики, осуществляет руководство деятельностью Правительства. В Республике Коми высшим законодательным и представительным органом власти является Государственный Совет, высшими органами исполнительной власти является Глава республики и возглавляемое им Правительство. Статус Правительства подробно не определяется. Законодательная власть в Республике Бурятия осуществляется Народным Хуралом – представительным и законодательным органом. Президент – глава республики, исполнительной власти и Председатель Правительства. В Конституции Республики Ингушетия есть положение о том, что в республике президентская форма правления (статья 2). Парламентом Республики Ингушетия является Народное Собрание – постоянно действующий законодательный орган республики, который может быть распущен Президентом. Предусмотрено отрешение от должности Президента (глава государства), такое решение может быть принято на всенародном референдуме (статья 55). Высшим представительным и законодательным органом власти Республики Калмыкия является Народный Хурал (парламент). Парламент может быть распущен Президентом. Существует специфика регламентирования института ответственности Президента, предусматривается

возможность выражения парламентом недоверия Президенту. В республике не предусмотрено создание правительства, структура органов исполнительной власти устанавливается Президентом. В Республике Дагестан Народное Собрание – парламент республики – представительный и законодательный орган государственной власти. «В народном Собрании гарантируется представительство всех народов Дагестана» (статья 71, 72). Исполнительную власть возглавляет Государственный Совет, он же обеспечивает взаимодействие органов государственной власти Республики Дагестан. «В состав Государственного Совета не может входить более одного человека одной и той же национальности. Государственный Совет выступает гарантом соблюдения Конституции РД, совместно с Народным Собранием определяет основные направления внутренней и внешней политики (статья 90, 91), образует Правительство Республики Дагестан. Председатель Государственного Совета является главой государства. В высшие органы государственной власти и управления Кабардино-Балкарской Республики входят Президент – глава государства и исполнительной власти, высшее должностное лицо; Парламент (Законодательное Собрание) – высший представительный и законодательный орган республики; Кабинет Министров – Правительство Кабардино-Балкарской Республики – исполнительный орган государственной власти, подотчетный Президенту республики. Президент КБР имеет право на роспуск парламента, введения чрезвычайного положения в республике, может быть отрешен от должности по предусмотренным Конституцией КБР причинам. В Республике Северная Осетия – Алания Президент республики как глава государства и глава исполнительной власти утверждает структуру Правительства, имеет право роспуска Парламента – высшего представительного и законодательного органа республики.

Анализ конституций субъектов Российской Федерации еще раз убеждает в том, что в большинстве субъектов РФ управляющих и управляемых характеризует традиционалистский тип политической культуры, укоренен в менталитете и проявляется в различных формах и, в частности, в политической традиции «единовластия», «автократии». От других республик отличается Дагестан, возможно, в силу демографических условий. Найден, как представляется, наиболее приемлемый вариант функционирования власти при наличии сепаратистских устремлений некоторых

общественных объединений республики. Но если говорить о степени демократичности, среди других выделяется Конституция Республики Адыгея. В Республике Адыгея главой государства и главой исполнительной власти является Президент Республики Адыгея. Государственный Совет – Хасэ Республики Адыгея – постоянно действующий высший представительный и законодательный орган государственной власти республики. Конституцией Республики Адыгея не предусмотрено право Президента РА роспуска Государственного Совета при том, что права и возможности Президента достаточно велики. Кабинет Министров Республики Адыгея – исполнительный орган государственной власти, формируется Президентом РА. Премьер-министр возглавляет Кабинет Министров. Премьер-министра и ряд министров Республики Адыгея назначает Президент Республики Адыгея с согласия Государственного Совета – Хасэ Республики Адыгея. Возможно, в утвержденной Конституцией РА системе власти и механизме ее формирования кроется «загадка» стабильности власти в Республике Адыгея, а в повседневной жизни это проявляется в способности ветвей власти к компромиссам.

Организация судебной власти в республиках имеет свои особенности в том объеме, какой дозволен Конституцией Российской Федерации. Практически все конституции республик не допускают чрезвычайных судов.

Несмотря на соответствующие ссылки на Конституцию Российской Федерации, нельзя не заметить тенденции к усилению региональной (на уровне республик) политической власти. «Жесткая», «сильная» власть со всеми ее полномочиями представлена в конституциях. Обоснования следующие: нестабильность в стране требует вмешательства государства в регулирование всех сфер жизнедеятельности общества в целях обеспечения их функционирования, во-первых. Основная база «широких» полномочий просматривается в нормативных актах, связанных с выборами²⁹. Во-вторых, местная элита (на уровне республик)

---

²⁹ См.: Региональные выборы в России. Российский центр избирательных технологий / Общ. ред. З. М. Зотовой, А. И. Ковлера. М., 1996; Российские регионы накануне выборов – 95. М., 1995; Выборы Президента Российской Федерации. 1996: электоральная статистика. М., 1996; Представительная демократия и электоральная культура / Общ. ред. и введ. Ю. А. Веденеева и др. – М., 1997.

в качестве субъекта правоотношений, облеченная соответствующими полномочиями, зафиксированными как в Конституции Российской Федерации, так и соответствующих нормативно-правовых актах, опираясь на международные правовые нормы, связанные с принципом права наций на самоопределение, преследует и последовательно добивается цели реализовать интересы и потребности «титульных» наций, связанных со строительством государственности республик, осознанно или неосознаваемо, **в соответствии с субменталитетами их социальных общностей**. В условиях нестабильности элиты руководствуются не столько международными правовыми нормами, сколько, исходя из «местных» условий, то есть практически *с учетом менталитета местного населения*, прежде всего «титульного», в той его части, где речь идет о традициях совместного проживания разных народов на данной территории, то есть *типа толерантности*, а также задач «текущего момента».

По-видимому, не случайно в ряде конституций фиксируются нормы, возведенные в ранг обязанностей граждан, предписывающие уважение чести и национального достоинства других граждан (Конституция Татарстана (статья 53), прав и свобод других лиц (Конституция Адыгеи (статья 47), самобытной культуры, обычаев, традиционного образа жизни народа (Конституция Саха (Якутия) (статья 32). А граждане Республики Тыва обязаны содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, «бороться за укрепление всеобщего мира...» (статья 53).

Рассуждения о президентской власти невозможно ограничить только анализом конституционных и других правовых норм, относящихся к президентству. Не менее важно и определение соотношения этих норм с политической практикой президентов. Очевидно и то, что само по себе утверждение поста президента в той или иной стране, с одной стороны, – это одномоментное возникновение института президентства с соответствующим законодательным и административным оформлением. С другой, – это длительный исторический процесс. В 1787 г. США, первая страна в мире, где был введен пост президента, сделали выбор между монархией и республикой. В построении федеральной исполнительной власти США изначально утвердился принцип единоначалия. В настоящее время более 130 стран из 183, входивших в начале 1993 г. в ООН, имеют пост президента.

Широкое распространение модель президентского правления получила в Африке. Этот процесс начался с конца 50-х – начала 60-х годов.

Изменения, происходящие на мировой арене с конца 1980-х годов, стимулировали дальнейшее распространение института президентства в Европе и в бывших республиках СССР. Каждая страна сама определяет, какую роль должен играть президент в ее политической жизни. В современной России и ее республиках фактически в этом институте, полномочиях, фиксируются в совокупности все имманентно присущие российской политической культуре характеристики легитимации власти, находят отражение традиции осуществления власти. Нет оснований утверждать, что в связи с отказом от тоталитарного прошлого, произошла коренная демократизация высшей власти как в Российской Федерации в целом, так и на уровне республик. Об этом свидетельствуют нормы конституционного права, предоставляющие практически неограниченные полномочия высшему должностному лицу. Справедливости ради надо заметить, что помимо своеобразной концентрации власти, единоначалия, многие конституции республик содержат «демократический момент», ряд общественно важных морально-политических и гражданских обязательств, которым должен следовать президент на протяжении всего срока своих полномочий. При всей декларативности торжественного обязательства, присяги, даваемых президентом перед лицом своего народа, – это один из ключевых элементов легитимности всего института президентства, неотъемлемое условие доверия народа главе государства и важный моральный ограничитель для президента.

В конституциях республик достойное место отведено правам человека как основе конституционализма. Не останавливаясь подробно на анализе прав, считаем целесообразным остановиться на вопросе, затрагивающем контекст нашего исследования. Прежде всего, это проблема соотношения прав и обязанностей человека и гражданина, являющегося важнейшим критерием демократичности той или иной конституции, и, конечно, одной из характеристик менталитета управляемых и управляющих.

Известно, что главный смысл создания первых конституций в мире заключался в обеспечении свободы и безопасности человека, свободы владельца частной собственности, товаропроизводителя, которая позволяла бы обеспечить развитие капиталистиче-

ских отношений, но, прежде всего, свободы человека, его безопасности от произвола государственной власти. «...Права человека, оставаясь нравственно-политическим императивом, приобретали юридическую форму»³⁰. Идея о том, что людям от рождения принадлежит ряд неотчуждаемых прав легла в основу соответствующих положений конституционных актов, принимавшихся в ходе Английской, Американской, Французской революций XVII–XVIII вв. До настоящего времени конституция любого государства, большого и малого, претендующая на право считаться демократической, содержит определенный перечень прав человека.

Анализируя соотношение прав, свобод и обязанностей, зафиксированных как в Конституции Российской Федерации, так и в конституциях республик в составе Российской Федерации, автор фиксирует, если не превалирование объема обязанностей над объемами прав и свобод, то в ряде случаев перечень обязанностей граждан занимает особое место, нередко выделяется в отдельную главу конституции. По сути, это показатель «недемократичности», то есть авторитарности или тоталитарности конституций. Считаем, однако, возможным предположить, что для современных российских условий применительна аналогия: *«восточный» тип менталитета и «традиционный» или тоталитарный тип политической культуры*, который, как мы убедились выше, проявился в период выборных кампаний. Тем более, что в большинстве случаев обязанности касаются соблюдения нравственных и культурных норм народов, сохранения самобытности. Ни в одной из конституций автором не обнаружено норм типа: обязанности трудиться (см.: Конституцию Китая), но есть случаи, когда в обязанности вменено получение общего образования (конституции Коми – статья 44, Бурятии – статья 41).

В ряде случаев республиканские конституции восполняют отдельные проблемы Конституции Российской Федерации или естественным путем идут дальше в регулировании тех или иных конституционных институтов. Например, в ряде конституций республик зафиксированы нормы, восходящие к обычаям и традициям народов³¹. В частности норма Конституции Кабардино-

---

³⁰ Конституционное (государственное) право зарубежных стран / Рук. авт. колл. и отв. ред. Б. А. Страшун. В 4-х т. М., 1993. Т. 1. С. 66

³¹ См. подробнее: Губогло М. Н. Национальное право и вопросы национально-культурных объединений в новейших конституциях республик Российской Федерации (1993–1995 гг.) // Национально-культурные автономии и объединения. Исто-

Балкарской Республики (статья 49) и Конституции Республики Адыгея (статья 35) о том, что трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны проявлять заботу о нетрудоспособных родителях. На Северном Кавказе этому придается самое серьезное значение. Известны свидетельства историков и очевидцев, что у горцев никогда не было нищих. Норма Конституции Адыгеи (статья 35 пункт 3) восходит к общечеловеческим ценностям: «Почтительное отношение младших к старшим и уважительное отношение старших к младшим – священный долг каждого». По сей день у адыгов сохранен адыгский этикет «Адыгэ хабзэ», утверждающий систему родственной отношений: 1) беспрекословное подчинение младших старшим и почтительное отношение к пожилым; 2) глубокое уважение гостя и тщательное его обхождение; 3) уважение человеческого достоинства каждой личности, независимо от социального положения, национальной и религиозной принадлежности; 4) строгое оберегание, сохранение чести семьи; 5) верность данному слову, честность, справедливость, храбрость, выдержка; 6) умение говорить красиво, наличие ценных мыслей в разговоре. Строгое преследование употребления нецензурных слов; 7) верность в супружеской жизни. Глубокое уважение женщин; 8) скромность и красивое поведение в общественных местах и в личной жизни, строгая умеренность в употреблении алкогольных напитков; 9) оказание помощи нуждающимся, братство между людьми и народами; 10) строгое подчинение детей отцу; 11) нетерпимость к нарушению какого-либо из этих принципов. Осуществление воспитания молодежи в соответствии с этими принципами было обязательным. Соответственно принципам морали были выработаны правила поведения, обязательные для всех, способствующие воспроизведению соответствующего менталитета социальной общности³². С полным основанием можно сказать, что традиция воспитания в семье на этих принципах, сохранилась и по сей день (об этом свидетельствуют и проведенные нами социологические исследования)³³.

риография. Политика. Практика. Антология. Т. II. / Отв. ред. М. Н. Губогло. М., 1995. С. 33–69.

³² См.: Загазев М. Г. Очерки по адыгской народной педагогике. Нальчик, 1996. С. 72, 73.

³³ См.: Указанные ранее социологические исследования «Этнополитические представления молодежи. Формирование и функционирование» (1997 г.).

Проведенный анализ конституций республик в составе Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что средством реализации политической стратегии Российской Федерации может быть лишь такое нормативно-правовое регулирование в государстве и обществе, которое учитывает сложившиеся субменталитеты социентальных общностей субъектов РФ и нацелено на установление подлинно федеративных отношений между Центром и субъектами Российской Федерации. Трудности в установлении взаимоотношений, исключающих конфликты, требуют теоретического осмысления особенностей действия принципа федерализма в условиях обновляющейся России.

Справедливо замечание О. Кутафина, что конституционно-правовой статус субъектов Российской Федерации определен, и достижение стабилизации в них политической обстановки невозможно без определения механизма реализации государственных полномочий как Федерации, так и ее субъектов ³⁴. Главная проблема, стоящая на пути поисков указанного механизма, как представляется, – имеющее место диалектическое противоречие между территориальным, то есть традиционным подходом к политическому регулированию федеративных взаимоотношений, формой и содержанием существующей модели государственного устройства Российской Федерации.

Ряд отечественных ученых основу такого механизма видят в справедливом распределении средств между регионами с тем, чтобы формальное равенство было дополнено их равными материальными возможностями ³⁵. Это, несомненно, создаст возможность удовлетворения не только материальных потребностей, но и этнокультурного развития в сфере образования, языка, культуры, быта и т. д. На современном этапе реформирования не менее важны исторически сложившиеся условия для естественного самодвижения, саморазвития общества, обеспеченного совокупной способностью его членов реализовать свой общественно-политический потенциал.

---

³⁴ См.: Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. Там же. С. 109, 112.

³⁵ См.: Крылов Б. С. Модели федерализма и статус субъектов Федерации // Федеративное устройство Российской Федерации и реализация принципов плюралистической демократии, правового государства и прав человека. Конференция по федерализму. Москва, 15–18 февраля 1994 г. М., 1995. С. 70–79; См.: также Шахрай С. М. Совместная программа деятельности Совета Европы и Российской Федерации. Там же. С. 55–62.

Полагаем, что создающийся механизм взаимоотношений Центра и субъектов Российской Федерации, призванный обеспечить гармоническое развитие каждого субъекта и Российской Федерации в целом неизбежно будет обусловлен этнополитическими процессами в России, прямо или косвенно подверженными влиянию субменталитетов социентальных общностей РФ.

Возможным направлением федеральной политики развития субъектов Российской Федерации могла бы стать подготовка развернутых правительственных программ по конкретным направлениям. Нельзя сказать, что российское Правительство, взяв курс на радикальное изменение структурной политики, аннулировав механизмы государственного управления экономическими процессами, не занимается разработкой долгосрочных программ и их финансированием. Но эта работа носит спонтанный характер. Нередко политические решения научно и экономически слабо обоснованы, игнорируется целесообразность использования прогностического инструментария и моделирования возможных последствий принимающихся решений, в результате – нередки случаи невыполнения ряда правительственных программ социально-экономического и культурного развития регионов³⁶. Большинство из программ экономически и финансово не обеспечены и, поэтому, остаются невыполненными.

В связи с утверждением Указом Президента Российской Федерации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации в 1996 г. сделан важный шаг на пути к определению стратегических задач, решение которых необходимо, прежде всего, для развития федеративных отношений, обеспечивающих гармоничное сочетание самостоятельности субъектов Российской Федерации и целостности Российского государства. Одной из главных задач, отраженных в Концепции, в политической и государственно-правовой сфере определена задача формирования Федерации, которая отвечала бы современным социально-экономическим и политическим реалиям и историческому опыту России, путем развития и углубления феде-

---

³⁶ К примеру, на 8,4% выполнен Указа Президента РФ от 10 февраля 1993 г. № 207 «О мерах по государственной поддержке экономического и социального развития Республики Адыгея»; на 1,6% (по данным на 01.07.1997 г.) выполнено Постановление Правительства РФ от 26 января 1995 г. № 81 «О государственной поддержке социально-экономического развития Республики Адыгея в 1995–2000 гг.»

ративных отношений³⁷. В духовной сфере – сохранение исторического наследия и дальнейшее развитие национальной самобытности и традиций взаимодействия народов в рамках евразийского национально-культурного пространства и др. Найден, думается, оптимальный вариант реализации Концепции посредством ряда государственных программ, которые формируются с учетом предложений регионов. Например, Государственная программа национально-культурного развития русского народа должна предполагать, как представляется, решение ряда задач, среди которых культурно-языковая адаптация русских в новых условиях функционирования Российской Федерации с учетом того, что этногенез русской нации проходил на территории многих современных субъектов Российской Федерации. Не секрет, что, благодаря особому месту русского этноса среди других этносов СССР, русские в большинстве случаев не имели необходимого стимула к освоению языков других народов, их культуры. В новых условиях функционирования Российской Федерации возникает настоятельная потребность выработки форм адаптации к языку, культуре, образу жизни «титulyных» народов республик Российской Федерации. Государственные программы должны строиться на принципах учета исторической глубины контактов между народами в каждом регионе, республике Российской Федерации, истории их взаимоотношений, прогрессивных традиций, сложившихся за время совместного проживания на данной территории, меры культурно-языковой дистанции, совершенствования системы образования и обучения русскому языку, языкам «титulyных» народов. Это касается и готовящихся государственных программ относительно политики на Северном Кавказе³⁸.

Поиски путей оптимального варианта развития федеративных отношений естественным образом привлекают внимание ученых

---

³⁷ См.: Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 г. № 909. 16 с. // Текущий архив Министерства печати, информации и общественно-политического прогнозирования Республики Адыгея. С. 3, 5, 6.

³⁸ Соответствующие записки в Министерство Российской Федерации по делам национальностей и Федеративным отношениям подготовлены автором – начальником управления анализа и прогнозирования общественно-политических процессов Министерства печати, информации и общественно-политического прогнозирования Республики Адыгея (Полякова Т. М.) Текущий архив Министерства. 1997.

и исследователей. За последние годы создано немало проектов программ, концепций.

Полагаем, что неоднократные попытки разработать концепцию кавказской политики Российской Федерации свидетельствуют о том, что политика Российской Федерации в кавказском регионе нуждается в корректировке³⁹. Но в большинстве своем эти концепции настаивают на решении проблем субъектов Российской Федерации, в частности, республик путем установления национально-культурной автономии⁴⁰. Безусловно, один из центральных вопросов стабилизации политической системы Российской Федерации – создание условий для автономного самоопределения наций относительно фундаментальных ценностей, культуры. Но не менее важен политический аспект проблемы, о чем нами сказано выше. Заслуживает понимания позиция А. И. Сухарева в той части, что противопоставлять целое и его части – это означает искусственно рвать систему. Но и не замечать их объективной относительной самостоятельности, их специфических интересов, которые не всегда и не во всем совпадают, столь же губительно⁴¹. Становление правового государства Российской Федерации невозможно без преодоления патерналистских отношений Федерации и ее субъектов и предполагает ответственность в реализации взаимных обязательств.

Важный этап совершенствования системы нормативно-правового регулирования политической системы Российской Федерации, конституционного регулирования отношений между Центром и субъектами Федерации начался с момента вступления России в Совет Европы. В этом процессе, несомненно, найдется место творчеству субъектов Российской Федерации, что будет способствовать утверждению в деятельности государства *принципа федерализма*.

---

³⁹ Записка подготовлена автором (Полякова Т. М.) в Северо-Кавказскую академию государственной службы. 1997 г. на 4-х листах. Текущий архив Министерства печати, информации и общественно-политического прогнозирования Республики Адыгея, 1997 г. См.: Концепция кавказской политики Российской Федерации (Автор Жданов, профессор, г. Ростов на Дону) Текущий архив автора.

⁴⁰ См. также: Национально-культурные автономии и объединения. Антология. В 3-х т. / Отв. ред. М.Н.Губогло. М., 1995; Печенев В. Существует ли в Российской Федерации национальная и региональная политика? Какой ей быть? Майкоп, 1995.

⁴¹ Сухарев А.И. Основы регионологии. М., 1996. С.8.

Следование принципу федерализма в политической практике и осуществлении нормативно-правового регулирования политической системы и общественных отношений позволит диверсифицировать, ограничивать, контролировать политическую власть путем разделения по вертикали полномочий и обязанностей между Центром и субъектами Федерации, будет способствовать интеграции общества, обеспечивая саморазвитие субъектов, наращивание ими собственного потенциала. Последнее достижимо, как представляется, благодаря большому объему прав субъектам Федерации на собственную позицию в проведении реформ, в том числе политических. Это в полной мере касается права на собственное законодотворчество, формирование конституционного права субъекта Федерации, при условии, что указанное не несет угрозы конституционному строю Российской Федерации. Влияние Центра может рассматриваться как организационно-координирующая деятельность. Проблема теоретического осмысления действия принципа федерализма в условиях Российской Федерации применительно к современному этапу ее развития предполагает теоретический анализ, изучение пока не разработанной, слабо изученной проблемы соотношения централизации и децентрализации суверенной федеральной власти и власти субъектов Российской Федерации, развитие прогнозирования процессов взаимоотношений, прогнозирования последствий политических решений различных уровней и в целом общественного развития.

В силу традиции, сложившейся в рамках немецкой классической философии, а также в марксизме, принято считать, что движущей силой развития в природе и обществе является борьба противоположностей, «...не менее важным фактором развития является процесс гармонизации, совмещения, согласования»⁴², толерантности. Роль последнего в современных условиях возрастает, идет поиск объединяющих принципов взаимоотношений. Это означает не что иное как согласование интересов субъектов взаимоотношений, и, на основе сохранения их сущности, порождение новых качеств взаимоотношений. В результате, именно принцип гармонизации приводит к существенным изменениям менталитета, ценностных установок личности и общества.

---

⁴² См.: Васильев Г. Н., Зобов Р. А., Келасьев В. Н. Указ. раб. С. 159, 160.

4.3. Роль менталитета в формировании политической стратегии и стабилизации политической системы в условиях трансформации российского общества

Менталитет как исторически сложившаяся устойчивая система культурных, этнических, психологических, политических, умственных установок, предрасположенностей индивида и социальной общности, определяющая состояние общества в определенной социокультурной или в политической среде, обуславливающая процесс становления и функционирования политической системы, благодаря, прежде всего, деятельности субъектов политического процесса, в частности партий и других объединений граждан как представителей социальных интересов носителей менталитета, оказывает непосредственное влияние на выработку в недрах политической системы соответствующей политической стратегии. Основные политические силы общества, как субъекты политического процесса и политические субъекты, борющиеся за власть в рамках страны, а также в ее регионах, получают непосредственную возможность воздействовать на государственную политику, политический процесс, формирование и функционирование институтов политической системы. Уже в ходе борьбы за власть (предвыборной, классовых выступлений, выступлений трудовых коллективов под руководством профсоюзов, подпольной деятельности и др.) идет процесс формирования основ будущей политической системы, защиты завоеванной системы.

Все попытки объяснения системы политических отношений (политическая элита, политический режим) посредством таких понятий как «государство», «народ», «правлящее меньшинство», «партии», «бюрократический аппарат», «политическая демократия», слабо выявляют гносеологические основы формирования самой системы, причинно-следственные связи ее становления и возникновения, перспективы развития, ее функции. Ученые ряда стран пытаются представить политическую систему, ее функции и организационно-структурное строение как идентично универсальную систему политических отношений, приемлемую для всех стран мира. А. Ципко утверждает, что «эпоха, которую мы называем эпохой перехода от капитализма к социализму, была, по сути, эпохой противостояния цивилиза-

ции нецивилизованным, тупиковым формам развития...»⁴³ Во многом в связи с этим, как утверждает М. Лебедев, политические системы и формы хозяйствования в бывших социалистических странах не могут быть реформированы иначе, как их сломом»⁴⁴.

Сущностное содержание, функциональные направления и организационно-структурное построение политической системы общества в теории и на практике имеют паллиативный характер. В целом рассмотрение проблемы становления, развития и характера функционирования политической системы общества, а также осуществление политики, как оно выглядит в учебно-исследовательской литературе, концептуально можно было обобщить в следующих направлениях:

- политическая система гносеологически – явление социальное, развивающееся адекватно процессам размежевания общества на имущих, средние слои и неимущих;

- политическая система призвана обеспечивать систему государственного управления меньшинства (элита) большинством (население);

- политическая система – это общее социальное управление, включающее в себя систему государственной власти;

- политическая система предполагает соответствующий тип государственного режима и аппарат насилия, принуждения и регулирования социально-экономической и общественной жизни и т. д.

Многоплановость этих и других исходных позиций раскрытия сущности политической системы свидетельствуют, с одной стороны, о развитости самой теории политической системы, с другой – о необходимости избирательного подхода в применении принципов и норм функционирования политической системы, утвердившихся в зарубежной политологии, в российской политике; о необходимости дальнейшего совершенствования политических отношений в условиях трансформации общества. При этом, системы государственного управления, социального управления, в конечном итоге призванные обеспечивать стабильность политической системы, вряд ли жизнеспособны без политической стратегии.

Формирование или реорганизация политической системы без политической стратегии и тактики – дело весьма сложное в современ-

---

⁴³ См.: Ципко А. О. О причинах нарушения реального социализма в странах Восточной Европы. М., 1990. С. 3.

⁴⁴ См.: Лебедев М. Политические реформы в социалистических странах: сложности и противоречия. М., 1989. С. 6.

ной России, когда экономический базис общества находится в стагнационном состоянии, когда государство устранилось от проблем политического регулирования, нет единства среди субъектов политики. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что возможными принципами совершенствования политической системы в условиях трансформации российского общества с учетом его менталитета могут быть: 1) принцип *толерантности* (терпимости), свойственный субменталитетам социентальных общностей. Однако, сам по себе, без активной пропаганды его и поддержки государством, вряд ли он станет активным инструментом формирования механизмов согласия; 2) принцип *интеграции политических позиций* (коалиционное правительство); 3) принцип *дифференцированного подхода* к политическому рекрутированию, это касается, прежде всего, участия в осуществлении властных отношений (партийные программы, социальные, этнические интересы и др.).

Основными звеньями политической системы общества, способными принять участие в выработке политической стратегии, могут быть: влиятельные партии (отражающие интересы больших социальных групп) или правящая партия; средства массовой информации; депутатские фракции, придерживающиеся проправительственной политики и находящиеся в оппозиции; институт советников, экспертов в соответствующих ветвях власти; контрольно-правовые структуры, обеспечивающие связь с общественными организациями и прессой; специальные структуры административных органов власти, обеспечивающие правопорядок и контролирующие поведение общественно-политических партий, других объединений граждан; аналитические службы изучения общественного мнения. Среди других звеньев политической системы и субъектов политического процесса наибольшей мобильностью отличаются политические партии. Не случайно, иногда характеристики политической системы связывают с характеристиками партийной системы. В сущности, развитие политического процесса в России 90-х годов, в том числе этнополитического, и становление новой политической системы, как было показано в предыдущих главах исследования, непосредственно связано с деятельностью партий, общественно-политических организаций.

Политические партии, являясь решающим субъективным фактором развития совокупной системы общественных отношений, обеспечивая приход к власти соответствующих сил

(представляя те или иные социальные интересы), предлагают идеологические обоснования перспектив развития страны. Не случайно «Движение блока демократических сил «Демроссия» стало главным политическим фактором в политических и экономических преобразованиях России после августа 1991 г. При всей разрозненности теоретических, программных положений, взглядов на перспективы развития общества, блок «Демроссия» имел свои концептуальные позиции. В частности, движение провозгласило своими важнейшими задачами: становление и развитие гражданского общества; приоритет частной собственности в условиях свободной конкуренции; последовательную демонополизацию, освобождение всех сторон жизни общества: государственно-политической, экономической, национальной, культурной; принятие новой Конституции, создание стабильной и эффективно действующей системы представительных и исполнительных органов от общероссийского до муниципального уровня. Для осуществления этих задач было необходимо: безотлагательное проведение эффективной приватизации под общественным контролем; либерализация цен и доходов, реализация прав частной собственности на землю, включая куплю-продажу, создание благоприятного правового, налогового, финансового климата, компенсация падения доходов (работников непродовольственной сферы)⁴⁵. Президент России в критических обстоятельствах соглашается с программой, «Демроссия» постепенно становится влиятельной политической силой, взявшей курс на проведение радикальных экономических реформ. Затем политические силы демократической ориентации объединяются в блок «Выбор России», затем преобразовавшийся в политическую партию. Место «Выбора России» в политической жизни было предопределено рядом допущенных методологических ошибок: прозападные ориентации в осуществлении реформирования общества, отсутствие связи предлагаемой политической стратегии с традициями российского общества, его менталитетом, ориентация на малую часть общества – еще не сформировавшийся «средний» класс и т. п., невнимание к вопросам формирования новой политической культуры, соответствующей новой политической системе. Новые задачи предлагалось решать методами прежней, тоталитарной, политической систе-

---

⁴⁵ См.: Материалы II съезда Движения «Демократическая Россия». М., 1991. С. 30, 31, 39.

мы. Граждане не мыслились в качестве субъектов политики. Игнорирование менталитета общества на подступах к его реформированию обернулось ни чем иным, как крахом иллюзий.

Были ценными попытки предложить идеологическое обоснование реформ Движением демократических реформ (ДДР), представлявшим интересы, прежде всего, предпринимателей⁴⁶. Движение декларировало поддержку мер, направленных на эффективную, демократическую приватизацию государственной собственности, защиту частной собственности; смягчение тягот переходного периода, развитие социально ориентированного рынка; проведение радикальной аграрной реформы; реформирование системы власти на основе последовательного разделения властей. Немало ценных предложений зафиксировано в программных документах Российского Движения демократических реформ (РДДР). Среди задач в политической сфере ставились: упрочение государственности России как независимой демократической республики; принятие новой Конституции России; проведение выборов в органы государственной власти на альтернативной основе; развитие демократического парламентаризма; создание условий для эффективной реализации прав наций; формирование парламентской оппозиции; развитие местного самоуправления как эффективной формы самоорганизации граждан; равноправие конфессий и др.⁴⁷ Политические приоритеты «Гражданского союза»⁴⁸ декларировались следующим образом: сохранение целостности России как сильного многонационального демократического государства; противодействие политическому радикализму; проведение конституционной реформы при достижении стабилизации экономики, социальной стабильности; корректировка правительственного курса, направленная на преодоление промышленного спада; стимулирование предпринимательской активности; социальная политика на основе партнерских отношений работодателей, трудящихся и правительства, адресная поддержка населения. Движение «Демократическая Россия» декларировало готовность к совместным действиям с другими движениями, партиями, союзами

---

⁴⁶ См.: ДДР – возникновение и развитие. Вып. 1. М., 1991. С. 2, 3.

⁴⁷ Заявление о целях Российского Движения демократических реформ // Многопартийность в России: Блоки и коалиции (Программные документы) / Сост. З. М. Зотова. М., 1992. С. 58, 59, 60.

⁴⁸ Экономический вестник: Ежемесячный бюллетень. 1993. № 3. Июнь.

в реформировании российского общества; выступало за демонополизацию в сфере экономики, информатизации, политики, культуры; предлагались варианты радикального решения проблем реформирования⁴⁹. Отчасти осознанно, отчасти не осознавая, идеологи указанных и других партий, блоков и движений составляли программы и политические декларации, в той или иной степени, с ориентацией на основные ценности общества, его жизненный уклад, образ мыслей и образ жизни, политическую культуру, в конечном итоге, менталитет, по-видимому, оттого, что сами являются носителями менталитета, свойственного российскому обществу. Несмотря на то, что в программных заявлениях партий и партийных лидеров можно найти немало подтверждений того, что они не исключали реформирование общества с ориентацией на его ценности и возможность политических компромиссов, но формы и методы реализации программных установок, тактика на выборах и участие в принятии политических решений выявляли, во-первых, непримиримость противоборствующих сил и, во-вторых, отсутствие четкой позиции в выборе путей и конечных целей реформирования.

Не в состоянии оказалась реально повлиять на процесс становления новой политической системы и выработку политической стратегии и сама власть, в частности, ветвь представительной власти. Например, партийная структура депутатского корпуса в ноябре 1992 г. отличалась политической пестротой, появление ряда фракций также не давало оснований говорить о формировании каких-либо четких политических линий и позиций. Тем не менее, можно выделить группы депутатов, поддерживавших правительство Ельцина-Гайдара. Это депутаты от разных фракций, объединенных в «Парламентскую коалицию реформ»; центристы, объединившиеся в парламентский блок «Демократический центр». Оппозиция, была представлена блоком «Российское единство». При относительной ясности позиции сторонников правительственного курса и оппозиции, которые можно рассматривать как антиподы (оппозиция требовала отказа от программы либеральных реформ и перехода к преобразованиям в соответствии со сложившимися формами социального и политического устройства, образом жизни: об-

---

⁴⁹ См.: Программное заявление Совета представителей Движения «Демократическая Россия» // Многопартийность в России: Блоки и коалиции (Программные документы). Там же. С. 10.

щинным укладом, своеобразным рынком, соборными принципами управления и самоуправления), центристы предлагали коррекцию тактики реформ, учет позитивного опыта управления, необходимость социальной защиты населения. Депутатский корпус, не отличавшийся единством, достаточно полно отражавший состояние общества накануне выборов в Госдуму в 1993 г., в принципе, не в состоянии был определиться в вопросе о будущем национально-государственном устройстве России, обсуждая в острых дискуссиях взаимоисключающие типы государств: конфедерация, федерация, унитарное государство.

Итоги выборов 12 декабря 1993 г. и принятие Конституции Российской Федерации обеспечили принципиально новое положение российских партий в политической системе. В этот период более отчетливо обозначилась расстановка политических сил различных идейно-политических ориентаций⁵⁰. Субъектами высшей законодательной власти России на этот раз стали представители некоммунистов: АПР, КП РФ; левого центра: Женщины России; правого центра: ДПР (Н. Травкин); Яблоко, Партия российского единства и согласия; правых радикал-либералов: Выбор России; ультра-правых: ЛДПР. Партии ультра-левой ориентации (РК РП (В. Тюлькин), РПК (А. Крючков), Трудовая Россия (В. Анпилов) в парламенте не были представлены. Это также не случайно. Избирателей мало интересовали лозунги, призывавшие к возврату в тоталитарное прошлое. В программных заявлениях партий того времени можно отметить начало артикулирования социальных интересов граждан, хотя, несомненно, о сложившейся социальной базе большинства партий в тот период говорить не приходится. Развитие политического процесса и негативных тенденций в его недрах подвигло ряд партий пересмотреть прежние свои позиции. Стратегические устремления КП РФ концентрируются на идеях государственного патриотизма, державности, многоукладности экономики; обеспечении целостности и независимости государства; восстановлении государства в прежних границах СССР. Близки к указанным ориентациям положения программы АПР. «Выбор России», согласно своей позиции правой радикально-либеральной партии, продолжал настаивать на «цивилизационном сломе», демонстрируя на словах и на деле свою приверженность либераль-

---

⁵⁰ См.: Тимошенко В. И. Российская многопартийность: проблемы типологизации // Политолог: взгляды на современность. М., 1994. С. 5, 6, 7.

ной идеологии и ее применению в различных сферах жизнедеятельности общества в радикальных вариантах. ПРЕС (С. Шахрай) в качестве программных выдвигает принципы консерватизма, федерализма, самоорганизации; декларирует установление в России конституционной федерации с равными полномочиями ее субъектов (один из вариантов «территориальной» федерации, близкий к американскому типу). В своей деятельности ПРЕС обещает опереться на такие традиционные ценности, как духовность, нравственность, семья, государство, собственность.

В период после выборов 1993 г. и в связи с принятием Конституции РФ развитие политического процесса связано с поисками путей утверждения федерализма в России. Но решение указанной проблемы было не под силу данному составу депутатского корпуса. В этот период ученые, политические деятели все настойчивее заявляют о необходимости преодоления практики давления органов власти на общество при решении проблем реформирования⁵¹.

Новый этап политического процесса связан с выборами в Госдуму РФ в 1995 г. В условиях углубления кризиса всех сфер жизни политические силы, претендующие на власть, почти все, заявляют о необходимости отказа от «шоковой» терапии как метода осуществления экономических преобразований; об изменении роли государства в проведении экономической реформы; декларируется поддержка и формирование среднего класса. Трактовка роли государства существенно меняется, в большинстве программ говорится о социальном государстве, вместо регламентирующей рассматривается регулирующая роль государства в обществе. Общее программных установок – их декларативный характер, идеи, как правило, не подкрепляются делами. Практически все активные партии к 1995 г. и позже не предлагают для решения новых задач адекватных средств, методов, тактики и политической стратегии. Кризисным состоянием общества, необходимостью радикальных мер по выводу его из кризиса обосновывается необходимость усиления президентской власти, авторитаризации власти. Иными словами, лидеры реформаторов остаются верными себе, своему менталитету и пока не изменившемуся менталитету общества и традиционалистскому типу политической культуры. В конце 90-х годов политические партии России, в том числе «партия власти» (НДР) и

---

⁵¹ См., к примеру: *Михеев В. А.* Социальное партнерство: проблемы и противоречия // Политология: Взгляды на современность. М., 1995.

другие парламентские партии (КП РФ, ЛДПР, Яблоко)⁵² и их лидеры по-прежнему далеки от ответа на вопрос, каковы стратегические перспективы развития общества.

Ни одна из партийных программ ныне существующих российских партий, по-видимому, не может претендовать на то, чтобы быть принятой за основу будущей политической стратегии Российской Федерации, способной обеспечить стабильность политической системы. Возможен, вероятно, совместный поиск путей дальнейшего продвижения общества по пути реформ. Однако механизма, который бы обеспечивал сотрудничество партий, достижение консенсуса разных политических сил и их программ, пока не выработано. О возможности формирования коалиции политических сил, наделенной политической властью, говорить не приходится до тех пор, пока «парламентские» партии пребывают в неравном положении. Например, не все партии имеют реальную возможность формировать Правительство России. В этих условиях аналитические службы, контрольно-правовые структуры, обеспечивающие связь с обществом, другие звенья политической системы, способные принять участие в выработке политической стратегии, могли бы учесть позитивный потенциал программных документов как парламентских, так и региональных партий и общественно-политических движений, национально-культурных организаций, где находят отражение витальные, социальные, политические, моральные, эстетические ценности и ценностные ориентации, свойственные субменталитетам тех или иных социальных общностей РФ, лежащие в основе позитивных устремлений и мотиваций большинства объединений граждан, находящихся на пророссийской позиции (республики в составе РФ, сохранение целостности России).

Политическая стратегия, обеспечивающая стабилизацию политической системы, как представляется, должна основываться на политической программе, имеющей высокую степень научной обоснованности, адекватности запросам общества, народа, согласованности с его менталитетом, политической культурой, интересами большинства населения. Без сотрудничества партий и движений, представляющих различные социальные и полити-

---

⁵² См. Партийные программы партий-участников выборов в Госдуму РФ в 1995 г.: Зотова З. М. Выборы в России: взгляд политолога / Общ. ред. Н. М. Блинова. М., 1996.

ческие интересы, сотрудничества власти со всеми субъектами общественных интересов в процессе реализации властных отношений здесь не обойтись. *В основе методологии разработки научно обоснованной государственной политической стратегии должны лежать*, прежде всего, концептуальные подходы к текущему и перспективному развитию общественно-политического строя, государственного строительства, структурно-базисных основ общества, программные положения политических партий, представляющих социальные интересы носителей субменталитетов общества, а также учитываться перспективы мирового общественного развития. Важен учет научно-технологического развития, уровень востребованности его достижений, которые являются реальным фактором материальных, социальных возможностей самой государственной политики и критерием авторитета правящих политических партий, политической власти.

Выбор стратегии должен рассматриваться также с позиций учета доминирующих, прежде всего, прогрессивных социальных интересов общества, исторического опыта, политических традиций; осуществляться на основе принципа исторической преемственности, исторически сложившихся базисных экономических отношений, в том числе форм собственности.

Политическая стратегия должна предполагать и соответствующий механизм политического регулирования в различных сферах как совокупность законодательно-исполнительных (государственных) решений и организационных мероприятий по укреплению и развитию соответствующих властных отношений в обществе.

В системе общественно-политических отношений диапазон механизмов политического регулирования и координации определяется и регламентируется целями и задачами субъектов политических отношений. Например, для политических партий принятие партийного решения определяется партийной программой, степенью важности социального интереса, который она представляет, массовостью поддержки, компетенцией и полномочиями принимать политические решения или участвовать в их принятии, то есть весом партии не только в обществе, но и в органах управления, наконец, социально-экономическими условиями.

В соответствии со своими функциями каждое звено политической системы в процессе реализации политической стратегии вырабатывает и использует свои средства защиты существующей системы государственного строя и властных отношений,

либо с целью совершенствования системы, ее изменения, либо для выработки механизмов нейтрализации радикализма, стабилизации и гармонизации всей системы общественных отношений.

Политическая система за длительный путь своего развития накопила мощный арсенал средств поддержки, противостояния и завоевания власти, а также формирования мировоззрения у членов общества, механизмы утверждения систем государственных, политических и социально-экономических отношений, вплоть до организации социальных революций. Имеется в виду, прежде всего, деятельность политических партий. Сильным потенциалом обладают те из них, которые предлагают наиболее глубоко и научно обоснованную мировоззренческую идею социальной справедливости и благополучия, выражают интересы большинства или значительной части населения, бережно относятся к исторически сложившимся духовно-нравственным ценностям общества и владеют средствами организации борьбы за власть, ее поддержания и развития. Среди таких средств: 1) идеологическая и социально-экономическая научно обоснованная программа политической деятельности по поводу формирования и развития системы властных отношений, соответствующего общественно-политического строя и путей развития социально-экономического базиса общества; 2) формирование единого блока депутатских фракций, нацеленного на проправительственную поддержку или оппозиционную борьбу; 3) Формирование единой системы связи между депутатами и избирателями; 4) политика СМИ (проправительственная, оппозиционная или независимая); 5) государственная политическая система контроля подготовки и переподготовки кадров государственной службы; 6) государственная политическая система контроля (прокуратура, юстиция, административные и иные органы) деятельности общественно-политических организаций, в демократическом обществе посредством институционализации; 7) механизмы обратной связи «государство – общество», предполагающие контроль за деятельностью государства, исполнением Конституции страны; 8) реализация партийных решений посредством лоббирования в органах государственной власти или прямого участия в принятии политических решений; 9) политический маркетинг, организация и проведение предвыборных кампаний; 10) система идеологических и организационных мер по сотрудничеству с религиозными организациями; 11) политическое рекрутирование, молодежная политика; 12) идеологическая работа

среди широких слоев населения по формированию общественного мнения, по формированию позиции в отношении предлагающихся в программе политической стратегии и тактики развития страны, будущего государственного устройства; 13) государственная система формирования политической элиты. 14) Формирование политической культуры, внедрение новых ценностей, соответствующих новой политической системе, на базе исторической преемственности.

Если средства функционирования политической системы не лишены динамичности, гибкости, то методы использования этих средств более адаптивны к среде и происходящим в ней изменениям⁵³. В свою очередь, **система политического регулирования** не может успешно функционировать, если она игнорирует определение стратегической цели реформирования общества и разработку в соответствии со стратегией тактики, методов реформирования. К таким методам мы относим: системный метод; метод прогноза; связанный с первыми двумя – аналитически-прогностический метод; метод альтернативного подхода к выбору политических средств идеологической работы; комплексный подход к использованию средств политического воздействия и др.

Механизм политической технологии связывает задачи основных элементов социальной системы с целями политической системы в главном и основном, это способ направления и координации социальных действий в процессе достижения социальных целей. Данный механизм определяет границы возможностей социальной системы.

Например, центральными механизмами этой технологии можно считать свободный рынок в условиях XIX в. и государственную бюрократию, которая, как показывает опыт XX в. в различных странах (не только социалистических), может выполнять аналогичную роль. Это – различные регулирующие механизмы, хотя с точки зрения функций они могут рассматриваться как эквивалентные.

То, какой механизм регуляции является центральным, зависит от политической стратегии, политической культуры общества, состояния экономики, стратификации общества, которые, в

---

⁵³ См. подробнее: Кулинченко В. А. О соотношении насилия и согласия в теории и на практике // Политические конфликты: от насилия к согласию. М., 1996.

конечном итоге, обеспечивают динамику социального развития. Хотя взаимозависимость между компонентами политической системы и центральным механизмом регуляции имеет место, источник их эволюции следует искать в изменении социальных ролей субъектов политики, прежде всего, личностей, социальных групп, их социального статуса. Именно изменение социальной организации дает начало не только изменению политической культуры, но и менталитета в целом, естественно, влияет на уровень развития гражданского общества, на развитие и тип экономики.

В процессе формирования центрального механизма регуляции не последнюю роль играет право и сложившаяся исторически иерархия ценностей. Достижение стратегической цели, предполагающей построение демократического, правового государства возможно лишь путем использования таких экономических, социальных и политических технологий, которые, отвечая менталитету социентальной общности Российской Федерации, создавали бы условия для максимального раскрытия творческого потенциала народа, усиливали бы его позитивную активность. При всем разнообразии технологий, мировой опыт показывает, что в основе их лежат в тех или иных вариантах и сочетании две основные современные общественно-экономические модели: либеральная, исходящая из «равенства возможностей» и базирующаяся на принципах максимальной свободы человеческого выбора и предельно раскрепощенном индивидуализме, и социал-демократическая, исходящая из «равенства результатов» и коллективной солидарности членов общества в решении стоящих перед ним проблем. Обе эти модели имеют свои крайние полюса (крайне правый радикальный либерализм и крайне левый радикальный социал-демократизм, принявший в России свою специфично российскую форму – большевизм) и оттенки, сближаясь друг с другом, при усилении социальных начал в либеральной модели и либеральных – в социал-демократической. Идеологические течения – консерватизм и традиционализм в той или иной мере также тяготеют либо к либерализму, либо к социал-демократизму. Анализ показывает, что именно в дихотомии индивидуализма и коллективизма лежат истоки борьбы идеологий в XX в. Справедливо утверждение, что российская культура (в широком смысле) – это не европейская индивидуалистическая и не азиатская коллективистская культура, а самобытная национальная культура, обогащенная

включением в нее элементов культур различных народов. Поэтому российский путь в экономике так же, как и в реализации политических технологий развития российского общества, состоит в определении такого видоизменения и соотношения моделей, которое максимально отвечало бы менталитету российского общества. Говоря о нерусских народах, можно предположить, что с учетом их социокультурных особенностей и менталитета, во многих случаях существенно отличающихся от тех, которые присущи русскому народу, особенности и оптимальное сочетание либеральной и социал-демократической моделей для субъектов РФ могут быть иными, чем у краев и областей России.

Вопреки утверждению Р. Дарендорфа о том, что классовая и групповая структура общества объясняется прежде всего внутриорганизационными причинами,⁵⁴ думается, эта структура тесно связана с политическими, экономическими и культурными процессами в обществе, его менталитетом, сопровождавшими весь путь его развития. «...Оригинальность каждой из культур заключается, прежде всего, в ее собственном способе решения проблем, перспективном размещении ценностей, которые общи всем людям. Только значимость их никогда не бывает одинаковой в разных культурах»⁵⁵.

Поэтому новая политическая система, обеспечивающая реализацию политической стратегии, предполагает культивирование ценностей, соответствующих этапу развития общества, а также будущему его состоянию. Ценностные ориентации государственной политики неизбежно обуславливаются и задаются перспективными целями развития общества. «Чем сложнее общество, тем значительнее дифференциация присущих ему ценностей, что создает полиморфизм культуры, не сводимый к каким-либо однозначным характеристикам»⁵⁶. Это многообразие вытекает из нескольких источников (например, социальная, национальная разнородность общества; функциональное различие ценностей по уровням и сферам и др.) и, в конечном итоге, предполагает наличие в обществе субменталитетов.

Ценности, способные служить ориентиром для государственной политики, могут рассматриваться как выбор состояния,

---

⁵⁴ См. : Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.

⁵⁵ Цит. по: Знание – сила. 1992. С. 19.

⁵⁶ См.: Ерасов Б. С. Социальная культурология. М., 1997. С. 131, 133.

имеющий особое позитивное значение для будущего в представлении членов данной социентальной общности. Эти ценности, служащие ориентиром в стратегических целях государственной политики, обеспечивают упорядоченность в выборе тактических приемов и средств реализации избранной политической стратегии. В связи с этим возможен гибкий механизм политического регулирования, подчиняющий себе функционирование обычаев, норм и значений, важных для общества. Важно помнить, что «ценности не только преобразуют механизм нормативности, они принципиально перестраивают и те системы значений, через которые человек познает окружающий мир»⁵⁷. Ценности предстают как подвижная и зависимая сфера политического регулирования, обусловленная общей динамикой.

Особенностью отечественных представлений об идеальном общественном устройстве является их этикоцентризм, морализаторство, которые строятся на моральном абсолюте общества, стремлении к неполитическому, общинно-нравственному порядку.

Каждый политический субъект, в том числе и народ, и личность, согласно социальным и политическим интересам, традициям, культуре, ментальности ориентируется как на свои собственные политические ценности и идеалы, так и на общие, характерные для конкретного государства, гражданского общества, политические ценности, которые имеют тенденцию интернационализироваться, как то: демократия, гуманизм, солидарность, суверенитет, свобода, справедливость, достоинство, равенство. Все эти ценности самым тесным образом связаны с правом. Ступени развития, к примеру, понимания свободы или движение к постижению обществом этих ценностей, есть и ступени развития права. Право – это идея, норма и выражение свободы, учреждение разумного общественного порядка. Но право – не исходная точка, а результат общественного развития. Утопично предполагать, что в ходе коренных общественных преобразований возможно заимствование принципов, норм и т. п. иных политических и нормативно-правовых систем.

В России издревле воспевались те идеалы, которые могли подвигнуть людей на самоотверженные поступки во имя общего блага. Политический идеал – это, прежде всего, идеал власти, идеал будущего политического устройства общества, он содержит в себе представления о должной организации и надлежащем

---

⁵⁷ См.: Ерасов Б. С. Указ. раб. С. 130.

управлении. Реальное бытие народа, естественно-географическая среда, конкретно историческая специфика его развития, менталитет придают его идеалам особое значение и звучание и определяют место в иерархии ценностей. Общество россиян, как и в целом человечество, не может жить без идеала, а политическая система — нормально функционировать без соответствующей идеологии и политической стратегии.

Общественная вера в справедливость, идеал гармоничного мира в России испытали сильное воздействие общинных традиций, на которых воспитаны многие поколения россиян. Стойкость этих традиций, возможно, в какой-то мере, препятствовала в свое время появлению свободного крестьянина (фермера). Задерживался и процесс социального расслоения в деревне. Народные представления о равенстве и братстве вытекали, в большей степени, из религиозной системы, из складывавшихся веками взглядов на частную собственность, из стремления к утопическим идеалам.

Вера в идеалы коллективизма вдохновляла российских социал-демократов и большевиков. Некоторые из марксистов начала века предполагали, что вскоре после уничтожения капитализма отомрет и принцип нравственности, долга, развитый в этическом учении И. Канта, принудительные правила будут заменены соблюдаемыми без принуждения правилами целесообразности. Эту точку зрения поддерживали в 20-е годы Н. И. Бухарин и А. М. Коллонтай⁵⁸.

После октября 1917 г. сознание советских граждан ориентировалось на создание общества без государства и права. Однако с 30-х годов установилось безраздельное господство прямо противоположной точки зрения, согласно которой долг, обусловленный законом, отомрет, а нравственный долг, санкционированный «внутренним голосом» сознания, сохранится. Эта точка зрения вела к абсолютизации понятия «благо» и к исчезновению права. Постепенно из философских работ исчезло «идеалистическое» понятие блага.

Обращаясь к религии, мы убеждаемся в том, что «благо» имеет долгую историю. Уже в Ветхом завете высказана мысль о том, что «больше» справедливости может быть только любовь. Она — основание справедливости, которая в конечном итоге служит милосердию. Дела милости духовной — не ведающего научить

---

⁵⁸ См.: Политология на российском фоне. М., 1993. С. 330–331.

истине и добру, подать ближнему добрый совет в затруднении или не примечаемой им опасности, утешать печального, не воздавать за зло, от сердца прощать обиды. Насколько удастся установить на основе Корана, древнеарабской поэзии и других источников, проповедей пророков и прорицателей, выражавших думы и чаяния широких слоев, едва ли не главным было осуждение раздоров и военных нападений, поощрение заботы о ближнем.

Идея блага, разрабатываемая современной политической философией, включает в себя: 1) ценность человеческого существования; 2) реализацию жизненно важных целей человека, основных его потребностей; 3) подтверждение социальной рациональности как принципа политической организации. Эта триада содержится в трудах американских философов Д. Ролса и У. Гэлстона. Первый рассматривает справедливость в качестве ключевого элемента блага. В своем фундаментальном труде «Теория справедливости» он пришел к выводу, о том, что над благом верховенствует право.

Роль менталитета в становлении той или иной правовой и политической системы остается одной из нерешенных проблем политологии, права и философии.

Сегодня во всем мире различные отрасли права как нормативные системы не только регулируют отношения в социокультурных условиях, но также обеспечивают функционирование политических институтов, концентрируя в себе основные ценности политической системы. Это достижимо в том случае, если политическая стратегия не заимствуется, а «вызревает» в недрах общества, создается согласно принципу исторической преемственности, не противоречит менталитету общества.

4.4. Политическая власть как легитимное насилие в условиях трансформации общества

Политическая власть многолика. Среди множества определений понятия «политическая власть» обращают на себя внимание те из них, которые интерпретируют ее либо в негативном, либо в позитивном плане. Иногда определения политической власти предлагаются в виде антитез, как организованной силы, обеспечивающей единство действий и устойчивый порядок в обществе, с одной стороны, как реальной способности осуществлять

свою волю, навязывать ее другим с помощью специальных властных методов – с другой ⁵⁹.

Гипотеза такова, что политическая власть реализуется в конкретновременном, историческом контексте, согласно ментальности социентальной общности. В этом же контексте обеспечивается легитимность политической власти. В общем механизме политического управления (то есть в процессе реализации властной воли для достижения цели властителя) политическая власть также выступает как источник силы политического управления.

Внешняя сторона властной функции – командовать, опираясь на моральную, идеологическую, персонализированную, вооруженную и иную материальную силу, дает повод говорить о политической власти как о феномене, несущем в себе начала насилия, диктата, принуждения, давления ⁶⁰.

М. Вебер, характеризуя политику, отмечал, что она «оперирует при помощи специфического средства – власти, за которой стоит насилие» ⁶¹. Он подчеркивал, что государство – это единственная инстанция, которая имеет право на применение насилия по отношению к своим гражданам и в пределах своей территории, ⁶² при этом заключал, что любая власть опирается на те или иные формы признания ее законности, ее легитимность входит в число важнейших механизмов, обеспечивающих ее функционирование. Вот почему политическая власть – это и право распоряжаться, оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность людей с помощью различного рода средств ⁶³.

---

⁵⁹ См.: Основы государства и права / Под ред. О. Е. Кутафина. М., 1993. С. 4.

⁶⁰ Власть (англ. право управления – power, authority; господство – rule; гр. kratos; лат. auctoritas, imperium; нем. Macht; исп. poder; ит. domino, potere; фр. pouvoir) – это способность, право и возможность распоряжаться кем-либо, чем-либо; оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность людей с помощью различного рода средств – права, авторитета, воли, принуждения; политическое господство над людьми; система государственных органов; лица, органы, облеченные соответствующими государственными полномочиями.

⁶¹ См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 694.

⁶² См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // М. Вебер. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. Избранные произведения / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М., 1990. С. 645, 646.

⁶³ См.: Халипов В. Власть. Основы кратологии. М., 1995.

Во всяком обществе отношения между людьми иерархизированы. Власть представляет собой совокупность политических институтов, посредством функционирования которых одни социальные группы получают возможность навязывать свою волю другим и действовать, так сказать, в соответствии с общегосударственными интересами. Центральное место среди этих институтов занимает государство, которое имеет право и обязанность выступать от имени народа.

Проблему политической власти, обеспечения ее легитимности представляется возможным рассматривать в связи с проблемами формирования механизма управления в человеческом обществе. Механизм управления не придуман людьми. Как стержень развития, он сформировался в процессе эволюции живой природы и социальной истории. Человек познает его и использует в своих целях, совершенствуется по мере накопления информации. Процессы развития в человеческом обществе складываются из великого множества контуров управления и (или) самоуправления. Каждый такой контур представляет собой целенаправленный информационно-управленческий процесс, состоящий из управляемого объекта и управляющего субъекта (управляющего звена), замкнутых прямой и обратной информационными связями. Генезис механизма управления является отражением (и результатом) эволюции живой природы и преобразований в социальной сфере, по мнению Р. Абдеева. Он различает стабилизирующую и движущую формы естественного отбора, ведущего к целенаправленным, прогрессивным изменениям, а также к повышению уровня организации и отражательной способности живого и социального организмов. То есть механизм управления выступает как объективный целенаправленный, многоциклический процесс преобразования информации в двух взаимосвязанных, замкнутых обратными связями контурах. Один из них способствует сохранению устойчивости управляемого объекта, обеспечивается процесс саморегуляции, в другом – развитие и саморазвитие путем отбора и накопления информации⁶⁴.

В процессе развития механизма управления способы и методы насилия в обществе были всегда имманентны произвольной целенаправленности общества, его естественному развитию, его структурности и его менталитету. Подтверждение тому – оригинальные способы организации различных сфер общественной

---

⁶⁴ Абдеев Р. Философия информационного общества. М., 1994. С. 37, 47, 55, 57.

жизни конкретной социентальной общности, собственные политико-правовые основы обеспечения функционирования общественно-го организма, несмотря на схожесть форм правления и систем политической власти в разных странах.

Естественным путем создается, в процессе естественноисторического развития, особенная для каждой конкретной социальной общности аура обитания, где в полной мере находят проявление все сущности, связанные с функциональной и гедонистской ⁶⁵ структурной иерархией любого человеческого общества. В. Кайтуков совокупность этих сущностей обозначил понятием «диктата» и рассматривает как всеобщую категорию бытия индивида и социума, которая включает ряд компонентов: 1) регламентация ареала обитания, в крайнем выражении – прикрепление к месту жительства (Древний Египет, рабы, социализм); 2) регламентация образа жизни; 3) ограничения уровня и характера потребления; 4) регламентация общения, в крайней стадии – регламентация высказываний, литературы и иных видов творчества; 5) регламентация мышления (церковь, социализм, фашизм, некоторые революции); 6) регламентация длительности жизни (исмаилиты, секты всех толков); 7) регламентация морально-этических норм ⁶⁶. По сути, это необходимая часть факторов, обеспечивших формирование менталитета. Общество – не хаотическое объединение людей, а структура, система из разнообразных, но сходных в главном индивидов (по своим превалирующим доминантам). Любая социентальная общность находится под влиянием «незримой тысячетелней силы», формирует собственный образ феноменов, будь то народ, государство, парламент ⁶⁷, который постепенно укореняется в менталитете, и в дальнейшем действует без применения силы.

Сознательное воздействие общественных и государственных институтов на процессы в обществе и в прошлом, и в настоящем обусловлены как внешними, так и внутренними детерминантами ⁶⁸. Эволюционируя внешне, политические и пра-

⁶⁵ Гедонизм в данном случае надо рассматривать как мотивационную категорию, которая определяет подсознательную телеологию (с точки зрения цели), целесообразную направленность мотиваций.

⁶⁶ Кайтуков В. Эволюция диктата: Опыт психофизиологии истории. М., 1993. С. 7.

⁶⁷ Дайксель А. Стиль – это категория, в которой заключена душа масс // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 219, 221.

⁶⁸ О влиянии эндогенных и экзогенных факторов на функционирование общества и политико-управленческий процесс см. подробнее в главах 1, 2, 3.

новые системы существуют и определяются особенностями психофизиологии людей, структурой мотиваций, которые конформны, стереотипны для большинства людей данной социальной общности, обладающей определенным менталитетом.

С возникновением специфических общественных институтов, которые с помощью средств принуждения могли обеспечить общеобязательное социальное поведение, появились и первые механизмы публичной власти. С появлением классов и государства кровные, родовые связи были разрушены, моральный авторитет старейшины рода сменился авторитетом публичной власти. Люди, социальные общности объединялись в государства иногда добровольно, иногда – на насильственной основе. Там, где религия, язык и этнические характеристики уживались вместе, довольно легко устанавливалось национальное государство. Там, где различные этничности, религии и языки вынуждены были уживаться, рано или поздно давало о себе знать подозрение и даже ненависть. В том и в другом случае в обществе формировались политические и социальные регуляторы, иерархические структуры, диктатные и контрдиктатные отношения. Все это вместе взятое постепенно формировало и наполняло содержанием структуры конкретных ментальностей и чувствований народов, живущих в ту или иную эпоху. Особенности мироощущения в той или иной степени предопределяли, в свою очередь, эволюцию общественных систем и способы соподчинения в обществе.

В рамках уже существующих типов диктата (в широком смысле) и в условиях существующего механизма управления и самоуправления, включающего стихийные и сознательные процессы, постепенно складывались структуры политического управления. Вместе с публичной властью появилось право – в том числе и право на власть политическую, на основе признания обществом и его подчинения власти, формализованное в соответствующих нормативных актах.

Государство со своей иерархией структуры, этико-юридическими, политическими, моральными и правовыми нормами и структурой подавления, которая обеспечивается как формами физического принуждения (вплоть до уничтожения), так и формами духовной репрессии, поддерживает порядок в обществе. Соответствующие системы управления обеспечивают функционирование социума, но неизбежно обуславливаются неравенством в обществе, социальной стратификацией, политической

культурой, типом отношений «общество-государство», традицией, что находит выражение в распределении функций и жизненных благ. Менталитет при этом выступает в общественном сознании данной социентальной общности в виде «каркаса» для культурной и политической традиции, служит интерпретатором политической культуры и политического сознания⁶⁹.

В России длительное время сохранялась традиционная патриархальная культура властвования, предполагающая нерасторжимость идеологических, законодательных, исполнительных функций власти, власти и собственности, авторитаризма и патернализма. В рамках этой политической культуры вполне органичными были превращения утопических идеалов в реальную практику политической, идеологической деятельности, когда вся страна нацеливалась на откровенно нереалистические цели⁷⁰. По мнению В. И. Коротаева, союз и противоборство западного и восточного, реального и идеального, рационального и мистического проявились в бинарном осмыслении процесса построения социализма, прежде всего, в двояком осмыслении персоны вождя и его учения. В традиционном менталитете вождь олицетворяет государство, истину, веру. И сегодня приоритет сакрального над рациональным очевиден⁷¹.

Наследие Н. Бердяева, Н. Лосского, Г. Федотова, других отечественных философов красноречиво свидетельствует о том, что прагматика жизни в России была менее характерна для индивида, чем для западноевропейца, с его секуляризованным религиозным сознанием. Специфика русского философствования – не поиск истины как таковой, а поиск жизни современной. Русское мышление «имеет склонность к тотальным учениям и тотальным мирозерцаниям». В этой склонности Н. Бердяев видит «религиозный склад» характера русского народа⁷². В менталитете это выразилось в постоянном стремлении россиянина выработать в себе целостное мировидение, в котором правда-истина соединена с правдой-справедливостью.

Не случайно, тяга к абстрактному мировидению, основывающаяся на абстрактных взаимозависимостях, нашла исключитель-

⁶⁹ См.: Лурье С. История этнологии. М., 1997. С. 44.

⁷⁰ См.: Модернизация в России и конфликт ценностей / Отв. ред. С. Я. Матвеева. М.: РАН, 1994. С. 60.

⁷¹ См.: Коротаев В. И. Судьба «русской идеи» в советском менталитете (20–30-е годы): Учебное пособие. Архангельск. С. 19.

⁷² См.: Бердяев Н. Русская идея. Там же. С. 93.

но широкое поле в ментальности и чувствовании россиян. Обычай, как право, установленное силой, приобретал особую мощь в применении к общественному устройству. Сила, насилие, суждение авторитетов, аргумент обычая, традиции – все эти составляющие российского менталитета, прямо выводили на диктатуру. Идея диктатуры самого передового класса – пролетариата представлялась гармонией, идеалом для победившей группы, который так и остался глубокой абстракцией. Конкретное явилось в форме идеократии⁷³.

В идеократическом режиме отсутствовал механизм политической организации, хотя тотальное регулирование партийного центра прикрывалось внешне демократическими методами. Возмущение окружающей среды, новые явления и ситуации осуществляли постоянное колебание налаженных взаимодействий между элементами системы. Но допустить реконструкцию власти для идеократии было невозможным.

Менталитет человека тоталитарной системы подготовлен всей крепостнической историей, как считает ряд исследователей в этой области. На это повлияли такие факторы, как огромные территории и ресурсы, общинный образ жизни, промежуточное положение между Востоком и Западом, особый вид государственности (служилое государство) и др.

Наиболее благоприятными для идеократии были компоненты ментальности: двойное сознание русского человека (индивидуальное и коллективное), обожествление царя наряду с отсутствием полного доверия кому бы то ни было; безграничное доверие лидеру и безудержный нигилизм; отсутствие чувства формы (Мамардашвили). Такому типу сознания, как считает Ю. Воронов, прямая дорога в сети идеологии, заимствование «идеальной» внешней формы; последнее компенсируется потребностью принадлежать к чему-либо: самодержавию, православию, партии, «родному заводу»⁷⁴.

Для ортодоксального марксизма проблема власти была решена в принципе: только коммунизм обеспечивает реальное народовластие, при социализме предполагается социалистическая демократия, то есть неполное, ограниченное народовластие, диктатура пролетариата. Принуждение стало основой передел-

---

⁷³ Воронов Ю. М. Становление идеократии: истоки, ментальность, аппарат (1917–1929 годы). Иваново, 1993. С. 37.

⁷⁴ Воронов Ю. М. Указ. раб. С.103, 104.

ки общества. Речь шла не о «новых людях», а о «человеческом материале» свергнутой эпохи, из которого предстояло создать «новых» людей. Бюрократическому регулированию, авторитарной принудительности всегда присущ дух консерватизма, стихийное тяготение к традиции, к шаблону; власть враждебна новшествам. Утвердилось право на тотальное манипулирование общественным сознанием. Усилился правовой нигилизм⁷⁵. Диктатура пролетариата не состоялась, традиции оказались сильнее новаций. Народ в своем большинстве продолжал жить надеждой, довольствуясь ортодоксальной или еретической (утопической) эсхатологией⁷⁶.

Индивиды, подчиняясь власти, во все времена, не жертвуют своей свободой. Они вместо подчинения стихийным силам подчиняются сами себе, т. е. тому, что сами осознали необходимым, согласно «образу». Значит, власть – следствие природы человека и не является непременно результатом насилия⁷⁷. Видимые аспекты подавления производны, как утверждают некоторые ученые, от интегральных психофизиологических комплексов, установок и мотиваций различных слоев общества. Это и есть, наверное, одно из проявлений обратной связи в процессе политического управления и может рассматриваться в связи с легитимацией власти.

Легитимация власти и мотивации подчинения в обществе достаточно сложны и имеют свои проявления в конкретной политической системе. Во все времена в различных государствах легитимность власти основывалась либо на страхе перед санкциями, либо на привычке повиноваться, или на заинтересованности в выполнении распоряжений, на убежденности в необходимости подчинения, а также на авторитете, на идентификации объекта с субъектом власти. Все эти мотивы оказывали воздействие на силу власти, т. е. на ее способность влиять. Власть по-разному оценивалась людьми. В современной литературе правомерная и справедливая власть обычно характеризуется как легитимная, которая положительно оценивается и принимается гражданами, признается ими право власти управлять.

---

⁷⁵ См.: Соловьев Э. Ю. Правовой нигилизм и гуманистический смысл права // Квинтэссенция: Философский альманах. М., 1990. С. 187, 189.

⁷⁶ См.: Коротаев В. И. Указ. раб. С. 67, 74, 82.

⁷⁷ См.: Политология. Учебное пособие / Под ред. проф. Б. И. Краснова. М., 1995. С. 38.

Прежде чем человечество пришло к такой форме легитимности, как легальная или рационально-легальная (источником выступает рационально понятый интерес, в таком государстве подчиняются не личности, а законам), прошло достаточно много времени. Эволюционировало не только общество, но изменился механизм политического управления. В то же время не ушли в прошлое, хотя видоизменились, другие типы легитимности, закрепленные в менталитетах конкретных социентальных общностей, такие как традиционная легитимность, которая обретается благодаря обычаям, вере в непоколебимость и священность существующих порядков (характерна для монархий); харизматическая легитимность, основанная на вере в исключительные качества, чудесный дар политического лидера, которая базируется на эмоциональном, личностном отношении вождя и массы; идеологическая (оправдание власти с помощью идеологии), националистическая легитимность, классовая.

Кризисное российское общество в настоящее время переживает и кризис легитимности. Современный политический процесс в России характеризуется наличием традиционных, харизматических способов обоснования легитимности власти, зачатков рациональных обоснований. Как было сказано выше, среди других ошибок, совершенных реформаторами в условиях трансформации общества, было игнорирование сложившихся стереотипов восприятия власти массовым сознанием. Конфликт по поводу легитимности выступает в виде признания-непризнания, частичного признания и частичного непризнания власти, поддержки-неподдержки властных структур. Богатый материал для анализа политического конфликта, в этом его понимании, дают результаты социологических исследований, а также итоги выборов, референдумов.

В социальной жизни имеет значение не только экономический капитал, но и капитал символический, связанный с понятием престижа, достоинства и влияния, которое может иметь человек в рамках культурного пространства. Соотношение объективных сил, пишет П. Бурдьё, стремится воспроизвести себя в соотношении символических сил, в видении социального мира, что способствует утверждению данного соотношения сил. В борьбе за навязывание легитимного видения социального мира агенты располагают властью, пропорциональной их символическому капиталу, т. е. признанию, которое получают от

группы⁷⁸. В условиях кризиса в пределах заданного пространства могут пересматриваться правила игры: имевшие ранее значение смыслы разрушаются. Происходит разрушение систем ценностей как психологически значимых точек опоры в обществе. Имеют место глубокие личностные конфликты, радикально меняются личностные позиции. Каковы бы ни были способы рационализации личностного участия в деятельности властных структур, даже в условиях кризиса сохраняется достаточно большой потенциал смыслообразующей мотивации. Любой политик обязан представлять свои действия как социально оправданные, имеющие смысл, в интересах прогрессивно мыслящей группы, согласно рационально выработанной политической стратегии и соответствующей ей практической политике, во имя и на благо народа. Власть не просто «отражает интересы», пишет А. Г. Здравомыслов, она творит новые отношения, она конструирует социальный мир, модифицируя социальное пространство⁷⁹.

Р. Абдеев предлагает свое видение общества будущего и характеризует его как информационную цивилизацию, которая характеризуется существенными переменами во всех сферах жизни общества: рост эффективности производства за счет передовых технологий, роботизации; повышения квалификации работающих; снижается потребность во многих видах сырья, что способствует природосбережению и решению экологических проблем. Государство в новой цивилизации не «отмирает». Напротив, как сложная самоорганизующаяся система, оно еще более совершенствует свою структуру.

Управление, представляя собой специфическую функцию организованных систем в социальной сфере, включающей в себя и политическую, может быть охарактеризовано как сознательное воздействие общественных и государственных институтов на процессы, прежде всего организацию и упорядочение общественных отношений. Государственное управление, являющееся частью общей системы социального управления, имеет в своей основе законодательно оформленные императивы, находит свое отражение в государственной политике, базирующейся во многом на системе ценностей, политической культуре властвующей

---

⁷⁸ Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. С. 23.

⁷⁹ С.: Здравомыслов А. Г. Проблемы власти в современной социологии // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С.203.

щей элиты. Властные структуры воспроизводят и конструируют ту систему отношений, которая возникает и развивается в их собственной среде. По мнению А. Г. Здравомыслова, не только «народ имеет такое правительство, которое он заслуживает», но и власть «создает общество по своему образу и подобию». А само общество таково, каковы средства борьбы за власть, избираемые политическими оппонентами⁸⁰.

Одной из главных составляющих конструирования общественных отношений является интерпретация интересов народа, связанная с притязаниями на их знание и легитимное представительство во властных структурах. Любая политическая структура стремится легитимизировать свои действия с помощью формулы представительства интересов народа⁸¹. Та или иная интерпретация «интересов народа» тесно связана с собственной жизненной картиной мира, основанной на интегральном восприятии действительности и включающей в себя целый ряд смежных и параллельных категорий и понятий, как, например, понимание социальной справедливости или понятия «народ». Практически все политические силы и власть претендуют на представительство интересов народа, дают этому понятию различные интерпретации.

Как свидетельствует опыт российской истории, «народ» оказался многократно расколотым по разным основаниям, перестал быть единым субъектом действия, как считает А. Здравомыслов, за исключением периода Великой Отечественной войны, когда народ сплотился перед угрозой обращения в рабство и уничтожения. И сама власть нередко становилась фактором раскола и народа, и общества. В условиях нестабильности в качестве весомого аргумента добавляется этническая составляющая нации. Не менее интересна судьба понятия «нация», получившая в литературе две интерпретации подхода к определению: объективистскую или «примордиалистскую» и «конструктивистскую». В центре внимания вопрос о соотношении нации и национализма. Традиционная позиция по этому вопросу состоит в том, что национализм – это определенное выражение интересов нации. В работах Э. Геллнера⁸² национализм трактуется как определенная форма государственной политики.

⁸⁰ См.: *Здравомыслов А. Г.* Указ. раб. С. 206, 215.

⁸¹ См.: *Здравомыслов А. Г.* Возможен ли еще оптимизм? // Литературное обозрение. 1990. № 10. С. 71–78.

⁸² См.: *Геллнер Э.* Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. Международные философский журнал. 1992. № 1.

В современной России мы сталкиваемся с процессом конструирования таких общественных отношений, где субъектами выступают как властные структуры, так и этносы, этнические сообщества. Исторический опыт каждого народа, населяющего Россию, уникален. Один из наиболее важных аспектов этой уникальности заключается в неодинаковом соотношении собственно этнического и политико-идеологического или мифологического компонентов в современных национальных сообществах. Демократизм власти во многом может характеризоваться степенью использования не только рычагов насилия, но и иных (в ряде случаев опосредованных) факторов воздействия. Актуализируется необходимость преобразования политической культуры.

Демократические реформы нельзя подменять только принудительными политическими акциями, в основе которых лежат действия правящей элиты. Демократия воплощается в институтах, отношениях, культуре, которые не висят в воздухе, а коренятся в своей первооснове – гражданском обществе, в исторически сложившейся и относительно устойчивой системе социальных связей, ценностных ориентаций, норм общественного поведения.

В мире утвердились соответствующие системы политических институтов, системы власти, обеспечивающие решение общественных проблем. Например, Морис Дюверже различал два типа государственной власти: сильную (британский тип) и слабую (итальянский тип). Для первого типа характерно то, что премьер-министр, опираясь на послушное большинство парламента, возглавляет не только исполнительную, но и законодательную власть. Вотум недоверия для него исключен, ибо он избирается не депутатами, а гражданами как лидер партии. При этой системе оппозиция может только навязать серьезные дебаты по правительственным предложениям, но не провалить их. «Слабый» тип характеризуется «неспособностью государства решать важные проблемы...» Например, во внутренней политике политическое бессилие выражается в слабости общественных служб, обесценении государства, склерозе нации, падении гражданской активности ⁸³.

В русской душе в течение многих столетий воспитывалось чувство державного порядка. Путь вверх был открыт не худше-

---

⁸³ Дюверже М. Ностальгия бессилия. Реферат (Duverger M. La nostalgie de l'impuissance. P., 1988. 216 p.) Перевод. М., 1990. С. 5, 6.

му человеку, а тому, в ком государственная воля и разумение соединяются с чувством ответственности.

Один из критериев эффективности политической власти, как представляется, – ее способность внести упорядочение в управление на основе права. В современной философской, экономической и политической литературе еще широко распространены определения управления лишь как воздействия на объект. Многие авторы, имея на вооружении достижения кибернетической науки, продолжают игнорировать значение обратной связи. Речь может идти о механизме управления как функциональной системе, развивающейся в процессе эволюции и лежащей в основе процессов саморегуляции и саморазвития живой природы, общественных систем, экономики и процессов познания.

В демократическом обществе власть осуществляется на основе теоретически выверенной программы действия, благодаря политической стратегии, нацеленной на «совершенствование общества», на построение некоторых отношений. Это рационалистическая концепция власти. Как вариант такой концепции – концепция конструирования социальных отношений через законотворческую деятельность. Предполагается, что каждый из законопроектов опирается на некоторые, более общие теоретические предпосылки, и проработка законопроекта определяется процедурами законодательного процесса, гарантирует его рациональность и легитимность. Практика чаще всего опровергает эту модель в той ее части, которая связана с доктриной будущего. Интересы групп, действующих в сфере властных отношений, оказываются настолько противостоящими друг другу, а их сознание настолько заостренным на конфликт, что возникает паралич властного действия, потеря управляемости еще более способствует углублению кризиса.

Конфликты многогранны, так как они разворачиваются в многомерном социальном пространстве, которое характеризуется массой точек напряженности. В России наблюдается еще большее стремление к идеологизации конфликтов, что связано с определенной традицией⁸⁴. Дальнейшее развитие А. Г. Здравомыслов связывает с рефлексивной, неконфронтационной политикой. Суть ее в отказе от скороспелых решений. Рефлексивная политика строится на осмыслении собственного опыта и извлечении

---

⁸⁴ См.: Кулинченко В. А. Политический конфликт: сущность и современные проблемы // Политическая теория: тенденции и проблемы. М., 1994. Вып. 2.

уроков из ошибок и неудач. Второе правило состоит в уважении достоинства противника, оппонента. Третье – предполагает поиск взаимовыгодных решений. В рамках неволюнтаристской политики власть конструирует социальную реальность в соответствии со своей социальной природой, менталитетом общества. Власть должна быть подвижна к изменению. Политическое пространство как главное поле действия власти перекрещивается с пространством экономическим и культурным. Выработка неконфронтационной системы власти – совершенно новая задача ⁸⁵.

Важно найти «стиль» руководства массами – это большое искусство, утверждает А. Дайксель, – и непреложным условием этого должны быть не регламентации и предписания типа «как лучше», а с помощью стиля. Стиль – это магнетизм ⁸⁶. Прошли времена, когда руководство решало, а партийная масса маневрировала, как македонская фаланга. Сегодня политический тейлоризм вышел из моды. Аргументы авторитетов теряют вес, солидарность становится критической, подчинение требует ясности ⁸⁷.

Как реакция на неприятие насилия в истории, возникали соответствующие теории. Собственно, разновидностей этих теорий немного: примитивный эгалитаризм в различных конкретных формах, демократия в классической форме (Перикл) и в форме коммунизма, анархизм и абстрагированные теоретические изыски социальных утопистов всех разновидностей и уровней мышления. Объединяет их – неприятие насилия.

Если учесть, что виды подавления обычно делятся на прямые (физическое подавление, системы табу всех видов) и косвенные (психологическое воздействие), то право и законы можно отнести к первому виду прямого, непосредственного принуждения, которое осуществляется, как правило, с целью навязать жизненный уклад. Любой кодекс законов несет в себе прежде всего ограничения, противодействующие естественным мотивациям, побуждениям индивида. В условиях трансформации российского общества право можно рассматривать как отражение конкрет-

---

⁸⁵ См., к примеру: *Горохов В. М.* Политические полюса и политические процессы в России // *Экономический и политический курс России* / Под общей ред. *В. В. Рябова, Ю. И. Любимцева*. М.: РАУ, 1993. Вып. 2.

⁸⁶ *Дайксель А.* Указ. раб. С. 219, 223.

⁸⁷ См.: *Дюамель А.* Новый облик политики. Реферат (Duhamel A. Les habits neufs de la politique. P., 1989. 227 p.) М., 1990. С. 13, 14.

ных потребностей государства, один из механизмов социального регулирования, обеспечивающий реализацию политической стратегии. Как производное сущности данной политической системы и созданное под влиянием менталитета общества, право выступает ничем иным как формализованным воплощением средств эффективного решения жизненных задач общества. Право, тесно и диалектично связанное с политикой, то есть социальной деятельностью в политической сфере общества, направленной главным образом, на достижение, удержание, укрепление и реализацию государственной власти, может выступить инструментом легитимации насилия власти (в позитивном смысле). Неконфронтационная система власти, руководствуясь «интересами народа», использует находящиеся в ее распоряжении средства организации социального пространства в целях реализации политической стратегии, поступательного развития общества и государства, «творит» новые отношения, модифицируя социальное пространство, способствует развитию легальных способов легитимации власти, на основе неволютаристской, рефлексивной политики обеспечивает легитимное насилие.

В заключение можно сказать, что среди проблем, стоящих перед российской государственностью, одно из центральных мест занимает задача формирования системы государственной власти, строящей свою деятельность на основе принципов неконфронтационности, рефлексии. Возможный консенсус будет носить лишь временный характер и не в состоянии разрешить все конфликты и сгладить все противоречия.

В то же время плюралистическое общество, каковым является российское, сохраняет свое существование через консенсус и проходит этапы развития через антагонизмы. Одно обеспечивает его стабильность, другое – обновление. В отличие от официальной идеологии российская идея и политическая стратегия российского общества должны вобрать в себя традиционные ценности и нормы достижения консенсуса, свойственные менталитету общества в целом и субменталитетам этнонациональных общностей, в частности, явиться одновременно национальными и региональными, партикуляристскими, западно-восточными, индивидуалистскими и социал-демократическими, учитывающими городские и сельские культуру и образ жизни; президентскими и оппозиционными; должны быть рыночными и

предполагающими сохранение личных социальных гарантий; в некоторой степени элитарными, в то же время эгалитарными; предусматривать уважение власти, но более всего – контроль над властью со стороны общества. Идеология более умеренная, чем консервативная.

Политическая стратегия представляет собой определенную экстраполяцию в будущее тенденций развития политической системы. Этот процесс предполагает достижение определенного состояния политической системы и, прежде всего, оптимизации взаимодействия власти и общества, государства и многонационального населения страны. Затяжной социально-экономический кризис, рост политической апатии граждан, различные сценарии становления государственности республик в составе Российской Федерации, превалирование национально-региональных и этнополитических принципов построения государства повышает вероятность реализации альтернатив государственного строительства Российской Федерации и, соответственно, политических стратегий: образование *конфедерации*, предполагающей дальнейший распад страны; переход к *авторитарному либо тоталитарному режиму*, что предполагает *унитаризацию* государства; *строительство федеративного государства* на основе принципа федерализма, который предполагает равенство прав и ответственности федерации и ее субъектов в пределах их предметов ведения; создание *асимметричной федерации* на основе рефлексивной, неконфронтационной политики.

Первые два сценария противоречат стратегическим, геополитическим интересам российского общества, не соответствуют современной позиции большинства населения. В его менталитете сохраняет свои позиции конструкт – желание жить в великой стране. Единственно приемлемый путь – это формирование политической стратегии, обеспечивающей становление и развитие в границах России федеративного государства, возможно, асимметричной федерации.

Наряду с проблемами утверждения федерализма в России предстоит выработка общегосударственной социальной программы, выходящей за рамки минимизации опасных последствий кризиса и способной стать основой стратегии преодоления социальных проблем (демографический кризис, рост смертности, депопуляция, низкий уровень рождаемости, старение населения, ухудшение здоровья и рост заболеваемости и др.). Социальная политика

Центра должна быть сориентирована на региональную специфику, предопределяющую исторически сложившиеся предпочтения населения к формам и методам организации (в том числе рыночным) хозяйственной деятельности и занятости. Это один из путей прекращения развития тенденции разрушения общности социального пространства страны.

Национальная политика Российской Федерации, этнополитика, требует обоснования четкого баланса прав и ответственности федерации и ее субъектов с целью соединения принципов этнополитики и принципов укрепления федерализма и развития местного самоуправления, подчинения принципам федерализма и принципам права политико-управленческих решений.

Глава 5

Системная адаптивность политических решений к ментальности

5.1. Проблемы достижения устойчивости политической системы и менталитет социума

Системная адаптивность политических решений к ментальности в условиях трансформации общества, в конечном итоге, предполагает достижение устойчивости политической системы и постепенное преодоление кризиса. В настоящем исследовании автор опирается на общую теорию систем, разработанную А. А. Богдановым и Л. фон Берталанфи, ее методологию¹. Общество предстает как сложная система, назначение которой – обеспечение интеграции социальных слоев и групп, выработка и реализация общих целей.

В условиях трансформации российского общества стройность и стабильность политической системы, преодоление отчуждения общества от власти, развитие политической субъектности непосредственно связаны с эффективностью политико-управленческой деятельности политических субъектов.

Переход системы от одного состояния к другому, в новую действительность, неизменно детерминируется совокупностью внешних и внутренних факторов. Процесс функционирования политической системы испытывает на себе влияние менталитета социума, которое проявляется, прежде всего, в адаптационных процессах в обществе, специфике обратных связей (общество-государство), политической культуре носителей менталитета – управляющих и управляемых и др. Как было указано выше, внутренние детерминирующие факторы, в том числе менталитет социума, составляют потенциал системы, обусловленный ходом естественноисторического развития, ее *способностью*, характеризующую внутреннюю сторону развития, т. е. саморазвитие. В

---

¹ См. подробнее: Политология. Учебное пособие / Под ред. Б. И. Краснова. М., 1995. С. 157.

данном случае имеется в виду способность системы направлять деятельность своих субъектов на достижение определенной цели.

Функционирование социальной системы детерминирует конечный результат, а значит, цель, как было сказано уже во второй главе данного исследования. Целью детерминируется весь процесс реализации потенциала системы и обеспечивается своеобразие социальной системы в развитии ее политической сферы, оригинальность политической организации общества. Процесс развития обуславливается также тем, насколько развита способность политической системы к восприятию нового. Если система «закрыта», снижаются темпы ее развития. В частности, в недрах политической системы тоталитарного типа усугубляется процесс торможения развития во всех сферах жизни общества – политической, экономической, социальной, духовной.

Континентальные просторы России предъявляют повышенные требования к ее внутреннему единству, достижение которого на данном этапе развития общества непосредственно связано с проблемами утверждения федерализма, преодоления политического кризиса, проблемами выработки оптимальных политических решений, оптимального политического регулирования. Осуществление политического регулирования в целях достижения интеграции общества согласно принципу системности предполагает, прежде всего, учет: 1) состояния политической системы общества (стабильность, стратификация общества, преобладающие социальные интересы, степень интеграции общества); 2) особенностей менталитета, степени укорененности в политическом сознании граждан новых ценностей, соответствующих новой политической системе; 3) политической культуры общества и политической культуры власти; 4) степени адаптированности общества к новым условиям; 5) состояния основных сфер жизнедеятельности общества и др.

Наука не может гарантировать абсолютную истинность принимаемых политических решений, которые способствовали бы устойчивости политической системы в условиях трансформации общества. Но залог успеха для самой последовательной и научно обоснованной политики в ее недогматичности, в способности к восприятию сигналов обратной связи, к самокоррекции, в руководстве рядом важнейших принципов. Один из принципов – **принцип системности**, реализация которого в рамках механизма политического регулирования в условиях конкретной политической системы позволяет эффективно и последовательно

применять политические регуляторы согласно социально-политической природе и менталитету общества.

Общество как социальная материя формируется, развивается и изменяется в соответствии со складывающейся, развивающейся системой общественных отношений. Системный подход ориентирует исследователя на более полное постижение иерархии структур данной целостности, а система воплощает собой результат этого постижения на каком-то конкретном историческом уровне². Учет аспекта целостности – весьма непростая задача, **поскольку нацеливает рассматривать во взаимосвязи внутренний и внешний аспекты развития системы, не абсолютизируя какой-либо из них.** Каждый аспект относительно самостоятелен, имеет свои закономерности, «...законы, описывающие внешние аспекты не совпадают с законами, относящимися к внутренним сторонам»³. В научных разработках о политических системах, однако, преобладает анализ институционального и социального аспектов. Диалектика развития в биологической сфере, проблем формирования и развития менталитета, систем ценностей часто интерпретируется ее социальной стороной.

Принцип преемственности. Рядом отечественных ученых признано, что состояние гармонии, уравновешенности между компонентами социальной системы составляет одну из важнейших ее характеристик. Но эта уравновешенность частей целого, его устойчивость и относительная обособленность достигаются, прежде всего, за счет действия противоречивых сил, сцепляющих компоненты, цементирующих их в рамках единой системы⁴. Устойчивость, гармония достигаются благодаря победе интегрирующих сил. Можно предположить, что *в социальной системе одной из интегрирующих сил выступает закон преемственности поколений.*

Пути гармонизации отношений общества и государства могут быть различными. Наиболее приемлемым, на наш взгляд, является тот, который предполагает, по словам Батищева, «возвышение человека до уровня сознательного творца», формирует не

---

² См.: Васильев Г. Н., Зобов Р. А., Келасьев В. Н. Человек: Генезис духа. Там же. С. 12; Кайтуков В. Эволюция диктата. Опыты психофизиологии истории. М., 1993.

³ Василенко Л. И. Системные исследования развития и взаимодействия человека с природой // Принцип системности в познании процессов развития. М., 1986. С. 48.

⁴ См.: Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980. С. 67.

конформиста-обывателя, слагающего свою ответственность за все то, что «творится» фактически при его участии, на «социальную среду», законы и т. п.⁵ Обычно такие люди далеки от социальных, политических проблем. В результате формируются личности, «не мыслящие и мыслить не способные»⁶. Вся политика в условиях трансформации общества по своему конечному результату и по способу осуществления должна быть деятельно-творческой, должна быть пронизана критическим, а не пассивно-свидетельским, обывательски-приспособленческим отношением к миру. Среди важнейших достижений такой политики может быть достижение определенного уровня политической культуры общества и власти, не «просветительство», а обеспечение участия большинства общества в социальных и политических преобразованиях. Нравственная свобода личности вследствие гармонии интересов личности и интересов общества явится непосредственным выражением нравственной свободы общества в целом. Ведь только активно интересующийся окружающей жизнью, положительно относящийся к ней человек может вписаться в отношения с реальностью. Указанное достижимо в том случае, если потенциал свободного человека не подавляется, если преобразования идут в соответствии с ментальностью общества. Тотальное отрицание позитивных достижений в прошлом способствует распространению в общественном сознании ощущения утраты жизненных ориентиров и ценностей, аномичности (ненормативности) жизни. Декларируемые прагматические ориентации не в состоянии возместить отрицаемые ценности. **Человеческое общество нуждается в постоянном воспроизводстве, поддержании укоренившихся в менталитете общества норм, ценностей, в высокодуховных ориентациях, идеалах, воспроизводстве представлений о должном.**

Принцип постепенного освоения обществом новых ценностей. Представляется, что политика в условиях рыночных отношений, принципы ее осуществления должны быть *направлены на освоение индивидуумами новых традиций и ценностей*, оптимизацию внешних воздействий политической системы (формального влияния) на общество с учетом соответствующей ментальности, принятие политических решений на основе изучения адаптационных процессов в обществе к новой реальности.

---

⁵ Батищев Г. Современные проблемы воспитания в свете ленинских идей // Наука убеждать. М., 1967. С. 152, 153.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.41. С. 53.

Принцип совершенствования. Процесс эволюции любых общественных структур, думается, и политической системы, должен сопровождаться их совершенствованием, благодаря новой информации. Система должна совершенствовать свое взаимодействие с внешней средой, «приобретать все больше шансов на выживание», при этом совершенствование информационного взаимодействия с окружающей средой предполагает совершенствование процессов переработки информации, а значит, и совершенствование самой политической системы. Если при рассмотрении путей эволюции структур пользоваться лишь одним классификационным основанием – соотносением новых структур с их предшественниками, можно рассматривать два пути усложнения любой структуры в процессе ее эволюции. Первый путь – «ненаследственный», предполагающий произвольное изменение структуры нового организма, произвольное в том смысле, что новый организм, усложняясь, не заимствует (или почти не заимствует) у «старых» организмов принципов их функционирования и соответствующих «устройств». Второй путь – «наследственный». В этом случае усложнение структуры нового организма идет за счет «наращивания» неких «надстроек» над какими-то структурами предшествующих организмов, за счет изменений, модификаций уже имеющихся структур. Однако по мере хода эволюционного процесса структуры организмов настолько усложняются, что становится уже не так просто их изменять, поэтому единственной альтернативой для эволюции (на ее «продвинутых» этапах) является второй, («наследственный»), путь усложнения структур, на котором используется опыт функционирования предшествующих организмов, большинство их структур, уже «отлаженных» на протяжении жизни многих поколений, благодаря преемственности. Ибо «сложные структуры достаточно «консервативны», они как бы «дорожат» своими «устоями», своим опытом, накопленным в процессе функционирования...»⁷ Сказанное в полной мере относится к политической системе, которую невозможно «заменить» в целом какой-либо совершенной моделью другой политической системы, недопустимо в процессе политико-управленческой практики произвольно обращаться с ее компонентами, игнорировать сложившийся общественный уклад, общественные систе-

---

⁷ См.: Голицын Г. А., Петров В. М. Информация. Поведение. Творчество. М., 1991. С. 118, 119, 120.

мы «мировидения», оценивания окружающего, менталитет. Для развития политической системы приемлем, по нашему мнению, лишь «наследственный» путь.

Принцип согласия и консенсуса. Формирующаяся система политического и нормативно-правового регулирования отношений государства и общества, институционализация общественных объединений предполагают использование властью ряда традиционных стабилизирующих факторов (в частности религиозный и культурный синкретизм, толерантность (терпимость), сложившихся исторически и являющихся действенными регуляторами поведения граждан), которые выступают как часть деятельности властных структур по повышению эффективности политической системы. В этом процессе как непреложная истина подразумевается стремление к гармонизации отношений представителей различных слоев, согласованности социальных, этнических, политических интересов. И это не случайно, поскольку во многом стройность и устойчивость политической системы достигается *согласием общества относительно целей его развития*. Известно, что соотношение интересов (непосредственно согласующихся с менталитетом общества и субменталитетами социентальных общностей) и политических сил, их представляющих, всегда определяет состояние общества, его устойчивость и стабильность. Стабильность же в обществе, открытом для диалога, обеспечивают согласованность и гармония интересов в процессе политического регулирования.

В настоящее время это пока труднодостижимо, ибо имеет место противоречие между потребностью в переменах, неизбежно связанных с внедрением рыночных отношений, и необходимостью поддержания соучастных гарантий, единства общества и его стабильности. Преодоление указанного противоречия и оптимизация процессов обновления как в хозяйственном, так и в социокультурном плане, непосредственно связана с изменением системы политической социализации общества, поддержкой со стороны политической власти, избравшей реформаторский курс, предпринимательских, прагматических ориентаций в обновляющейся системе ценностей. В то же время приоритетное внимание со стороны власти лишь к немногочисленной группе экономически преуспевающих собственников дестабилизирует процесс преобразований в стране. У значительной части населения возникает чувство отчуждения, политической апатии, аномии. В связи с этим сокращается общественно-политиче-

ский потенциал общества, усугубляются процессы маргинализации отдельных групп населения, остается потенциально высоким потенциал агрессивности радикально настроенных слоев, не поддерживающих процесс преобразований.

Принцип демократизации. В условиях трансформации общества чрезвычайно важным представляется *сочетание демократических механизмов политического регулирования и развитие самоуправленческих начал в обществе*, прежде всего, посредством: 1) развития структур гражданского общества; 2) институционализации общественных объединений граждан. Роль и место общественных объединений в политической системе общества в начале 90-х годов во многом определяются острой неудовлетворенностью ходом реформ, не согласующихся с ментальностью общества. В связи с демократизацией всех сфер жизни общества, межгосударственных и межнациональных отношений появились условия для удовлетворения естественных для каждого народа потребностей приобщаться к этнически родственной культуре и участвовать в ее развитии посредством политико-управленческих демократических структур.

Процесс демократизации политической жизни идет успешнее при условии функционирования **стабильной многопартийной системы** и нормально функционирующего парламентаризма. Лишь ясная ситуация с распределением сил в парламенте может служить основой рационального взаимодействия ветвей власти. Реальность такова, что многопартийная система только зарождается; нормально функционирующие парламентские структуры пока не сформировались; из трех ветвей власти доминирует президент. К этому добавляются другие факторы, форсирующие тенденцию создания «супер-президентской» республики и всесильной исполнительной власти. Современное политическое руководство страны исходит из представления о том, что только сильная исполнительная власть может осуществить нынешние реформы, что «сильная власть» – в традиции России. Путем усиления Центра нередко предлагается решить проблемы утверждения федерализма в России. Имеет место точка зрения, обосновывающая необходимость власти «жесткой руки» условиями переходного периода, чтобы навести «порядок». Следует заметить, что правовое государство не может быть либо абсолютно централизованным, либо децентрализованным. Целесообразна разумная степень централизации власти, достаточно сильной, чтобы обеспечить четкое распределение по вертикали ответственности и законности в обществе.

Демократические преобразования нельзя подменять только принудительными политическими акциями, в основе которых лежат действия правящей элиты. Демократия воплощается в институтах, отношениях, культуре, которые коренятся в гражданском обществе, в исторически сложившейся и относительно устойчивой системе социальных связей, ценностных ориентаций, норм общественного поведения, в менталитете. Уместно напомнить, в связи с этим, одно из высказываний Э. Дюркгейма: «Долг государственного человека не в том, чтобы насильно толкать общество к идеалу, кажущемуся ему соблазнительным; его роль — это роль врача: он предупреждает возникновение болезней хорошей гигиеной, а когда они обнаружены, старается вылечить их»⁸.

«Замена блоков» в политической, экономической, социальной системах требует времени, поиска новых политических подходов, определенного регулятивного воздействия на общество, согласующихся с его менталитетом, что, в свою очередь, позволяет координировать и уравнивать данный процесс.

В человеческом обществе как едином организме, в сложнейшей сфере его товарно-денежных отношений *механизм самоорганизации выступает рынок*, осуществляющий баланс между спросом и предложением необходимой для жизни общества товарной массы. Никакое централизованное планирование и распределение не в состоянии заменить этот универсальный регулятор, обеспечивающий «здоровье» общественного организма. С достижением изобилия товаров «рынок производителя» превращается в «рынок потребителя». В данном случае свою прогрессивную роль в этом процессе способен сыграть маркетинг, пока недостаточно активно внедряющийся в систему российского менеджмента, — в политике и экономике.

В современном мире с политическим и общественным маркетингом связывают сложную организационно-техническую и управленческую деятельность по регулированию социальных и политических процессов. Возникла целая отрасль социальной психологии — «паблик рилейшнз», а на ее основе утвердился «политический маркетинг». В настоящее время «политический маркетинг» рассматривается как совокупность теорий и методов, которыми могут пользоваться политические организации и

---

⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 471.

органы власти с двойкой целью: определить свои задачи и программы и повлиять на поведение граждан⁹.

Маркетинг любой политической кампании предполагает изучение конъюнктуры «политического рынка», настроений электората, его готовность поддержать те или иные программы или того или иного лидера. На основе изучения политического рынка избираются соответствующие средства и методы реализации намечаемых стратегии развития общества и тактики политической власти. Отсутствие рынка, закрытость политической системы, сложившиеся политические и экономические традиции, менталитет, тип политической культуры общества и, в связи с этим, неготовность к жизни в новых экономических и политических условиях основной массы населения в период ускоренного реформирования общества и капитализации экономики, – самая трудная проблема на пути радикальных реформ. Необходимо возрождать свой полузабытый опыт (взяв на вооружение принципы «наследственного» пути развития общественной системы) и максимально использовать все лучшее из опыта, накопленного в других странах. Благодаря этому только и возможна саморегуляция и саморазвитие общества, эволюция механизма политического управления.

Представляется, что будущее за таким политическим управлением, которое при разумном его вмешательстве «открывает» политическую систему для процессов саморегуляции и саморазвития и характеризуется целесообразностью. Ни один централизованный план или идеологические догматы не могут решить проблем взаимодействия в экономической, политической, социальной и духовной сферах. *Невозможно насильственным путем внедрить в сознание людей то, что является чуждым для основной массы социума.*

Перевод общества из одного психолого-политического состояния в другое осуществляется путем внедрения необходимых идеологических установок в сознание людей. Лишь благодаря целенаправленному воздействию на политическое сознание психологических механизмов применительно к каждой из групп общества, различающихся по полу, возрасту, националь-

---

⁹ См.: Ковлер А. Выборы 1993: Освоение методов политического маркетинга // Человек. Политика. Культура. Тамбов, 1994. С. 29; Рогачев С. В. Предмет политологии и ее место в системе социальных наук // Концепция современной политологии. Введение. М.: РАУ, 1991. С. 7.

ности, профессиональному и образовательному статусу, месту в обществе и т. п., а также с учетом имеющих место в обществе субгрупп и индивидов, демонстрирующих различное отношение к процессам трансформации, субъективное и объективное, начиная с внедрения идей, через задействие волевых процессов (представляющих собой единство мотивов и действий), аффективной сферы человека (его эмоций и чувств) – вплоть до процессов перцепции (ощущения и восприятия), можно достичь желаемых результатов. Сущность учения о действительном и желаемом устройстве мира отражает информация, распространяемая посредством специфических носителей (печати, радио, искусства, организации быта). Внедренное в сознание людей политическое учение воплощается в соответствующую модель поведения, образ мира¹⁰. Остановимся на этой проблеме подробнее.

Механизмы внедрения в сознание политического учения могут основываться как на методах принуждения (в разных формах, в том числе путем нормативного регулирования), так и с использованием различных методов учета интроспективных (на основе изучения психических процессов в обществе правящей элитой) аспектов формального влияния, учитывающих, прежде всего, менталитет социентальной общности, предполагающих выработку соответствующих стереотипов, мотиваций и активаций, тот конформизм, который необходим для устойчивого функционирования системы. В данном случае исключается грубое давление, а также подавление воли и естественных мотиваций индивида – примитивный, грубый физический террор, физическое уничтожение нежелательных лиц. Следует иметь в виду, что «детерминанты природного психогенотипа, с их подсознательной природой, трудно поддаются подавлению внешнего плана»¹¹. Иными словами, насильственная конформизация и игнорирование ментальности общества в целом и субменталитетов социентальных общностей, в принципе, не обеспечивает выработку системы ценностных ориентаций, необходимых для адаптации общества в новых условиях, и его интеграцию. В данном случае может быть создано видимое благополучие, не затрагивающее ценностных основ общества, его менталитета. В

---

¹⁰ *Аграшенков А. В.* Исторический опыт воздействия на политическое сознание в переломные моменты общественного развития. СПб., 1994. С. 55.

¹¹ *Кайтуков В. М.* Эволюция диктата. Опыты психофизиологии истории. М., 1993. С. 41.

качестве показателя достижения цели не может рассматриваться лояльность относительного большинства общества к существующему политическому режиму. Соответствующая регламентация поведения членов общества законодательными нормами в бывшем Советском Союзе, культивирование в обществе декларативных ценностей, хотя и способствовали видимой интеграции общества на определенных этапах его развития на основе близких и понятных идей и задач, восходящих к общественному благу, общественному интересу (что вполне объяснимо в условиях массовой стереотипности, унификации), были ориентированы на «прекрасное завтра» и не затронули глубинных ценностных основ сознания, менталитета. Это были, прежде всего, «прививные» (В. Г. Белинский), ценности, чувства, привычки, это не признаки «народности», а скорее – «наросты на ней»¹². Как известно, сознательные установки (по Фрейду) неизбежно являются ярмом подсознательного, добавим, ярмом менталитета общества. Среди политико-экономических, социокультурных установок, которые насаждались идеологической пропагандой отметим следующие: культ труда, но труда-подвига, имеющего преходящий характер, геройство – «трудовая вахта» к очередному юбилею; атеизм, превратившийся постепенно в квазирелигию, строившийся на идее «исторической необходимости». В сознание индивида внедрялись установки типа: задача индивида – подняться до понимания этой исторической необходимости и подключиться к созданию «гармоничного общества». Культивировались идеи превалирования общественного интереса над личным, посвящение себя служению обществу *сегодня* во имя светлого *будущего*, когда государство отомрет. В этом же ключе осуществлялась конфронтация с «капиталистическим окружением», в том числе, в виде «железного занавеса», отделяющего общество не только в территориально-политическом, но и духовном плане от внешнего мира. Принцип классовой борьбы использовался как инструмент устранения противоречий в социальной, духовной, культурной сферах общества. Из духовной сферы были изъяты идеи, ценности, которые не совпадали с официально утвержденными. Среди инструментов политической власти были духовные и физические репрессии и жесткий тоталитарный режим, курс на уничтожение на-

¹² См.: Белинский В. Г. Пол. собр. соч. В 13 т. М., 1954. Т. 5. С. 123, 127.

ционально-патриотической культуры в национальных республиках; унификация больших и малых народов в «единый советский народ», этнические различия допускались лишь в народном искусстве, фольклоре, промыслах, одежде, быте; унификация социальных и территориальных субкультур; унификация языкового общения на основе русского языка. Централизованное управление и тоталитаризм не способствовали развитию в обществе инициативы, потребностей в осознанном политическом участии, так как система управления слабо подкреплялась мотивирующим формальным воздействием политической системы, а значит, не могла полностью нейтрализовать действие мотиваций психотипа человека. По сути, насаждение идеологических догматов, связанных не с настоящим, а с будущим лучшим существованием, попытки искоренить родные языки населяющих государство народов, атеизм с его отказом от идей и символики личного Бога, нивелировка культур и традиций многонационального населения загоняли проблемы вглубь. Труд как неотъемлемая часть человеческого бытия не стал сферой повседневной самореализации, благодаря чему только и возможно обретение достойного образа жизни. Несмотря на успехи в формировании рабского стереотипа, иждивенчества, тоталитарный политический режим оказался неспособным осуществить нивелировку потребностей, интересов, культур народов, населяющих страну, обезличить национальное самосознание, субменталитеты социентальных общностей. Указанное подтверждают социологические исследования¹³. В недрах народной жизни шли никогда не прекращающиеся процессы, связанные с влиянием естественной среды существования человека и общества (неформальное влияние), прежде всего, семьи, сложившихся традиционных норм и культуры того или иного народа, благодаря чему большинству этносов удалось сохранить язык, не забыть традиции и нормы, веками регулировавшие жизнедеятельность социентальных общностей. Развал партийно-государственной тоталитарной машины бывшего Советского Союза и крах КПСС во многом, по – видимому, в связи с указанным,

---

¹³ Речь идет о социологических исследованиях, проведенных Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН в Российской Федерации в 1997 г. по исследовательскому проекту: «Этнополитические представления молодежи. Формирование и функционирование», с участием автора.

хотя эти события и внесли некоторую растерянность и недоумение в массовое сознание, не вызвали взрыва возмущения в обществе, не спровоцировали массовых демонстраций протеста и т. п.

В качестве «инструмента», средства для обеспечения мотивации деятельности субъектов политики может выступить **общенациональная идея**, которая может быть рассматриваема как принимаемая в гражданском обществе и государстве система ценностей и целей, а также гуманных путей их достижения, способных консолидировать социальные группы людей.

После избрания на пост президента Б. Ельцин поставил задачу разработать в течение года «новую национальную идею», которая могла бы предотвратить дальнейший раскол в обществе. Однако сложности, с которыми столкнулись разработчики, пока непреодолимы. Среди факторов, препятствующих этой работе и вносящих некоторую двусмысленность в процесс, – противоречие, заложенное в самой Конституции Российской Федерации, в которой «идеологическое многообразие» подтверждено как достижение и установлено, что «никакая идеология» не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной¹⁴.

Грядущая эпоха, как бы ее ни называли, – «постцивилизация», «информационное общество» или «электронный и биотехнический космический век с его энерго- и ресурсосберегающими технологиями, безвредными для окружающей среды»¹⁵, неизбежно связана с развитием рыночных отношений во всех сферах жизни. Причем, эти отношения в области политики и политико-властных отношений предполагают «открытую» политическую систему, возрастающий уровень организации человеческого общества, когда на первый план выходят факторы времени и компетентности, оптимизация процессов управления, и все более широкое использование нарастающего объема знаний обеспечивает прогрессивную самоорганизацию общества как наиболее общую тенденцию. При этом эволюционный путь развития новой цивилизации позволяет осуществить отход от логики капиталистического пути развития (уровня XIX в.), преодолеть экономический фетишизм и на деле превратить Человека в самоцель общественного развития.

---

¹⁴ См. Конституция Российской Федерации. М., 1993. Статья 13.

¹⁵ См.: Майер Э. Контроллинг как система мышления и управления. М., 1993. С. 82.

Развитие политико-властных отношений и эволюция политической власти как таковой могут быть рассмотрены как объективный телеологический (с точки зрения цели) процесс, непосредственно связанный с процессами самореализации и саморазвития в социальной сфере и в живой природе.

Политическая власть все более будет играть системообразующую роль в общем механизме управления на основе упорядочения связей, совершенствования социальных и политических регуляторов.

Любого типа упорядоченность возникает в результате какого-то воздействия окружающей среды на систему, которая, приспосабливаясь к изменяющимся условиям, накапливает полезную для себя информацию, повышает уровень своей организации. Механизм самоорганизации в живой природе и в социуме рассматривается как целенаправленный отбор, накопление информации и ее структурализация, происходящие в открытой неравновесной системе путем адаптации к внешним воздействиям.

В условиях трансформации российского общества при формировании механизма политического регулирования целесообразно сосредоточение анализа: 1) не только на уровне общества в целом, но и на малых группах, в которые реально включаются индивиды, что позволяет достичь большей глубины исследования; 2) важна также *самооценка общества* в современных условиях; 3) одна из главных задач исследователя «разглядеть» реальные общественные потребности, социальные интересы и пути изменения социальных отношений, которые институты и нормы пока не отражают; 4) не должны ускользать от внимания исследователя мифы, распространенные в обществе, фантазии людей, их ментальные конструкции, которые рационалистическое сознание людей Нового времени склонно квалифицировать как «предвззудки» и как «ложное сознание», которые во многом определяют современное политическое поведение людей и т. д. и т. п.

В конечном итоге важно решить проблему: как сочетать разные подходы к политическому регулированию, как координировать и достигать сочетаемости политических регуляторов с системой представлений и понятий, мировосприятием, «мировидением» людей, учитывать соотношение разных факторов в политическом процессе, каков их удельный вес, каково влияние каждого из них на социальную жизнь людей, обладающих соответствующим менталитетом.

Социальная история в интерпретации М. Блока – не только история отношений в экономической, политической сферах. Она включает в себя в качестве неотъемлемого компонента человеческое сознание, ментальность, и только через нее становится понятной. История, с точки зрения М. Блока и Л. Февра, не «изучение прошлого», но «наука о человеке»¹⁶. Наследие представителей Школы «Анналов» позволяет глубже понять взаимосвязи и взаимозависимости компонентов политической системы как целостности, ее возможности как системы, саморазвивающейся и саморегулирующейся в процессе взаимодействия с другими подсистемами общества. Важен вывод, который позволяют сделать исследования анналистов о том, что *новая система ценностей может возникнуть лишь вместе с изменением социального статуса групп и слоев населения.*

Во внешнем (формальном) воздействии неизбежно представлена некоторая информация о внешней среде. Превратить начальную информацию о внешней среде в средство сохранения бытия целого можно только одним путем – превратив ее в некоторый образ, обладающий необходимой для индивидуума ориентировкой в среде. Функция ориентировки и обеспечивает «включение» в уже имеющееся бытие, дополняет его. «Включение» происходит через «добавление» к внешним воздействиям всего, что необходимо для формирования ориентирующего индивида и социальную систему в целом образа. При этом, наиболее приемлемым и рациональным остается «наследственный» путь формирования ориентирующего систему образа, то есть с учетом менталитета.

В истории и политике нет автоматизма, однозначной связи причин со следствиями. Факты истории, по Блоку, суть факты «психологические» потому, что историю творит человек, и социальная целостность, раскрытие которой и представляет собой, по его убеждению, конечную цель исторической науки, выражает себя именно через человеческое сознание – в нем и «смыкаются» все социальные феномены.

Новые политические идеи, связанные с внедрением инновационной политической культуры, возникают в центре (не обязательно в административном) и оттуда распространяются на периферию. Если этот центр не совпадает с существующими

---

¹⁶ См.: Bloch M. La société féodale. Т. 1 2. Paris, 1939, 1940; Февр Л. Бои за историю. Там же.

культурно-политическими центрами, то возникает проблема структурной реорганизации территории страны. Голосование за политические силы, выражающие новые политические идеи, происходит в большей степени в центре и в меньшей степени на периферии и может быть охарактеризовано как центральный процесс. Периферия, в свою очередь, вырабатывает собственную модель поведения, основывающуюся на сопротивлении инновациям. Это предполагает голосование за «консервативные» политические партии, имеющие соответствующие политические программы. Если политическая система устойчива, то в стране устанавливается динамическое равновесие между центром и периферией. Этот конфликт регулируется с помощью парламентских выборов, причем недовольство периферии центром гасится в ходе голосования и уступками центральных властей¹⁷. Но это в том случае, если политическая система устойчива. В условиях кризиса и нестабильности политической системы чрезвычайно важно обеспечение осознанного участия большей, активной части общества в преобразованиях в качестве субъектов социального и политического творчества.

5.2. Проблемы становления политической субъектности

Знания о механизмах реализации, трансляции менталитета дают возможность не планового его преодоления, прежде всего, а возможность создать оптимальные условия для естественного хода реализации общественно-политического потенциала социальной общности и личности. Как известно, политика – это деятельность и отношения, прежде всего, социальных субъектов по поводу власти. Эффективная политика ориентируется не только на логику «необходимости», целесообразности, но и на социокультурные запросы основной массы населения, создает условия в обществе для обеспечения деятельности политических субъектов и субъектов политики посредством политического ре-

---

¹⁷ Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России / Отв. ред. Л. А. Беляева. Аналитические обзоры центра комплексных социальных исследований и маркетинга. 1996. Вып. 3.

гулирования. В процессе выработки механизма политического регулирования, влияющего на формирование политической субъектности, должен иметься в виду максимально широкий охват всех аспектов человеческой деятельности – от материальной до экономической, культурной и политической антропологии.

Поиск ответа по проблемам субъекта политического процесса в литературе наблюдается достаточно давно, предлагаются различные концепции. Наиболее распространенными являются следующие:

– *детерминистско-фаталистическая*, ставит человека в зависимость от обстоятельств, в которых он живет и работает, или от «предначертаний» судьбы. В теистических учениях доказывается предопределение судьбы свыше, в атеистических – судьба связывается с механистическим объяснением мира;

– *волюнтаристско-индивидуалистическая* акцентирует внимание на роли личности в истории, обосновывает ее особую роль в творческом преобразовании мира, при этом зачастую абсолютизируется субъективная воля.

Современные концепции вряд ли применимы в чистом виде в процессе формирования демократической политической культуры и становления политической субъектности. **В целях достижения эффективности политического регулирования** целесообразна ориентация на традиции общества. По П. Чаадаеву, Россия – это целый особый мир, покорный воле, произволению, фантазии одного человека. Не входя ни в западный, ни в восточный мир, Россия не выработала внешних гарантий свободы, привычек, способных уравновесить деспотизм, цивилизовать его¹⁸ Для П. Струве¹⁹ высший идеал – это свобода личности, причем подлинная свобода достижима лишь на базе преемственного развития культуры, нельзя быть свободным, не заботясь о благе России, так появилась идея государственного сознания, мистической объективности государства. Исходя из признания дуализма исторического процесса, ряд исторических явлений может быть объяснен рационалистическим путем. Но более глубокое бытие, бытие как таковое, не является данностью опыта и не может быть объяснено детерминистически. Это мир должного, личности, свободы, творчества человека. Благодаря должному, иррациональному только и возможно говорить о

¹⁸ См.: Чаадаев. Апология сумасшедшего / Тарасов Б. Чаадаев. Там же.

¹⁹ См.: Струве П. Политика, культура, религия. СПб., 1911. С. 212.

целостности, о связанности истории. Выдающиеся представители отечественной общественной и политической мысли давно пришли к пониманию, что «задача истории – представить человечество как индивидуум, как личность...» что как бы ни богата была внутренняя жизнь человека, она не полна, если не усвоит в свое содержание интересов внешнего ей мира и человечества; «всякая благородная личность сознает свое кровное родство, свои связи с отечеством»²⁰. Реальная политическая практика, однако, не способствовала становлению субъектности. В литературе можно встретить немало высказываний относительно того, что русские плохо знали и знают, что такое свобода, ибо многие века были поработаны²¹; едва ли можно понять, еще меньше – почувствовать, каких жертв стоил склад русского государства народному благу, как он давил частное существование²². Крепостное право пагубно повлияло не только на материальные отношения русского общества, – свидетельствует В. Ключевский, – но и подействовало на умственную и нравственную жизнь его. С половины XVIII в. равновесие прав и обязанностей, на котором держался политический строй России в допетровское время, нарушается. Дворянское самоуправление утрачивает серьезное значение, в обществе зреет убеждение, что политический порядок в России покоится на несправедливости²³.

Главным недостатком всего предшествующего материализма было то, что социальная действительность, в том числе и политическая, рассматривалась в «форме объекта», имело место небрежение к деятельностной стороне человеческой практики, которую, якобы, возможно было рассматривать в рамках идеалистических концепций.

Строгую научность, обоснованность и объективность анализа может обеспечить подход, предполагающий рассмотрение общественных и политических процессов в форме действующих субъектов, которые одновременно выступают творцами и являются продуктами общественных отношений. Понятия «субъект» и «объект» политики являются релятивными, в том смысле, что каждый политический субъект является одновременно объектом

²⁰ См.: *Белинский В. Г.* Избранные статьи. М., 1979. С. 119, 120.

²¹ См.: *Бессонов Б. Н.* Судьба России: Взгляд русских мыслителей. М., 1993. С. 4.

²² См.: *Ключевский В.* Соч. М., 1957. Т. 2. С. 316.

²³ См.: *Ключевский В.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 3. С. 338, 339, 340.

политических воздействий со стороны других субъектов, прежде всего, социальных и политических институтов.

Новое в понимание относительности субъекта и объекта внесли деятельностный подход к политическому управлению, разработанный А. Кингом²⁴, а также «инициирующе-резонансная» модель управления, большое влияние на формирование которой оказывают идеи синергетики.

Социальная и политическая система, где протекает процесс управления и самоуправления, разделяются не пространственно и структурно на субъект и объект, а на временные, процессные этапы анализа и синтеза, постановки проблем и их решения, сбора, накопления информации, ее обработки, репродуктивности и продуктивности и т. д. По классификации Б. П. Курашвили²⁵, субъектно-объектные связи в политической сфере общества многоплановы и многоуровневы. Эти связи включают, по меньшей мере, две типологические группы: *политические связи и отношения вертикального типа*, то есть это отношения между первичными и производными субъектами политики (между носителями социальных интересов и их выразителями, между руководимыми и руководителями, между подвластными и властвующими); *политические связи и отношения горизонтального типа* (между социальными слоями и группами социальной, национально-этнической или территориально-государственной общности, между большими общественными группами – нациями, этносами, сословиями, общинами, политическими и иными общественными объединениями и движениями). Наряду с отмеченными типологическими группами субъектно-объектных отношений содержательного характера в каждом политически организованном обществе существуют вертикальные связи функционального типа. Взаимодействие этого типа между большими общественными группами не всегда совпадает со сложившейся «формальной» стратификацией общества, экономическим, имущественным, социальным и т. д. расслоением. Это та сфера, которая обуславливает в конечном итоге течение политического процесса, политическую жизнь общества на разных этапах его исторического развития.

---

²⁴ Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М., 1991.

²⁵ Цит. по: Хунагов Р. Д. Проблема рациональности в политике и управлении. Дисс. доктора социологических наук. Ростов на Дону, 1996. С. 78, 89.

Первая группа – *политическая элита*, осуществляющая политическое господство – принуждение и насилие. Вторая группа – *идеологически манипулятивная*, индоктринально обеспечивающая и подкрепляющая господство-принуждение первой группы убеждением, распространением среди подвластных выгодных правящей элите идеологии и мифологии. Третья группа – *посредническая*, осуществляющая связь между производством и потреблением, распределением общественных благ. Четвертая группа – *трудящееся большинство населения*, обеспечивающее своим трудом все общество. Пятая группа – *маргинальная*, оттесненная на край данной социальной и политической системы.

Формально-статусное, объективно-следственное, реальное положение каждой из социальных групп в функциональном ряду субъектно-объектной структуры политической сферы общества и определяет политическую субъектность²⁶. При этом, следует добавить, что становление субъектности каждой из групп в современной России имеет свои особенности и, в частности, политической элиты. В западной политологии и социологии распространено понимание того, что политический глава государственной системы в демократическом обществе не должен быть единственным и верховным иерархом по ряду причин и признаков. Политический лидер демократического общества, кем бы он ни был, – премьер-министром, президентом, председателем ассамблеи – не более чем представитель группы, слоя, осуществляющего политическую власть в обществе, элиты, олицетворяющий один из политических институтов, являющийся представителем одной из ветвей власти чиновник, возглавляющий лишь политическую элиту, имущественно не относящийся к слою социума, который обладает наибольшими возможностями. В своих действиях глава демократического государства регламентиро-

---

²⁶ Политическая субъектность предполагает осознанное участие. Предполагается различать понятия «субъект политики» и «политический субъект». Первое отражает деятельную сторону поведения человека, социальной группы в политической системе общества, не всегда осознанную. Политический субъект реализует качество политичности осознанно, целенаправленно на основе определенных политических знаний. В том и в другом случае есть смысл различать типы политических субъектов и субъектов политического действия, которые связаны с определенным типом менталитета, политического сознания, политической культурой, типом политического поведения. См. подробнее: *Хунагов Р. Д.* Проблема рациональности в политике и управлении. М.: Высшая школа, 1995.

ван сводом правил, норм формально-юридического и этического свойства. В демократическом обществе возможна принудительная смена формальных правителей на основе действующего законодательства, что в значительной степени ограничивает свободу его действий и возможность произвола. В российском менталитете пока не преодолено убеждение, что глава государства, политический лидер – это нравственный образ в политике, это образ желаемого «Я». Конкретные политические силы и ответственность за политические события персонифицируются в образах конкретных политических деятелей. Для менталитета достаточно большой части граждан России характерен традиционалистский тип легитимности. Во многом, в связи с этим, по – видимому, еще присутствует в общественном сознании россиян настороженность в отношении насильного отстранения от власти политического лидера (пусть даже путем выборов), да и сама процедура прерывания срока пребывания у власти пока не вошла в арсенал демократических процедур политической власти. Не раз приход к власти тех или иных политических сил в России сопровождался сломом прежней политической системы, сменой политического режима, кризисами, прерывностью общественного развития.

В западной политологии и социологии критерии включения людей в состав элиты самые разнообразные. Распространена точка зрения, что институционализация власти в современном обществе осуществляется посредством закрепления трех ее «институтов»: политического, экономического, военного. Нет единого руководящего класса, есть множество руководящих категорий: священники, писатели, ученые, партийные идеологи; военные и политические начальники; владельцы или управляющие средствами производства; руководители профсоюзов и политических партий; функционеры высшего звена, держатели «административной власти»²⁷.

Что касается второй группы (идеологически-манипулятивная), на данном этапе проблематично, хотя бы в самом общем виде, очертить рамки ее деятельности в современной России. При отсутствии идеологии реформ применительно к России, «манипулятивная» деятельность подвержена влиянию конъюнктурных, сиюминутных соображений политической элиты,

---

²⁷ См.: Понеделков А. В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов на Дону, 1995. С. 141.

осуществляется в целом спонтанно, в основном через средства массовой информации. Динамизм основного состава российской политической элиты, о котором сказано выше, не способствует совершенствованию управленческой деятельности, на данном этапе становления политической системы позволяет внедряться в состав элиты, время от времени, особо опасному для общества ее контингенту. В. В. Лунев выделяет в этом отношении часть зарождающейся элиты, выходцев из нового, интенсивно развивающегося слоя предпринимателей, банкиров, коммерсантов и их сторонников²⁸.

Негативным наследием номенклатурной элиты является преобладание клановых, корпоративных интересов над всеми другими интересами. Необходимо преодолеть сложившийся стереотип «прыжка в рынок», «рыночного штурма» и перейти к политике постепенного, поэтапного вхождения в рынок²⁹.

Становление рыночных отношений, по сравнению с предыдущим этапом развития политической системы, предполагает **новый вид формального воздействия на общество, новый вид политического регулирования**, становление новых социально-экономических и государственно-этических форм и приводит к кардинальным изменениям в структуре субъектно-объектных отношений групп функционального типа. Если в условиях тоталитарного режима политическое руководство и управление, идеологическое обеспечение проводимого курса было связано с государством и государственным управлением, трудящееся большинство выполняло волю меньшинства, современный этап развития российского общества требует иного механизма политического регулирования, иных мотивационных основ. Взаимоотношения между производителями и элитой приобретают характер опосредованного насилия, при оптимальном варианте – легитимного насилия. Рыночные отношения обуславливают необходимость вовлечения в производство не только физического, но, главным образом, умственного труда.

Для России пока новой является возможность присвоения эквивалента «все продается» в отношении продуктов труда различного

---

²⁸ См.: Лунев В. В. Криминогенная обстановка в России и формирование новой политической элиты // Социологические исследования. № 8–9. 1994. С. 13.

²⁹ См.: Игнатов В. Г. Кризис власти в Российской Федерации, его экономические основы и пути преодоления // Актуальные вопросы русского процесса трансформации. М., 1994. С. 7.

свойства – как материального, так и морального. Непривычным также является так называемое «позитивное подавление», строящее субъектно-объектные отношения согласно альтернативе: либо индивидуум принимает как данность сложившиеся обстоятельства, режим и получает возможность удовлетворять свои потребности, либо, избирая неконформистские жизненные принципы, может оказаться на обочине жизни. Для менталитета российского общества характерно гармоничное соотношение духовного и социального в обществе, что и может послужить основой для становления субъектности, творчества.

В наиболее общем виде политическая субъектность означает сознательное и активное участие социальных единиц в формировании социально-политической действительности, преобразовании ее в направлении, соответствующем собственным потребностям и интересам; способность к сознательному удовлетворению собственных потребностей через влияние на другие социальные единицы, способность к самореализации и саморазвитию в политической сфере общества; удовлетворение собственных потребностей путем проявления политической активности, политического поведения, в том числе формирование собственной политической культуры. Сознательное и активное участие в политическом процессе политических субъектов также затруднено. Растет разрыв, образуется вакуум между богатейшей элитой, которую в отечественной литературе называют «плутократией», и беднеющей массой большинства народа. В целях сближения управляющих и управляемых политики и практики ищут выход в теории социального партнерства, не всегда успешно.

Не все участвующие в политическом процессе стороны являются политическими субъектами. Как уже говорилось, политическая субъектность предполагает осознанное участие и личности (в том числе выдающейся) и социальных групп. Великий человек – дитя своего времени и наилучший выразитель культуры, присущих этому времени способов познания мира. Но он не растворяется в коллективном сознании. Не герой делает эпоху, а эпоха делает героя. Взгляды индивида в основном репрезентативны для его времени, среды и ситуации.

Политическая субъектность означает не что иное как способность социального субъекта к рациональным и суверенным действиям, но в рамках сложившейся исторически социальной иерархии, соподчинения в социуме, типа политических отношений. **Сознательная, целенаправленная деятельность составляет**

родовой характер человеческого бытия. Чтобы человек стал действовать, стал субъектом социального творчества, в том числе субъектом политики, все побудительные силы, вызывающие его действия (например, потребности, интересы, чувства, эмоции, уровень мышления, знания и т. д.), должны стать побуждениями его воли. При этом воля рассматривается как специфически человеческое, ценностное, активно-деятельное, практически ориентированное, целенаправленное отношение субъектов к миру, к себе и на самоизменение³⁰. Для становления политической субъектности необходимо наличие объективных и субъективных условий. Политические действия могут быть полностью осмысленными только при условии, что существует свобода слова, свобода действий, свобода выбора. Тоталитаризм базируется на массовом движении, на атомизированной массе, где индивиды не в состоянии предпринимать независимые политические действия. Соответствующие последствия имеет и авторитарный режим. Хотя при авторитаризме общество не деструктурируется, социальные группы лишены возможности предпринимать реальные самостоятельные политические действия. Демократическая система политических институтов позволяет социальным субъектам стать и *политическими субъектами*. Важно понять, что конкретный путь конкретной страны к демократизации общественной жизни базируется на том потенциале, который был ею приобретен в ходе культурно-исторического и политического развития в предыдущие годы, столетия. Политическое и социально-экономическое реформирование в стране поставило перед необходимостью радикального пересмотра отношений общества, государства, экономики. Но опыт многих зарубежных стран показывает, что рыночная экономика не является достаточным условием быстрого технологического роста. Необходимо соответствующее политическое регулирование для создания инновационного климата в стране, для сознательного творчества политических субъектов и субъектов политики, развития гражданского общества.

По П. Бурдье, государство, которое располагает возможностями культивирования устойчивых принципов восприятия и классификации реальности, определяет не только характер внешних отношений, но и их внутренний мир, по сути, создает

---

³⁰ См.: Крыжановская О. А. Политическая воля // Проблемы. Поиски. Решения. (Концепции докторских диссертаций). Ростов на Дону, 1995. С. 125.

легитимирующие структуры сознания. Но призывы в состоянии прийти до сознания лишь тех, кто предрасположен к их восприятию. Эта предрасположенность заключена не в рефлексированном сознании, а в культурных архетипах, и, следовательно, сознанием не регулируется³¹. Значит, легитимность власти обусловлена ничем иным как соответствием или несоответствием механизмов формального (политического) влияния на общество его менталитету (по Бурдье – сложившимся культурным архетипам). И политический субъект, и субъект политики, таким образом, только на основе овладения всеми сторонами действительности, способны к разумному действию, под которым в науке понимается «...знание, ставшее осознанием, развитой способностью поступать по-человечески, то есть общественно»³². Нравственно направленная, рефлексивная воля, способность к интроспективному управлению, основанному на знании психических процессов, менталитета общества, – необходимые качества современного политического лидера, условие системной адаптивности политических решений к ментальности социума.

В условиях трансформации российского общества исследование ментальностей, социально-психологических установок общества и образующих его групп, представляет собой задачу первостепенной важности в целях утверждения в обществе политической субъектности. Богатейший пласт коллективных представлений, верований, имплицитных ценностей, традиций, практических действий и моделей поведения, на котором вырастают и над которым надстраиваются все рациональные, осмысленные идеологические системы, играет важную роль в формировании политической культуры нового типа, диктует создание собственных, особенных для данной конкретной страны механизмов формирования новой политической культуры. **Междисциплинарность, или полидисциплинарность политологических исследований** – не самоцель, а средство для построения парадигмы управления в условиях трансформации общества с учетом его стратегических перспектив развития. Исследование должно предполагать охват самых различных аспектов социальной жизнедеятельности – от отношения индивидуумов к природе до высот интеллектуального творчества: проблемы человеческой географии и экологии, проблемы психологии, индивидуальной и коллективной, включая историю человеческих

³¹ См.: Бурдье П. Социология политики. Там же.

³² См.: Толстых В. И. Сократ и мы // С чего начинается личность? М., 1984.

эмоций, историю техники, изучение средств фиксации и распространения знаний, вопросы истории религии, как на высших уровнях теологии, так и на уровне повседневной, обыденной религиозности, расхожих верований и ритуалов, массовых социально-психологических явлений (например, национальные конфликты – латентные в советское время и эмоционально окрашенные, конфликтные сценарии государственных преобразований в регионах России в постсоветский период), фольклор, искусство, которое является свидетельством мировосприятия людьми политической реальности.

Без учета этих слоев общественного сознания нельзя понять ни содержания и реального воздействия идей на человеческие умы, ни политического поведения людей, группового или индивидуального, невозможно выработать адекватные механизмы политического и социального регулирования.

Нельзя судить об эпохе на основании одних только заявлений идеологов, вырабатывающих «ложное сознание» (Маркс), камуфлирующих общество, их породившее. Весьма важно обнаружить те *мыслительные процедуры, способы мировосприятия, привычки сознания*, которые присущи людям данной эпохи и о которых сами эти люди могут и не отдавать себе ясного отчета, применяя их как бы «автоматически», не рассуждая о них, а потому и не подвергая их критике. При таком подходе удалось бы «подслушать» то, о чем эти люди, самое большее, могли только «проговориться» независимо от своей воли. Потаенный пласт сознания людей, менталитет, обнаруживается в документальных и литературных источниках, делах, программах, политической деятельности, политическом участии, в массовом сознании, скорее, как бы против их намерений и воли. Вот почему важен для политологии учет знаний психологии и этнологии. Система политического регулирования должна *учесть все без исключения политические субъекты*, носителей менталитета общества в целом и субменталитетов социентальных общностей, населяющих Российскую Федерацию народов.

Каждый народ принадлежит к определенному историческому типу, и все попытки нарушить своеобразие жизни народа – бесплодны (Данилевский)³³. Многонациональный народ России как полиэтническая общность, сложившаяся исторически на обширном евразийском пространстве, впитав в себя ценности эт-

---

³³ См. подробнее: Аринин А. Н., Михеев В. Н. Прошлое. Настоящее. Будущее. (Историко-философская мысль России XIX–XX вв.). М., 1995.

нических культур народов, требует решения современных проблем, исходя из этого. Успех в деле возрождения страны возможен с опорой на традиции, как справедливо отметил И. Ильин, с учетом склонности русского народа возвращать те общественные формы, которые покоятся на коллективизме, на братстве, «звиздуются жертвою и любовью». За культом конкуренции скрывается старая идеология: право на жизнь имеет лишь «сильный». Без сотрудничества и солидарности в обществе никогда не будет мира. В этом непростом деле – процессе становления политической субъектности в условиях трансформации общества важно найти наиболее приемлемый вариант, подходящий для России, чтобы отказаться от всякого идолопоклонства, анархизма, нигилизма, от внутреннего рабства (Н. Бердяев). Для решения стоящих проблем потребуется небывалое напряжение социального творчества, исключительное самоотвержение народов, чтобы найти приемлемые для всех, наиболее безболезненные способы примирения и совмещения разнородных ценностей (Н. Лосский), например, соизмерения ценности национального самоопределения, с ценностью государственного единства, ценности свободной хозяйственной инициативы с ценностью служения обществу в целом. Важно помнить, однако, что в равной мере пагубно как чрезмерное увлечение политикой, что свидетельствует о вырождении культуры (О. Шпенглер), так и недооценка политики, политическая апатия – свидетельство недостатка культуры.

5.3. Эффективность политического управления и конфликт ценностей в условиях трансформации российского общества

Как представляется, на любом этапе развития общества присутствует потребность достижения эффективности и рациональности принятия политических решений. Рациональность политики, оптимальность принятого политико-управленческого решения может быть понята с точки зрения соответствия ее целей совокупности идеальных представлений об обществе, существующих в сознании его членов, укорененных в менталитете. В условиях трансформации российского общества **эффективность политических решений** обуславливается, во-первых, влиянием менталитета общества в целом и субменталитетов социентальных общностей, сложившихся исторически на данной террито-

рии. Во-вторых, эффективность решения проблем политического регулирования, социального управления зависит от степени соответствия политических регуляторов внутренней дифференциации данной системы общества, ее стратификации, **политической культуре управляющих и управляемых**. В-третьих, эффективность политико-управленческих решений непосредственно связана со стабильностью политической системы. В относительно стабильных условиях достигается оптимальная институционализация ее структуры, – и наоборот. В-четвертых, цель, которая неизбежно должна сопровождать политико-управленческое решение, в конечном итоге способна выступить как системообразующий результат выбора тактических средств достижения цели.

В решении этих проблем автор особую роль отводит менталитету и политической культуре общества. Считает целесообразным из многих факторов, обуславливающих эффективность политических решений, процесс, выделить именно указанные два, поскольку именно этими факторами в процессе преобразований определяются и выявляются многообразные и противоречивые процессы, возникающие в русле общих перемен, избирается, осознанно или неосознанно, соответствующий путь, сценарий преобразований и, соответственно, определяется выбор средств, методов для достижения цели. Обращаясь к выводам С. Эйзенштадта, напомним, что: 1) прямолинейные имитаторские общественные преобразования (заимствование опыта) ведут к дезорганизации, социальным потрясениям, откату от реформ;

2) в реформировании общества особую роль играют сложившиеся в обществе духовные ценности, трудовые ориентации, «символические структуры», менталитет;

3) трансформация общества неизбежно сопровождается оживлением прежнего духовного достояния, имеющего огромное значение для обеспечения самобытности и самостоятельности общества;

4) важное значение имеет характер сформировавшихся общественных институтов, элит, степень их восприимчивости к новому и способность к поддержанию стабильности.

Из анализа результатов социологических исследований, контент-анализа документов и прессы, практики политических систем разных типов вытекают следующие выводы: 1. Исключается возможность выработки общих правил создания оптимального механизма принятия политико-управленческих решений.

2. Политические институты, создающиеся в условиях трансформации общества, должны соответствовать общественно-политическим условиям, потребностям социальной среды, изменениям социальной диспозиции существующих и создающихся общностей. 3. Эффективная формальная структура, политическая организация общества, предполагает эффективность политического регулирования и управления и постепенное достижение стабильности общественных структур. Эффективность формальной структуры зависит от того, насколько общественная трансформация ориентирована не только на прежние элементы социальной структуры, но и на возникающие новые элементы из существующего социального материала в соответствии с новыми нормами и ценностями, которые постепенно становятся приемлемыми для критической массы населения. 4. В условиях кризиса потребность в институционализации общественных институтов также присутствует. Создание формальной структуры осуществляется методом «проб и ошибок». 5. Цель создания упорядоченного механизма политического регулирования в условиях кризиса просто недостижима. В данном случае приемлема «мягкая» структура институтов, согласующаяся с потребностями общества, способных реагировать на изменения в обществе, изменяться и обеспечивать стабилизацию политической системы. 6. Между необходимостью интеграции российского общества и его дифференциацией существует противоречие. Соответствующая система политического регулирования может это противоречие преодолеть посредством введения не авторитарных способов интеграции, ориентирующихся на традиции общества, его менталитет, создание условий для развития процессов саморегуляции и самоорганизации в обществе в новых условиях. 7. Эффективность политического регулирования падает, если государство доминирует над обществом или общество доминирует над государством; обостряется борьба за власть элит, различных политических сил, усугубляется партикуляризм политических и социальных интересов, за чем может следовать атомизация общества, разгул экстремизма, распространение анархистских настроений, маргинализация отдельных слоев и групп и т. п. В условиях трансформации общества необходимы разумное, рациональное, «неустойчивое равновесие» взаимоотношений общества и государства, взаимовлияние в достижении общей позитивной цели (обратная связь).

В целом, чем больше (но до определенных границ, которые надо устанавливать в каждом конкретном случае) влияние гражданского общества на государство, тем рациональнее система политических регуляторов, тем больше объективности при принятии политических решений и тем меньше расхождение между установленными и практически достигаемыми целями.

Существует совокупность объективных требований, связанных с достижением целей общественного развития. Эти требования ограничивают абсолютный произвол в разделе социальных благ и ценностей, устанавливают своеобразный предел вмешательства государства в общественную жизнь. Выход за его рамки угрожает существованию стабильности политической системы.

Менталитет общества, его стратификация, уклад социальных сил, иерархия привилегий тоже ограничивает рамки возможных реакций общества на формальное влияние государства. Таким образом, критерии политического регулирования могут быть представлены следующим образом: *менталитет общества*; *совокупность технико-экономических требований общества*, связанных с производством и распределением материальных благ; *совокупность ожиданий* со стороны господствующих социальных групп.

В то же время менталитет, социальная структура любого общества и связанные с ними идеологические ценности и социальные цели почти автоматически определяют характер процессов, происходящих в самых различных организациях, и направление организационных решений. В современных обществах становится все более характерной зависимость организаций от внешних по отношению к ним политических и административных систем. При ограничении организационной автономии падает и ее эффективность. Такая ситуация тормозит социальные изменения, но не может их целиком заблокировать. Кроме того, как отмечал несколько десятилетий тому назад К. Поляни, данное торможение может оказаться полезным для общества в целом ³⁴.

Важными параметрами изменений, свидетельствующих об эффективности принимаемых решений, являются степень мобильности населения, мера его участия в социальном и политическом управлении. Несмотря на появление таких субъектов политических отношений в России, как партии и общественно-по-

---

³⁴ Polani K. The Great Transformation. Boston, 1957. P. 36–38.

литические движения, их роль и влияние на граждан имеют ограниченный характер. Сохраняются элементы прежней административной практики управления обществом. Переходная политическая структура – это уже не система, основанная на иерархически несменяемой власти, но еще не система развитых институтов представительной демократии. В связи с этим имеет место ее политическая нестабильность, конфликтогенность. Отношения становящегося гражданского общества и склонного к политической монополии на власть государства отличаются взаимным недоверием. Политико-правовые отношения демократического типа оформляются в систему норм, институтов и ценностей, но остаются в основе своей чуждыми для массы избирателей. Это и понятно, поскольку всякий процесс экономических и политических преобразований должен быть обеспечен соответствующими социальными и культурными основаниями. Продолжается борьба старого и нового, столкновение интересов различных социальных и политических сил. Разные тенденции развиваются в духовно-психологической жизни общества. Процессы роста сочетаются с установками на сохранение или достижение стабильности. «Многоукладность» общества, в котором сосуществуют различные ментальные, экономические, социальные, культурные компоненты, представляет собой совмещение традиционных, современных и переходных элементов в системе ценностей. Справедливо высказывание, что «культура демократии – это не вопрос конъюнктуры или желания имитировать общепринятые стандарты политического поведения и даже не вопрос политической целесообразности. Это реальный императив и возможность преодолеть конфронтационную логику посттоталитарного развития общества адекватными в ситуации его системного кризиса средствами»³⁵.

В современной России наметились процессы взаимного приспособления социальных и политических структур. Большинство современных индустриальных и постиндустриальных обществ находятся в такой ситуации. В организациях органического типа существует тенденция возврата к механическим организациям, если этому хоть в небольшой степени способствуют условия среды. Источник этой тенденции можно обнаружить в сфере общественного сознания. В нем глубоко укоренен механи-

---

³⁵ Представительная демократия и электорально-правовая культура / Общ. ред. и введение Ю. А. Веденеева, В. В. Смирнова. М., 1997. С. 119, 120.

стический способ мышления, тесно связанный с традиционалистским типом политической культуры. Поэтому возврат к бюрократическому типу на уровне индивидуального и группового поведения означает, что существует стремление к достижению соответствия между унаследованными мыслительными и ментальными навыками и новыми тенденциями, связанными с внедрением новых ценностей.

Как известно, государство и экономика в современных обществах являются двумя важнейшими институциональными системами. Однако строгое разделение данных сфер произошло сравнительно недавно, по мере развития рыночного хозяйства. Вплоть до конца XVIII в. в Европе экономическая деятельность была подчинена внешней по отношению к ней организации общества. В России этот процесс затянулся до конца XX в. Только свободный рынок санкционировал такие мотивы человеческой деятельности, как погоня за прибылью, эгоизм.

Однако свободный рынок не мог возникнуть без параллельного процесса централизации политической власти и развития государственной администрации, действующей по бюрократическим принципам. Можно сказать, что в основании развития современного общества лежат три главных институциональных уклада: свободный рынок, государственная бюрократия и парламентарная демократия. Взаимное отношение между ними в значительной степени определяет направление развития современных обществ, политический режим. В то же время они являются следствиями социальных процессов, на их образование влияет менталитет конкретного общества. Для современной России актуально становление культуры демократии, без чего вряд ли возможен и рынок, и политический консенсус, и выход из перманентного институционального и идеологического кризиса. Необходимо подчеркнуть — становление культуры демократии для Российской Федерации, потому что каждое общество «загадку» демократии решает только для себя. Социокультурная специфика России не позволяет использовать стандартный инструментарий западной демократии. «Консервативность» менталитета российского общества проявляется, прежде всего, в стойкой потребности патернализма «сильного» государства. Современные исследователи усматривают в этом недопустимо запаздывающий, для исторического контекста, процесс выделения гражданского общества из административного государства. Менталитет как феномен, способный развиваться,

обеспечивает возможность изменения позиции электората к происходящим переменам. Становится юридической реальностью юридическое право, гражданин начинает внутренне воспринимать его как ценность. Движущим мотивом такой реакции может быть осознание того, что через демократические выборы формируются ответственные перед обществом органы государственной власти и управления; что выборы – это форма реализации собственных экономических и социальных интересов и т. п.

В экономической области политическая власть акцентирует внимание на принятии политических решений, ориентирующихся, в основном, на экономические концепции развития, причем, по типу «реагирования», а не предвосхищения нежелательных негативных тенденций. Между тем, существует необходимость создания социальной концепции развития общества с ориентацией не на некие усредненные общемировые черты, которые приписываются российскому обществу, а исходя из реальной характеристики его среды. По ряду характеристик Россия отличается от других стран. Еще значительны дистанция между властью и обществом, имеют место ориентированность общества на ценности социальной жизни, потребность в определенности в настоящем и будущем.

Главные мотивы, нормы и ценности нынешнего поколения жителей России были следствием принудительного характера общества и не могут считаться репрезентативными при изучении его истории. Многие из них были установлены насильственно, а не путем договора или компромисса. Среда современного российского общества есть часть и следствие политического процесса установления, осуществления и распада советского государства, которое определило господствующий тип отношений между властью и индивидами, а также более глубоких традиционных корней, взаимоотношения власти и общества. И это нельзя не учитывать в процессе принятия политико-управленческих решений. Это вовсе не означает, что реформирование общества должно осуществляться за счет государства и благодаря государству. В данном случае речь может идти о создании, с помощью механизма политического регулирования, условий для развития политической субъектности в обществе, согласующихся с менталитетом народа, и на этой основе повышении эффективности политических решений.

5.4. Проблемы социального и политического регулирования в условиях трансформации российского общества и менталитет

На первоначальных этапах развития человечества еще не было резкого противопоставления интересов. Нравы, обычаи, табу, догматы религии регулировали процесс удовлетворения потребностей и поддерживали целостность социума. В силу развития производительных сил, усложнения, в связи с этим, общественных отношений, социальной дифференциации, демографической мобильности и возникновения новых общественных потребностей появилась необходимость в специфических общественных институтах, которые были бы способны решать вопросы регулирования человеческого поведения.

Такая потребность на конкретном этапе развития общества и, в частности в условиях становления государства была реализована в появлении механизмов публичной власти. В данном случае не столь важно – возникло ли оно в интересах экономически господствующего класса или на начальном этапе существовало в форме надгруппового объединения («ночного сторожа»). Важно то, что с его появлением образовался и качественно новый уровень межгрупповых отношений и отношений «общество – личность».

В связи с этим может возникнуть вопрос, что такое свобода и что такое творчество. Что определяет меру возможного и допустимого в деятельности и поступках человека?

Попытки ответа на этот вопрос неизбежно предполагают размышления по поводу обеспечения стабильности общественной системы, гармоничного развития человеческой личности в конкретном обществе.

В условиях конкретно-исторических общественных систем механизм социального регулирования в целом и его важнейший компонент – политическое регулирование предполагают не только приспособление таких систем к изменяющимся условиям, но и создание с помощью своих сознательных компонентов нормальных условий для их функционирования и прогрессивного развития ³⁶.

---

³⁶ Под политическим регулированием авторы книги «Проблемы общечеловеческого в политике» понимают способность человеческого общества к саморазвитию с помощью определенных средств (государственной власти, самоуправленческих начал и т.д.), обеспечение функционирования

Эффективность действия политических регуляторов зависит от целого комплекса условий: политического режима, степени политической свободы, реальной, а не декларируемой, от самой личности, политической культуры общества в целом, его традиций, ряда других факторов, а определяется способностью и возможностью общества, индивида адаптироваться к новым условиям. Ибо этнос, равно как и суперэтнос – это феномен биосферы, и все попытки истолковать его через социальные законы развития общества приводили к абсурду, по словам Л. Гумилева³⁷.

Люди как существа социальные и биологические создают некий отличный от природы мир, в то же время окончательно с нею не порывая. Понятно, что в этом мире должен быть соответствующий порядок. Это необходимо постольку, поскольку обеспечивается жизнедеятельность всех сфер общества, поступательность его развития.

Одновременно эффективность действия регуляторов должна предполагать гармоничное развитие личности, т. е. ее потенциальную способность действовать в соответствующих сферах жизнедеятельности. В специальной литературе в качестве основных сфер общества, необходимых для всестороннего и гармоничного развития личности, выделяются экономическая, социально-политическая, духовная, семейно-бытовая. Основой же формирования гармонически развитой личности являются отношения основной области ее деятельности, в которой наиболее полно раскрывается индивидуальность. Важно то, чтобы личность в конкретных социальных условиях имела возможность избрать для себя соответствующую сферу деятельности, реализовать свой общественно-политический потенциал. В данном случае речь может идти не только о внешних воздействиях, условиях, их оптимизации, но и адаптивных возможностях самой личности.

Способность адаптировать организм к постоянно изменяющимся условиям среды, т. е. соответствующее поведение, рассматривается как результат биологического признака – способ-

---

конкретной общественной системы, а также ее развития при определенных условиях и на определенной основе. См.: *Трухин А. Н., Алексеев А. С.* Проблема общечеловеческого в политике. Иркутск, 1990. С. 37.

³⁷ См.: *Гумилев Л.* Этносфера: История людей и история природы. М., 1993. С. 29, 62

ность к изменчивости. Но последняя не безгранична³⁸. И это, прежде всего, должно быть учтено в механизме социального и политического регулирования.

Как мы заметили выше, весьма важным качеством общества является организованность, упорядоченность образующих социальную и политическую жизнь отношений, а значит, и объективная необходимость их социального и политического регулирования, которое характеризуется рядом особенностей и закономерностей развития, обусловленных требованиями данной политической системы и менталитетом общества.

Существование и развитие социального регулирования, его место и функции в общественной жизни, как указывает С. Алексеев, характеризуются рядом закономерностей. По его мысли каждое конкретное общество объективно требует строго определенной меры социального регулирования, иначе неизбежны отрицательные последствия для социальной и политической систем – их неорганизованность или, наоборот, их излишняя регламентация³⁹. Эта мера зависит от требований данной политической системы, менталитета общества, от этапа развития гражданского общества, уровня его организованности. Эта мера тем значительней, чем сложнее общественные отношения, чем больше необходимость влияния на их согласованное и скоординированное развитие.

Решающим фактором как политического, так и социального регулирования на всех этапах развития общества является экономический базис. В то же время, в связи с развитием политической и духовной сфер общества возрастает значение социального управления, самоуправления в гражданском обществе. Власть и идеология все более начинают использоваться как средства обеспечения процесса развития свободы в обществе, защиты прав человека и гражданина. Объем и интенсивность внешне обособленных регуляторов обратно пропорциональны степени развития в обществе начал саморегулирования. По мере развития социальной жизни усложняются, совершенствуются регулятивные средства и механизмы. Создается своего рода система, инфраструктура регулятивных механизмов. Система социальных и политических регуляторов – своеобразный ответ на по-

---

³⁸ См.: *Лобашев М. Е.* Сигнальная наследственность // Исследования по генетике. Л., 1961. С. 5.

³⁹ См.: *Алексеев С. С.* Теория права. Там же. С. 30, 31, 32, 34, 35.

требности общественной и политической системы, экономики общества, политической власти, идеологии, на нужды социального развития.

В конкретном обществе складывается оригинальная структура социального регулирования. Речь может идти о сложившемся объективно обусловленном построении этой структуры, как правило, выраженном в устойчивой модели нормативно-организационных форм регулирования, социального и политического регулирования в виде базиса устойчивых нормативно-организационных форм, от которых непосредственно зависит и развитие, и само функционирование этого регулирования.

Система регуляторов находилась и находится под влиянием целого ряда разнообразных условий, обстоятельств, уровня экономического и политического развития общества, сложившихся традиций, правящей элиты, менталитета социума, который в конечном итоге определяет степень адаптивности общества к изменяющимся условиям существования, «отторгает» или «принимает» предлагаемые политические и социальные регуляторы. Ибо над гражданами страны тяготеет не только власть исторического времени, но и власть предыстории, менталитета.

Различают два основных вида формализованного регулирования в социальной и политической жизни: индивидуальное и нормативное. Оба вида регулирования при определенных обстоятельствах дополняют друг друга. Весьма существенно, что нормативное регулирование затрагивает область политического и правового сознания, связывается с ним, с существующей системой ценностей. Нормативное регулирование в определенных случаях, как правило, в условиях авторитарного или тоталитарного режимов, может стать орудием политической власти. Тоталитарная модель взаимоотношения личности и власти исходит из безусловного приоритета целого над частью, полного подчинения личности государству. И соответствующие социальные регуляторы отношений в обществе предполагают тотальный контроль над «человеком-винтиком», лишенным свободы политического выбора. Сродни такому строю – авторитаризм. Ему также характерен диктаторский, не ограниченный законами характер власти, хотя допускается существование не регулируемых государством общественных сфер – частной жизни, экономики, действующих институтов гражданского общества, партий, профсоюзов и др. Задачами советского права были обеспечение национальной безопасности, нормативного ре-

гулирования производства на базе принципов социализма, а также воспитательные задачи, которые предполагали искоренение в общественном сознании и конкретно в людях эгоистических и антиобщественных устремлений, унаследованных от прошлого.

Реформирование советского права с 1985 и в 90-е годы способствовало устранению из него элементов, связанных с тоталитарным режимом, обновлению институтов, имеющих значение для развития демократии, экономики расширение прав человека, освобождению деятельности общественных объединений от государственного фактора.. Но реформы не дали и не могли дать скорых результатов, не привели и не могли привести к кардинальным изменениям в обществе. Причин тому достаточно много. В частности, имели место заимствования, не учитывающие традиции страны и ее многонационального народа, параллелизм, были созданы половинчатые законы без действенных юридических механизмов, что спровоцировало «войну законов», тем самым парализовало законодательные нововведения.

Указанное еще раз подтверждает тот факт, что политическое реформирование не может идти обособленно от преобразований в других сферах, без учета особенностей социокультурного бытия общества. Принципиально новая политическая система современной России диктует иные основы организации политической жизни и соответственно требуется принципиально иной механизм нормативно-правового регулирования. Этот процесс затруднен отсутствием идеологических ориентиров развития Российской Федерации.

По мере развития общества, его дифференциации, происходит кристаллизация отдельных видов норм, растет их число. Социальные нормы, которыми определяется человеческое поведение, обеспечивают существование людей в обществе, с их помощью человек стремится сохранить и реализовать определенные ценности и свои потенциальные возможности.

В настоящее время многочисленные социальные нормы подразделяют на группы. Примером социальных предписаний, создаваемых государственными органами, являются правовые, а неорганизованными общностями – обычные нормы. Чем развитее общество, тем большим количеством технических правил имеют возможность пользоваться его члены. Иными словами, речь идет о том, насколько гражданское общество свободно от государства. Особый вид социальных предписаний – право, чьи санкции обеспечивает государство. В первобытных обществах

уже обозначавшаяся система регуляторов внешне выражалась в системе обычаев, которые по своему содержанию воплощали естественную, природную необходимость, согласующуюся с конкретной стадией развития человечества. И сегодня в системе социального регулирования не последнее место занимают нормы обычного права народов Российской Федерации, созвучные с менталитетом социентальной общности, нередко они способствуют стабилизации политического процесса, действуют как консервативная и даже реакционная сила. Обычные правила могут быть подвергнуты пересмотру в новых условиях.

Достаточно широко обсуждаемое в науке понятие «социальное регулирование» не ограничивается представлениями о нем, как только о совокупности определенных правил, норм, общественных установок. Социальная регуляция отношений в обществе обусловлена потребностями жизнедеятельности людей. Правила, нормы, установления служат внешними регуляторами, которым люди обязаны подчиняться, как члены определенной социальной общности. Но есть более глубокие, внутренние, регуляторы неформального плана – идеалы, цели, осознанный общественный долг, совесть и т. п., а также знания, общие для данной конкретной социальной общности, этноса. Эта информация находится на глубоком уровне подсознания, а еще глубже располагается коллективный опыт. Платон уже в своих ранних произведениях, а также используя мифы, пытался объяснить, что человек рождается с определенными представлениями, которые он приносит с собой из предшествующего небесного существования, и знания – не что иное, как процесс припоминания или извлечения из глубин подсознания того, что там уже заложен⁴⁰.

Этнос, народ, конкретная социальная общность имеют свою собственную внутреннюю структуру – это строго определенная норма отношений между коллективом и индивидом и индивидов между собой. Эта норма негласно существует во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в данном этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития. Для членов этого этноса норма нетягостна, не является тягостной, незаметной. Она (норма) известна как традиция, модификация социальных взаимоотношений, как стереотип поведения, варьирующий в локальных зонах и внутривидовых популяциях⁴¹.

---

⁴⁰ См.: Платон. Диалоги. М., 1986. С. 67, 301.

⁴¹ См.: Гумилев Л. Указ. раб. С. 101

По Лобашеву, «сигнальная наследственность» – та же традиция. Индивидуальное приспособление к окружающей среде совершается с помощью механизма условного рефлекса, что обеспечивает активный выбор оптимальных условий для жизни и самозащиты. «Условный рефлекс, – пишет он, – обеспечил переход от пассивной формы приспособления к активному выбору среды соответственно опыту, приобретенному в индивидуальном развитии». В ходе этого процесса осуществляется приобретение в онтогенезе условных связей с реальной действительностью, овладение индивидом своевременной информацией о событиях во внешнем мире и внутренней среде, наконец, осуществляется функциональная преемственность между поколениями: родителями и потомством⁴². У каждого народа – своя этнопедагогика, духовно-практическая система, включающая в себя исходные принципы самосознания и отношения человека ко всем сторонам жизни: социальной, производственной, семейно-бытовой и т. д. Биологические способности человека весьма универсальны. Свидетельство тому – его приспособляемость к меняющимся условиям жизни. Однако его возможности далеко не безграничны – существует предел, за которым начинается разрушение личности не только физическое, но и духовное.

Механизм осуществления социальных регуляций в условиях трансформации общества неизбежно предполагает ответы на ряд вопросов: какие ценности должны быть одобрены и какие средства должны это одобрение гарантировать. Речь не идет в данном случае о нивелировке интересов и способностей подрастающего поколения, о желании подогнать всех под «одну гребенку» общественной необходимости. Человек как явление социальное принадлежит к определенной общественной системе, которая ставит его поведение в известные (этические, правовые, политические) рамки, соответствующие природе общества. Формальное воздействие, управляемая манипуляция связаны не только с тоталитарными режимами. Одна из задач этого процесса – минимизация негативных последствий естественного влияния. В нашем обществе уже формируется определенная система социальных регуляторов, которая во главу угла ставит рыночные механизмы, индивидуальные способности человека, свободу выбора. Эта система объективно обусловлена состоянием общества. Новому качеству общества должны соответствовать и

---

⁴² См.: *Лобашев М.* Указ. раб. С. 4.

новые качественные параметры ценностного порядка. Насильственное отторжение прежнего не может рассматриваться как инструмент обновления.

«Ценности могут быть рациональными или иррациональными, а их логическое обоснование возрастает по мере того, как растет значение научного этноса в обществе»⁴³. Социальные проблемы всегда вытекают из культуры общества, а культура возникает и развивается в конкретных социальных ситуациях.

Рассмотрим некоторые общие тенденции, которые уже формируют в значительной мере лицо современных обществ. К этим тенденциям можно отнести: возрастание культурной неопределенности сферы деятельности; возрастание гетерогенности систем ценности; возрастание сложности социальных процессов и темпа социальных изменений.

Дальнейшее развитие общества еще более удлиняет дистанцию между сферами действия и системой ценностей. Возникают новые механизмы регуляции – планирование, горизонтальная координация действий.

Новые механизмы регулирования не вытесняют целиком уже существующие. Они надстраиваются над ними и модифицируют действие прежних: «Многоуровневая регуляция служит для взаимной коррекции отдельных систем регуляции, – отмечает Я. Корнай, – «Минимальные задачи» управления, т. е. гарантирование постоянной и устойчивой регуляции, в обоих случаях выполняются путем автоматизации управления, тогда как более сложное вмешательство требует сознательных центральных решений»⁴⁴. Поэтому, чем выше уровень развития производительных сил, тем более сложной становится система регулирования. Новые формы регулирования в большей степени, по сравнению с традиционными, опираются на сотрудничество и взаимопонимание между действующими элементами. Это значительно расширяет сферу свободного выбора и потому му увеличивает инновационный потенциал общества.

Наряду с этим наблюдается возрастание гетерогенности систем ценностей, что означает не что иное как потенциальную конфликтность новых ценностей, когда любая ценность находится в конфликте с другой. Процесс возрастания конфликтно-

---

⁴³ *Emery F., Trist Caresal Texture of Organisational Environments. N. Y., 1975. P. 102.*

⁴⁴ *Kornai I. Op. cit. P. 117.*

сти систем ценностей можно объяснить следующим образом. Развитие социального разделения труда приводит к появлению новых социально-профессиональных групп и изменению ситуации традиционных групп. Экономическое расслоение, характерное для современной России, проявляется не только в дифференциации доходов. Население, вступая в рыночные отношения в тех или иных видах, в большей части неосознанно формирует новую социальную культуру, элементы которой проявляются неписаными правилами экономического общения. Новые ценности и приспосабливаемые традиционные ценности в связи с новыми потребностями способствуют легитимации положения в обществе новых социально-профессиональных групп. Новые правила и ценности либо объединяют людей в группы, либо дифференцируют их, разводя по разные стороны экономических и политических барьеров, стимулируют интерес, манипулируют риском. К новым стандартам поведения значительные массы людей привело формирование института частной собственности. Новые ценностные установки и ориентиры, возникшие в связи с этим, уже не могут игнорироваться населением. Растет количество социально-профессиональных групп с различной профессиональной подготовкой, культурой труда, соответствующим образом жизни и потребностями. В результате развиваются функциональные подсистемы, необходимые для удовлетворения новых человеческих потребностей и в то же время иницирующие эти потребности. Кроме того, существующие реальные или мнимые монополисты разных сфер жизнедеятельности, заинтересованные в сохранении своего исключительного положения, являются консервативной силой, воздействующей на функциональные группы, занятые в сфере политического управления и контроля, на процесс формирования механизма социального и политического регулирования. Конфликт ценностей в данном случае означает – какая из возможных тенденций одержит победу: либо экономический рост, развитие дальнейшей дифференциации во имя наращивания инновационного потенциала, либо возврат к социальному равенству, утверждение которого в условиях бывшего Советского Союза довело страну до «застоя».

В то же время перераспределение власти (экономической и политической) в настоящее время, формирование новой политической элиты, деятельность оппозиции предполагает возможность включения населения в легальные процессы управления

развитием общества. Как показывают социологические исследования, большинство – за различные формы участия в управлении государством. Сторонники монополии на власть, какой бы она ни была, в меньшинстве.

Наряду с этим следует подчеркнуть, что годы преобразований не сопровождалось становлением целостной демократической мировоззренческой концепции. Наоборот, в ряде случаев наблюдалось падение притягательности некоторых демократических ценностей. По мнению ряда социологов, подавляющее большинство россиян имеет патерналистскую направленность сознания. Для власти России всегда было характерно отношение к народу как к объекту опеки. Существовавшая система ценностной, нацеливавшая на единство: православие, самодержавие, народность, сочеталась с противоречивостью русской души. По выражению Н. Бердяева, Россия соединяет в себе Запад и Восток, это превращает ее в арену «столкновения и противоборства восточных и западных элементов», как исходное противоречие русской истории – соединение в ней разных сущностей, «пяти разных России»: киевской, татарского периода, московской, петровской, императорской. Особым образованием становится советская Россия. Эти России сменяли друг друга, не образуя органического единства и преемственности. Напротив, общество проходило через катастрофические изменения социокультурной ориентации⁴⁵. Диахронические разрывы русской истории, слабость духовного начала приводили к постоянной внутренней раздробленности общества. В культуре можно найти немало антиномий, свойственных всякой культуре: индивидуализм – коллективизм; смирение – бунт; природная стихийность – монашеский аскетизм; мягкость – жесткость; самоотверженность – эгоизм; элитарное – народное; высокое – обыденное. Наряду с этим постоянно присутствуют устойчивые черты принципиального разрыва между: природно-языческим началом и высокой религиозностью; культом материализма и приверженностью к возвышенным духовным идеалам; государственностью и анархической вольницей; поисками социальной свободы и подчинением государственному деспотизму и сословной иерархии; принятием косного земного бытия и свободой, исканием Божьей правды; «западничеством» и «восточничеством»; национальным самомнением, смыкавшимся с великодер-

---

⁴⁵ См.: *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1996. С. 7.

жавностью, и мессианским универсализмом; между «русификацией» православия как оплота христианской России и стремлением превращения православия во вселенскую религию и др.⁴⁶ Кроме того, другие мировые религии – западное христианство (католицизм), ислам, буддизм создавали специфическую структуру духовной жизни регионов России, влиявшую не только на организацию культа, но и на все сферы жизни и деятельности населения. Религии определяли пределы соответствующих цивилизаций, не совпадающие с имперскими границами.

Основой послереволюционной идеологии стал модифицированный к российским реалиям марксизм. Прошедший через интерпретацию ленинизма марксизм стал стержнем антизападной цивилизационной системы.

Как уже упоминалось выше, проведенные радикальные преобразования в современный период привели к основательным изменениям в экономической, политической, социальной и культурной сферах, в то же время проявили все противоречия, «несогласованности» и в то же время неповторимости менталитета российского общества. В условиях политического, идеологического, национального, религиозного плюрализма формируется многопартийность, преобразуются институты политической власти, идут поиски основных направлений и перспектив развития общества и государства, которые расходятся между собой, что естественно, в оценке сложившейся ситуации, перспектив изменения социально-экономического, политического и социокультурного преобразования России. Согласно «западникам», Россия как можно скорее должна преодолеть «груз прошлого», изменить цивилизационный облик и даже изменить сам народ, представленный отсталыми слоями. Эти идеи распространены не только в публицистической, но и научной литературе о тотальной «ненормальности» России. В научный оборот проникает также, хотя и с большим трудом, идея специфичности и многообразия процессов модернизации, идея цивилизационного своеобразия, сложившегося исторически и сохраняющего свое значение в современности. В качестве альтернатив прозападным устремлениям предлагаются национально-патриотические и националистические программы и идеи⁴⁷. Каждая из

---

⁴⁶ См.: Ерасов Б. С. Социальная культурология. Там же. С. 487, 488, 489.

⁴⁷ См.: Зюганов Г. География победы: Основы российской геополитики. М., 1997; Жириновский В. Идеология для России. М., 1997.

сторон обращается к тем или иным основаниям социальной истории или современности. Но происходящие процессы имеют неоднозначный и противоречивый характер. Опыт зарубежных стран и отечественный опыт показывают, что преобразования по заданным моделям, утвердившимся на зарубежной почве, обречены на неудачу, — о чем уже достаточно сказано выше. Поэтому в процессе формирования современных механизмов политического регулирования необходим учет многих факторов, связанных с жизнедеятельностью современного общества, его менталитетом, историческими традициями, особенностями как социентальной общности, ее духовных оснований, пространственно-временных параметров развития, исторически обусловленной экономической и иной «специализации»; детальное изучение складывающейся в процессе преобразований социальной реальности, вплоть до выявления изменений в массовом и общественном сознании, оценки населением происходящего, а также самооценки в условиях преобразований, определения индивидуумами своего места в этих преобразованиях, учет мнений различных социальных групп и слоев, представителей разных национальностей.

Характер регулирования, хотя и зависит от политического режима, но обусловлен, прежде всего, уровнем развития политической и правовой культуры общества. Ибо народ «созревает» для свободы и права в процессе собственной политической деятельности. Поэтому предпосылкой демократической реформы являются понимание людьми необходимости их широкого участия в политической жизни и их действительное участие в ней. Без осознания ответственности за судьбу страны, народа вряд ли возможно обеспечить его развитие. Как правило, развитое правосознание сопутствует и активному политическому участию. Исполнение закона зависит не только от безукоризненного его составления и продуманности как нормативного акта. Здесь могут дать о себе знать и историко-культурные традиции государства, и особенности социальной структуры общества.

Политическая и правовая культура непосредственно отражаются на содержании и форме конституционно-правового регулирования. Не имея представления о политической и правовой культуре конкретной страны, трудно понять особенности партийной системы, увидеть разницу между реализацией одинаковых конституционных положений о правах человека и гражданина во Франции и в Италии, в Ирландии и в Китае.

В связи с этим, сам механизм политического и социального регулирования в условиях трансформации российского общества, обеспечивая системную адаптивность политических решений к ментальности, направленный на предвосхищение нежелательных для общества, негативных тенденций, должен решать ряд проблем и быть нацелен на выполнение конкретных задач, связанных с реализацией политической стратегии.

Во-первых, механизм политического и социального регулирования должен быть направлен на создание новой системы ценностей, отвечающей рыночным реалиям, на основе преемственности, использования прежних, укоренившихся в менталитете общества ценностей, применительно к новой социальной реальности.

Во-вторых, механизм политического регулирования должен предполагать культивирование в обществе новых ценностей, с использованием средств формального влияния и научения. Новые ценности могут быть как вновь созданными, исходя из условий, связанных с современной социальной реальностью, деятельностью новых социальных групп, возникших в связи с переходом к рыночным отношениям, так и приобретенными в ходе заимствования передового зарубежного опыта, должным образом адаптированные к условиям среды российской общества.

В-третьих, регулирующее воздействие на социальную систему должно быть направлено на изменение позиции критической массы общества, участвующей в социальных преобразованиях. Предпочтительна дифференциация политических регуляторов согласно социальной стратификации, расслоению общества (экономическому, имущественному и т. п.), согласно демографическим показателям.

В-четвертых, формальное воздействие должно быть обеспечено психологическими, идеологическими, коммуникативными средствами, соответствующими складывающимся политическим условиям, новым стандартам экономического положения.

В-пятых, важно адекватное формальное воздействие в образных символических формах, «понятных» менталитету россиян. Это важно постольку, поскольку социальная символика приобретает особое значение в переходных процессах, а общественная трансформация сопряжена не только с мозаичной «игрой» прежних элементов социальной структуры, но и с преобразованием социумных ядер, возникновением новых элементов и структурообразующих сил из старого социального материала. Эффективность и интенсивность этого процесса сопряжена с разметкой

социального пространства» в соответствии с рыночными правилами «игры»⁴⁸.

В-шестых, важно создание оптимальных условий для деятельности тех социальных групп населения, которые являются носителями инновационного потенциала, обеспечивающих ускоренное становление новой экономической структуры, оживление и рост производства, не допускающих обнищания основной массы населения.

В-седьмых, в механизме политического регулирования должны быть задействованы сложившиеся исторически системы саморегуляции и самоуправления в социуме, в недрах социентальных общностей Российской Федерации, в том числе обычное право, религиозный и культурный синкретизм, традиции, этические нормы.

В-восьмых, важным моментом политического и социального регулирования является сохранение не только культурно-исторического потенциала, но и российской научной традиции. Создание условий для распространения информатизации может существенно изменить социально-культурную ситуацию в стране, ускорить формирование правового демократического государства.

В-девятых, механизм политического и социального регулирования должен *быть механизмом социокультурной консервации* отношений нового типа, новой системы ценностей, коммуникативных норм, норм поведения, правил «игры», стереотипов и др.

В-десятых, механизм политического и социального регулирования в условиях трансформации российского общества должен быть нацелен не на нивелировку существующих ценностей и субменталитетов с новыми ценностями. При разрешении внутренних противоречий в обществе необходим подход, обеспечивающий такое соотношение материального и идеального, моральности и принудительности, которое с разумной достаточностью удовлетворяло бы всех членов общества. Это может сохранить баланс интересов социальных и политических групп, благодаря чему общество постепенно придет к универсальному для него (рациональному) методу политического управления, обеспечивающему преемственность развития, поступательное развитие без потрясений, экономических и экологических бедствий.

---

⁴⁸ Мостовая И. В. Стратификация и мобильность в России // Проблемы. Поиски. Решения. Ростов на Дону, 1995. С. 81.

Наконец, важнейшими задачами механизма политического регулирования являются придание большей эластичности всем каналам индивидуальной и организационной коммуникации; стимулирование активности горизонтальных каналов коммуникации между всеми организационно-управленческими структурами государства; смягчение жесткости организационных структур, функционирующих по формально-механистическим правилам; в конечном итоге – удовлетворение человеческих потребностей, утверждение эгалитаризма, достижение такого состояния общества, чтобы социальные цели нашли свое отражение на индивидуальном уровне. Известно, что практика централизованной хозяйственной системы бывшего СССР, монополия бюрократической государственной собственности потребовали регламентации складывающихся отношений. Внимание концентрировалось преимущественно на защите государственной собственности, фактически на задний план отодвигалась личность, ее интересы⁴⁹.

Не представляется возможным утверждать, что совершенные политические регуляторы способны вмиг изменить менталитет народа. Этого и не требуется. Но адекватные этапу развития общества механизмы политического регулирования, действующие согласно принципу системности, согласно менталитету, способны оптимизировать существование общества, вступившего на путь коренных объективных преобразований. Развитие сотрудничества в современном мире и межкультурные контакты способствуют диффузии и универсализации ценностей, с одной стороны. Следовательно, возрастание гетерогенности систем ценностей есть результат прогрессирующей дифференциации интересов и потребностей в отдельных странах и сотрудничества как в рамках отдельных стран, так и между ними. С другой стороны, в менталитетах социентальных общностей остается нечто константное, несмотря ни на какие внешние воздействия, что дает повод говорить об устойчивости и о самооценке нации, народе, этносе, по прошествии длительного времени с момента их возникновения.

---

⁴⁹ Советское право / Под ред. *О. Е. Кутафина*. М., 1988; Советское право / Под ред. *В. Ф. Опрышко*. М., 1987; Современное буржуазное государство. Критические очерки. Т. 1. Буржуазная наука государственного права / Отв. ред. *В. Н. Туманов*. М., 1987.

Остановимся подробнее на проблемах, с которыми предстоит столкнуться механизму социального и политического регулирования.

Первая из них определяется выбором целей.

Цели, которые реализуются обществом, обуславливаются этапом его развития, политической стратегией. Как было указано в предыдущей главе, мы ведем речь о **сознательном программировании социальной жизни**, при котором обеспечивается предвосхищение, опережающее приспособление внутренней структуры к изменениям среды.

Система целей, обеспечивающая достижение главной, стратегической цели, хотя и подвергается иерархизации, но является динамичной. Главная цель формируется наиболее общим способом. Механизм политического регулирования на этом этапе обеспечивает добровольное сотрудничество субъектов. При условии относительной автономности субъектов, возможности выбора, достижимо оптимальное удовлетворение человеческих потребностей.

Для удовлетворения человеческих потребностей прежде всего необходимо знание о них. Однако, как отмечает А. Этциони, «в конечном счете социальная структура не располагает никаким иным методом открытия потребностей членов общества и адаптации к данным потребностям кроме их собственного участия в формировании и преобразовании данной структуры»⁵⁰. Таким образом, утверждение демократии и оптимальное удовлетворение человеческих потребностей взаимно обуславливают друг друга.

Вторая проблема связана с тем, что механизм политического регулирования располагает средствами, обеспечивающими лишь опосредованный контакт со сферой реальных действий. Его функции состоят в направлении таких действий. В данном случае важен выбор государством концепции организационной структуры. Подход к проблемам социальной организации и управления, который наметен К. Маннгеймом, основывается на применении креативной или инновационной организационной структуры. «В любой социальной ситуации, могут проявиться две формы социального и группового контроля. Одной из них является автократическая система приказаний и послушания. Вторая система – это система руководства и раз-

---

⁵⁰ Etzioni A. Op. cit. P. 626.

вития действий путем сотрудничества. Все сложные формы политической организации на высшем уровне производны от указанных двух основных систем... Первый из данных методов – приказы и послушание – нередко достигает значительной эффективности, однако наносит непоправимый вред индивидам, которые в нем задействованы. Альтернативой этого метода является кооперация, которая опирается на принцип творчества... Он базируется на принципе общности целей, который может быть достигнут только в условиях совместной ответственности»⁵¹.

Если организация государства принимает форму креативного, или инновационного типа, возможно продвижение к цели; для этого необходима постоянная концентрация политической элиты на проблемах, описанных выше. Благодаря этому возможен учет локальных аспектов развития огромной страны, а также творческое применение преимуществ либеральной, социалистической, консервативной идеологии и их модификаций в реальной политической практике.

Нельзя не согласиться с критиками концепции К. Маннгейма, которые слабое место в его учении видят в процедуре создания стабильных планов. Подробное исследование этой проблемы выходит за рамки настоящей работы, сошлемся лишь на рассуждения, в связи с обоснованием необходимости постоянного соотношения планов, тактических средств достижения стратегической цели с состоянием общества, всех сфер общественной жизни и приемлемости создания целевых программ для каждой из сфер его жизнедеятельности. Примем во внимание также программы развития отдельных регионов, республик в составе Российской Федерации. Речь может идти о постоянном реагировании механизма политического регулирования на те ограничения в реализации программ, которые обуславливаются политическими, социальными, организационными, психологическими процессами и явлениями, сопровождающими процесс реформирования общества путем принятия эффективных политических решений, при этом не ограничиваясь только методами «реагирования» на уже свершившийся факт, но и поддержанием всей социальной структуры, политической системы в состоянии «неустойчивого равновесия», направляя творческую энергию субъектов социальных взаимоотношений. Такая концепция программирования, прогнозирования способна

---

⁵¹ *Habermas I. Op. cit. P. 48.*

учесть неоднородность социальной системы. Она – более реалистична, чем механистическая.

Третья проблема – эффективное использование научного потенциала и, в частности, использования науки в управлении. Необходимость использования науки в управлении обществом вытекает из уровня развития производительных сил во всем мире, сокращения времени для выявления всех социальных последствий принимаемых решений (политического прогнозирования). Научная деятельность базируется на согласии относительно некоторых главных ценностей. «При наличии нового информационного пространства эгоцентрическая групповая и корпоративная мораль должна будет уступить место гуманистической направленности в блоке естественного монополизма. Такая ситуация позволит и далее развиваться универсально-гуманитарному типу человеческой личности, традиционно присущего России»⁵².

Потребность знания, – пишет Ю. Хабермас, – может быть понята как генерализация мотивов систем деятельности. На высших уровнях социально-культурного развития основные регуляторы уже не принимают форму особых стимулов (или инстинктов), но форму общих познавательных стратегий, основанных на организации опыта, ориентированной на действие⁵³.

Использование данных науки в процессах социального управления означает, что основные принципы регуляции социальных систем уподобляются принципам, регулирующим научную деятельность. Как указывает А. Рапорт, кооперативный и рациональный дух научной деятельности дал начало принципу организации производительных сил, основанной на кооперации таким образом, что главным мотивом производства стало удовлетворение человеческих потребностей, а не своекорыстие⁵⁴. Связь науки и политики может быть реализована лишь тогда, когда стратегические решения о перспективах развития общества принимаются в процессе свободного научного и политического обсуждения проблем. Распространение

---

⁵² Концепция развития Всероссийского научно-технического информационного центра (ВНТИЦ) как федерального органа по непубликуемым источникам информации // Информационный бюллетень ВНТИЦ / Под ред. В. И. Скрыпника. 1997. 13. Сентябрь. С. 19.

⁵³ *Habermas J. Theory and Practice*. London, 1974. P. 21.

⁵⁴ *Rapport A. Conflict in Man-Made Environment*. London, 1974. P. 88.

научного этоса в обществе возможно, когда в обществе появляются предпосылки для достижения консенсуса. В свою очередь, консенсус возможен при условии, что экономическая и социальная дифференциация общества не оказывает пагубного влияния на процессы человеческого познания и взаимопонимания, и наука не является элементом социальной дезинтеграции, как внутри отдельного общества, так и всего мира⁵⁵. *Социальная интеграция* – это не только сотрудничество, лояльность, но и совместное участие в общественной деятельности. Процессы регуляции должны стимулировать социальную интеграцию и опираться на нее.

В соответствии с законом необходимой разнородности, сформулированным Р. Эшби, только разнородность может снять разнородность. Иначе говоря, только разнородность политических регуляторов в общем механизме регулирования может уменьшить разнородность, существующую в обществе.

Важное значение в процессе формирования нового механизма нормативно-правового регулирования в Российской Федерации имело принятие 12 июня 1990 г. Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации, а затем подписание Федеративного договора большинством субъектов Российской Федерации, который обозначил разделение властей. Но проблемы полномочий субъектов⁵⁶ не были решены ни в Федеративном договоре, ни в действующей ныне Конституции Российской Федерации (1993 г.). Хотя Конституция РФ обеспечила конституционную и юридическую основу для федерализма в России, в ее тексте зафиксированы принципы централизованного государства. В Конституции присутствует перечень вопросов, отнесенных к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, в них роль центра является преобладающей.

Ряд республик демонстрируют стремление самостоятельно придавать законную силу собственному притязанию на государственность. Их политические элиты иногда используют это правопритязание в качестве решающего рычага для получения полного права на распоряжение региональными ресурсами. Представители великорусского этноса внутри республиканских элит, как правило, полностью поддерживают процессы государственного

---

⁵⁵ См.: Хунагов Р. Д. Указ. раб.

⁵⁶ См. подробнее: Шахрай С. М. Роль договорных процессов в укреплении и развитии российского федерализма // Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 149–165.

строительства в республиках. Конституция Российской Федерации (1993 г.) указывает на *двойную концепцию обеспечения государственности России*. Прежде всего, путем мощного усиления *властных полномочий института президента* вплоть до превращения его в «четвертую власть» в качестве «главы государства» и гаранта единства общества. При этом значимость Федеративного договора снижается. Преимущество республик, в сравнении с другими субъектами Российской Федерации, зафиксировано в виде признания за ними прав на ряд реквизитов государственности. Не исключается возможность замены уравнивания регионов новой дифференциацией, а именно: возможностью «разграничения» полномочий между центром и отдельными регионами на основе договора. Уже в 1992–1993 гг. федеральное правительство достигло с рядом регионов договоренности по ряду важных финансовых и экономических вопросов. Волна договорных процессов начинает разрастаться и вскоре коснется, по-видимому, всех субъектов Российской Федерации⁵⁷. Пока невозможно оценить долгосрочные последствия этого процесса для политического и государственно-правового устройства России в целом. Без сомнения, они окажутся весьма значительными. С точки зрения интеграционной проблематики важно, что эти договоры именно в силу их двустороннего характера имеют, по сравнению с общими положениями Конституции РФ, то преимущество, благодаря которому могут быть учтены особенности и основные интересы регионов, достигнут индивидуальный баланс интересов. Тем самым повышается вероятность укрепления консенсуса между федеральным центром и регионами, что способствует интеграции регионов в единое государство, укреплению государственности Российской Федерации.

Упорядочению нормативно-правового регулирования политической системы Федеративного Российского государства, конституционного регулирования отношений между Центром и субъектами Федерации способствует и вступление России в Совет Европы. В связи с этим власти Российской Федерации взяли на себя обязательство гарантировать в Конституции, правовой и административной практике соблюдение норм и принципов, составляющих основу и назначение европейского сотрудничества, а

---

⁵⁷ Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997.

именно плюрализм парламентской демократии, уважение прав человека и реализацию принципов правового государства.

Важнейшие показатели чего – избрание в декабре 1995 г. представителей народа посредством свободных и справедливых выборов, основанных на всеобщем избирательном праве. Гарантируется свобода высказываний и, в частности, в средствах массовой информации, защита национальных меньшинств, соблюдение принципов международного права и принципа федерализма.

Четвертая проблема, которая должна быть одной из приоритетных в обеспечении функционирования механизма политического регулирования, – учет ментальности российского общества. Решение ее связано с переосмыслением, наряду с наукой, роли идеологии, религии, культуры в процессе политического регулирования и социального управления.

Ряд отечественных ученых и, в частности, М. Марченко, склонны считать, что «все нормы, входящие в механизм нормативного регулирования, независимо от их внутреннего содержания, носят социально-классовый характер и отражают в себе определенные представления о праве и морали, соответствующие социальному положению каждой из сторон». В то же время иная точка зрения, которая подвергается его критике, более актуальна, на наш взгляд. Некоторые из зарубежных и отечественных ученых утверждают, что в механизме нормативного регулирования политической системы общества присутствуют не только нормы, издаваемые государственными и негосударственными органами в целях сохранения ее стабильности, но и некие классово-индифферентные «правила политической системы» или «классово-нейтральные принципы конституционного права»⁵⁸.

Не случайно религию определяют как «первую форму психической защиты человека», как «основание морали», как «стержень культуры». Многозначность этого понятия обусловлена способностью религии синкретизироваться со всеми компонентами культуры, использовать функции социального регулирования профанных форм общественного сознания. Роль религии в постсоциалистическом обществе возрастает в силу ряда причин. Одна из них состоит в том, что «прежние идеалы и ценности из-за классовой заидеологизированности потеряли свое

---

⁵⁸ Цит. по работе *Марченко М. Н.* Политические теории и политическая практика в развитых капиталистических странах. М., 1992. С. 215.

влияние на массовое сознание...»⁵⁹ Политические, экономические проблемы в конечном итоге невозможно решать без опоры на «моральное основание», невозможен выход общества из кризиса. Достижение стабильности в обществе затруднительно также без «объединения необъединяемого», на чем базируется терпимость (толерантность) – один из важных конструктов менталитета российского общества. Следует также иметь в виду, что иррационально-синкретический процесс у каждого народа, этноса своеобразен. Чтобы в нем разобраться, в процессе политического регулирования необходимо формационный анализ дополнить цивилизационным. Под цивилизацией в данном случае понимается синтез социокультурных факторов (традиций, обычаев, обрядов, образа жизни и т. п.)⁶⁰.

В общем процессе совершенствования политического регулирования ведущее место в мире занимает развитие национальных систем права, которое следует тенденциям расширения функций права. В западной юридической литературе развиваются идеи о необходимости проведения в жизнь принципа, согласно которому общество должно управляться «правом, а не людьми». Проблема прав человека в современном мире становится осевой проблемой. Этого требует набирающее силу гражданское общество.

О. И. Генисаретский, рассуждая о современной концепции прав народа, этноса, человека, как автономного индивида, как частного лица, представляющего только самого себя, когда все остальные качества, что описываются в терминах этнической, культурной и религиозной идентичности, признаются только как право человека считать или не считать себя принадлежащим к какому-то этносу, какой-то культуре, исповедовать какую-то религию, утверждает, что образ человека в данном случае сугубо недостаточен, как с точки зрения современной нам гуманитарной науки и практики, так и живой гуманистики. За этносами, культурами и религиями не признается собственной природы, отличной от индивидуально-человеческой, а стало быть, не признается ни их автономии, ни свободы, ни прав⁶¹.

---

⁵⁹ См.: *Капустин Н. С.* Проблема религиозного синкретизма // *Инновационные подходы в науке*. Ростов на Дону, 1995. С. 128, 129.

⁶⁰ См.: *Капустин Н. С.* Указ. раб. С. 135.

⁶¹ См.: *Становление новых социальных структур в России. Материалы «круглого стола»* // *Россия и мир: политические реалии и перспективы*. Информационно-аналитический сборник. М., 1996. № 7. С. 22.

Человечество находится в начале процесса, в ходе которого будут возникать новые типы гуманистической деятельности, новые международно-правовые институты, связанные с человеческим измерением искомого мирового порядка. В этом измерении происходит этнокультурно-религиозная диверсификация образов человека (и моделей свободы), нуждающихся в концептуальной и процедурной проработке. Все это имеет отношение к политической практике, внутренней и межгосударственной. Безусловно, «рано или поздно придется признать проблему прав человека как проблему прямой социальной, а не только правовой политики. Такой социальной политики, целью которой является процесс сложения социальных институтов, артикулирующих ценности человеческой свободы, правоспособности и правопотребности»⁶².

Поиски путей совершенствования механизмов нормативно-правового регулирования политических и общественных систем вновь и вновь подтверждают тот факт, что не может быть нивелировки, унификации в подходах к рассмотрению и развитию указанных механизмов.

Среди приоритетов социальной политики особое место занимает **принцип социальной справедливости**, его реализация с учетом формирования рыночной экономики. Известно, что социальная справедливость выражает неотъемлемые права и свободы граждан, социальных общностей, соответствующие природе человека и уровню развития общества, качественную оценку отношений между людьми, личностью и обществом, государством, между социальными группами и слоями. Главное в содержании рассматриваемого принципа – равенство возможностей для всех в реализации своих социальных потенций, соответствие между общественным вкладом, объективной ролью индивида в общественной системе и его социальным положением, между деянием и воздаянием, количеством и качеством труда и его вознаграждением, преступлением и наказанием.

На первый план в оценке социальной справедливости выходят два критерия: равенство возможностей для всех (экономических, социальных, политических, гендерных, духовных в реализации себя как личности). А также эффективная и гибкая система распределения, социальная защита наиболее уязвимых слоев населения в условиях кризиса всех сфер общественной жизни.

---

⁶² См.: Россия и мир: политические реалии и перспективы. Там же. С. 23.

Главный путь оздоровления социальной жизни, повышения эффективности социальной политики – концентрация усилий на поиске оптимального решения проблем, оздоровления социальной жизни. Политика трансформации российского общества, основывающаяся на законе, призвана – при условии преодоления ее непоследовательности, просчетов – постепенно раскрепостить естественный процесс эволюции социальных структур, преодолеть кризисные явления в их взаимоотношениях. Субъективизм и утопизм превращают ее в орудие регресса, способное на многие годы затормозить объективное развитие. Если произвол и беззаконие в обществе поднимают голову, то это верный признак того, что стражи порядка, то есть политические институты, не в полной мере справляются со своими обязанностями. Для всех времен остается актуальным утверждение, что политическое положение народа внутри страны и извне всегда соответствует его моральной силе и силе государства.

Право в условиях трансформации общества должно служить ориентиром для политики. Его можно рассматривать как ядро общечеловеческих ценностей, интегрированных в общей и правовой культуре. Выступая как необходимая форма государственной политики, право является одновременно формой гарантированности ее прав и реализации. Своеобразным венцом, кульминацией, выражающей позитивный потенциал, заложенный в праве, в его соотношении с государством, является правовое государство, строительство которого декларировано в Конституции Российской Федерации. Существенная, юридически строгая черта правового государства состоит не столько в предоставлении свобод и прав для граждан, сколько в регламентации действий «правителя». В правовом государстве и понятие «принуждение» должно интерпретироваться как правовое принуждение, т. е. как такое легитимное принуждение, которое обогащено свойствами права, строится в соответствии с формальными требованиями закона.

Подводя итог очередным рассуждениям имеет смысл обратить внимание на то, что системная адаптивность политических решений к менталитету общества достижима благодаря соблюдению ряда условий в процессе политического регулирования и осуществления политики. Необходимо исходить из того, что общественное развитие многовариантно. Учет менталитета общества в процессе принятия управленческих решений способствует

оптимизации процесса взаимоотношений общества и государства, сохранению стабильности в условиях общественных перемен. От политической элиты требуется не только высокий уровень демократической политической культуры, но и новый уровень мышления, способность мыслить масштабами поколений. При выборе социальных альтернатив необходимо учитывать то, что общество развивается не по пути унификации, однообразия, но по пути усложнения структур и сохранения единства в многообразии. Необходим комплексный подход к принятию политических решений, учитывающий сложившиеся социальные и экономические отношения и тенденции их развития в современных условиях и «координированные» с ними феномены духовной жизни. Мерой эффективности политико-управленческого процесса в условиях трансформации российского общества может быть баланс между декларируемыми принципами и целями политического развития страны и реальным социальным положением, благополучием конкретного человека, общества в целом.

Заключение

Системные преобразования современного российского общества, ориентированные на западные ценности, по мере углубления кризиса всех сфер жизни, утрачивают свой социальный смысл. Задачи оптимизации форм трансформации общества и человеческого существования требуют постоянного сопоставления и оценки результатов усилий субъектов политического процесса. Политика и политическое управление, ориентированные на административное внедрение в общество ценностей, чуждых его менталитету, не могут быть эффективными. Внутренняя природа индивида протестует против насаждения идентификации с новой политической системой, навязывающей необходимые для ее функционирования специфические компоненты ментальности. Еще Платон утверждал, что насильственно внедренное в душу знание непрочно. Как бы ни были велики по силе воздействия импульсы новых общественных отношений, этноспецифические формы организации жизни, некогда установившиеся в соответствии с менталитетом общества дают о себе знать в условиях коренных общественных преобразований. Именно конфликт ценностей (прежних и новых) в связи с попытками реформировать российское общество по заданным моделям явился главной причиной системного кризиса, нестабильности, роста политической апатии одной части граждан и агрессивности другой ее части в связи с психологической неготовностью к переменам.

Социальное развитие обеспечивается, благодаря обретению обществом новых ценностей, которые ориентируют на новые возможности в изменяющейся социально-политической реальности. Исследования показали, что индивиды адаптируются к новой реальности успешнее, если для этого создаются условия посредством политического регулирования.

Анализ состояния российского общества, особенностей протекания политического процесса в переходный период развития общества подтверждает гипотезу о связи способов рационализации политики в переходный период не столько с технико-экономическими, сколько с социальными аспектами, предполагающими

учет менталитета как феномена общественно-политической жизни. Менталитет как исторически сложившаяся относительно стабильная система культурных, этнических, психологических, политических, умственных установок, предрасположенностей индивида и общества: система, которой свойственна относительная стабильность благодаря уникальной «архитектонике» нервной деятельности, детерминирующей способы мировосприятия, оценивания представителями данной социальной общности окружающей действительности, и поведение, обуславливает политический процесс, является фактором политики российского общества. Это связано с тем, что менталитет функционирует не изолированно, а в тесной взаимосвязи с другими феноменами общественно-политической жизни, является отражением комплекса реальных связей объективного мира и, в частности, политической системы общества. Зафиксированная в менталитете «картина мира» в связи со сложившейся социокультурной системой, включающей мир эмоций, интеллекта, интуиции и особую иерархию ценностей, определяет взгляды человека на мир, в том числе на политику и политический процесс. Фундаментальные потребности человека, способы их удовлетворения, проявляются через культуру в целом и политическую культуру, в частности, через политическое поведение, традиции, язык, образ жизни, формы религиозности, психологию людей, через специфические способы восприятия и переработки информации.

Менталитет как эволюционный продукт среды может выступать в качестве посредствующего звена, обеспечивающего «компромисс» между определенными историческими тенденциями и специфическими характеристиками среды, в качестве фактора, требующего особого подхода к процессу культивирования в обществе позитивных ценностей. Политические и социальные технологии, применяемые политическими институтами в условиях трансформации общества, сами по себе вредны, если не созвучны с менталитетом, если «не подключены» к непосредственной созидательной деятельности человека в процессе его социокультурной адаптации к новым условиям. Личность и социальная общность должны иметь ценностную ориентацию, не противоречащую типу и сущности менталитета.

В качестве основания теоретической модели политики в условиях трансформации общества мы предлагаем описанные в работе принципы: неконсервативности, неконфронтационности,

рефлексии, инновационности, «моральности», альтернативности, легитимного регулирования, комплексного подхода к политическому управлению, то есть с учетом сложившихся в обществе социальных и экономических отношений и «скоординированных» с ними феноменов духовной жизни. Поскольку цель создания упорядоченного механизма политического регулирования в условиях кризиса трудно достижима, приемлема «мягкая» структура институтов, согласующаяся с потребностями общества, способных реагировать на изменения в обществе, изменяться и обеспечивать стабилизацию политической системы. Эффективность формальной структуры зависит от того, насколько общественные преобразования ориентированы не только на прежние элементы социальной структуры, но и новые социальные элементы в соответствии с новыми ценностями и нормами.

Избрание менталитета общества в качестве фактора политики предполагает, во-первых, переосмысление этнополитических процессов в Российской Федерации в условиях реформ, переоценку опыта национально-государственного строительства, изучение и создание реальных возможностей для сохранения разнообразия субъектов Российской Федерации, предоставления возможностей для реализации общественно-политического потенциала этнонациональных общностей согласно субменталитетам этнонациональных общностей. Прерогатива Центра – организационно-координирующая роль, направленная на достижение в обществе согласия, консенсуса; во-вторых, обеспечение процесса саморегуляции, развития и саморазвития в обществе; в-третьих, культивирование в обществе новых позитивных ценностей и на этой основе распространение определенных инноваций, их устойчивое закрепление во всех сферах жизнедеятельности общества, постепенное совершенствование менталитета, формирование политической культуры, соответствующей новой политической системе.

Среди первостепенных задач, решение которых, с учетом менталитета, способствует постепенной стабилизации общества и выходу его из кризиса, могут быть следующие: 1) формирование системы государственной власти, строящей свою деятельность на основе указанных выше принципов, способной обеспечить выход из кризиса, поступательное развитие общества. При этом, совершенствование системы формирования политической элиты на основе специально подготовленных кадров сопровождается созданием эффективного механизма осуществления вла-

сти, обеспечивающего ее сменяемость, возможность ротации кадров, равный доступ в высшие эшелоны власти представителей этносов, народов, населяющих Российскую Федерацию. Главным условием доступа в элитарные круги должны быть компетентность, высокий уровень демократической политической культуры, социальная мудрость, способность мыслить масштабно, патриотизм; 2) определение цели общественного развития, на достижение которой мобилизуются усилия субъектов политики и политических субъектов; 3) выработка политической стратегии, как условия поступательного развития общества. Политическая стратегия, как определенная экстраполяция в будущее тенденций развития политической системы должна быть рыночной и предполагать сохранение личных гарантий для индивида. В политическом прогнозировании возможности экстраполяции ограничены. Поэтому необходим комплексный подход, сочетающий логический анализ, экспертные оценки, нормативные расчеты, изучение среды общества, его менталитета, «ментального инструментария», то есть совокупности категорий восприятия, концептуализации, трансляции и действия (в том числе политического поведения), совокупности образов и представлений, которыми руководствуются в своем поведении члены социальной общности и в которой выражено их понимание мира, политической реальности и собственного места в этой реальности. В связи с этим важен учет общего фона, «эфира», создаваемого менталитетом, то есть определенного состояния, в котором пребывает общество и осуществляют свои действия субъекты политики, протекает политический процесс, строятся политико-властные отношения, идет процесс становления политической субъектности и становления гражданского общества, формируется политическая культура и политический менталитет; 4) определение российской идеи как системы ценностей и целей, а также гуманных путей их достижения. Политическая стратегия и российская идея представляются более умеренными, чем консервативными, партикуляристскими, западно-восточными, индивидуалистскими и социал-демократическими, вбирающими в себя традиционные, свойственные менталитету российского общества в целом и субменталитетам этнонациональных общностей витальные, религиозные, экономические, политические ценности и нормы достижения консенсуса, формирования образа жизни. Должны быть учтены типы экономики и экономического мышления, политической культуры и

политического сознания общества, социальная стратификация, уровень урбанизации; 5) осуществление реальной демократизации общества, обеспечение торжества закона и права в государстве, эффективность исполнительной, законодательной и судебной властей, равноправие всех социальных групп и слоев. Демократическое общество в большей степени, чем другие формы социальной организации, заинтересовано в развитии потенциальных возможностей человека, исходит из того, что человек по природе является рациональным, моральным существом, ориентирующимся на «жизнь и стремление к счастью». Данный постулат есть краеугольный камень, принцип принципов разработки социальной политики; 6) выработка федеральной социальной программы, выходящей за рамки минимизации опасных последствий кризиса и способной стать основой стратегии преодоления социальных проблем (демографический кризис, рост смертности, распространение бедности, депопуляция, низкий уровень рождаемости, старение населения, ухудшение здоровья, рост заболеваемости и др.). Прекращение развития тенденции разрушения единства общности социального пространства Российской Федерации возможно благодаря ориентации социальной политики на региональную специфику образа жизни этнических общностей, их субменталитеты, установившиеся формы и методы организации хозяйственной деятельности и занятости (в том числе рыночные); 7) становление и развитие в границах России федеративного государства на основе принципа федерализма, в том числе в переходный период на основе асимметричной федерации. Национальная политика Российской Федерации требует достижения баланса прав и ответственности Центра и субъектов Российской Федерации в целях сохранения целостности государства; 8) формирование механизма политического регулирования, адекватного состоянию политической системы общества.

Решение указанных задач затруднительно без учета того, что выход из социального кризиса возможен лишь благодаря одновременному решению политических, экономических и духовно-нравственных проблем личности и общества. Эту мысль не раз высказывали Л. Толстой, Ф. Достоевский, В. Соловьев. Плюралистическое общество, каковым является российское, стабилизируется и наращивает потенциал обновления благодаря политике, ориентированной на развитие процессов самоорганизации через консенсус и преодоление или использование позитивного начала

антагонизмов. Главной целью соответствующего политического регулирования, при условии постоянного пересмотра и корректировки, в связи с «реагированием» субменталитетов социальных общностей, изменяющимися социально-политическими условиями, является достижение позитивного отношения населения к идее и к самому процессу трансформации общества, а также осознания большинством населения сути преобразований, достижение коллективно обеспеченной безопасности каждого индивида (экономической, политической, духовной), обеспечение преемственности в общественном развитии.

Эффективность усилий субъектов политики по оптимизации путей реформирования общества находится в прямой зависимости от их способности обеспечить содружество политики и науки, как важнейшего культурного источника всех изменений. Политическая практика нуждается в подкреплении исследовательским опытом, при условии его критического переосмысления, накопленным в отечественной и зарубежной политологии, экономической теории, социологии, культурологии, психологии, других наук о закономерностях развития постиндустриального, информационного общества.

Политика трансформации российского общества, основывающаяся на законе, при условии преодоления ее непоследовательности, просчетов, призвана постепенно раскрепостить естественный процесс эволюции социальных структур, преодолеть кризисные явления в этой сфере. Эффективность политико-управленческого процесса может измеряться соответствием между декларируемыми целями и принципами развития общества и государства и реальным состоянием общества, развитием всех сфер жизнедеятельности, степенью стабильности и демократичности политической системы.

Системная адаптивность политических решений к менталитету общества достижима, благодаря соблюдению ряда условий в процессе политического регулирования и осуществления политики. Важно учитывать, что общественное развитие многовариантно, что развитие общества идет не по пути унификации, однообразия, но по пути усложнения структур и сохранения единства в многообразии. Новый уровень развития общественных отношений, экономики, культуры в эпоху гуманизации, информатизации, совершенствование политической организации, новая информация о других народах, их опыте, достижения науки – все это предпосылки для изменения, «обогащения» менталитета при

сохранении его сущности. В процессе взаимодействия вряд ли возможна нивелировка менталитетов и связанных с ним способов организации жизни носителей разных менталитетов, в конечном итоге определяющих особенности политических систем, политической культуры, оригинальные способы их демократизации, сохраняя, тем самым, самоценность народа, этноса.

Российскому менталитету и российской многонациональной культуре в целом чужды деструктивизм, порожденный системой общественных отношений, ориентированных на тотальное отчуждение человека от его сущности. Поток информации о деструктивных насильственных действиях, предоставляемый общественному сознанию средствами массовой информации, приобщает российского человека не к культуре, а к антикультуре. На данном этапе реформирования общества вполне обоснованно предположить, что оно нуждается в законе Российской Федерации, который запрещал бы развращение сознания граждан через средства массовой информации, различные издания, школьные программы, навязывающие чуждый менталитет и чуждые российскому менталитету ценности, влекущие за собой не что иное как отчужденный характер бытия, деструктивность социальных отношений, имманентный разрушительный характер общественных антагонизмов, тотальное насилие, террор, разрушение личности.

Назрела потребность в творческом созидании, обеспечении поступательного развития общества и государства. Это предполагает создание с помощью политики условий для развития сотрудничества и взаимопомощи людей, самоорганизации, саморазвития общества, институционализации связи науки и политики, науки и демократии. Залог успеха самой последовательной и научно обоснованной политики в ее недогматичности, в способности к восприятию сигналов обратной связи, к самокоррекции, в руководстве рядом описанных в предлагаемой книге принципов: системности (эффективное и последовательное применение политических регуляторов согласно социально-политической природе и менталитету общества); преэминентности (человеческое общество нуждается в постоянном воспроизводстве представлений о должном, укоренившихся в менталитете норм, ценностей, в высокодуховных ориентациях, идеалах); постепенного освоения обществом новых ценностей; принцип совершенствования (политическую систему невозможно «заменить» какой-либо совершенной моделью другой политической

системы); принцип согласия и консенсуса (речь идет о согласии общества относительно целей его развития); принцип демократизации всех сфер жизнедеятельности. Достижение этого уровня политики – сложный, противоречивый процесс. Настоящая книга посвящена теоретическому решению рассматриваемых проблем, которые требуют дальнейшего изучения. Надеемся, что дальнейшие междисциплинарные комплексные исследования проблем влияния менталитета на политику и политический процесс будут способствовать выбору эффективных, адекватных менталитету общества, его мотивациям, ценностным ориентирам, образу жизни средств и методов политического и социального регулирования, способствующих легитимации усилий власти, гармонизации отношений общества и государства.

От редактора

Деинфантилизация менталитета (Вместо послесловия)

Эпиграфом к произведению Т. М. Поляковой, которое я с чувством удовлетворения представляю читателям, вполне уместной могла быть чеканная формула П. Б. Струве: «Только, если русский народ будет охвачен духом истинной государственности и будет отстаивать ее смело в борьбе со всеми ее противниками, только тогда, на основе живых традиций прошлого и драгоценных приобретений живущих и грядущих поколений, будет создана Великая Россия».

В самом деле, в предлагаемой книге ключевую роль бесспорно, играет понятийно-категориальный аппарат политической философии, и прежде всего концепция о взаимоотношении между менталитетом и государством, между опытом прошлого и приобретениями нынешнего.

Обширная информационная база, созданная в ходе реализации проекта «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве», и состоящая из документов, очерков и материалов, характеризующих истоки, предпосылки, факторы, идеологию, тактику и стратегию этнической мобилизации, позволила подготовиться к более серьезному, чем прежде анализу роли этнического фактора в жизни многонационального государства. Немаловажную роль при этом сыграли и многочисленные этносоциологические исследования, проведенные Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН совместно с МГУ и рядом американских университетов (Гарвардским, Дюка, Колумбийским, Чикагским и некоторыми другими) в 1993–1997 гг. в различных постсоветских государствах, в том числе в республиках Российской Федерации. Итоги представительных опросов и материалы указанных исследований легли в основу нескольких индивидуальных и коллективных монографий, сборников статей, кандидатских и докторских диссертаций.

В литературе, созданной на основе информационной базы серии документальных изданий (список, так называемый «реклам-

ный ролик», см. в конце каждой книги, публикуемой по проекту) видное место занимает сборник аналитических очерков и документов, дающих совокупную картину этнополитического развития Адыгеи («Становление государственности Адыгеи. Том 1. Очерки и документы этнополитической истории (1990–1995 гг.) Составители и редакторы: Татьяна Полякова и Рашид Хунагов, М., 1997, 408 с.).

В настоящее время в ЦИМО в соответствии с планом нового проекта «Принципы, идеология, логика и психология мобилизованной этничности» (Руководитель – М. Н. Губогло) готовится к изданию 2-й том, продолжающий анализ этнополитического развития Адыгеи в статусе самостоятельного субъекта Российской Федерации. Цели обоих проектов – более или менее сходны. Они состоят в том, чтобы аккумулировать весь опыт национальных движений постсоветского пространства и создать надежную по качеству и достаточную по количеству информационную базу для систематического изучения одного из важнейших феноменов XX века – роли этнического фактора в жизни общества и государства.

Менталитет полиэтнического общества

Знакомство с информационной базой, указанной серии, участие в международных этносоциологических опросах и анализ полученных результатов, позволили Т. М. Поляковой, став на твердую почву реальных знаний о современных этнополитических процессах, взяться за решение крупномасштабной задачи – вынесенной в название написанной ею книги: «Менталитет полиэтнического общества». Положенная в основу книги концепция менталитета, выступающего не только в качестве «картины мира», «мира представлений», но и в качестве строительных лесов в целенаправленном процессе самоорганизации и саморазвития Российского государства и общества, с одной стороны подводит итоги ее предшествующим штудиям, раскрывающим этнополитическую панораму постсоветской истории, а с другой стороны, является серьезной заявкой для постановки ряда новых, неизвестных ранее проблем и прежде всего проблемы деинфантилизации личности, социальных слоев и этнических групп населения, государства и общества.

Несколько лет тому назад в ЦИМО было обращено внимание на необходимость изучения процессов деинфантилизации.

Об этом, в частности, говорилось на двух крупных международных конференциях, на которых мне довелось выступать по этой проблеме. Оба доклада – и «Тревожный выбор России», с которым я выступил на конференции «Национальные и региональные проблемы России» (27–29 мая 1996 г.), и доклад «Деинфантилизация этничности» (Второй конгресс этнографов и антропологов России, 2–4 июня 1997 г.) вызвали большой интерес у слушателей. Предлагаемая читателям монография Т. М. Поляковой выполнена самостоятельно и является итогом ее многолетних исследований. Однако в последние несколько лет, как она сама отмечает, она работала в тесном сотрудничестве с рядом коллективов г. Москвы, в том числе с коллективом Центра по изучению межнациональных отношений. В итоге появилась оригинальная по замыслу, яркая по содержанию, творческая по духу книга, выполненная на материалах совместно проведенных этносоциологических исследований.

Читатели, серьезно интересующиеся судьбами России и прежде всего политическими и этническими аспектами ее постсоветской истории, найдут в книге немало интересных материалов, глубоких размышлений и взвешенных выводов относительно смысловой нагрузки, происхождения и развития понятия «менталитет», «ментальности населения».

Ключом к пониманию его сущности и содержания может в известной мере служить в книге разработанная типология определений менталитета, освоив которую каждый читатель, подобно самой Т. М. Поляковой, вполне может составить собственное определение этого феномена. Но вряд ли это можно сделать, не уяснив предварительно, что существуют **описательные** определения, в основу которых кладется элементарный перечислительный подход, состоящий из перечня того, из чего складывается менталитет; **исторические** определения, акцентирующие внимание на традициях и процессах социального наследования; **нормативные**, ориентирующиеся с одной стороны на идею образа жизни, а с другой – на представления об идеалах и ценностях и интерпретирующие менталитет как «систему ценностей» или «системы способов оценивания»; **психологические**, основанные на выделении процесса адаптации и среде, либо на факторах формирования привычек, либо на процессе научения; **структурные**, акцентирующие внимание на структурной организации менталитета, то есть на том, из каких составных частей он состоит и как последние взаимодействуют между собой;

генетические, рассматривающие менталитет через призму его происхождения; **идеологические**, отождествляемые с какой-либо крупной идеей, или совокупностью общих для данной общности смыслов; **социологические**, представляющие менталитет как некое синтетическое свойство, предопределяющее политическую культуру, поведение и сознание; **политологические**, связанные с режимом государства и соответствующим этому режиму типом политической культуры; **культурологические**, связывающие менталитет со сферой социокультурного бытия личности, или с «почвой культуры»; **профессиональные**, основанные на отождествлении менталитета с профессиональными группами, и, наконец, в **смешанных** определениях внимание акцентируется одновременно на двух или более характеристиках, например, на социокультурных признаках и на их психологической интерпретации.

Только освоив массу определений, классифицировав их по тем или иным признакам, Т. М. Полякова решилась на собственное определение. Итак, менталитет, по ее мнению – «это исторически сложившаяся устойчивая система культурных, этнических, психологических, политических, умственных (имеется в виду когнитивных – *М. Г.*) установок, предрасположенностей индивида и социальной общности, которой свойственна относительная стабильность, благодаря уникальной «архитектонике» нервной системы, детерминирующей способы мировосприятия, оценивания представителями данной социальной общности окружающей действительности и поведение» (С. 62).

Перевод менталитета из одного состояния в другое, например, из приверженности основам коллективизма к принципам индивидуализма может привести к катастрофе, о которой упоминается в заключительной части книги. В самом деле, за культом конкуренции, о которой так ревностно пекутся демократы-реформаторы, скрывается старая идеология: право на жизнь имеет лишь «сильный».

Акцентируя внимание на этой пронзительной формуле, Т. М. Полякова справедливо призывает к осторожности в политических технологиях, сотрудничеству и солидарности народов, без которых вряд ли можно сохранить мир в насильно изменяемом сообществе людей (С. 336).

Менталитет, судя по ее логике, «функционирует, развивается в данный конкретный момент времени в условиях конкретной политической системы, во многом обуславливает ее состояние,

благодаря имеющемуся потенциалу конкретной личности или социальной общности, их реальной способности к самореализации и возможности овладеть новой информацией в конкретных социально-экономических и политических условиях» (С. 114).

При реализации социальной и национальной политики весьма полезными могут оказаться выделенные автором такие позитивные черты российской ментальности, как патернализм, раскрывающий принцип отношений между обществом и личностью с одной стороны и государством – с другой, религиозный синкретизм, как принцип сосуществования и согласования интересов представителей различных конфессий, полезность труда, витальные ценности, связанные с такими жизнеопределяющими ценностями как свобода, творчество, гуманность, поиски смысла жизни и предназначение человека, традиционная толерантность, как важнейшая ценность менталитета российских граждан, основанная на длительном опыте совместного проживания различных по происхождению народов, межэтническая солидарность, представляющая собой устойчивую установку и желание жить в крупной многоэтнической стране (С. 233–234, 244).

Еще не все специалисты, имевшие дело с понятиями «сознание», «общественное сознание», «массовое сознание» особенно те, кто пришел в политологию из научного коммунизма, истории КПСС и некоторых других направлений советского обществознания в полной мере осознают значение и значимость менталитета как синтетического понятия, для анализа таких фундаментальных проблем общественно-политической жизни России как: выбор путей модернизации и трансформации общества, общественно-политический потенциал личности, адаптация населения и общества меняющимся социально-политическим условием, преемственность и инновация в процессе общественно-политического развития, т. е. тех проблем, рассмотрению которых посвящены первые две главы публикуемой книги.

Поиск терминов, охватывающих смысловую нагрузку феномена «менталитет», затруднен тем, что ни одно из имеющихся в русском языке близких понятий – «мироощущение», «дух народа», «мировоззрение», «образ мыслей», «дух эпох», не дают полноценный эквивалент употребляемому на Западе понятию «менталитет».

Технологии формирования и функционирования

Центральное место в книге, бесспорно, занимает анализ (3 и 4 главы) политических процессов в постсоветской России, в том числе характер реализации политической стратегии и тактики через призму реформирования и осуществление в контексте ментальности и в «бульоне» менталитета российского общества. Здесь Т. М. Поляковой сопутствует наиболее заметный успех, особенно там, где она опирается на оригинальные материалы, впервые вводимые ею в научный оборот. Это позволяет дать тонкую характеристику психологических аспектов массового сознания, оказывающего немаловажное влияние на развитие политической ситуации накануне и в первые годы после распада СССР, определить влияние менталитета на политическое расслоение электората и на его предпочтения в связи с развивающейся политической культурой и обновляющимися ценностными ориентациями общества.

Нельзя не поддержать ряд новых положений, позволяющих раскрыть выдающуюся роль менталитета в становлении современного гражданского общества. Еще не все согласны с тем, что в России существует общество, которое можно назвать гражданским. Однако, вряд ли можно сомневаться в том, что на глазах формирующаяся гражданская идентичность в совокупности с другими формами идентичности, такими как этническая, языковая, конфессиональная, гендерная, имущественная и другие. Все они являются важным фактором приостановления дезинтеграционных процессов и обеспечения единства народов России. Этим вопросам надлежит еще занять достойное место в исследованиях модернизационных процессов России.

И можно надеяться, что существенную помощь в этом отношении окажут выводы, к которым пришла Т. М. Полякова в анализе политической тактики и стратегии, а также законодательного права, как необходимых механизмов и одновременно как важного условия поступательного движения реформационных процессов. Соотношение правовых основ политических акций и идеологических обеспечений, как показано в книге, не может быть эффективным и результативным без опоры на исторически сложившийся менталитет российского общества и населяющих Россию народов.

Более того, как показано в книге, политическое расслоение электората России и возникновение новых различий в политиче-

ской активности граждан разных регионов, происходит под влиянием ментальности, имеющей в свою очередь региональные, социальные и этнические различия (С. 190).

В новой расстановке политических сил расслоение избирателей происходит по двум полюсам: «либерально модернизационным» и «консервативно патриотическим» – типами электорального поведения. При этом в основе подобного расслоения лежит глубокий конфликт между сторонниками и противниками модернизации по западному образцу.

В целом анализ менталитета полиэтнического общества в сложнейший переходный период позволяет выдвинуть ряд новых исследовательских задач. Именно на этих спровоцированных книгой задачах, а не на его детальном анализе, имеет смысл остановиться несколько подробнее. Я оставляю в стороне и некоторые дискуссионные вопросы, например, неприемлемое для меня употребление термина «социентальная общность», вместо утвердившегося – «социальная общность». Если книга порождает свежие инициативы, она написана не зря. Одним из таких новых направлений исследований представляется изучение деинфантилизации. Поданная некоторое время тому назад мной заявка по этой теме в Маккартур Фонд была, к сожалению, отклонена. Книга Т. М. Поляковой побуждает продолжить эту работу.

Деинфантилизация

Переход от тоталитаризма к демократии и построение гражданского общества предполагает преодоление ряда новых противоречий во взаимоотношениях между государством, обществом и народами. Одной из ключевых является задача освобождения бывшего советского государства и его структур от чрезмерной перегрузки этническим фактором и передача некоторых его функций и полномочий регионам, новым общественным и гражданским движениям и структурам, самоопределяющимся народам. Именно в этом направлении видится расширяющееся поле этнического самоопределения.

Главная идея и ядро теории десоветизации и ее важнейшей составной части – деинфантилизации, заключается в противоречивом процессе освобождения бывших советских граждан от негативного наследия советизма, в том числе и от государственного иждивенчества и обретения ими, в ходе модернизации, реформ и

преобразований новой ответственности за себя, за свою семью и свой народ, а также за свое будущее.

Подобно этнизации и социализации деинфантилизация происходит под воздействием двух векторов развития: естественного и целенаправленно управляемого. В основе первого из путей происходят процессы трансляции опыта предшествующих поколений через семью, неформальное общение, а в последнее время – через различные гражданские движения, в том числе с национально-культурной ориентацией. В основе второго – перевод знаний из менталитета общества в багаж индивидов происходит через систему образования, средства массовой коммуникации, художественную литературу, учреждения культуры, органы управления. Воздействие перечисленных институтов составляет важную часть социально-культурной политики государства и одновременно является частью стратегии обновления и модернизации.

Вместе с тем, вряд ли можно согласиться с тем, что система государственного образования, печать или литература могут полностью возместить те ценности менталитета, которые транслируются с помощью этнопедагогики.

В ряду таких ценностей можно, к примеру, назвать важнейшие принципы адыгского этикета, составляющие основу «адыгскости», адыгской этничности, в том числе адыгского менталитета: 1) подчинение младших старшим и почтительное уважение к пожилым; 2) глубокое уважение к гостю; 3) уважение человеческого достоинства каждой личности, независимо от его социальной, национальной и религиозной принадлежности; 4) сохранение чести семьи; 5) верность данному слову, подобно «слову купца» в дореволюционной России; 6) умение говорить красиво с наличием ценных мыслей, без употребления ненормативной лексики; 7) верность в супружеской жизни и глубокое уважение женщины; 8) скромное поведение в общественных местах и умеренность в употреблении алкогольных напитков; 9) оказание помощи тем, кто в ней нуждается; 10) строгое подчинение детей отцу; 11) нетерпимость к нарушению перечисленных принципов (С. 271).

При этом освобождение от устаревших идей, например, от патерналистских форм взаимоотношения личности и государства, встречает серьезное сопротивление со стороны сложившегося менталитета. Особенно это характерно для средних и старших поколений. Как тут не вспомнить классика, согласно которому «быть молодым и не быть радикалом – это значит не иметь

сердца. Быть старым и не быть консерватором — это значит не иметь ума». У пожилого населения имеются сильные рычаги торможения и противодействия новому. Не случайно Т. М. Полякова заостряет эту мысль следующей формулой «если вообще трудно внушить людям новую идею, то еще труднее вытеснить и устрани старую» (С. 148).

22 апреля 1998 г. в одном из городов Гагаузии, что на юге Республики Молдова, довелось наблюдать яркую и выразительную картину. В здании примарии (мэрии) принимали в пионеры. Атмосфера была настолько эмоционально заряженной, что и у выступающих ветеранов пионерского движения, и у представителей немногочисленной комсомольской организации, и у трясущихся от волнения детей, пересыхало в горле и выступали слезы. Вероятнее всего, что в министерских кабинетах Кишинева, чиновники которых ориентированны на полный демонтаж советского менталитета, и на переход из молдавенизма в румынизм, эта акция, проведенная по многочисленным письмам граждан, не вызовет эйфории. Однако еще хуже было бы, если бы граждане демократической Молдовы не имели бы возможности на самостоятельное, эволюционное, а не революционное, обновление своего менталитета, без опоры на прошлый опыт.

Деинфантилизация человека, группы или всего народа представляет собой чрезвычайно сложный процесс, едва ли не более сложный, чем переориентация производства или переход от плановой экономики к рыночному хозяйству. Деинфантилизация требует, и тут вполне можно солидаризироваться с Т. М. Поляковой, изменения позиции социальной или этнической общности. В самом деле, в нынешней России, как показывает ее постсоветская история, имеется некоторая совокупность идей, понимание и социальный капитал для модернизации и трансформации. Однако из этой потенциальной возможности, отнюдь не вытекает механическая готовность народа изменить свою позицию. Для ее изменения, в частности, для перехода от коллективизма к индивидуализму, с «восточного» на «западный» тип хозяйствования, вероятно потребуется время, продолжительнее, чем жизнь одного — двух поколений. Консерватизм менталитета населения России, в этом числе менталитетов ее отдельных народов, невозможно преодолеть форсированным марш-броском из социализма в капитализм, от командно-административной системы в систему представительной демократии.

Приговор, вынесенный Т. М. Поляковой современным «западникам», стремящимся с помощью шоковой терапии видоизменить устройство социально-экономической системы, представляется хоть и суровым, но вполне справедливым. В самом деле, в ходе попыток «искоренить» пережитки прошлого и «расчистить» площадку для светлого будущего, люди, называющие себя демократами, не учли менталитет своих сограждан, и в первую очередь тот факт, что механизмы социальных и политических изменений неизбежно зависят от совокупности объективных ценностей, составляющих фундамент любой из национальных культур. Хирургическое вмешательство в менталитет народа, являющийся источником политического здоровья народа, чревато конфликтами и катастрофами. Эволюционное преобразование и нормальное функционирование политической системы возможно без насильственной манкуртизации, а только лишь при уважительном отношении реформаторов к менталитету народов, с которыми они имеют дело.

Главные аналитические и описательные цели в анализе деинфантилизации состоят в том, чтобы выявить, типологизировать и дать характеристику важнейших тенденций и процессов этнизации в республиках России и некоторых странах ближнего зарубежья на двух уровнях – институциональном и личностном в нынешней ситуации перепутья (неопределенности), когда в ходе противостояния реформационных и консервативных сил последовательно сокращается выбор вариантов общественного развития и возникает новая угроза перехода от более или менее выраженного курса демократического развития на авторитарный, лишаящий каких-либо надежд на утверждение прав и свобод граждан и народов. В первом случае (институциональном) речь идет о перераспределении полномочий и предметов ведения, о новых формах взаимоотношений между центром и периферией, в том числе между Федеральным Центром и суверенными республиками Российской Федерации, т. е. отношений, которые возникли и возникают в результате перераспределения полномочий в ходе реформационных процессов, во втором случае, делается попытка дать характеристику перехода от многовековых тенденций коллективизма к индивидуализму, сопровождающегося глубокими переменами в сознании, стереотипах, менталитете и в поведении людей. Этносоциологические опросы, проведенные в республиках России и в новейших государствах в 1993–1997 гг., в том числе повторно, дают возможность

проследить темпы, масштабы, структуру и содержание коренных и ключевых перемен в различных государствах, республиках, конкретных этнополитических ситуациях и сферах жизнедеятельности, – в том числе в хозяйстве, политике, правовой политике, культуре, языковом общении, в семейном быту и т. д.

И не только в этом их непреходящая ценность. Опросы дают веские аргументы для вывода о том, что менталитет постсоветских граждан, как неповоротливое колесо фортуны, изменяется очень замедленно. В обществе нет единодушного одобрения процессов реформирования. Не зря приватизацию в народе называют прихвятизацией. Наиболее убийственной для бывших советских граждан, воспитанных в условиях социальных гарантий, представляется потеря тех ценностей, с которыми была в прошлой жизни связана уверенность в завтрашнем дне.

На психику граждан с особой силой давит отсутствие образа обновления и дорог, по которым следует двигаться России в деле модернизации и обновления. Попытка Президентской администрации найти так называемую общенациональную идею, похоже, окончательно провалилась. Несмотря на многочисленные попытки, никто не смог выдвинуть сколько-нибудь значительные и привлекательные ориентиры. Несмотря на многочисленные публикации, пока еще не найден ответ на вопрос: «Куда идет Россия?»

Ждать осмысленных представлений от граждан России о перспективах ее развития трудно до тех пор, пока у Президента и у правительства нет, во-первых, концепции и программы вывода страны из затянувшегося кризиса, во-вторых, социально ориентированной политики, способной вселить в души людей хоть какие-то надежды и перспективы, в-третьих, не созданы механизмы раскрепощения людей в их зависимости от государства и государственнического иждивенчества.

Как тонко замечено в завершающей книгу главе, среди факторов, препятствующих разработке «новой национальной идеи», находится противоречие, заложенное в Конституции Российской Федерации. Плюрализм в менталитете, или, говоря нормой этой Конституции, «идеологическое многообразие» оцененное как достижение демократов-реформаторов, находится в противоречии с задачей по созданию новой идеи, которую выдвинул Б. Н. Ельцин после своего избрания на пост президента страны (С. 322)

Негативное социальное самочувствие, расщепление и маргинализация идентичности и идентичностей порождает страх, неуверенность, снижает инициативу, порождает стремление уйти в личную или семейную раковину от навалившихся «рыночных» проблем. Расшатанная система советского менталитета порождает разрыв между прежними и новыми ориентирами, целями, идеалами, ценностями. Нет надежных идей, предложений, примеров для формирования новой политической и правовой культуры. Коррозия менталитета порождает дестабилизацию и постоянное, как на вулкане, состояние неустойчивого равновесия.

Основные тенденции деинфантилизации можно рассматривать, во-первых, при характеристике общего и особенного в процессах наполнения суверенизации республик России реальным содержанием, во-вторых, при описании сил и факторов, способствующих демократизации и сил, противодействующих ей, в-третьих, при систематическом описании и анализе расщепления советской идентичности на ряд новых идентичностей, по-новому определяющих положение и статус свободного человека в постсоветском пространстве, в том числе по линии его полииндентификации: — национальной, языковой, конфессиональной, гражданской и культурной.

Болезненный, поверхностный и вялотекущий характер десоветизации и деинфантилизации предопределяется нерешительными и некомпетентными действиями руководства, отсутствием доброкачественных идей, программ и лозунгов, усилением авторитарных тенденций, углубляющейся социально-имущественной дифференциацией на бедных и богатых, высокой концентрацией капитала, особенно в Москве, и вытеснением мелкого и среднего бизнеса, криминализацией и сращиванием криминальных и коррумпированных сфер.

В спорах об альтернативах переходного времени возникают серьезные вопросы об отношениях между реформаторами, проводимыми ими реформами и отношением населения к этим реформам. Сами реформаторы вину за провал реформ чаще всего пытаются свалить на консерваторов, на оппозицию и даже на отсталость народа.

Этнополитические опросы позволяют выдвинуть гипотезу о том, что полнокровная суверенизация, не ущемляющая прав и свобод любой национальности, имеет больше шансов на успех, чем реформирование, осуществляемое в интересах одной, напри-

мер, титульной нации и не учитывающее интересов других национальностей, особенно национальных меньшинств.

Важной составной частью десоветизации и деинфантилизации является конституционное и законодательное утверждение правовых форм оптимизации и регулирования отношений в различных сферах общественной жизни, в том числе в национальной. Одновременно возникает задача систематического соотнесения нового правотворчества с реальными этнополитическими ситуациями, так как предлагаемые из Центра законопроекты не всегда отвечают реальным интересам различных групп населения, а новейшие Конституции, принятые в республиках России, не во всем и не всегда соответствуют действующей Конституции Российской Федерации. Возникающие ножницы и в первом и во втором случае несут в себе опасность возникновения нового социального и межнационального напряжения. Так, например, в течение нескольких лет Федеральный центр России пытался принять некие универсальные законы «О малочисленных народах», «О национальных меньшинствах» и др., во-первых, не пытаясь при этом соотнести включаемые в них нормы с этнополитической реальностью, во-вторых, – определить субъект закона.

Анализ правовых норм в новейших Конституциях РФ позволил сделать вывод о вероятности формирования новой отрасли права, которую одни эксперты называют «национальным правом», другие – «правами и свободами народов». Вполне обоснованными, в частности, выглядят нормы, содержащиеся в статьях новейших Конституций о национальных правах на личностном и групповом уровне и впервые вводимые нормы о свободе национального самоопределения на уровне личности. Начиная с 30-х годов выбор национальной идентификации, как известно, был ущемлен и ограничен «кровью» – т. е. национальностью родителей.

С точки зрения формирования новой гражданской идентичности и общероссийского согражданства, разработка законов о «правах народов» некоторым аналитикам представляется сомнительной, особенно тем, кто является певцом американской демократии и американского способа решения вопросов национального развития и межнациональных отношений. Однако в данном случае не следовало бы забывать, что в то время как население США формировалось из граждан, приехавших из разных стран, Россия формировалась из народов, проживающих в ее пределах испокон веков. Вопросы тут есть. Их немало.

И совсем не случайно в книге Т. М. Поляковой акцентируется внимание на том, что попытки совместить модернизацию, т. е. тектонические сдвиги в менталитете граждан с сохранением традиций народов, с поддержкой национальных культур столкнулись с непреодолимыми противоречиями. И пример России является далеко не единственным в этом отношении.

Одной из основополагающих тенденций деинфантилизации состоит в том, что реформа «в умах», т. е. преодоление комплекса зависимости тоталитарного человека от государства представляет собой более трудный процесс, чем модернизация экономики или политического устройства. Переход от принципов коллективизма к принципам индивидуализма блокируется укоренившимся в советский период приматом государства, общества и группы над личностью. Поэтому освобождение личности от страха и беспокойства, выдавливание из себя комплекса ничтожности обречено на поражение, если обретение свободы, т. е. установление свободы мысли и поступков не будет происходить одновременно на разных уровнях от государства до этноса.

Нам уже приходилось отмечать тенденции деинфантилизации, проявляющиеся в росте политической активности граждан России. Об этом, в частности, шла речь в книге «Развивающийся электорат России», увидевшей свет в 1996 г., как раз между первым и вторым турами президентских выборов. Проведенный Т. М. Поляковой сравнительный анализ электоральной активности граждан в период избирательных компаний 1989–1993 гг. и 1995–1996 гг. еще раз подтвердил сделанные ранее выводы (С. 174–176).

Следовательно можно говорить о возрастании политической активности граждан, как об одной из форм их деинфантилизации и обновления их менталитета.

Анализ глубины, темпов, содержания и форм деинфантилизации, понимаемой как совокупность новых, полусвободных от советских норм убеждений, установок и ориентаций, проявляющихся в деятельности и в поведении значительных групп людей, а также в их отношении к текущим политическим событиям и новым экономическим реалиям, позволит ретроспективно оценить историческое значение одного из глобальных событий в жизни человечества конца XX в. – развал бывшего Советского Союза и роль в этом развале национальных движений, мобилизованных лингвицизма и национализма. Без знания основ, факторов развития и важнейших компонентов менталитета этот анализ будет затруднен.

Источники и литература

1. Нормативные документы, материалы государственных органов, общественных объединений, политических партий

- Конституция Российской Федерации. М., 1993. 59 с.
- Конституция Республики Адыгея. Майкоп, 1995. 112 с.
- Обращение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации к Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину [О ситуации в стране (авт.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 13. М., 1997. С. 2585–2587.
- О государственной комиссии по проведению Года согласия и примирения. Указ Президента Российской Федерации // Собрание Законодательства Российской Федерации. № 11. 17 марта 1997 г. М., 1997. С. 2262–2265.
- Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 г. № 909.
- Об общественных объединениях Адыгеи. Закон Республики Адыгея // Ведомости Законодательного Собрания (Хасэ) – Парламента Республики Адыгея. 1994. Июль.
- Политика реформ в интересах народа. Материалы заседания Правительства Российской Федерации от 29 февраля 1996 г. М., 1996. 64 с.
- Всеобщая Декларация прав человека. Декларация прав и свобод человека и гражданина. М., 1993. 32 с.
- О первоочередных мерах по реализации Послания Президента Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации // Собрание законодательства. 1997. № 14. С. 2741–2743.
- О мерах по реализации Концепции государственной национальной политики Российской Федерации. Постановление Правительства Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 10. М., 1997. С. 2065–2072.
- О первоочередных мерах по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «Порядок во власти – порядок в стране (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 14. М., 1997. С. 2741–2747.
- О Программе социальных реформ. Постановление Правительства Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 10. М., 1997. С. 2073–2122.
- О федеральной целевой программе «Молодежь России (1998–2000 гг.)». Постановление Правительства Российской Федерации от 18 июня 1997 г. № 746 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 26. С. 5051–5057.
- Федеративный договор. Документы. Комментарий. М., 1994. 128 с.

II. Архивные материалы

- Документы ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС по вопросам образования Адыгейской автономной области (1922–1924). Копии. Хранилище документации новейшей истории государственного архива Республики Адыгея. Ф. 1123; Оп. 1; Д. 422; Кор. 20. 20 л.
- Заключение Комиссии по вопросу выделения из пределов Кубано-Черноморской области Черкесской (Адыгейской) Автономной области // Копии документов об образовании Адыгейской автономной области ПА-АО КПСС. Хранилище документации новейшей истории государственного архива Республики Адыгея. Фонд № 1123. Оп. 1. Д. 429. Кор. 20. 2 л.
- Индикаторы уровня жизни населения Российской Федерации. Аналитические материалы. Совет Федерации Российской Федерации. М., 1997. 68 с. Текущий архив Кабинета Министров Республики Адыгея.
- Материалы к семинару-совещанию руководителей органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации «Состояние социально-трудовой сферы и реализация социальной политики в условиях развития экономической реформы». 27–28 июня 1995 г. М., 1995. 48 с. Текущий архив Кабинета Министров Республики Адыгея.
- Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 470. Оп. 2. Д. 210. Л. 7. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 95–96.
- Национальный вопрос в Российской Федерации: поиски, иллюзии, возможности. Парламентские слушания 22 апреля 1997 года. М.: Федеральное Собрание РФ. Государственная Дума. Комитет по делам национальностей, 1997. Собрание материалов. Текущий архив Кабинета Министров Республики Адыгея.
- Положения к экономическому разделу платформы Всероссийского общественно-политического Движения «Наш дом – Россия». М., 1996. 18 с. Текущий архив Кабинета Министров Республики Адыгея.
- Постановление заседания Президиума ЦК КПСС от 15 июля 1957 г. о 400-летию добровольного присоединения адыгейских народов Кавказа к России. Архивная выписка из протокола № 38 заседания бюро Адыгейского обкома КПСС от 30 июля 1957 г. // Архивные документы о 400-летию добровольного присоединения адыгейских народов Кавказа к России. Хранилище документации новейшей истории государственного архива Республики Адыгея. Ф. 1123. Оп. 2. Д. 665. 19 л.
- Центр документации новейшей истории архивного отдела администрации Ростовской области (ЦДНИ Ростовской области). Ф. 173. Оп. 41. Д. 60. Л. 4; Ф. 9. Оп. 89. Д. 30. Л. 3; Ф. 9. Оп. 92. Д. 1. Л. 199; Ф. 9. Оп. 89. Д. 3. Л. 4.
- Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 733. Оп. 117. Д. 57. Л. 424–424.
- Хранилище документов новейшей истории Государственного архива Республики Адыгея (ХДНИ ГАРА). Ф. 1. Оп. 2. Д. 38. Св. 21. Лл. 163–164; Там же. Л. 218.

III. Справочная литература

- Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. 1995–1997 гг. Электоральная статистика. М., 1997. 704 с.
- Выборы Президента Российской Федерации. 1996. Электоральная статистика. М., 1996. 319 с.
- Выборы депутатов Государственной Думы. 1995. Электоральная статистика. М., 1996. 268 с.
- Выборы Президента России: тенденции развития ситуации (Результаты социологического мониторинга) Информационный бюллетень Центра социологического обеспечения подготовки государственных служащих. М., 1996. № 7. 63 с.
- Выборы Президента России: второй тур голосования. (Результаты IV этапа социологического мониторинга) Информационный бюллетень Центра социологического обеспечения подготовки государственных служащих. М., 1996. № 8. 29 с.
- Конституции социалистических государств. М., 1987. В 2-х т. Т. 1. 336 с.; Т. 2. 384 с.
- Конституция Российской Федерации. Комментарий. М., 1997. 176 с.
- Краткий терминологический политологический словарь / Ред. **В. М. Горохов, В. В. Смирнов**. М., 1994. 36 с.
- Краткий этнологический словарь / Ред. кол.: Н.П. Пишулин и др. М., 1994. 103 с.
- Многопартийность в России: блоки и коалиции (Программные документы) / Сост. **З. М. Зотова**. М., 1992. 161 с.
- Политические партии, движения и блоки современной России: Справочник. Нижний Новгород. 1993. 104 с.
- Политические партии России (Программные документы политических партий) / Под общ. ред. **В. В. Рябова**. В 2 ч. М., 1994. Ч. I. 236 с.; Ч. II. 220 с.
- Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред., сост. **Ю. И. Аверьянова**. М., 1993. 431 с.
- Решетников Ф. М.** Правовые системы стран мира. Справочник. М., 1993.
- Современная западная социология: Словарь. М., 1990. 432 с.
- Тихомирова Л. В. Тихомиров М. Ю.** Юридическая энциклопедия / Под ред. **М. Ю. Тихомирова**. М., 1997. 526 с.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1989. 815 с.
- Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, СПб., 1797. Т. XXа...

IV. Монографии, сборники

- Абдеев Р.** Философия современной цивилизации. М., 1994.
- Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.** Федерализм в истории России. В 3-х кн. Кн. 1. М., 1992. 383 с.

- Абдулатипов Р. Г.** Парадоксы суверенитета: Перспективы человека, нации, государства. М.: Славянский диалог, 1995. 222 с.
- Абдулатипов Р. Г.** Природа и парадоксы национального «Я». М., 1991. 169 с.
- Аграшенков А. В.** Исторический опыт воздействия на политическое сознание в переломные моменты общественного развития. СПб., 1994. 62 с.
- Административно-политическая элита региона. Социологический анализ Ростов на Дону, 1995. 73 с.
- Актуальные проблемы теории и практики федеративных и национальных отношений. М., 1993. 22 с.
- Алексеев С. С.** Теория права. М., 1994. 224 с.
- Аналитический вестник. № 3(27). М.: Аппарат Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Аналитический центр, 1996. 48 с.
- Анарина Н. Г.** Три статьи о японском менталитете. М.: ТОО Агентство Информат, 1993. 44 с.
- Анисимов С. Ф.** Духовные ценности: производство и потребление. М., 1988.
- Аристотель.** Соч. В 4-х т. М., 1983. Т. 830 с.
- Аръес Ф.** Человек перед лицом смерти. М., 1993. 528 с.
- Асмус В. Ф.** Историко-философские этюды. М., 1984. 318 с.
- Афанасьев В. Г.** Мир живого: Системность, эволюция, управление. М., 1986. 333 с.
- Афанасьев В. Г.** Общество: Системность, познание и управление. М., 1981. 432 с.
- Афасижев Т. И., Полякова Т. М.** Общественные объединения Адыгеи: становление, проблемы политического участия. Майкоп, 1996. 49 с.
- Барг М. А.** Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987. 348 с.
- Батищев Г. С.** Корни и плоды. Размышление об истоках и условия человеческой плодотворности // Наше наследие. 1991. № 5. С. 1–4.
- Бауэр О.** Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. 600 с.
- Бахтин М. М.** Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 504 с.
- Бахтин М. М.** Как философ. М., 1992. 256 с.
- Беджанов М. Б.** Общественный кризис и проблемы национального возрождения. Майкоп, 1995. 472 с.
- Бердяев Н. А.** Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. 224 с.
- Бессонов Б. Н.** Российская цивилизация. М., 1997.
- Блауберг И. В., Юдин Э. Т.** Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
- Блягоз З.** Жемчужины народной мудрости. Майкоп, 1994. 50 с.
- Блондель Ж.** Политическое лидерство. М., 1992.
- Боков В.** Выборы Президента России: Тенденции развития ситуации (Результат социологического мониторинга). М., 1996.

- Бакистановский В. И., Сагомонов Ю. В.** Введение в политическую этику. М.—Тюмень, 1990. 182 с.
- Баланс и разделение политической власти в полиэтнических обществах / Под ред. **Уокер Л., Стерна П.** (Текст рус., англ. Пагинация встречная). Wash.: Nat. acad. press, 1993. X, VIII. 22 p.
- Блинов Н., Ожegov Ю., Шереги Ф.** Политическая культура и молодежь. М., 1982. 175 с.
- Богданов А.А.** Тектология: Всеобщая организационная наука. В 3-х т.
- Боков Х. Х., Алексеев С. В.** Российская идея и национальная идеология народов России. М., 1996. 96 с.
- Болотоков В. Х.** Нация и ее национально-психологический мир. Нальчик, 1996. 272 с.
- Болотоков В. Х., Суншев З. Ш.** Этнопсихологические теории в России. Нальчик, 1997. 178 с.
- Боровик В. С.** Политическая активность молодежи. М., 1991. 169 с.
- Бороноев А. О., Павленко В. Н.** Этническая психология. СПб., 1994. 168 с.
- Бочаров В. В.** Власть. Традиции. Управление (попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки). М., 1992. 294 с.
- Васильев Г. Н., Зобов Р. А., Келасьев В. Н.** Человек: Генезис духа (Диалоги философа, психолога, математика). СПб., 1994. 292 с.
- Вебер М.** Избранные произведения. М., 1990.
- Вернадский В. И.** Научная мысль как планетное явление. М., 1991. 270 с.
- Вернадский В. И.** Философские мысли натуралиста. М., 1988. 520 с.
- Витаньи И.** Общество. Культура. Социология. М., 1984.
- Вигасин А. А., Самозванцев А. М.** «Артхашастра»: Проблемы социальной структуры и права. М., 1984. 225 с.
- В кольце отчуждения. Православие в призме глобальных проектов вокруг России. М.: Нива России, 1997. 32 с.
- Водолагин А., Болдырев А., Иванов А.** Четвертая печать: Эскизы к феноменологии русского духа. Тверь, 1993. 287 с.
- Войшвилло Е. К.** Символическая логика (классическая и релевантная): философско-методологические аспекты. М., 1989. 150 с.
- Войшвилло Е. К.** Понятие как форма мышления. М., 1989. 239 с.
- Волков Г.** Три лика культуры. М. 1986.
- Воронов Ю. М.** Становление идеократии: истоки, ментальность, аппарат (1917–1929 гг.). Иваново, 1993. 114 с.
- Восточная Европа на новом пути: (Хроника событий, документы, комментарии) / Ред. **Л. Н. Шанишева.** М.: ИНИОН РАН, 1994. 237 с.
- Гайдар Е. Т.** Государство и эволюция. М., 1995. 208 с.
- Гегель Г. В. Ф.** Философия права // Соч. в 12 т. М.—Л., 1934. Т. 7. 380 с.
- Гегель Г. В. Ф.** Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т. 1. 368 с.
- Герушинский Б. С.** Менталитет и образование: Учебно-методическое пособие для студентов. М.: Ин-т практической психологии, 1996. 124 с.

- Гедеринский В. И.** Философско-социологические проблемы политики и политической организации общества. М., 1976. 105 с.
- Градинар И. Б.** Политическая культура: мировоззренческое измерение. Ч. 1. СПб.: Наука, 1996. 232 с.
- Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: Перевод с англ. и франц. / Сост. **Л. И. Василенко** и **В. Е. Ермолова**; вводная статья **Ю. А. Шрейдера**. М., 1990. 495 с.
- Гнатенко П. И.** Национальный характер: Мифы и реальность. Киев, 1984. 152 с.
- Гоббс Т.** Соч. в 2-х т. М., 1989. Т. 1. 621 с.
- Голицын Г., Петров В.** Информация. Поведение. Творчество. М., 1991. 224 с.
- Голубева Е. И.** Представительное учреждение в системе государственного управления России. М., 1995. 112 с.
- Горохов В. М., Комаровский В. С.** Связь с общественностью в органах государственной службы. М., 1996. 43 с.
- Государственная власть и местное самоуправление: проблемы, пути взаимодействия. Областная научно-практическая конференция (25 апреля 1997 года) Тезисы докладов. Екатеринбург, 1997. 149 с.
- Государственная служба: Центр и регионы. Зарубежный опыт. Вып. 10. М., 1996. 122 с.
- Гофф Ж. Л.** Цивилизация средневекового Запада. Перевод с фр. М., 1992. 376 с.
- Громыко А.** Политические режимы: История и теория вопроса. М., 1994. 78 с.
- Гумилев Л.** Этносфера: История людей и история природы. М., 1993. 554 с.
- Грушин Б. А.** Массовое сознание. М., 1987. 368 с.
- Гатагова Л. С.** Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX веке. М., 1993. С.19–20.
- Грэхэм Л. Р.** Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. М., 1991. 480 с.
- Губогло М. Н.** Мобилизованный лингвизм. М., 1993. 302 с.
- Гуревич А. Я.** Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. 328 с.
- Гумилев Л. Н.** От Руси к России: Очерки этнической истории. М., 1994. 334 с.
- Данилов М. И.** О критериях социальной эволюции // Циклические процессы в природе и обществе. Ставрополь, 1993. 272 с.
- Давид Р.** Основные правовые системы современности. М., 1988. 496с.
- Дадвани Л. Я., Шумихин А. Ю.** «Ливанизация» как модель этносоциальной конфликтности и положение в зоне Кавказа: сопоставительный анализ М.: Российский научный фонд, 1994. 58 с.
- Даниленко Г. М.** Обычай в современном международном праве. М.: Наука, 1988. 192 с.
- Данэм Б.** Гигант в цепях. Избранные труды: Пер с англ.. М., 1984. 484 с.

- Две культуры – два образа мысли: (Очерки сравнительного изучения политической культуры) / Под ред. **Е. М. Бабосова**. Минск: Наука и техника, 1985. 142 с.
- Демократия и выборы: генезис, состояние и проблемы (Материалы краевой научно-практической конф. Хабаровск, 15 января 1995 г.) Хабаровск, 1995. 84 с.
- Детерминизм и современная наука: Межвузовский сб. научных трудов. Воронеж, 1992. 146 с.
- Дидро Д.** Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1991. 604 с.
- Диалектика и системный анализ / Под ред. **Д. М. Гвишиани**. М., 1986. 336 с.
- Джаримов А. А.** Адыгя: от автономии к республике. М., 1995. 212 с.
- Доброхотов Л. Н., Комаровский В. С.** Идеологическое противоборство. М., 1989. М., 210 с.
- Долгосрочная политика и программы участия молодежи в национальном развитии (ООН – Деп. по эк. и социальным вопросам) Нью-Йорк, 1970. 109 с.
- Дубинин Н. П., Карпец И. И., Кудрявцев В. Н.** Генетика. Поведение. Ответственность. М., 1989. 351 с.
- Дукер Питер Ф.** Новые реальности: В правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении: Пер. с англ. М.–СПб., 1994. 380 с.
- Ерасов Б. С.** Социальная культурология. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1997. 591 с.
- Здравомыслов А. Г.** Социология конфликта. М., 1994.
- Зиммель Г.** Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. Авторизированный перевод с немецкого **Н. Н. Вокач, И. А. Ильина** / Под ред. и предисл. **Б. А. Кистяковского**. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1909.
- Зиммель Г.** Проблемы философии истории. М., 1898. 167 с.
- Зинченко Г. П., Албастова Л. Н., Огарев А. В., Понеделков А. В.** Государственный служащий: проблемы и перспективы. Ростов на Дону, 1992. 64 с.
- Зотова З. М.** Выборы в России. Взгляд политолога. М., 1996.
- Зюганов Г. И.** География победы: Основы российской геополитики. М., 1997. 304 с.
- Иванов В. Н., Котов А. П., Ладодо И. В.** Состояние межнациональных отношений в регионах Российской Федерации (По результатам социологических исследований) Хакасия. М., 1994. 58 с.
- Иконникова С. Н., Лисовский В. Т.** На пороге гражданской зрелости. Л., 1982. 102 с.
- Ильин В. В., Ахиезер А. С.** Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997. 384 с.
- Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С.** Реформы и контрреформы в России / Под ред. **В. В. Ильина**. М., 1996. 400 с.

- Ильин В. В., Панарин А. С., Бадковский Д. В.** Политическая антропология / Под ред. **В. В. Ильина**. М., 1995. 254 с.
- Ильин И. А.** Путь к очевидности. М., 1993. 431 с.
- Ильинский И. М.** Наш молодой современник // Социологические исследования. 1987. № 2. С. 16 – 22.
- Иммануила Канта пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. Перевод **В. Соловьева**. М., 1993. 240 с.
- Ирхин Ю. В., Акбергенов А. Д.** Диалектика психологии, политики и социологии в современном мире. М., 1991. 152 с.
- История русской архитектуры. Изд. второе / Под общей ред. **Ю. С. Ушакова, Т. А. Славиной**. СПб., 1994. 600 с.
- История политических и правовых учений. Древний мир. М., 1985.
- История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. М., 1986.
- Индия – союз штатов: Проблемы политического и социально-экономического развития. М., 1981. 240 с.
- Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. М., 1993. 336 с.
- Исследования по генетике / Ред. **М. Е. Лобашев** (проф.) Л., 1961. 187 с.
- Каган М. С.** Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М., 1974. 328 с.
- Каверин С. Б.** Психология и политика. Тамбов, 1992. 140 с.
- Кадровое обеспечение государственной службы / Науч. ред. **В. А. Кулинченко**. Ростов на Дону, 1994. 208 с.
- Калинина К. В.** Национальные меньшинства в России. М., 1993. 87 с.
- Кант И.** Антропология с прагматической точки зрения / Соч. в 6-ти т. М., 1966. Т. 6.
- Кант и философия в России. М.: РАН, Институт философии, 1994. 271 с.
- Кант И.** Трактаты и письма. М., 1980. 709 с.
- Кант И.** Собр. соч. в 8 т. М., 1994 г. Т. 1. «Демократические» произведения. 504 с.; Т. 2. «Демократические» произведения. 428 с.; Т. 3. Критика чистого разума. 740 с.; Т. 6. Религия в пределах только разума. 612 с.; Т. 7. К вечному миру; Спор факультетов; Антропология; Успехи метафизики; 494 с.; Т. 8. Статьи; Лекции; Избранные письма; Из рукописного наследия. 717 с.
- Кара-Мурза С.** Что происходит с Россией? Куда нас ведут? Куда нас приводят? М., 1993. 64 с.
- Карсавин Л. П.** Малые сочинения. СПб., 1994. 532 с.
- Касьянова К.** О русском национальном характере. М., 1994. 367 с.
- Кельберг А. А.** Историческая психология как знаковая система (К вопросу о национальном менталитете). СПб., 1994. 31 с.
- Ключевский В.** Неопубликованные произведения. М., 1983.
- Кузьмин В. П.** Гносеологические проблемы системного знания. М., 1983. 64 с.
- Кузьмин В. П.** Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. Изд. 3-е. Доп. М., 1986. 399 с.

- Кузин В. Н.** Рынок и человек. М., 1991. 64 с.
- Культурология. XX век. Дайджест. Проблемно-тематический сборник. В 2-х т. М.: ИНИОН РАН. Т. 1 1996. 167 с.; Т. 2. 1997. 264 с.
- Коган В. З.** Теория информационного воздействия. Новосибирск, 1987.
- Коган Л. Н.** Цель и смысл жизни человека. М., 1984. 252 с.
- Конституционное (государственное) право зарубежных стран. В 2-х т. М., 1994.
- Котляревский С. А.** Правовое государство и внешняя политика. М., 1993. 368 с.
- Ким Р. С.** Человек в политике: Опыт политологического анализа. Барнаул, 1991. 168 с.
- Клизовский А. И.** Основы миропонимания новой эпохи. Минск, 1995. 815 с.
- Коврикова О. И., Пеньков В. Ф.** Электоральное поведение: региональный срез проблемы (По материалам изучения общественного мнения населения Тамбовской области 1993–1996 гг.) // Региональные выборы в России / Ред. **А. И. Ковлер**. М., 1996. С. 60–70.
- Комаровский В. С.** Реформирование государственной службы России: выбор пути и методов. М., 1997. 23 с.
- Кондаков И. В.** Национальный менталитет и прогнозы развития
- Коротаев В. И.** Судьба «русской идеи» в советском менталитете (20–30-е годы). Архангельск, 1993. 109 с.
- Кон И. С.** В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984. 335 с.
- Косалс Л. Я.** Социальный механизм инновационных процессов. Новосибирск, 1989. 287 с.
- Конституционное (государственное) право зарубежных стран / Рук. авт. колл. и отв. ред. **Б. А. Страшун**. В 4-х т. Т. 1. М., 1993. 246 с.
- Котляревский С. А.** Правовое государство и внешняя политика. М., 1993. 368 с.
- Кельберг А. А.** Историческая психология как знаковая система. СПб., 1994;
- Кон И. С.** Социология личности. М., 1968.
- Константинов В. Н.** История свободомыслия. Владимир: ВГПИ, 1993. 88 с.
- Коэн С.** Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. Перевод с англ. М., 1992. 514 с.
- Красников Б. И.** Новый взгляд на эволюцию общества: Закономерности развития человечества, принципы демократии, самоуправления и рационального устройства общества. Киев, 1995. 88 с.
- Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. М., 1994. 320 с.
- Кузнецов В. Н.** Жан-Поль Сартр и экзистенциализм. М., 1969. 286 с.
- Лившиц Р. З.** Теория права. М., 1994. 208 с.
- Ленин В. И.** Что делать? Полн. собр. соч. Т. 6.

- Лесников Г. П.** Система диалектических отношений экономики и политики. М.: РАГС, 1995. 230 с.
- Локк Дж.** Соч. в 3-х т. Перевод с англ. М., 1985; Т.1 620 с.; Т. 2. 535 с.; Т. 3. 667 с.
- Лосский Н.** Мир как органическое целое. М.: Леман и Сахаров, 1917. 168 с.
- Лотман Ю.М.** Культура и взрыв. М., 1992. 272 с.
- Лукач Д.** К онтологии общественного бытия. Прологомены: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. **И. С. Нарского** и **М. А. Хевеши**. М., 1991. 412 с.
- Лысенко В.** Новый федерализм.— М., 1995. — 25 с.
- Леви-Стросс К.** Первобытное мышление / Перевод, вступ. ст. **А. Б. Островского**. М., 1994. 384 с.
- Лебон Г.** Психологические законы эволюции народов. СПб., 1906. 154 с.
- Лебон Г.** Психология народов и масс Густава Лебона. Перевод с фр. СПб., 1896. 332 с.
- Лосев А. Ф.** Философия. Мифология. Культура. М., 1991 525 с.
- Лурье С. В.** История этнологии. М., 1997. 446 с.
- Материалисты древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955. 239 с.
- Макиавелли Н.** Избранные сочинения. Перевод с ит. М., 1982. 503 с.
- Мальбахов Б., Эльмесов А.** Средневековая Кабарда (Внутренние и внешние аспекты истории). Нальчик, 1994. 352 с.
- Мамардашвили М.** Картезианские размышления. М., 1993. 352 с..
- Мамардашвили М.** Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. 416 с.
- Маргиев В. И.** История государства и права Осетии. Майкоп, 1997. 210 с.
- Марков Б. В.** Разум и сердце: история и теория менталитета. СПб., 1993. 232 с.
- Маркович Д.** Общая социология. Перевод с серб. хорв. Ростов н/Д., 1993. 272 с.
- Марченко М. Н.** Политические теории и политическая практика в развитых капиталистических странах. М., 1992. 384 с.
- Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления. Тезисы докладов международной конференции. г. Москва, 19–20 января 1995 г. М., 1995. 54 с.
- Между народом и властью (Политические партии. Социальное управление. Кадры). М., 1993.
- Менталитет и политическое развитие России. Тезисы докладов научной конференции. Москва 29–31 октября 1996 года. М., 1996. 150 с.
- Менталитет: широкий и узкий план рассмотрения. Ижевск, 1994. 128 с.
- Миссия творчества в возрождении России. Материалы международного симпозиума. (Тверь, 21–23 апреля 1993 г.). Тверь, 1994. 87 с.

- Милуков П. Н.** Очерки по истории русской культуры. В 3-х т. М., 1993. Т. 2. Ч. 1. Вера. Творчество. Образование. М., 1994. 415 с.
- Модернизация в России и конфликт ценностей / Отв. ред. **С. Я. Матвеева**. М.: РАН, 1994. 250 с.
- Мор Т.** Золотая книга столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии. М.–Л., 1953.
- Мифы народов мира (Энциклопедия в 2-х т. М., 1987.
- Михайловский Н. Г.** Герои и толпа. М., 1982.
- Михеев В. А.** Социально-политическая стратификация общества. М., 1996. 19 с.
- Молодежь в изменяющемся обществе: Состояние, проблемы. М., 1992. 192 с.
- Монтескье. III.** Избранные произведения. М., 1955. 800 с.
- Нажмудинов. Г. М.** Проблема человека в немарксистской философии США XX в. Свердловск, 1989. 163 с.
- Национальная политика в Российской Федерации. Материалы международной научно-практической конференции (Липки, сентябрь 1992 г.) М., 1993. 184 с.
- Национальная проблема: пути решения (Философско-психологические подходы). Ижевск, 1997. 165 с.
- Национально-культурные автономии и объединения. Антология. В 3-х т. М., 1995. Т. 1. 321 с.; Т. 2. 318 с.; Т. 3 303 с.
- Национальные отношения и этнические конфликты. Перевод. М., 1993.
- Национальные традиции народов Адыгеи: Генезис, сущность и проблемы воспитания. Материалы научно-практической конференции. Майкоп, 1994.
- Ногмов Ш. Б.** История адыгейского народа (Составленная по преданиям кабардинцев). Нальчик, 1994.
- Научно-практическое исследование «Администрация Владимирской области в новых политических и социально-экономических условиях / Рук. д-р филос. наук, проф. **В. С. Комаровский**. Владимир, 1993. 86 с.
- Никитюк Б. А.** Очерки теории интегративной антропологии. М.–Майкоп, 1995. 202 с.
- Новое в социальной практике. М.: РАН, 1996. 156 с.
- Обновление политической системы России / Под ред. **М. Г. Анохина, В. С. Комаровского, Матвеевко**. М., 1996. 233 с.
- Общественно-политическая жизнь российской провинции. XX век. Вып. 3. Материалы межвузовской научной конференции. Февраль 1997. Тамбов, 1997. 131 с.
- Общество. Культура. Человек (Основы философского анализа) / Общ. ред. **Л. Я. Курочкиной**. Воронеж, 131 с.
- Образ мыслей и образ жизни. М.: ИСПИ РАН, 1996. 165 с.
- Оддйник В.** Психология политики: Политические и социальные идеи К. Юнга. СПб., 1996. 383 с.

- Основные элементы демократии: Пер. с нем. / Сост. Геттинг Д., Михэли В. Д., СПб.: Европ. Дом, 1993. 135 с.
- Основы политической науки. Учебное пособие.: В 2 частях / Под ред. **В. П. Пугачева**. Ч. 1. 224 с.; Ч. 2. 224 с. М., 1994.
- Основы социально-психологической теории. М., 1995. 421 с.
- Остром В.** Смысл американского федерализма. Перевод М., 1993. 320 с.
- Парсонс Г.** Человек в современном мире: Пер. с англ. М., 1985. 429 с.
- Паркинсон, Нортмут К.** Эти невероятные японцы. М., 1992. 206 с.
- Партии и политические блоки в России. Вып. 1 / Авт. колл.: **Б. И. Коваль, В. Б. Павленко**. М., 1993. 221 с.
- Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России / Отв. ред. **Л. А. Беляева**. Аналитические обозрения центра комплексных социальных исследований и маркетинга. Вып. 3. 1996. 80 с.
- Пеньков В. Ф.** О политической культуре российского общества. Тамбов, 1996. 124 с.
- Пеньков Е. М.** Социальные нормы: управление, воспитание, поведение. М., 1990. 176 с.
- Перспективы социальной демократии в России: Материалы ситуационного анализа. Москва, 4 марта 1994 / Ред. **Б. С. Орлов**. М.: ИНИОН РАН. 1994. 160 с.
- Поршнев Б. Ф.** Социальная психология и история. М., 1979. 232 с.
- Поликарпов В., Волков Ю.** Человек как космопланетарный феномен. Ростов на Дону, 1993. 190 с.
- Понеделков А. В.** Политическая элита: Генезис и проблемы становления в России. Ростов на Дону, 1995. 208 с.
- Потебня А. А.** Слово и миф. М., 1989.
- Потемкина В. Н., Шинкарева К. С.** Философия внутреннего вандаля. Уфа, 1993. 48 с.
- Президент и парламент. Сотрудничество и конфликты. Сб. статей. Перевод. / Отв. ред. **Г. И. Иванов**. М., 1993. 96 с.
- Перспективы социальной демократии в России: Материалы ситуационного анализа, Москва, 4 марта 1994 г. / Ред. **Б. С. Орлов**. М.: ИНИОН РАН. 1994. 160 с.
- Печенев В.** Существует ли в Российской Федерации национальная и региональная политика? Какой ей быть? Майкоп, 1995. 59 с.
- Платон.** Соч. в 3-х т.: Пер. с греч. / Общ. ред. **А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса**. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. 687 с.
- Платон.** Диалоги / Перевод с древнегреч. Сост., ред. и авт. вступ. статьи **А. Ф. Лосев**. М., 1986. 607 с.
- Политическая наука в России (История, современность, модели будущего) / Ред. **Ю. С. Пивоваров**. М.: ИНИОН РАН, 1994. 123 с.
- Поликарпов В., Волков Ю.** Человек как космопланетарный феномен. Ростов-на-Дону, 1993. 190 с.
- Политическая наука в России (История, современность, модели будущего) / Ред. **Ю. С. Пивоваров**. М.: ИНИОН РАН, 1994. 123 с.

- Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в 2-х кн. М., 1984.
- Представительная демократия и электорально-правовая культура / Общ. ред. и введение **Ю. А. Веденеева, В. В. Смирнова**. М., 1997. 224 с.
- Преемственность поколений как социологическая проблема / Отв. ред. **Л. Москвичев**. М., 1973. 296 с.
- Проблемы. Поиски. Решения. Концепции докторских диссертаций. Ростов на Дону, 1995. 232 с.
- Проблемы информационной культуры. Сб. статей / Ред. **Ю. С. Зубова, И. М. Андреева**. М., 1994. 215 с.
- Развивающийся электорат России / Общ. ред. **М. Н. Губогло**. Т. 2. М., 1995. 319 с.
- Развитие науки в Сибири: Методология, историография, источниковедение. Новосибирск, 1986. 206 с.
- Развитие федеративных отношений в России: проблемы и перспективы / Авт. колл. **Е. С. Строев, С. Д. Валентей, В. А. Барсамов, Л. Ф. Болтенкова** и др. М., 1997. 85 с.
- Размышления о России и русских: Штрихи к истории русского национального характера (I–XVII вв.) / Ред. **Ю. П. Сенокосов**. Сост. **С. К. Иванов**. М., 1994. 463 с.
- Региональные выборы в России / Под общей редакцией проф. **З. М. Зотовой**, проф. **А. И. Ковлера**. М., 1996.
- Решетов П. Н.** Молодежь: Идеология, политика (социально-критический очерк). М., 1975. 192 с.
- Реформы в России / Отв. ред. **В. Т. Петров** М., 1993. 238 с.
- Розанов В. В.** Религия. Философия. Культура. М., 1992. 399 с.
- Российская история: проблемы менталитета: Тез. докл. науч. конф., Москва, 4–6 окт. 1994. М., 1994. 154 с.
- Российские регионы накануне выборов – 95. М., 1995. 186 с.
- Российский менталитет: история и современность. Сборник научных трудов. (История и политология). Вып. 2. СПб., 1993. 112 с.
- Россия в XX веке: Историки мира спорят / Ред. **И. Д. Ковальченко** и др. М.: Наука, 1994. 752 с.
- Россия и мир: политические реалии и перспективы. Информационно-аналитический сборник Федерального собрания Российской Федерации. № 7. М., 1996.
- Россия глазами русского. СПб., 1991. 363 с.
- Россия: опыт национально-государственной идеологии. М., 1994. 231 с.
- Россия после августа 1991: Цивилизационные, политические и культурные дилеммы. М., 1993. 103 с.
- Россия в XX веке: Историки мира спорят / Ред. **И. Д. Ковальченко** и др. М., 1994. 750 с.
- Россия и внешний мир: Диалог культур. М.: Ин-т Рос. истории РАН. 1997. 287 с.
- Россия и мир: политические реалии и перспективы. Информ.-аналит. сб. № 7. Тематический выпуск. Становление новых социальных структур России. М.: 1996. 58 с.

- Россия глазами русского: Чаадаев. Леонтьев. Соловьев. СПб., 1991.
- Россия после августа 1991: Цивилизационные, политические и культурные дилеммы / Отв. ред. **А. С. Панарин**. М.: РАН, 1993. 103 с.
- Российский менталитет: история и современность. Сб., науч. трудов (История и политология). Вып. 2. СПб., 1993. 112 с.
- Русская идея / Сост. и авт. вступ. статьи **М. А. Маслин**. М., 1992. 496 с.
- Руссо Ж.** Об общественном договоре или Принципы политического права. М., 1938. 123 с.
- Рябов В. В., Хаванов Е. И.** Общественный интерес, общественные движения и политические партии. М., 1993. 63 с.
- Самый короткий путь к власти: Технология выборов. М., 1995. 256 с.
- Санистебан Л. С.** Основы политической науки: Пер. с исп. М., 1992. 123 с.
- Сартр Ж.-П.** Проблемы метода. Перевод с фр. М., 1993. 240 с.
- Семигин Г. Ю.** Политическая стабильность российского общества в условиях реформ. М., 1996. 256 с.
- Сербиенко В. В.** Владимир Соловьев: Запад, Восток и Россия / Программа обновления гуманитарного образования в России. М.: Наука, 1994. 205 с.
- Сикевич З. В.** Этносоциология: национальные отношения и межнациональные конфликты. СПб., 1994. 176 с.
- Симонов П. В.** Междисциплинарная концепция человека. М., 1989. 63 с.
- Скрынников Р. Г.** Третий Рим. СПб, 1994. 192 с.
- Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. 139 с.
- Современные зарубежные теории социального изменения и развития. Вып. 2. М., 1993. 55 с.
- Соловьев Э. Ю.** Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры). М., 1990. 432 с.
- Соколов Я. В., Прутченков А. С.** Человек в обществе: Азбука социальной психологии. М., 1994. 95 с.
- Социальная политика: Зарубежный опыт / Отв. ред. **Г. И. Иванов**. М., 1990. 212 с.
- Социально-политическая ситуация в Тульской области: Характеристика, тенденции развития, перспективы / Авт. кол. **И. А. Батанина, В. С. Комаровский** (рук.) Тула, 1995. 50 с.
- Социально-психологические проблемы идеологии и политики: Сб. обзоров: Информационные материалы по общеакадемической программе «Человек, наука, общество: комплексные исследования» / Сост. **В. Шамурдин**. М.: ИНИОН РАН, 1991. 154 с.
- Социальное развитие молодежи: Методологические проблемы и региональные особенности / Отв. ред. **В. И. Чупров** и др. М., 1986. 196 с.
- Социальный идеал и массовое сознание. М.: ИНИОН РАН, 1996. 104 с.
- Совместная программа деятельности Совета Европы и Российской Федерации: Конференция по федерализму. Протоколы заседаний. (Москва, 15–18 февраля 1994 г.) М., 1995. 260 с.

- Советское право / Под ред. **О. Е. Кутафина**. М., 1988. 333 с.
- Соловьев В. С.** Чтения о Богочеловечестве. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1989.
- Соловьев А. И.** Культура власти современного российского общества. М., 1992. 39 с.
- Сорокин П. А.** Человек. Цивилизация. Общество. М., 1990.
- Социальные ориентиры обновления: общество и человек / Под общ. ред. **Т. И. Заславской**. М., 1990.
- Социальная политика: Зарубежный опыт / Отв. ред. **Г. И. Иванов**. М., 1990. 212 с.
- Социальные идеалы и политика в меняющемся мире / Под ред. **Т. Т. Тимофеева** и др. М.: Наука, 1992. 246 с.
- Старостин Е. История России в зарубежных архивах (Учебное пособие) М., 1994. 78 с.
- Ставропольские губернские ведомости. 1855. № 5.
- Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
- Стивенсон Д. К.** Америка: народ и страна. Перевод с англ. М., 1993. 192 с.
- Струве П. Б.** Марксова теория социального развития. Киев, 1905.
- Сухарев А. И.** Основы регионологии. Саранск, 1996. 120 с.
- Сюкияйнен Л. Р.** Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М., 1986. 256 с.
- Тарасов Б.** Чаадаев. Изд. 2е. доп. М., 1990. 575 с.
- Тартаковский М.** Историософия: Мировая история как эксперимент и загадка. М.: Прометей, 1993. 333с.
- Технология и организация выборных кампаний. Зарубежный и отечественный опыт. М., 1993.
- Технологии политической власти. Зарубежный опыт. Киев, 1994.
- Токвиль де А.** Демократия в Америке. Перевод. М., 1992. 560 с.
- Тощенко Ж. Т.** Социология. Общий курс. М., 1994. 384 с.
- Тимошенко В. И., Заславский С. Е.** Российские партии, движения и блоки на выборах в Государственную Думу 17 декабря 1995 г.: Опыт, проблемы, перспективы. Серия: Современный политический лексикон. Вып. 4. М., 1996. 80 с.
- Тощенко Ж., Харченко С.** Социальное настроение. М., 1996. 196с.
- Трухин А. Н., Алексеев А. С.** Проблема общечеловеческого в политике. Иркутск, 1990. 136 с.
- Тэйлор Э. Б.** Первобытная культура. М., 1989.
- Уледов А. К.** Общественная психология и идеология. М., 1985. 268 с.
- Урсул А. Д.** Путь в ноосферу: концепция выживания и устойчивого развития цивилизации. М., 1993. 274 с.
- Урсул А. Д.** Модель устойчивого развития для России. М., 1994. 87 с.
- Уэллс Г.** Крах психоанализа: От Фрейда к Фромму: Пер. с англ. М., 1968. 288 с.
- Федеративный договор и межнациональная интеграция России. М., 1993. 84 с.

- Философия истории: Антология: Пособие для гуманитарных вузов / Программа «Обновление гуманитарного образования в России» / Ред. **Ю. А. Кинелев**. М., 1994. 351 с.
- Фрейд З.** По ту сторону принципа удовольствия.: Пер. с нем. М., 1992. 569 с.
- Фрейд З.** Психоанализ. Религия. Культура / Сост. и вступ. ст. **А. М. Руткевича**. М., 1992. 296 с.
- Февр Л.** Бои за историю. Перевод. М.: Наука, 1993.
- Федерализм, регионализм и конституционная реформа в России. М., 1991. 83 с.
- Фромм Э.** Бегство от свободы: Пер. с англ. / Общ. ред. **П. С. Гуревича**. М., 1990. 269 с.
- Фромм Э.** Душа человека. Перевод. М., 1992. 430 с.
- Федерализм: Теория. Практика. История. / Ред. колл. **С. Д. Валентей, Е. С. Строев** и др. В 3-х т. М., 1997. Т. 1. 239 с.; Т. 2. 191 с.; Т. 3. 191 с.
- Федерализм власти и власть федерализма / Отв. ред. **М. Н. Губогло**, 1997. 875 с.
- Федеративное устройство: Реализация Конституции Российской Федерации. М., 1995. 295 с.
- Федеративное устройство Российской Федерации и реализация принципов плюралистической демократии, правового государства и прав человека. Конференция по федерализму. Москва, 15–18 февраля 1994 г. М., 1995.
- Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власть. М., 1993. 392 с.
- Федотов Г. П.** О святости, интеллигенции и большевизме. СПб., 1994. 152 с.
- Франкл В.** Человек в поисках смысла. Перевод. М., 1990. 368 с.
- Халипов В. Ф.** Власть (Основы кратологии). М., 1995. 304 с.
- Хохряков Г. Ф.** Русские. Кто мы ? М., 1993. 157 с.
- Хоперская Л. Л.** Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов на Дону, 1997. 144 с.
- Холл М. П.** Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии: Интерпретация секретных учений, скрытых за ритуалами, аллегориями и мистериями всех стран. Пер. с англ. СПб, 1994 . 792 с.
- Хунагов Р. Д.** Проблема рациональности в политике и управлении. М., 1995. 195 с.
- Хунагов Р. Д.** Социология власти. Учебное пособие. Майкоп, 1997. 24 с.
- Цвейг С.** Казанова, Фридрих Ницше, Зигмунд Фрейд. М., 1990. 254 с.
- Цивилизованное развитие наций и межнациональных отношений. Сборник статей. Саранск, 1992. 48 с.
- Циклические процессы в природе и обществе. Ставрополь, 1993. 272 с.
- Честертон Г. К.** Вечный человек: Перевод. М., 1991. 542 с.
- Чупров В. И.** Концепция молодежной политики: Поиск взаимодействия общества и молодежи // Социально-политические науки. 1991. № 3. С. 30 –41.

- Читашева Р.** Апсуара как основа нравственности и нравственного воспитания абхазов. Гагра, 1995. 56 с.
- Человек и реформы. Информ. бюллетень Центра социолог. исслед. РАГС при Президенте Российской Федерации. М., 1995. № 1.
- Человек в условиях кризиса. Материалы научной сессии НИИ комплексных исследований Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 1994. 120 с.
- Человек. Политика. Культура: Взгляд через призму политического участия Тамбов, 1994. 63 с.
- Черкесия: Историко-этнографические статьи. Киев, 1991.
- Чечня: трагедия России. В поисках путей мирного урегулирования конфликта в Чечне в условиях кризиса. Материалы научной сессии НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 1994.
- Человек. Политика. Культура. Тамбов, 1994.
- Чеченской Республике. М.: Славянский диалог, 1995. 192 с.
- Чуфаровский Ю. В.** Юридическая психология. М., 1995. 256 с.
- Шадриков В. Д.** Философия образования и образовательные политики. М., 1993. 181 с.
- Шахназаров Г. Х.** Куда идет человечество (Критические очерки немарксистских концепций будущего). М., 1985. 192 с.
- Шестопал Е.** Очерки политической психологии. М., 1990.
- Экспертиза и анализ подходов к социальной политике со стороны разных социальных слоев, групп и политических сил России / Авт. колл. **Г. Ракитская**, рук., **Б. Кравченко**, **В. Прибыльский**. М., 1995. 30 с.
- Энтин Л. М., Энтин М. Л.** Политология развития и освободившиеся страны. М: Наука, 1986. 280 с.
- Эриксон Э.** Идентичность: юность и кризис. Перевод с англ. М., 1996. 344 с.
- Этническая культура: проблема сомосохранения в современном контексте / Отв. ред. **М. В. Иордан**, **В. Х. Болотоков**. М.–Нальчик, 1997. 260 с.
- Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. 325 с.
- Юдин А. В.** Русская традиционная народная духовность: Пособие для учащихся 10–11 кл. М., 1994. 399 с.
- Юнг К.-Г.** О психологии восточных религий. М., 1994. 255 с.
- Явич Л. С.** Общая теория права. Л., 1976.
- Язык и национализм в постсоветских республиках. М., 1994. 216 с.
- Языковая реформа. М., 1989. Документы. материалы. М., 1994. 320 с.
- Якимова Е. В.** Западная социальная психология в поисках новой парадигмы: анализ методологических дискуссий 70–90-х годов. М., 1993. 76 с.
- Ясперс К.** Ницше и христианство. Перевод с нем. М., 1994. 116 с.
- Ясперс К.** Смысл и назначение истории. Перевод с нем. М., 1991. 527 с.

V. Статьи

- Абинов Р. Х.** Гуманистическая природа социально-профессиональной ориентации молодежи // Диалектика социального отражения и практика. Казань, 1988. С. 126–142.
- Аг А.** Системный анализ современного общества // Политология вчера и сегодня. М., 1991. Вып. 3. С. 36–48.
- Арутюнов Ю. В.** Симптомы исторической трансформации социально-политического сознания русских // Отечественная история. 1994. № 3.
- Алаев Э.** Региональные этнические конфликты: опыт социально-экономического и политико-географического анализа на территории бывшего СССР // Федерализма. 1996. № 1. С. 103–118.
- Алексахина Н. А.** Тенденции в изменении национальной идентичности народов России // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 49–54.
- Андреев А.** Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 105–114.
- Андрющенко Е. Г., Дмитриев А. В., Тощенко Ж. Т.** Опросы и выборы 1995 года // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 3–18.
- Ануфриев Е. А., Лесная Л. В.** Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. № 3. С. 16–27; № 4. С. 28–44.
- Арон Р.** Философия истории // Философия и общество. № 1. М., 1997. С. 254–272.
- Ахиезер А.** Ценности общества и возможности реформ в России // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 17–28.
- Афанасьев В. Г., Урсул А. Д.** Социальная информация (Некоторые методологические аспекты) // Вопросы философии. 1974. № 10. С. 61–74.
- Балошина Н. Ю.** Значение немецкой ментальности в становлении понятия «наука» в России // Россия и внешний мир: Диалог культур. М.: Ин-т Рос. истории РАН, 1997.
- Басина Е. З.** Отношение к власти (К проблеме различий в менталитете между Россией и Западом // Гражданское общество в России: западная парадигма и российская реальность. М.: РАН, 1996. С. 112–121.
- Белгородская Л. В.** Цикличность в истории и русский менталитет // Циклические процессы в природе и обществе. Ставрополь, 1993. С. 139–140.
- Берзин Б. Ю., Маклаков В. Т.** Выборы губернатора // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 56–64.
- Библер В. С.** Итоги и замыслы (конспект философской логики культуры) // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 75–93.

- Большакова А. Ю.** Игровая природа русского менталитета в англо-американском восприятии // Россия и внешний мир: Диалог культур. М.: Ин-т Рос. истории РАН, 1997. С. 162–176.
- Бородкин Ф. М.** Ценности населения и возможности местного самоуправления // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 98–110.
- Васильева Н.** Пути и формы достижения ноосферной цивилизованности // Общественные науки и современность. 1996. № 1. С. 123–130.
- Валентей С.** Российские реформы и российский федерализм // Федерализм. 1996. № 1. С. 23–36.
- Валлерстайн И.** Непреодолимые противоречия либерализма: права человека и права народов в геокультуре современной мир-системы // **А. И. Фурсов.** Формации, цивилизации, современная мир-система. РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 9. Востоковедение и африканистика. № 1. 1995. С. 3–6.
- Варыков В.** Гражданское общество // Социально-политический журнал. № 8. 1992. С. 22–31.
- Вебер М.** Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990. С. 644–706.
- Вишневский А.** Состояние общества. Социальные регуляторы. Человек // Коммунист. 1989. № 4. С. 23–34.
- Гайденко П. П.** Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 3–14.
- Герасимов И.** Российская ментальность и модернизация // ОНС: Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 63–73.
- Горохов В. М.** Политические полюса и политические процессы в России // Экономический и политический курс России. Вып. 2 / Под общей ред. **В. В. Рябова, Ю. И. Любимцева.** М.: РАУ, 1993. С. 136–140.
- Гудименко Д. В.** Политическая культура России: преемственность эпох // Политические исследования. 1994. № 2. С. 156–164.
- Гуревич Л. Я.** Особенности электорального поведения граждан Казахстана // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 64–71.
- Данилов М. И.** О критериях социальной эволюции // Циклические процессы в природе и обществе. Ставрополь, 1993. С. 133–134.
- Дегтярев А. А.** О логике исследования в политической науке // Политология и современный политический процесс. М., 1990. С. 35–40.
- Демографическое положение России // Свободная мысль. 1993. № 2. С. 64–76.
- Делокаров А. Х.** Рационализм и социосинергетика // ОНС: Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 117–124.
- Дискин И. С., Авраимова Е. М.** Адаптация населения и элит (Институциональные предпосылки) // ОНС: Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 24–33.
- Дмитриев А. В., Степанов Е. И., Чумикова А. Н.** Российский социум в 1995 году: конфликтологическая экспертиза // Социологические исследования. 1996. № 1. С. 6–21.

- Дмитриев А. В.** Конфликт интересов // Проблемы теории социологии. М., 1994. С. 184–196.
- Дюамель А.** Новый облик политики. Реферат № 2132. М.: РАН, 1990. С. 10–13.
- Дюверже М.** Ностальгия бессилия. Реферат № 2131. М.: РАН, 1990. С. 3–9.
- Евсевичев В. И., Налетов И. З.** Концепция «третьего мира» в гносеологии Карла Поппера // Вопросы философии. № 10. 1974. С. 130–136.
- Егоров В. В.** Проблема менталитета в условиях преодоления наследия тоталитаризма // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Пермь, 1992. С. 118–119.
- Елизаров А. Н.** Ценностные ориентации неблагополучных семей // Социологические исследования. 1995. № 7. С. 93–99.
- Ерасов Б.** Одномерная логика российских модернизаторов // Общественные науки и современность. № 2. 1995. С. 68–78.
- Здравомыслов А. Г.** Проблемы власти в современной социологии // Проблемы теории социологии. М., 1994. С. 197–218.
- Земцов Б. Н.** Идеология и ментальность дореволюционной российской интеллигенции // Общественные науки и современностью 1997. № 3. С. 75–84.
- Знаменский А. А.** Этнонационализм: основные концепции современной американской социологии (аналитический обзор) // Социологические исследования. 1992. С. 118–125.
- Каган М. С.** О духовном (Опыт категориального анализа) // Вопросы философии. № 9. 1985. С. 91–102.
- Капустин Н. С.** Проблема религиозного синкретизма // Инновационные подходы в науке. Ростов на Дону, 1995. С. 125–138.
- Каражаяев Ю. Д.** Этапы, уровни и типы мышления в менталитетах и языках // Историческое познание: традиции и новации. Ч. 2. Ижевск, 1993. С. 179–182.
- Кобищанов Ю. М.** Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии – России // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 91–99.
- Ковлер А. И.** Партии в политической системе общества // Концепция современной политологии (введение). М., 1992. С. 19–27. 43 с.
- Ковлер А. И., Смирнов В. В.** Демократия и политическое участие // Критические очерки теории и истории. М., 1986.
- Козлова О. Н.** О методах анализа социокультурных явлений // Социологические исследования. № 11. 1993. С. 138–146.
- Колесников А. Н.** О роли социальных технологий в предвыборной борьбе // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 3–11.
- Конаровский В. С.** Апрельский референдум 1993: пропаганда и результат // Технология и организация выборов кампаний: Зарубежный и отечественный опыт. М., 1993. С. 125–131.

- Комаровский В. С.** Демократия и выборы в России: теория и история вопроса // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 18–31
- Комаровский В.** Переходное сознание переходного периода // Общественные науки и современность. № 1. 1994. С. 39–46.
- Коробейникова Л. А.** Эволюция представлений о культуре в культурологии // Социологические исследования. 1995. № 7.
- Кромбет Г. Г.** Проблемы философии национального самосознания // Вопросы философии. 1982. № 6. С. 44–52.
- Кондаков И. В.** Национальный менталитет и прогнозы развития России // Россия после августа 1991: цивилизационные, политические и культурные дилеммы. М., 1993. С. 76–82.
- Костанов В. В.** Общественные движения и коллективные действия в условиях запаздываемой модернизации // Образ жизни и образ мыслей. М.: РАН, Санкт-Петербургский филиал Ин-та социологии, 1996. С. 7–15.
- Кравченко И.** Концепция гражданского общества в философском развитии // Полис. 1991. № 5. С. 128–138.
- Кулинченко В. А.** О соотношении насилия и согласия в теории и на практике // Политические конфликты: от насилия к согласию. М., 1996. С. 10–22.
- Кулинченко В. А.** Политический конфликт: сущность и современные проблемы // Политическая теория: тенденции и проблемы. Сб. ст. Вып. 2. М., 1994. С. 9–22.
- Лапенков В. К.** Проблемы менталитета русской нации в оценках российских мыслителей XIX–XX века // Миссия творчества в возрождении России. Тверь, 1994. С. 33–34.
- Левин Б. Д.** Осознавание – путь к переменам // Новое в социальной практике. М.: РАН, 1996. С. 105–116.
- Лапин Н. И.** Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования. № 3. 1997. С. 14–24.
- Лихачев Д. С.** Нельзя уйти от самих себя... (Историческое самосознание и культура России) // Новый мир. 1994. № 6. С. 113–120.
- Лобашев М. Е.** Сигнальная наследственность // Исследования по генетике / Ред. проф. М. Е. Лобашев. СПб., 1961. С. 3–11.
- Лурье С.** Российская империя как этнокультурный феномен // Общественные науки и современность. № 1. 1994. С. 56–63.
- Лыч Г.** Тактика неоправданного риска // Свободная мысль. 1993. № 2. С. 55–63.
- Лыч Г.** Тактика неоправданного риска // Свободная мысль. 1993. № 2. С. 55–63.
- Лэйн Д.** Перемены в России: роль политической элиты // Социологические исследования. 1996. № 4. С. 30–40.
- Маркс К.** Критика гегелевской диалектики и философии вообще // **Маркс К. и Энгельс Ф.** Соч. Т. 42. С. 152–174.
- Маркс К.** К критике политической экономии // **Маркс К. и Энгельс Ф.** Соч. Т. 13. С. 1–167.

- Маркс – Павлу Васильевичу Анненкову в Париж. Брюссель, 28 декабря (1846 г.) // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 27. С. 401–412.
- Манхейм К.* Идеология и утопия // Новое время. М., 1990. № 14.
- Мамбетов Г. Х.* 1557 год –присоединение или военно-политический союз? // Сборник статей молодых ученых и аспирантов. Майкоп, 1993. С. 5–25.
- Марков А. П.* Российская ментальность и ценности рыночной экономики // Человек и духовно-культурные основы возрождения России. СПб., 1996. С. 119–136.
- Матвеева С. Я.* Национальные проблемы России: современные дискуссии // ОНС: Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 52–62.
- Между народом и властью (Политические партии. Социальное управление. Кадры). М., 1993.
- Мехед Н. Г., Фомин А. Н.* Основные итоги президентских выборов в России // Аналитический вестник Аналитического управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. № 10 (34), июль 1996 года. М., 1996. С. 3–12.
- Милов Л.* Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. № 1. 1995. С. 76–86.
- Моска Г.* Элементы политической науки // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 130–139; № 5. С. 138–146; № 8. С. 130–139.
- Миронов В. Б.* Пути России // Социально-политический журнал. 1993. № 1–2. С. 128–136.
- Нравственный механизм традиционализирующей модернизации // Динамика культурных и социальных связей. М., 1992. С. 25–46.
- Осадчая Г. И.* Политическое поведение женщин // Социологические исследования. 1991. № 12. С. 12–16.
- Очирова Т.* Геополитическая концепция евразийства // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 47–55.
- Пашин В. П.* К вопросу взаимосвязи российского менталитета и современного законодательства // Актуальные проблемы современного права. М., 1995. С. 58–60.
- Пигалева А. И.* Ментальное и идеологическое в формировании индивидуального и коллективного сознания // Материалы XI научной конференции профессорско-преподавательского состава (18–22 апреля 1994 года). Волгоград, 1994. С. 393–397.
- Перегудов С. П.* Гражданское общество как политический феномен // Свободная мысль. № 9. 1992. С. 43–53.
- Перегудов С. П.* Институты гражданского общества и государства // Социологические исследования. 1995. № 3. С. 69–76.
- Платон.* Государство // Платон. Соч. в 3-х т. Т. 3. Ч. I. М., 1971. С. 10–82.
- Платон.* Политик // Платон. Соч. в 3-х т. Т. 3. Ч. II. М., 1971. С. 89–454.

- Политическая культура и политическая система России: от принятия христианства до петровских времен // Мир России. 1993. № 1. Т. 2. С. 184–210.
- Политические аспекты государственного управления: федеральный и региональный опыт: Сб. материалов научно-практической конференции / Под ред. **В. С. Комаровского**. М., 1997. 233 с.
- Пушкарев Л. Н.** «Свое» и «чужое» как одна из проблем европейского менталитета // Россия и внешний мир: Диалог культур. М.: Ин-т Рос. истории РАН. 1997. С. 273–283.
- Рогачев С. В.** Предмет политологии и ее место в системе социальных наук // Концепция современной политологии. Введение. М., 1992. С. 3–10.
- Рогачев С. В.** Социальная динамика политического конфликта // Политические конфликты: от насилия к согласию. М., 1996. С. 10–22.
- Рудницкий В. А.** Системный подход к концепции здорового общества // Общественные науки. 1990. № 2. С. 31–46.
- Рузавин Г. И.** Самоорганизация и развитие систем // Принцип системности в познании процессов развития. М., 1986. С. 25–39.
- Рукавишников В. О.** Социология переходного периода (закономерности и динамика изменений социальной структуры и массовой психологии в посткоммунистической России и Восточноевропейских странах) // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 25–32.
- Разин Р. А.** Иррациональная и рациональная ментальность // Менталитет: широкий и узкий план рассмотрения. Ижевск, 1994. С. 21–30.
- Ракитов А. И.** Диалектика процесса понимания (Проблемы и операциональная структура понимания) // Вопросы философии. 1985. № 12. С. 62–71.
- Ракитов А. И.** Системно-логический анализ понятия наследственности // Вопросы философии. 1974. № 10. С. 119–129.
- Растов Ю. Е.** Протестное поведение в регионе // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 40–49.
- Ребане Я. К.** Информация и социальная память // Вопросы философии. 1992. № 8.
- Ревель Ж.** История ментальностей: опыт обзора // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М., 1993. С. 51–58.
- Рузавин Г. И.** Самоорганизация и развитие систем // Принцип системности в познании процессов развития. М., 1986. С. 25–39.
- Соловьева Т. А.** Экзистенциальность как особенность российского менталитета // Мировоззрение современной России: Проблемы ценностей и тенденции развития. Йошкар-Ола, 1995. С. 14–18, 87.
- Смолков В.** Проблемы формирования гражданского общества // Социально-политические науки. 1991. № 4. С. 9–16.
- Тарановский Т.** Идеологические и структурные препятствия на пути к реформе у русской автократии конца XIX в. // Россия в XX веке. М., 1994. С. 35–40.

- Украинцев Б. С., Тюхтин В. С.** Кибернетика и проблемы активности // Философские проблемы кибернетики: Материалы к конференции. Вып. 3. М., 1966. С. 35–41.
- Харрис Ф.** Группы интересов // Политология вчера и сегодня. М., 1990. С. 134–145.
- Рогачев С. В.** Предмет политологии и ее место в системе социальных наук // Концепция современной политологии. Введение. М., 1992. С. 3–10.
- Российская ментальность (Материал круглого стола) // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 25–53.
- Рузавин Г. И.** Проблемы методологии научного поиска // Вопросы философии. 1985. № 10. С. 40–48.
- Силласте Г. Г.** Эволюция духовных ценностей россиян в новой социокультурной ситуации // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 88–95.
- Светлицкая Е. Б.** Новая российская идентичность // ОНС: Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 72–80.
- Социальная политика переходного периода. «Круглый стол» ученых // ОНС: Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 13–22.
- Социально-культурные ценности России укоренены в ее истории // Социологические исследования. 1993. № 2. С. 88–98.
- Спиридонова В. А.** Государство и национальная ментальность: Очерк русской мысли конца XIX – начала XX вв.) // Власть и культурология. СПб., 1992. С. 36–48.
- Тавокин Е. П.** Социологические прогнозы электорального поведения // Социологические исследования. 1996. № 7. С. 15–20.
- Титов С. А.** Герменевтические аспекты функционирования и развития биологических и социальных систем // ОНС: Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 112–123.
- Федотова В. Г.** Локальное воздействие на глобальные трансформации в свете изменения научных представлений о социальном развитии // Философские науки. № 1. 1997. С. 16–25.
- Форсова В. В.** Православные семейные ценности // Социологические исследования. 1996. № 1. С. 64–71.
- Харрис Ф.** Группы интересов // Политология вчера и сегодня. М., 1990. С. 134–145.
- Хлопьев А. Т.** Трансформация социальной структуры российского общества // Социально-политический журнал. 1995. № 3. С. 24–37.
- Чаадаев П. Я.** Апология сумасшедшего // Тарасов Б. Чаадаев. М., 1990. С. 558–573.
- Чичановский А. А.** Толерантность в условиях постсоветского информационного пространства // Материалы Международной конференции «Толерантность, взаимопонимание, согласие». Париж, 1995.
- Чупров В. И.** Социология молодежи на рубеже своего тридцатилетия // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 50–57.

- Чупров В. И.** Концепция молодежной политики: Поиск взаимодействия общества и молодежи // Социально-политические науки. 1991. № 3. С. 30–41.
- Чупров В. И.** Социология молодежи на рубеже своего тридцатилетия // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 50–57.
- Шестопал Е.** Восприятие образов власти: политико-психологический анализ // Полис. № 4. 1995.
- Шиян В. Н.** Ценности в современном российском политическом менталитете // Демократия и выборы: генезис, состояние и проблемы (Материалы краевой научно-практической конф. Хабаровск, 15 января 1995 г.) Хабаровск, 1995. С. 67–71.
- Эшби У. Р.** Принципы самоорганизации // Принципы самоорганизации: Пер. с англ. / Под ред. **А. Я. Лернера**. М., 1966. С. 327–328.
- Эшби У. Р.** Принципы самоорганизации // Принципы самоорганизации: Пер. с англ. / Под ред. **А. Я. Лернера**. М., 1966. С. 327–328.
- Энгельс Ф.** Развитие социализма от утопии к науке // **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. Т. 19. С. 185–230.
- Энгельс Ф.** Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. Т. 20. С. 486–499.
- Ядов В. Я.** Символические и примордиальные солидарности (социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен) // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 169–183.
- Ярошевский М. Г.** Социокультурные и когнитивные факторы развития науки о поведении // Вопросы философии. 1985. № 9. С. 74–84.

VI. Литература на иностранных языках

- Dallin A., Rice G.** The Gorbachev Era. Stanford, 1986.
- Erikson E. H.** Identity and life cycle. N. Y., 1969.
- Holst H.** Verfassungsgeschichte der Vereinigten Staaten von Amerikaseit der Administration Jackson's. Bd. 4. Berlin, Springer, 1988. S. 284.
- Meyer-Adich K. M.** Bedingungen des Frieden mit der Natur für die wirtschaftliche Entwicklung // Weltwirtschaftsprobleme Mitte der 80-er Jahre. Bonn, 1985.
- Rollo May.** The Art of counselling. **Đīvēī l̄yē.** Ēñéōññōāī mēdōīēiāē-āñēiāī ēīī-ñōēūōēdōīāīēy. Īāđāāīā ñ āiāē. Ī., 1994. 144 ñ.
- Soziale Bewegungen: Geschichte und Theorie Jahrbuch 2. uf dem Wege nach Utopia / Hrag. v. A. Iost, G. Lithauser u.a. Frankfurt a. M., 1985. ¹ 1.
- United States, Constitution. Text with analytical in desx. Unratified amendments Presented by Mr. Reed of Illinois. Washington, govm. print. off., 1953. 62 p.
- Breuer Georg.** Das Weltparlament der Jugend Bericht über die Weltjugendkonferenz. London–Wien, F.O.I., 1946.
- Dorre K., Schafer P.** In den Strassen steigt das Fieber: Jugend in der BRD. Koln. 1982. S. 224.

- Erikson E. H.** Identity and life cycle. N.Y., 1969.
- Holst H.** Verfassungsgeschichte der Vereinigten Staaten von Amerikaseit der Administration Jackson's. Bd. 4. Berlin, Springer, 1988. S. 284.
- Hyman H.** Political Socialization. A Study in the Psychology of Political Behavior. N. Y., 1969.
- Langton K. P.** Political Socialization. N. Y., 1969.
- Meyer-Adich K. M.** Bedingungen des Frieden mit der Natur für die wirtschaftliche Entwicklung // Weltwirtschaftsprobleme Mitte der 80-er Jahre. Bonn, 1985.
- Soziale Bewegungen: Geschichte und Theorie. Jahrbuch 2. Auf dem Wege nach Utopia / Hrag. v. **A. Iost, G. Lithauser** u. a. Frankfurt a. M. ¹ 1, 1985.
- United States, Constitution. Text with analytical in desx. Unratified amendments Presented by Mr. Reed of Illinois. Washington, govm. print. off., 1953. 62 p.
- Roland Sturm.** Nation. Nationalismus // Staat und Politik. Bonn, 1991. S. 403–405;
- Power Sharing and International Mediation in Ethnic Conflicts. Washington, 1996. 147 p.
- Billig M.** Nationalism and Richard Rorty: The text as a flag for Pax Americana // New left rev. L., 1993. ¹ 202. P. 69–83.
- Bloch M.** Apologie pour l'histoire ou métier d'historien. Paris, Colin, 1964. 111 p.
- Bloch M.** La société féodale. La formation des liens de dépendance. Par M. Bloch. Paris, Michel, 1939. 472 p.
- Bloch M.** Lavoro e tecnica nel Medioevo / Pref. di Luzzatto G. Trad. di Procacci G. et. al. 3-a ed. Bari: Laterza, 1971. 265 p.
- Bloch M.** Liberté et servitude personnelles au moyen âge, particulièrement en France // Bloch M. Melanges historiques. Pref. de Ch. E. Paris, 1963. T. 1. 559 p.; T. 2. 565 p.
- Brock D., Junge M.** Die Theorie gesellschaftlicher Modernisierung und das Problem gesellschaftlicher Integration // Ztschr. für Soziologie. Stuttgart, 1995. Jg. 24. H. 3. S. 168–182.
- Buchheim H.** Das Prinzip «Nation» und der enuzeitliche Verfassungsstaat // Zeitschrift für Politik. N. F. Köln; B., 1995. Jg. 42. H. 1. S. 60–67.
- Burke P.** The French revolution. The Annales school 1929–1989. Stanford: California. 1990. 152 p.
- Connor W.** Ethnonationalism: The quest for understanding. Princeton (N. J.): Princeton univ. press, 1994. XIII. 234 p.
- Conry Y.** Combats pour l'histoire de sciences: lettre ouverte aux historiens des mentalités // Revue de synthèse. 3e sér. T. 104. Nos. 111–112. 1983. P. 363–406.
- Chisholm R. M.** Brentano on «unconscious consciousness» // Consciousness knowledge, and truth. Dordrecht etc., 1993. P. 153–159.

- Chomsky N.** Language and nature // *Mind*. Oxford, 1995. Vol. 104. ¹ 413. P. 1–61.
- Die Modernisierung der Demokratie: Intern. Ansätze / Hrsg.: Zillesen h. et al. Opladen: Westdt. Verl., 1993. 328 S.
- Duby G.** L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval (France, Angleterre, Empire, IXe –XVe siècles). Tssai de synthèse et perspectives de recherches. I–P.: Aubier, 1962. 366 p.
- Duby G.** Terra e nobiltà nell medio evo. Torino: Soc. ed. intern, 1974. 232 p.
- Etzioni A.** The active society. A theory of societal and Politual Processes. Lenda. N.Y., 1968. 698 p.
- Etzioni A.** Political unification. A comparative study of leaders and forees. N. Y.: Rinehart und Winston, 1965. 346 p.
- Febvre L.** Combats pour l'histoire. P., 1953. 458 p.
- Febvre L.** Philippe II la Franche Comti: Etnde d'histoire polit., religiense et sociale. P., 1970. 538 p.
- Gordon L.** Russia at the crossroads // gov. a. opposition. L., 1995. Vol. 30. ¹ 1. P. 3–25.
- Goff J.** Le. – Histoire des sciences et histoire des mentalités // *Revue de synthèse*. 3 sér. T. 104. Nos. 111–112. 1983. P. 407–416.
- Grosow B.** Chinesische Modernisierung und kulturelle Eigensinn // *Ztschr. für Soziologie*. Stuttgart, 1995. Jg. 24. H. 3. S. 183–195.
- Graus F.** Die Nationenbildung der Westslawen ist im Mittelalter. Sigmaringen: Thorbecke, 1980. 260 S.
- Graus F.** Mentalität –Versuch einer Begriffsbestimmung und Methoden der Untersuchung // *Mentalität im Mittelalter: Methodische und inhaltliche Probleme* / Ed. F. Graus. Sigmaringen, 1987. S. 9–48.
- Groh D.** Russland und das Selbstverständnis Europas. Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwud, 1961. 366 S.
- Habermas J.** Communication and the evolution of Society. Boston: Beacon press., 1979. 239 S.
- Habermas J.** Das Absolute und die Geschichte. Von der Zwiespältigkeit in Schellings Denken. – I naug. Diss... Bonn, 1954. 424 S.
- Habermas J.** Politik, Kunst, Religion: Essays über zeitgenössische Philosophen. tuttgart: Reclam, 1989. 151 S.
- Harris R., Milkis S.** The Politics of Regulatory Change. A Tale of Two Agencies. N.Y., 1989.
- Hogan M.** What is wrong with an atomistic account of mental representation? // *Synthese*. Dordrecht. 1994. Vol. 100. ¹ 2. P. 307–327.
- Hradil S.** Die Modernisierung des Denkens Zukunftspotentiale und «Altlasten» in Ostdeutschland // *Aus Politik und Zeitgeschichte*. Bonn, 1995. ¹ 20. S. 3–15.
- Ihara C. K.** Some thouhts on Confutianism and modernization // *J.of Chin. philosophy*. Honolulu, 1992. Vol. 19. ¹ 2. P. 183–196.

- Kornai J.** Bürokratikus és piaci koordináció Akad. székfogl. 1983, apr. 16. ¹ 636.
 La transición del eschavismo al feudalismo / **Bloch M., Finley M. J., Gutnova E. V.** et al.; Prologo y bibliogr.: Estera C. Madrid: Akal, 1989. 225 p.
- Le Goff J.** Geschichte und Gedächtnis. Frankfurt a. M., 1992. 298 S.
- Le Goff J.** L'homme médiéval. P. Seul. 1989. 440 p.
- Levi-Strauss C.** Mythologiques. Paris, Plon, 1964. 402 p.
- Levi-Strauss C.** Race et histoire. Paris: UNESCO, 1952. 50 p.
- Levi-Strauss C.** Anthropology and myth: Lectures 1951–1982 / Transl. by Willis R. Oxford; N.Y.: Blackwell, 1987. 232 p.
- Mentalität und Alltag im Spätmittelalter / Hrsg. von **C. Meckseper, E. Schraut**
 Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1985. 131 S.
- Mentalités et représentations politiques: Aspects de la recherche / Abuod
M. Chedid Nasr, B. Aupetit, A. Bertho et al. Roubaix: Edires, 1989. 191 p.
- Mentalität im Mittelalter: Methodische und inhaltliche Probleme / Ed. **F. Graus**.
 Sigmaringen, Thorbecke, 1987. 334 S.
- Mentalitetshistorie. Kbenhavn: Akad. forl., 1983. 131 p.
- Nissen S.** Modernisierung und Sozialpolitik in Osteuropa // Gewerkschaftliche Monatshefte. Düsseldorf, 1992. Jg. 43. ¹ 4–5. S. 254–264.
- Petrenko V., Mitina O., Brown R.** The semantic space of Russian Political parties on a federal and regional level // Europe – Asia studies. Glasgow, 1995. Vol. 47. ¹ 5. P. 835–857.
- Politik, Gesellschaft, Geschichtsschreibung: Gissener Festgabe für F. Graus zum 60. Geburtstag. Wien, 1982. 444 S.
- Problemi di metodo storico / A cura di **F. Braudel**. Scritti di **M. Bloch, L. Febvre, P. Leuilliot** e. a. Trad. di **A. Salsano**. Roma–Bari: Laterza, 1973. 632 p.
- Saidel E.** Content and causal powers // Philosophy of science. East Lansing, 1994. Vol. 61. ¹ 4. P. 658–667.
- Schulin E.** Traditionskritik und Rekonstruktionsversuch: Studien zur Entwicklung von Geschichtswissenschaft und historische Denken. Göttingen, 1979. 299 S.
- Sellin G.** Der Streit um die Auferstehung der Toten: Eine religionsgeschichtliche und exegetische Unters. Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1986. 337 S.
- Sprandel R.** Kollektive Einstellungen und sozialer Wandel im Mittelalter / Hrsg. von R. Sprandel. Köln–Wien: Böhlau, 1973. 270 S.
- Sprandel R.** Verfassung und Gesellschaft im Mittelalter. Paderborn etc.: Schöningh, 1988. 341 S.
- Szabo M.** Nation-state, nationalism, and the prospects of democratization in East Central Europe // Commun. a. post-communist studies. Los Angeles, 1994. Vol. 27. ¹ 4. P. 377–399.
- Tradition and modernization in Japanese culture / Contributors: **C. Blacker, R. H. Brower, Haga Toru** et al.; Ed. by Shively D. H. Princeton (N. J.), 1976. XVII. 689 p.

Vovelle M. Idéologies et mentalités. P., 1982. 331 p.

Vovelle M. La mentalité révolutionnaire: Soc. et. mentalités sous la Révolution fr. P.: Messidor: SE. 1985. 290 p.

Wietholter R. Rechtswissenschaft unter Mitarbeit von R. Bernhard und E. Denninger. Frankfurt a. M., 1976. 400 S.

Westafrika zwischen autochthoner Kultur und Modernisierung: Ein Afrika-Reader / Hrsg. von **A. Diarra** Frankfurt a. M. ets.:Lang, 1991. 291 s.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

**I. СЕРИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СССР
И В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ»**

Ответственный редактор серии: **М. Н. ГУБОГЛО**

В серии опубликованы:

1. **Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР**, М., 1989, 295 с.
2. **Гражданские движения в Латвии**, М., 1990, 248 с.
3. **Гражданские движения в Таджикистане**, М., 1990, 212 с.
4. **Гражданские движения в Белоруссии**, М., 1991, 325 с.
5. **Гражданские движения в Кыргызстане**, М., 1991, 315 с.
6. **Русское дело сегодня.**
Том I. Память, М., 1992, 263 с.
7. Михаил Губогло. **Энергия памяти**, М., 1992, 128 с.
- 8-9. М. Н. Губогло, С. М. Червонная. **Крымскотатарское национальное движение.**
Том I. История. Проблемы. Перспективы., М., 1992, 330 с.
Том II. Документы. Материалы. Хроника., М., 1992, 340 с.
10. **Крымскотатарское национальное движение.**
Том III. 1991-1993 годы. М., 1996, 329 с.
11. **Крымскотатарское национальное движение.**
Том IV. С. М. Червонная. Возвращение крымскотатарского народа: проблема этнокультурного возрождения. М., 1997, 318 с.
- 12-14. **Этнополитическая мозаика Башкортостана.** Очерки. Документы. Хроника.
Том I. Контуры этнополитической ситуации в очерках и законодательных актах, М., 1992, 302 с.
Том II. Башкирское национальное движение, М., 1992, 342 с.
Том III. Векторы этнополитической ситуации в документах и материалах, М., 1993, 340 с.
15. **Гражданские движения в Литве.**
Том I. С. М. Червонная. Молодой «Саюдис». М., 1993, 286 с.
- 16-19. **Дагестан: этнополитический портрет.** Очерки. Документы. Хроника.
Том I. Этнополитическая ситуация в очерках и документах государственных органов. М., 1993, 361 с.
Том II. Этнополитическая ситуация в очерках и документах Съезда народов Дагестана, многонациональных партий, движений и религиозных организаций. М., 1994, 312 с.
Том III. Этнополитические организации и объединения. М., 1995, 299 с.
Том IV. Этнополитические организации и объединения. М., 1995, 263 с.
20. **Конфедерация репрессированных народов Российской Федерации. 1990 - 1992.** Документы. Материалы. М., 1993, 293с.

21. **Общественные движения в Мордовии.** Документы. Материалы. М., 1993, 281 с.
- 22-23. **Переломные годы.**
Том I. М. Н. Губогло. Мобилизованный лингвизм. М., 1993, 302 с.
Том II. Языковая реформа - 1989. Документы и материалы. М., 1994, 320 с.
24. **Язык и национализм в постсоветских республиках.** М., 1994, 216 с.
- 25-26. **Кабардино-Балкария.** Этнополитическая ситуация.
Том I. М., 1994, 243 с.
Том II. М., 1994, 311 с.
- 27-28. **Эстония. Контурь этнополитической эволюции. 1988-1993 г.** Очерки. Документы. Материалы.
Том I. М., 1994, 245 с.
Том II. М., 1994, 268 с.
- 29-30. **Узбекистан: этнополитическая панорама.** Очерки. Документы. Материалы.
Том I. М., 1994, 318 с.
Том II. М., 1995, 319 с.
31. Т. В. Таболина. **Возрождение казачества. 1989-1994.** Истоки. Хроника. Перспективы.
Том I. Центр. М., 1994, 720 с.
32. **Реабилитация народов и граждан. 1954-1994 годы.** Документы. М., 1994, 304 с.
- 33-34. **Штрихи этнополитического развития республики Коми.** Очерки. Документы. Материалы.
Том I. М., 1994, 313 с.
Том II. М., 1997, 316 с.
35. Автор-составитель Г. А. Комарова. **Хроника межнациональных конфликтов в России. 1991 год.** М., 1994, 196 с.
36. Автор-составитель Г. А. Комарова. **Хроника жизни национальностей в СССР. 1990 год.** М., 1996, 258 с.
37. Автор-составитель Г. А. Комарова. **Хроника жизни национальностей накануне распада СССР. 1989 год.** М., 1997, 322 с.
- 38-39. **Калмыкия: этнополитическая панорама.** Очерки. Документы. Материалы.
Том I. М., 1995, 276 с.
Том II. М., 1996, 364 с.
40. В. И. Бушков, Д. В. Микульский. **«Таджикская революция» и гражданская война (1989 -1994 гг.).** М., 1995, 310 с.
- 41-43. **Национально-культурные автономии и объединения.** Историография. Политика. Практика.
Антология. *Том I.* М., 1995, 316 с.
Антология. *Том II.* М., 1995, 317 с.
Антология. *Том III.* М., 1995, 300 с.
- 44-46. **Северная Осетия: этнополитические процессы 1990 - 1994 гг.** Очерки. Документы. Хроника.
Том I. М., 1995, 296 с.

- Том II. М., 1995, 272 с.
Том III. М., 1995, 261 с.
47. М. Н. Губогло. **Развивающийся электорат России.** Этнополитический ракурс.
Том I. Истоки. М., 1996, 376 с.
48. **Развивающийся электорат России.** Выборы - 93.
Том III. Выпуск 1. М., 1996, 300 с.
- 49-50. **Развивающийся электорат России.** Выборы - 95.
Том III. Выпуск 1. М., 1996, 300 с.
Том III. Выпуск 2. М., 1996, 314 с.
- 51-52. **Пробуждение финно-угорского Севера.** Национальные движения Марий Эл.
Том I. М., 1995, 326 с.
Том II. М., 1996, 324 с.
53. **Абхазский узел.** Документы и материалы по этническому конфликту в Абхазии. Вып. II. М., 1995, 371 с.
54. Афранд Дашдамиров. **Национальная идея и этничность.** 1996, 55 с.
- 55-56. В. В. Амелин, В. П. Торукало. **Оренбуржье в этнополитическом измерении.**
Том I. М., 1996, 247 с.
Том II. М., 1996, 265 с.
57. Валентина Торукало. **Нация: история и современность.** М., 1996, 320 с.
- 58-59. **Межэтнический мир Прикамья.**
Том I. М., 1996, 215 с.
Том II. М., 1996, 229 с.
- 60-62. **Многонациональный Одесский край: образ и реальность.** Документы. Очерки. Материалы.
Том I. Этнополитическая модернизация. М., 1997, 313 с.
Том II. Этнополитическая стратификация. М., 1997, 280 с.
Том III. Этнополитическая мобилизация. М., 1997, 272 с.
63. **Ресурсы мобилизованной этничности.** Москва-Уфа, 1997, 380 с.
64. Веналий Амелин. **Вызовы мобилизованной этничности.** Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М., 1997, 320 с.
- 65-66. **Непризнанная республика.** Очерки. Документы. Хроника. Документы государственных органов Приднестровья.
Том I. М., 1997, 292 с.
Том II. М., 1997, 228 с.
67. **Становление государственности Адыгеи.** Очерки и документы этнополитической истории (1990-1995 гг.)
Том I. М., 1997, 412 с.
68. **Федерализм власти и власть федерализма** / Отв. ред. М. Н. Губогло. М., 1997, 878 с.
69. Фаиль Сафин. **Принципы этнополитической истории Башкортостана.** М., 1997, 321 с.

70. Г. П. Лежава. **Между Грузией и Россией.** Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX - XX вв.). М., 1997, 380 с.
- 71-73. **Суверенный Татарстан.** Автор-составитель Д. М. Исхаков. Документы. Материалы. Хроника.
Том I. Суверенизация и движения к национально-культурной автономии. М., 1998, 280 с.
Том II. Современный национализм татар. М., 1998, 292 с.
Том III. Модель Татарстана. М., 1998, 304 с.
74. **Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире..** Составитель С. М. Червонная. Под редакцией М. Н. Губогло. М., 1998, 456 с.

II. СЕРИЯ «ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО И НАРОДЫ В ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ»

Ответственный редактор серии **Ю. И. СЕМЕНОВ**

В серии опубликованы:

1. **Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы).** Составитель и автор комментариев В. В. Карлов. Под ред. Ю. И. Семенова. М., 1997, 392 с.
2. **Национальная политика в императорской России.** Цивилизованные окраины (Финляндия, Польша, Бессарабия, Украина, Закавказье, Средняя Азия). Составитель и редактор Ю. И. Семенов. М., 1997, 414 с.

III. Серия «РУССКИЕ В НОВОМ ЗАРУБЕЖЬЕ»

Ответственный редактор **С. С. САВОСКУЛ**

В серии опубликованы:

1. **Русские нового зарубежья: Средняя Азия.** Этнополитические очерки. М., 1993.
2. **Русские нового зарубежья.** Программа этносоциологических исследований. М. 1994.
3. **Русские нового зарубежья: Киргизия.** Этносоциологические очерки. М., 1995.
4. **Русские нового зарубежья.** Итоги этносоциологического исследования в цифрах. М., 1996.
5. **Русские нового зарубежья: Миграционная ситуация, переселение и адаптация в России.** М., 1997.

Татьяна Михайловна Полякова

МЕНТАЛИТЕТ
ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА
(Опыт России)

Книга подготовлена к изданию
при поддержке РГНФ
(Проект: «Принципы, идеология, логика
и психология мобилизованной этничности».
Руководитель – М. Н. Губогло)

Компьютерная верстка: **М. А. Зубарева**

ISBN 5-201-13723-7

Подписано в печать 12.01.98. Формат 60х84 ¹/₁₆ Объем 26,5 п.л. Тираж 600 экз. Заказ

УОП Института этнологии и антропологии РАН
117334, Москва, Ленинский пр-т. 32-А